

1917

М. М. Кульшарипов

**БАШКИРСКОЕ
НАЦИОНАЛЬНОЕ
ДВИЖЕНИЕ**

1921

СУВЕРЕНИТЕТУ РЕСПУБЛИКИ
БАШКОРТОСТАН

М. М. Кульшарипов

БАШКИРСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

(1917-1921 гг.)

Уфа «КИТАП» 2000

Утверждена к печати
Ученым советом исторического факультета
Башкирского государственного университета

Рецензент
С. Ф. КАСИМОВ,
доктор ист. наук, профессор

Кульшарипов М. М. Башкирское национальное движение (1917–1921 гг.).
Уфа: Китап, 2000. – 368 с.

В исследовании представлена широкая панорама башкирского национального движения 1917–1921 гг. Оно написано на основе использования архивных материалов, опубликованных источников и литературы. В нем с новых позиций освещаются истоки и процесс становления и развития башкирского национального движения в переломные для страны годы, показаны сложнейшие, подчас трагические страницы борьбы народа за самоопределение, за решение национального вопроса в условиях революции и гражданской войны. В книге всесторонне раскрыта выдающаяся роль в этой борьбе З. Валиди и его единомышленников, возглавивших национальное движение. Исследование представляет интерес для обоснования закономерности возникновения движения за суверенные права Республики Башкортостан в современной ситуации смены модели общественного развития в масштабах Российской Федерации.

Книга рассчитана на массового читателя, а также на специалистов, занимающихся проблемами наций и национальных отношений.

ВВЕДЕНИЕ

В Российской империи, где нерусские национальности составляли большинство населения (57%), национальный вопрос стоял всегда остро и злободневно. В самодержавном государстве нерусские народы подвергались жесточайшему национальному гнету, который выражался в их политическом бесправии, преследовании национальной культуры, обычаев и религии, в ущемлении экономических интересов «инородцев» и в подавлении всякой попытки добиться ими облегчения своей участи. Царизм не признавал права народов на самоопределение, придерживаясь принципа «единая и неделимая, унитарная Россия». Все это обусловило усиление национально-освободительной борьбы народов России, особенно в начале XX в., когда ее охватили бурные политические и социальные конфликты, вылившиеся в революции.

Победа Февральской революции, в результате которой было свергнуто царское самодержавие, осуществила решающий поворот к демократизации общественно-политической жизни страны и дала ощутимый толчок к оживлению в России национально-освободительных движений нерусских народов.

Башкирское национальное движение, протекавшее первоначально в рамках общемусульманского, организационно оформилось именно после Февральской революции. Оно, как представляют некоторые историки, не просто отпочковалось от общемусульманского движения, а опиралось при своем становлении и развитии на богатые исторические традиции народа, связанные с его антиколониальной борьбой в предыдущие эпохи, т. е. важную роль сыграл в этом процессе принцип исторической преемственности. Об этом свидетельствуют программные документы башкирского национального движения, в которых поднимались вопросы возвращения расхищенных земель (как это было, например, в ходе башкирских восстаний XVII–XVIII вв.), формирования национальных воинских частей со ссылкой на существование в период кантонного управления башкирского войска и образования национальной государственности, что перекликается с попыткой башкир еще в XVIII в. выдвинуть своих собственных ханов в ходе народных движений.

Известно, что национально-освободительное движение может достичь своей конечной цели в двух основных формах: избавление от национального гнета в результате вооруженной борьбы против колонизаторов или мирное эволюционное движение в направлении к независимости (в Башкортостане – к автономии. – М. К.), когда, в конечном счете, власть передается национальному правительству без кровопролития. Могут быть и про-

межучочные варианты: акт провозглашения независимости осуществляется в относительно мирных условиях, но затем следует вооруженная борьба с целью отстоять национальную свободу от посягательств колонизаторов. Похожая ситуация возникла в Башкортостане после провозглашения в ноябре 1917 г. территориальной автономии.

Однако следует учитывать, что башкирское национальное движение протекало в сложнейшей обстановке: в условиях так называемой пролетарской революции и установления советской власти, гражданской войны. В итоге башкирскому национальному движению пришлось вести вооруженную борьбу, защищая не только свою автономию, но и глобальные интересы двух противоборствующих сил – красных и белых. К тому же чрезвычайным своеобразием отличались в Башкортостане межэтнические отношения. Отсюда башкирское национальное движение встретило сопротивление со стороны не только определенных сил господствующей ранее нации, но и некоторых кругов татарского народа, не желавших считать башкир самостоятельным этносом и выступавших за единую «тюрко-татарскую» культурно-национальную автономию. Весьма сложные и неоднозначные татаро-башкирские взаимоотношения накладывали свой отпечаток на весь ход башкирского национального движения. Все это определило специфическую природу и характер башкирского движения, которые невозможно рассматривать через установившиеся понятия и мерки, применяемые при исследовании истории национально-освободительных движений в целом.

Казалось бы, с распадом колониальных империй в XX в. проблемы, связанные с национально-освободительными движениями, утратили свою прежнюю остроту и значимость. Однако последние события в странах Восточной Европы (Югославия, Чехословакия) и бывшем Советском Союзе показали, что по мере углубления развернувшихся процессов демократизации в многонациональных государствах, в которых нарушаются принципы федерализма, национальный вопрос вновь приобретает актуальность, стимулируя тем самым новый этап национальных движений. В Российской Федерации все это вылилось в борьбу бывших автономий за государственный суверенитет, за повышение своего статуса как субъекта федерации. На новом этапе национальные движения бывших автономных республик, в том числе Башкирской, были направлены против унитаристских порядков. В их программных документах имело место требование предоставления им прав союзных республик, при отказе от ранжирования народов. Советский Союз по существу с самого начала являлся не федеративным, а унитарным, жестко централизованным государством. Национально-территориальные формирования (союзные и автономные республики, автономные области и национальные округа) располагали лишь усеченными правами культурно-национальной автономии, не имея ни экономической, ни политической самостоятельности. В этой связи в общественно-политической жизни страны особую актуальность и новое звучание приобрели понятия «самоопределение», «федерализм», «унитаризм», «суверенитет» и другие, что нашло свое отражение в новейшей историко-публицистической литературе.

Противники федеративного устройства России, суверенизации бывших автономий, воспользовавшись негативным отношением общественности к марксистско-ленинскому наследию, выдвинули тезис о том, что якобы принцип «права наций на самоопределение» – изобретение большевиков, от которого следует отказаться¹.

Общеизвестно, что принцип самоопределения наций и народов возник еще в XVII–XIX вв. как естественный результат растущих этнических и политических требований угнетенных народов и ускорил распад Австро-Венгерской, Османской империй до и во время Первой мировой войны. В то же время следует отметить, что вначале принцип самоопределения не был признан как фундаментальное право в рамках созданной в 1945 г. Организации Объединенных Наций из-за непоследовательной позиции стран-победительниц по этому вопросу после Второй мировой войны, хотя еще Лига Наций косвенно признала, что колониальные народы, ранее находившиеся под суверенитетом побежденных стран (после Первой мировой войны. – М. К.), могут быть приняты под опеку Лиги Наций, т. е. признаны мировым сообществом². Лишь к 60-м гг. расплывчатый принцип самоопределения эволюционировал в документах ООН в «право» на самоопределение. В «Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам», принятой Генеральной Ассамблеей ООН 14 декабря 1960 г., было заявлено, что она «торжественно провозглашает необходимость быстрой и безоговорочной ликвидации колониализма во всех его формах и проявлениях» и что «все народы имеют право на самоопределение; в силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие». Она также утверждала, что «недостаточная политическая, экономическая и социальная подготовленность или недостаточная подготовленность в области образования никогда не должны использоваться как предлог задержки достижения независимости»³.

Интересно отметить, что лидеры башкирского национального движения воспринимали самоопределение как естественное право, или, как они говорили, «действительную потребность» каждого народа и поэтому скептически отнеслись к лозунгу большевиков о праве наций на самоопределение, нашедшему свое отражение в известной «Декларации прав народов России»⁴.

¹ См.: Вечерняя Уфа. 1991. 26 авг. Группа депутатов Уфимского горсовета в своем открытом письме к Б. Н. Ельцину от 14.08.90 г. заявила, что «автономизация – величайшая ошибка нашей революции, за которую уже заплачено кровью, и, если не исправить ее, то плата будет продолжаться».

² Ханнум Хёрст. Переосмысление самоопределения // Панорама-форум. 1995. № 3. С. 51.

³ Международная защита прав и свобод человека. Сб. документов. М., 1990. С. 32; См. также Ханнум Х. Переосмысление самоопределения // Панорама-форум. 1995. № 3. С. 56–57.

⁴ Кульшарипов М. М. З. Валидов и образование Башкирской Автономной Советской Республики (1917–1920 гг.). Уфа, 1992. С. 123.

В настоящее время столь же значимым стал вопрос о том, как перейти от унитарного государства к подлинному федерализму. Он еще в 1917 году занимал важнейшее место в программных документах башкирского движения. Известно, что проблема федеративного устройства советской России активно обсуждалась общественностью после Октябрьской революции. В. И. Ленин и его единомышленники, признав целесообразность советской федерации, на деле создали унитарное государство. Вопрос о федеративном устройстве России рассматривался на III Всебашкирском учредительном съезде (1917 г.), который принял специальную резолюцию «Об общероссийской федерации и отношении Башкурдистана к этой федерации»¹. Руководители башкирского национального движения разработали Конституцию Башкирской автономии, где были заложены основы будущих федеративных связей с Центром. Следовательно, изучение истории башкирского национального движения имеет не только научно-познавательное, но и практическое значение. Весьма интересной представляется особенность национальной политики большевистского правительства в отношении национального движения башкир. Она, сохраняя свою основную суть (насаждение социализма среди башкир через разжигание классовой борьбы. – *М. К.*), постоянно меняла свою форму и методы. В. И. Ленин и его окружение были убеждены в том, что башкирское движение – буржуазно-националистическое и с ним можно пойти на сотрудничество лишь из тактических соображений, исходя из конкретной исторической ситуации. Так, пока шла гражданская война и ее исход еще не был известен, большевики признали белое Башкирское правительство и пошли на подписание «Соглашения» с ним о советской автономии Башкортостана. При этом, конечно, вожди «пролетарской революции» имели в виду то, что «принцип самоопределения должен быть средством для борьбы за социализм и должен быть подчинен принципам социализма»². Но, как только в 1920 году стало ясно, что гражданская война проиграна белыми, В. И. Ленин не замедлил объявить «Соглашение» клочком бумаги и пойти на ограничение политических и экономических прав Башкирской автономии известным майским декретом 1920 г., выгеснив из общественно-политической жизни республики валидовский Башревком. Затем с образованием СССР было восстановлено единое государство, которое де-юре считалось федеративным, а де-факто являлось унитарным. История национально-государственного строительства в Башкортостане показывает, что тоталитарно-бюрократическому режиму, опираясь не только на насилие, но и на политико-пропагандистское воспитание населения в духе преданности «идеям интернационализма и дружбы народов», удалось снять остроту национального вопроса в стране³. Было официально объявлено, что «в ходе

¹ Этнополитическая мозаика Башкортостана. Очерки, документы, хроника. Т. 2. М., 1992. Башкирское национальное движение. С. 75.

² *Сталин И. В.* Соч. Т. 4. С. 31–32.

³ В то же время не следует упрощенно подходить к данной проблеме. Были, несомненно, и положительные моменты в национальной политике ЦК партии в смысле подъема образования, культуры, науки среди нерусских народов, в их приобщении к

строительства социализма национальный вопрос в том историческом содержании, в каком он достался от капитализма, был полностью и окончательно решен в Советской стране»¹. На деле в Советском Союзе национальный вопрос не был решен и принцип самоопределения наций и народов не был претворен в жизнь в полном объеме, о чем свидетельствуют события, развернувшиеся в стране после отказа в 1985 г. от крайностей тоталитарного режима. Национальный вопрос в связи с оживлением национальных движений в стране на новом историческом витке вновь стал для российских властей серьезнейшей проблемой, к решению которой они фактически не были готовы. В итоге отсутствие четких политических ориентиров, последовательной и прогнозируемой национальной политики на практике обернулось полным равнодушием к судьбам национальностей, даже грубыми акциями по отношению к ним, что нашло свое отражение в кровавых событиях, происшедших в Чечне. Чеченская трагедия еще раз доказала, что на пороге XXI в. невозможно подавление воли народа, его стремления к самостоятельности силовыми методами. А для цивилизованного подхода к решению национального вопроса необходимо глубокое и всестороннее изучение истоков и корней национально-освободительных движений, имевших место в истории России. История башкирского национального движения в этом смысле дает богатейший и поучительный фактический материал.

Все это обусловило актуальность и значимость исследования по данной теме, в котором нашли свое отражение история становления и развития башкирского национального движения, его взаимоотношения с местными и центральными властями, последовательная борьба за автономию Башкортостана в сложнейших условиях революции и гражданской войны, разрухи и голода, охвативших страну в начале 20-х гг.

Хронологические рамки исследования охватывают период с февраля 1917 г. по 1921 г. Выбор данного отрезка времени обусловлен тем, что Февральская революция 1917 г. создала благоприятные условия для широкого развертывания самостоятельного башкирского национального движения. В 1921 г. окончательно было подавлено последнее башкирское повстанческое движение, возникшее еще летом 1920 г. после ликвидации валидовского Башревкома.

Территориальные рамки исследования охватывают пределы бывших Оренбургской и Уфимской губерний, которые в дальнейшем вошли в состав так называемой «Большой Башкирии». При этом учитывалось, что основные события башкирского национального движения развертывались, особенно в 1919–1921 гг., на территории «Малой Башкирии», в рамках которой в марте 1919 г. была объявлена советская автономия. Поскольку башкирское белое движение охватило некоторые районы Сибири и Забайкалья (1920 г.), они тоже стали объектом исследования.

достижениям мировой цивилизации, а также в сотрудничестве народов. Положительные последствия имела и политика «коренизации», проводимая в 20-х – начале 30-х гг.

¹ Критика фальсификации национальных отношений в СССР. М., 1984. С. 458.

Основная цель данной книги заключается в обобщении и воссоздании наиболее полной картины становления и развития башкирского национального движения и его борьбы в меняющихся исторических условиях за создание автономной республики и дальнейшее ее укрепление.

Книга в определенной мере носит полемический характер, что обусловлено наличием массы дискуссионных аспектов темы. В этой связи автор стремился, используя архивные материалы и другие источники, обосновать новый подход к тем или иным спорным проблемам.

Известно, что в недалеком прошлом историки должны были подгонять свои позиции, оценки и выводы под мнения и требования политиков. Подчиненность партийному руководству после 1917 г. стала важнейшей чертой советской исторической науки. Поэтому методологической основой научных исследований должен был служить классово-формационный подход с обязательной ссылкой на труды «классиков марксизма-ленинизма»¹.

В условиях глобальных перемен в обществе, отказа от прежних партийных установок и стереотипов историческая наука оказалась в состоянии теоретической растерянности. Более того, потребность в обновлении исторической науки привела к упрощенной переоценке исторического процесса, сводящейся к замене прежних положительных выводов на отрицательные и наоборот. В настоящее время наблюдается поляризация теоретико-методологических взглядов и подходов, конкретных исторических концепций, что вполне допустимо в обществе, отказавшемся от прежних идеологических шор и догматических установок. Думается, что каждый исследователь при изучении той или иной проблемы должен руководствоваться прежде всего принципом исторической объективности, излагать свои мысли и делать выводы в соответствии с конкретным фактическим материалом, правдиво отображать историческую действительность. Притом не следует навязывать исследователю тот или иной методологический подход, ибо любая теория ограничена во времени. Лучшая методология, на наш взгляд, это – научный плюрализм, не сковывающий исследователя, а, наоборот, помогающий лучше раскрывать его потенциальные возможности. В этой связи представляется, что, применяя тот или иной подход (например, цивилизационный), нельзя полностью игнорировать значение и роль классовой борьбы в истории человечества. Задача историка, надо полагать, заключается в преодолении односторонних подходов с использова-

¹ Говоря о марксистско-ленинской методологии изучения исторического процесса, автор не считает, что в рамках советского режима процесс развития науки не давал никаких результатов или только отрицательные. В изучении истории Республики Башкортостан за годы советской власти было сделано значительное движение вперед, особенно дореволюционного ее периода. В то же время идеологизация науки ломала судьбы историков, сталкивала их порой в непримиримых и далеких от науки схватках, приводила к шельмованию отдельных ученых и даже целых научных коллективов. В Башкортостане объектами бескомпромиссной критики стали М. Муртазин, К. Идельгужин, Х. Юмагулов, написавшие работы о башкирском движении, хотя они не были профессиональными историками, а лишь очевидцами бурных событий тех лет. В начале 60-х гг. гонениям за свои взгляды на историю образования БАССР подвергся историк Б. Х. Юлдашбаев.

нием «единственно верной методологии» при изучении истории. Например, если раньше человек как объект познания игнорировался, терялся среди «массы», то сейчас отдельная личность признается центром исторического процесса, его субъектом. Это находит свое отражение в чрезмерном акцентировании внимания на правах личности, в ущерб правам народов и наций. Между тем права отдельного человека тесно взаимосвязаны с правами народа, составной частью которого он является. Итак, при определении методологической основы данного исследования, автор исходил из вышеизложенных соображений.

По истории башкирского национального движения, в особенности образования Башкирской АССР, имеется довольно обширная историческая литература: монографические исследования, книги, брошюры, статьи и сообщения и т. д. Во вводных частях некоторых книг, в отдельных статьях и монографиях (например, в книге М. И. Абдуллина «Борьба без компромиссов», Казань, 1982), был дан, хотя и не всегда углубленный, анализ исторических исследований по данной проблеме¹. Не отрицая их положительной роли, следует подчеркнуть, что работы историографического характера, за исключением отдельных статей, вышедших в 90-х годах, дают резко отрицательную характеристику башкирскому национальному движению как контрреволюционному, националистическому, выделяются своей обличительной направленностью. Эта тенденция особенно ярко проявилась при оценке работ М. Муртазина, К. Идельгужина, Х. Юмагулова, а также зарубежных авторов. В основе односторонних выводов и суждений об исторической литературе по башкирскому национальному движению лежат партийные директивы и установки, труды Ленина. Они явились методологической основой большинства работ о башкирском национальном движении, об образовании Башкирской АССР. В этой связи необходимо рассмотреть некоторые аспекты марксистско-ленинского подхода к национальному вопросу.

¹ *Аминев З. А.* Историография Октябрьской революции и гражданской войны в Башкирии // Из истории Советской Башкирии. Уфа, 1967. С. 9–11; *Любимов В., Юлдашбаев Б.* Ленин и самоопределение наций (на примере народов Среднего Поволжья и Приуралья). Чебоксары, 1967. С. 4–10; *Сираев З. И.* Изучение военной интервенции и гражданской войны в Башкирии // Очерки советской историографии БАССР. Уфа, 1975. С. 130–147; *Касимов С. Ф.* К историографии национально-государственного строительства в Башкирии // Социально-экономические проблемы развития социалистического общества (На материалах Башкирии). Пермь, 1976; *Он же.* Историография национально-государственного строительства в Башкирской АССР // Историография социалистического строительства на Урале и в Поволжье. Уфа, 1990. С. 17–24; *Кульшарипов М. М.* Историография истории образования Башкирской АССР (1945–1989) // Историография социалистического строительства на Урале и в Поволжье. Уфа, 1990. С. 25–39; *Калмантаев Н. М.* Некоторые проблемы советской историографии образования БАССР // Актуальные проблемы социально-политической истории советского общества: вопросы источниковедения и историографии. Уфа, 1991. С. 39–43; *Абдуллин М. И.* Борьба без компромиссов. (Критика буржуазных концепций разрешения национального вопроса в республиках Поволжья и Урала). Казань, 1982; *Иванков В. П.* Историческая наука в Советской Башкирии // Наука в Советской Башкирии за 50 лет. Уфа, 1969.

К. Маркс и Ф. Энгельс, рассматривая национальный вопрос как составную часть общей проблемы пролетарской революции, ставили национальное освобождение угнетенных народов в полную зависимость от социального освобождения рабочего класса и даже в конкретные исторические ситуации считали реакционными освободительные движения некоторых, в частности славянских, народов. Ф. Энгельс, например, писал, что «только при помощи самого решительного террора против славянских народов можем мы совместно с поляками и мадьярами оградить революцию от опасности»¹. В дальнейшем Ф. Энгельс изменил свою точку зрения по национальному вопросу и подчеркивал, что «устранение национального гнета является основным условием всякого здорового и свободного развития», и «для того, чтобы иметь возможность бороться, нужна сперва почва под ногами; воздух, свет и протор. Иначе все – болтовня»². Недаром в 60-х гг. XIX в. в программных документах коммунистического движения был поставлен вопрос о праве наций на самоопределение³.

В. И. Ленин в своих работах по национальному вопросу, написанных до Октябрьской революции, упорно защищал идею о праве наций на самоопределение в смысле образования самостоятельного государства⁴. Но при этом В. И. Ленин считал, что «самоопределение нации есть лишь одно из демократических требований, ничем принципиально не отличающееся от других», и оно, как всякое демократическое требование, «подчинено общим интересам классовой борьбы пролетариата, отнюдь не являясь абсолютным»⁵.

На наш взгляд, подобный подход к национальному вопросу не раскрывает всей его глубины и остроты. Важность политического вопроса определяется конкретной и самой злободневной задачей, стоящей перед тем или иным народом. Для нации, имеющей свою государственность и не подвергающейся национальному гнету, классовый вопрос при определенных условиях может приобрести большое политическое значение. Но если нация находится под господством другой и не имеет своего государства, то для нее первейшее значение приобретает борьба за освобождение от инонационального гнета, достижение этой цели превращается для нее в главный политический вопрос. Притом этот вопрос важен и для капиталиста, и для рабочего угнетенной нации. Выдвижение на первый план пролетарского, социального вопроса при нерешенной национальной проблеме, тем более в условиях слабости или даже отсутствия у подвергающегося национальному гнету народа рабочего класса, приводит к насилию над естественным ходом общественно-исторического развития. Навязывание извне идей классовой борьбы национально-освободительному движению угне-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 6. С. 306.

² Там же. Т. 35. С. 221.

³ В 1896 г. Лондонский международный Конгресс рабочих и социалистических организаций принял решение о полном праве наций на самоопределение. (См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 71).

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 259, 317.

⁵ Там же. Т. 30. С. 39, 85; Т. 54. С. 464.

тенного народа ослабляет мощь и размах этого движения, приводит к его расколу и в конечном итоге половинчатому решению национального вопроса. Так и случилось в Башкортостане в 1917–1921 гг.

Защищая свою точку зрения по национальному вопросу, В. И. Ленин ссылался на интересы борьбы с международным капиталом, на учение К. Маркса. Маркс и Энгельс, как известно, считали, что для успешной борьбы против господства капиталистов рабочим всех стран необходимо объединиться, освободиться от национальной ограниченности, но не в смысле слияния и национального равнодушия, а лишь в плане солидарности и братского союза. «Интернациональное движение пролетариата вообще возможно лишь в среде самостоятельных наций», — писал Ф. Энгельс и дальше продолжал: «Мы ни в коем случае не призваны удерживать поляков от усилий отвоевать себе жизненно необходимые условия для их дальнейшего развития или внушать им, будто национальная независимость с интернациональной точки зрения — дело весьма второстепенное, в то время как она, напротив, является основой для всякого интернационального сотрудничества»¹.

Эти слова Энгельса применимы не только к полякам, но и ко всем другим угнетенным народам России. Но большевики не придавали должного значения национальному вопросу, более того, принуждали трудящихся угнетенных народов к обязательному слиянию с русским рабочим классом, активно вмешивались в их внутренние дела, а в идее завоевания национальной независимости, как того требовал К. Маркс от английского рабочего класса в отношении Ирландии², видели проявление буржуазного национализма.

В. И. Ленин в своих работах по национальному вопросу защищал справедливость восстаний против угнетателей, остро разоблачал колониальную политику царизма. Но эти правильные суждения В. И. Ленина всегда наталкивались на противоречие, когда он начинал настаивать на том, чтобы национальный вопрос разрабатывался «с точки зрения пролетариата» или «социализма»³. Такая «точка зрения» неизменно приводила Ленина к отрицанию роли национальной буржуазии в освободительных движениях, обвинению ее в стремлении «к национальной исключительности»⁴. На деле национальная буржуазия тоже добивалась освобождения от колониального гнета, она стремилась к созданию собственной государственности, и эти цели трудно выдавать за стремление к исключительности. В. И. Ленин обвинял национальную буржуазию и в том, что она всегда на первый план ставила свои национальные требования, что она стоит за развитие национальности вообще, за национальную культуру вообще и призывал разоблачать буржуазную иллюзию⁵. Можно ли считать требование национальной свободы «буржуазной иллюзией», ибо и трудящиеся слои угне-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. С. 220.

² Там же. Т. 18. С. 74–76.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 138.

⁴ Там же. Т. 25. С. 276.

⁵ Там же. Т. 24. С. 131–132.

таемой нации тоже выступали в защиту этих «иллюзий», что особенно ярко показали события, развернувшиеся в национальных районах России после победы Октябрьской революции. Для угнетенных народов не борьба за социализм, как уже было сказано, а борьба за национальную свободу была основной, самой насущной задачей. Этот вывод можно сделать на примере Польши и Финляндии. После Февральской революции в России В. И. Ленин, руководствуясь принципом «теснейшего союза польского и русского рабочего класса в их классовой борьбе», еще раз подтвердил, что «надо в России налегать на свободу угнетенных наций, а в Польше подчеркивать свободу соединения»¹. Следуя этому наставлению, польские левые социалисты и социал-демократы, объединившись в 1918 г. в Коммунистическую партию Польши, повели активную агитацию за соединение с Советской Россией и потерпели полный провал. Для рабочего класса оказалось более важным национальное освобождение, нежели социализм, и он не пошел за партией, названной его именем, а поддержал в главном вопросе буржуазию и помещиков, далеких от революционных идей. В итоге в 1918 г. было восстановлено единство Польши и создано независимое польское государство. Так случилось и с Финляндией, которая также добилась полной независимости. Об этом на VIII съезде партии В. И. Ленин говорил так: «Буржуазия обманывала народ», и большевики «пошли на признание отделения Финляндии»². Но ведь дело не в обмане буржуазией финского народа, а в совпадении их интересов в решении национального вопроса.

О пагубных последствиях политики навязывания угнетенным народам большевистских идей в ходе национального движения писал известный деятель украинской Центральной Рады историк Винниченко: «Пока мы боролись с русскими большевиками, с москвитями, мы всюду побеждали, но как только столкнулись с нашими собственными большевиками, мы потеряли всю нашу силу»³.

Объективному и беспристрастному изучению истории башкирского национального движения не способствовали партийные директивы и решения, предписывающие сверху дать соответствующую «классово выдержанную» оценку тем или иным историческим событиям и явлениям. Так, еще в 1922 г. V Всебашкирская партконференция в своем воззвании «О национальной борьбе в БССР и Валидове» впервые официально использовала термин «валидовщина» и дала установку рассматривать З. Валиди как контрреволюционера и «слугу империалистической буржуазии»⁴. Директивную направленность имели тезисы «Характеристика башкирского движения», принятые пленумом Башкирского обкома партии в июне 1926 г. По этим «Тезисам» следовало признавать положительный характер башкирского движения с февраля по октябрь 1917 г., поскольку оно противо-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 314–317.

² Там же. Т. 38. С. 156–159.

³ Карр Эдвард. История Советской России. М., 1990. Кн. 1. Т. 1–2. С. 379.

⁴ Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. Сборник документов и материалов. Под редакцией Б. Х. Юлдашбаева. Уфа, 1959. С. 628–630 (Образование Башкирской АССР).

стояло «стремлениям Временного правительства, пытавшегося сохранить Россию неделимой...» После Октябрьской революции башкирское движение, возглавляемое З. Валиди, в «Тезисах» характеризуется как буржуазно-националистическое, следовательно, – контрреволюционное. Проводниками «линии Валидова» названы в этом документе руководители повстанческого движения 1920–1921 гг.¹ Эти «Тезисы» служили руководством к изучению истории национального движения в Башкортостане в конце 20-х – начале 30-х гг. Но впоследствии наши историки стали отходить даже от этих «Тезисов», заняв более крайние позиции в исследовании истории образования Башкирской АССР*.

К данной теме областной комитет КПСС вернулся в начале 60-х гг. в связи с выходом в свет некоторых работ о башкирском движении, в которых, по мнению партийных функционеров, наблюдается отход от партийных установок. Бюро обкома партии, состоявшееся 12 июня 1963 г., дало указание рассматривать появление автономной государственности башкир лишь как заслугу Коммунистической партии, проводившей ленинскую национальную политику². Но, несмотря на партийный диктат, наши исследователи проделали значительную работу по изучению истории башкирского национального движения.

Историография данной темы стала складываться уже в 20-х гг., и для этого периода прежде всего были присущи не только накопление фактического материала, но и попытка определить характер башкирского национального движения. Следует подчеркнуть, что 20-е гг. отмечены, при всех недостатках того времени, довольно значительным уровнем демократичности науки, что выражалось в издании трудов, в которых отсутствовала идеологизация исторического процесса, проводились дискуссии по обсуждению отдельных проблем истории, притом высказывались полярно противоположные точки зрения при оценке тех или иных тем. Одной из первых работ, где были затронуты некоторые вопросы башкирского национального движения, была книга С. Атнагулова, очевидца происходящих в те годы процессов в Башкортостане³.

Книга С. Атнагулова воспринималась нашими историками как положительная, в которой «... правильно раскрывается классовая природа башкирского националистического движения, разоблачается контрреволюционная роль валидовцев, увлекших часть башкирского народа в лагерь вра-

¹ Образование Башкирской АССР. С. 638–647.

* Например, Р. М. Раимов, автор фундаментальной монографии «Образование Башкирской АССР». М., 1952.

² Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГА ОО РБ). Ф. 122. Оп. 134. Д. 115. Л. 5–7.

³ Атнагулов С. Башкирия. М.; Л., 1925. Атнагулов С. С. (1853–1935), член партии левых эсеров, окончил медресе «Галия», участник башкирского национального движения. Был членом Башкирского шура с августа 1917 г., далее – секретарь КУВШ, сотрудник отдела народного просвещения Уфимского губ. тат.-баш. комиссариата. Сотрудничал в различных газетах. В 1935 г. арестован по обвинению в антисоветской деятельности. В 1956 г. С. Атнагулов реабилитирован.

гов Советской России»¹. Действительно, автор считает башкирское движение националистическим, а З. Валиди – выразителем интересов мулл, старшин и «деревенских куштанов-кулаков»². Но странно то, что С. Атнагулов, сам непосредственный участник описываемых событий, допустил целый ряд ошибок и неточностей в их изложении. Так, I башкирский съезд, по его мнению, состоялся в Уфе, а не в Оренбурге, или, например, в ходе Всеобщего башкирского учредительного курултая (декабрь, 1917 г.) якобы возникли две фракции – областников, выступающих за татаро-башкирскую совместную автономию, и «суверенитистов, стоящих за суверенные права Башкирии». На деле никакой фракции «областников» на съезде не было, а была небольшая группа татарских деятелей, выступающая за совместную татаро-башкирскую культурно-национальную автономию. Также С. Атнагулов утверждает, что на этом съезде он был избран председателем Центрального шура, а З. Валиди – председателем Башкирского правительства³. Как видно из материалов съезда и «Воспоминаний» З. Валиди, на этом съезде председателем Башкирского правительства был избран юрист по специальности Ю. Бикбов, а пост председателя Шура сохранил за собой Ш. Манатов⁴. Описывая арест в Баймаке членов Центрального шура Г. Идельбаева и Г. Магазова, он пишет о «башкирском восстании и его разгроме»⁵. Известно, что никакого восстания в феврале 1918 г. не было. И, наконец, именно С. Атнагулов пустил в оборот мнение о том, что на Учредительном башкирском съезде якобы был провозглашен лозунг «Башкирия только для башкир»⁶. Затем это «изобретение» С. Атнагулова было дружно подхвачено нашими исследователями для отрицательной оценки башкирского движения.

Несмотря на указанные недостатки, работа С. Атнагулова представляет определенный интерес для изучения истории башкирского движения, как одна из первых попыток его осмысления.

В середине 20-х гг. вышли из печати две работы К. Идельгужина, непосредственного участника башкирского национального движения⁷. Важно

¹ *Сираев З. И.* Изучение военной интервенции и гражданской войны в Башкирии // *Очерки советской историографии Башкирской АССР.* Уфа, 1975. С. 134.

² *Атнагулов С.* Указ. соч. С. 56.

³ Там же. С. 58.

⁴ *Тоган З. В.* Воспоминания. Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрок за национальное бытие и сохранение культуры. Уфа, 1994. Кн. 1. С. 219.

⁵ *Атнагулов С.* Указ. соч. С. 59.

⁶ Там же. С. 57. Кстати, английский историк Э. Карр, описывая историю образования БАССР, главным образом ссылается на книгу С. Атнагулова, считая ее «авторитетным источником» и повторяет его ошибки. См.: *Карр Э.* История Советской России. Кн. 1. Т. 1, 2. М., 1990. С. 256, 261, 382, 383 и т. д.

⁷ *Идельгужин К.* Что дала Октябрьская революция башкирским крестьянам. Уфа, 1925. На башк. яз.; *Он же.* Башкирские движения (в 1917–1918–1919 гг.) Уфа, 1926. На баш. языке. Идельгужин К. А. (1895–1937). Участник баш. нац. движения. Окончил медресе «Галия». Служил в баш. белом войске. Был редактором газеты «Башкортостан», наркомом просвещения БАССР, зам. дир. БашНИИ педагогики.

то, что К. Идельгужин, по существу, написал первую работу, специально посвященную истории башкирского национального движения. В нашей историографии К. Идельгужин обвинялся в допущении «серьезных теоретических ошибок и извращений», под которыми подразумевалась «попытка изобразить националистическое движение как общенациональное»¹. С подобной однобокой оценкой книги К. Идельгужина трудно согласиться. В ней можно найти интересные данные о социально-экономическом и демографическом положении башкирского народа накануне Октября. Автор неплохо показал процесс формирования и деятельности башкирского движения в 1917–1919 гг. Однако работа Идельгужина носит преимущественно источниковедческий характер: в ней приведены, без соответствующих комментариев, материалы башкирских съездов 1917 г., документы о переходе башкирских войск и правительства на сторону советской власти, текст «Соглашения», «Тезисы» обкома партии 1926 г. Отдельные выводы и взгляды автора во многом упрощены и поверхностны. Притом Идельгужин, как один из членов комиссии по подготовке тезисов «Характеристика башкирского движения» 1926 г., при описании башкирского движения руководствовался основными положениями этого документа. В то же время в его книге отсутствуют крайние суждения о З. Валиди, о башкирском движении, возглавляемом им, что послужило в дальнейшем основанием для негативной ее оценки.

Такая же участь постигла работу М. Л. Муртазина «Башкирия и башкирские войска в гражданскую войну», которая уже в 1927 г. была подвергнута критическому анализу А. П. Кучкиным, активным участником борьбы за советскую власть в Башкортостане². Обвинялся М. Муртазин в ошибочной оценке «башкирского буржуазно-националистического движения, как общенационального», отрицании классового расслоения башкирского общества и т. д.³ При этом оппоненты М. Муртазина (А. Кучкин, З. Аминев, З. Сираев и другие) не сказали ни одного доброго слова в адрес его книги. Между тем книга М. Л. Муртазина представляет значительную ценность для изучения истории башкирского национального движения.

Репрессирован в 1937 г. См.: *Давлетишин Р. А.* Баш. нац. движения в лицах: К. А. Идельгужин // История края и судьбы людей. Тезисы докладов... Уфа, 1994.

¹ *Сираев З. И.* Изучение военной интервенции и гражданской войны в Башкирии // Очерки советской историографии Башкирской АССР. Уфа, 1975. С. 133.

² См.: Пролетарская революция, 1927, № 7. М. Л. Муртазин (1891–1937). Активный участник баш. нац. движения, командир полка в белом баш. войске, герой гражданской войны – трижды награжден орденом Красного Знамени. В 1920–1922 гг. он стал наркомом по военным делам БАССР, председателем Баш. ЦИК. В дальнейшем – слушатель военной академии им. М. В. Фрунзе. В 1928–1937 гг. нач. отдела РККА (Москва), в 1937 г. М. Муртазин был арестован и расстрелян за белое прошлое. Реабилитирован в 1956 г. В 1928 г. с замечаниями на книгу М. Муртазина выступил Ш. Ашрапов, член президиума Башкирского обкома партии, который обвинил автора в клевете на Красную Армию, назвал рецензируемую работу «безусловно вредной» (ЦГА ОО РБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 111. Л. 23.).

³ *Аминев З. А.* Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии. Уфа, 1966. С. 7, 8.

Данный вывод прежде всего следует отнести к тем разделам его работы, где речь идет о формировании башкирских национальных частей, конфликте Башкирского правительства и войск с Колчаком и Дутовым, об антибашкирских действиях частей 1-й армии Восточного фронта и, наконец, об участии кавбригады под его командованием в боях против белогвардейцев на различных фронтах гражданской войны. В то же время М. Муртазин, отдавая должное идее классовой борьбы, писал о том, что якобы «большинство руководителей башкирского национального движения» в первую очередь защищало «интересы башкирской бедноты», а меньшинство стояло «твердо на точке зрения целесообразности буржуазно-демократического самоопределения башкирского народа»¹. При этом он не показывает, кого следует отнести к большинству, кого — к меньшинству. К этому «меньшинству» он, по-видимому, относил З. Валиди и его окружение, которых Муртазин называет представителями «зарождающейся мелко-буржуазной башкирской интеллигенции»². Скорее можно согласиться с его утверждением о том, что «в процессе национально-революционной борьбы классовые группировки затушевывались», поскольку в башкирском обществе не было «ярко выраженного классового содержания», под которым, нужно полагать, автор имел в виду отсутствие резко выраженного классового противостояния среди башкирского народа³.

В 1926 г. на страницах журнала «Пролетарская революция» (№ 11 и 12) Ф. Н. Самойлов* опубликовал свои воспоминания о работе в Башкортостане, озаглавив их «Малая Башкирия в 1918–1920 гг. (Из истории опыта применения национальной программы ВКП)». Эта же работа в 1933 г. вышла отдельной книгой⁴. Первая публикация Ф. Н. Самойлова положила начало дискуссии в 1928 г. на страницах указанного журнала о башкирском национальном движении в 1918–1920 гг. С резким несогласием со взглядами Самойлова на башкирское движение и события, происходящие в «Малой Башкирии» в 1919–1920 гг., выступил Х. Юмагулов, занимавший в те годы (май 1919 – январь 1920 гг.) пост председателя Башревкома**. Критический отклик Х. Юмагулова на статью Ф. Самойлова был опубликован в журнале «Пролетарская революция» с замечанием редакции о ее

¹ Муртазин М. Л. Башкирия и башкирские войска в гражданскую войну. М.; Л., 1927. С. 14.

² Там же. С. 13.

³ Там же. С. 14.

* Ф. Н. Самойлов (1882–1952) – член партии большевиков с 1903 г., бывший депутат IV Гос. Думы, уполномоченный ВЦИК при Башревкоме, член Башкирского обкома партии (1919–1920 гг.). В дальнейшем – на парт. и науч. работе.

⁴ Самойлов Ф. Н. Малая Башкирия в 1918–1920 гг. М., 1933.

** Юмагулов Х. Ю. (1891–1937) – активный участник башкирского национального движения, член РКП(б) (1917–1920 гг.), а с 1931 – ВКП(б). В 1914–1916 гг. учился в Московской высшей сельскохозяйственной академии. С июля 1917 г. член Центр. башк. шуро, председатель Башревкома (1919–1920 гг.). В 1920 г. отозван в Москву, где с 1921 г. работает рук. курсов учителей и в других должностях. Репрессирован в 1937 г. и тогда же расстрелян. Реабилитирован в 1959 г.

несогласии «с рядом выставленных автором положений и находя их неправильными, вместе с тем считает, что затронутые в статье вопросы не лишены интереса, и надеется, что ряд тт., занимающихся изучением истории национального вопроса, выскажутся на страницах нашего журнала»¹. Как видно, редакция журнала пыталась оградить себя от каких-либо обвинений и указала на дискуссионный характер статьи Х. Юмагулова. Более того, в том же номере журнала был опубликован ответ Ф. Самойлова, оценившего статью своего оппонента «националистической вылазкой»². В том же году на страницах журнала «Пролетарская революция» появились отклики на выступления Х. Юмагулова и Ф. Самойлова, написанные С. Диманштейном и П. Мостовенко³.

В нашей историографии, как правило, осуждались взгляды Х. Юмагулова на историю башкирского национального движения при полной поддержке и одобрении выводов и заключений по этой проблеме, сделанных Ф. Самойловым⁴.

Ф. Н. Самойлов, профессиональный революционер, имел о башкирах и Башкортостане самое поверхностное представление и видел в них лишь объект большевистского экспериментирования. Этот вывод подтверждается его суждениями об образе жизни и быте башкир, которых он считал кочевниками и полукочевниками, отчасти сохранившими первобытно-родовые отношения. Для него лидеры башкирского движения являлись «мелкобуржуазно-националистическими вождями», а сами башкиры «не имевшей ясного сознания своих классовых интересов, сбитой с толку этими вождями, массой»⁵. Еще до прибытия в Стерлитамак, центр «Малой Башкирии», захвав в Уфу, Самойлов получил соответствующую информа-

¹ Юмагулов Х. Об одном неудачном опыте изучения национальной политики в Башкирии в 1919–1920 гг. // Пролетарская революция. 1928. № 3. С. 190. По поводу этой статьи З. Валиди писал: «со слезами на глазах прочитал на странице ж. «Пролетарская революция» ответ Хариса на статьи Самойлова, Мостовенко, потом слышал, что его статьи не публикуют» См.: Тоған З. В. Воспоминания. (на башк. яз.) Уфа, 1996. С. 373.

² Самойлов Ф. Об одной националистической вылазке или о неизменных ошибках Х. Юмагулова // Пролетарская революция. 1928, № 3.

³ Диманштейн С. Башкирия в 1918–1920 гг. // Пролетарская революция. 1928, № 5. Мостовенко П. О больших ошибках в Малой Башкирии. (К одному из первых опытов в национальном вопросе) // Пролетарская революция. 1928, № 5. С. Диманштейн (1886–?), член коллегии Наркомнац, в дальнейшем работал редактором ж. «Пролетарская революция». Посетил Баш. республику в 1920 г. с целью ознакомления со сложившейся здесь общественно-политической обстановкой. П. Н. Мостовенко (1881–1939) – член партии большевиков с 1901 г. В 1917 г. – депутат Петроградского совета. В 1920 г. был направлен уполномоченным ВЦИК и ЦК РКП(б) в Башреспублике. С 1921 г. – полпред РСФСР в Литве, Чехословакии. С 1923 г. – на парт.-хоз. и препод. работе.

⁴ Аминев З. А. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии. Уфа, 1966. С. 9; Юлдашбаев Б. Х. Национальный вопрос в Башкирии на первом этапе советского национально-государственного строительства // Исторические записки. М., 1987. Т. 115. С. 47, 48. и др.

⁵ Самойлов Ф. Малая Башкирия в 1918–1920 гг. М., 1933. С. 4.

цию о положении дел в Башкирской республике: «Мне говорили, – пишет он, имея в виду свою встречу с членами Уфимского губкома партии, – что Башвоентревком находится в постоянной борьбе с органами советской власти соседних губерний. С такими сведениями я выехал из Уфы в Стерлитамак»¹. Эта установка оказала влияние на всю его деятельность в «Малой Башкирии», которая состояла из организации борьбы против «буржуазных националистов и контрреволюционеров из Башревкома во главе с З. Валиди», что и нашло свое отражение в его книге. Даже такие убежденные коммунисты, как С. Диманштейн и П. Мостовенко не согласились с очернительным тоном воспоминаний Самойлова. Обратившись к статье Ф. Самойлова, С. Диманштейн отметил, что в ней «более ярко выставлены отрицательные моменты и не выявлены в настоящем свете положительные события того времени в Башкирии»². Еще резче высказался по этому поводу П. Мостовенко, заявив, что все содержание воспоминаний Самойлова «есть в сущности нагромождение материала, отрицательно характеризующего состав Башревкома, причем автор даже и по сие время не отдает себе отчета (здесь имеется в виду ответное Юмагулову выступление Ф. Самойлова. – М. К.), что ряд приводимых им эпизодов характеризует не столько Башревком, сколько исключительно трудные условия его работы»³. Х. Юмагулов в ответной статье обвинил Самойлова в тенденциозности, неприязненном отношении к башкирам, в стремлении всячески обелить действия противников Башкирской автономии. При этом он указал на сложный характер поземельных отношений в Башкортостане, на массовое обезземеливание башкир уже в послеоктябрьский период, подчеркнул наличие татаро-башкирских трений по вопросу самоопределения этих народов, обратил внимание на бесконечные нападки губкомов партии соседних губерний на Башревком, которые, по мнению Юмагулова, не нашли отражения в статье или толковались с позиций одностороннего обвинения во всех недоразумениях лишь Башревкома. В то же время Х. Юмагулов стремился дистанцироваться от З. Валиди, которого относил к «националистически настроенной группе» башкирской интеллигенции, считая себя представителем левой, революционной части той же интеллигенции⁴. Конечно, здесь Х. Юмагулов не прав: несомненно то, что он, хотя и являлся тогда членом РКП(б), принадлежал к той же «группе», если ее можно выделить, где находился и З. Валиди. Нет необходимости подробного анализа ответа Ф. Самойлова на выступление Х. Юмагулова, поскольку само название

¹ Самойлов Ф. Указ. соч. С. 24.

² Диманштейн С. Башкирия в 1918–1920 гг. К дискуссии по этому вопросу в «Пролетарской революции» // Пролетарская революция. 1928. № 5. С. 138.

³ Мостовенко П. О больших ошибках в «Малой Башкирии» // Пролетарская революция. 1928. № 5. С. 108.

⁴ Юмагулов Х. Об одном неудачном опыте изучения национальной политики в Башкирии в 1918–1920 гг. // Пролетарская революция. 1928. № 3. С. 176, 180.

очередной публикации бывшего уполномоченного ВЦИК в Башреспублике красноречиво говорит о ее содержании¹.

Что касается С. Диманштейна, то он во многом солидаризируется с Ф. Самойловым, хотя не одобряет его крайне левацких суждений. Относительно статьи Х. Юмагулова он пишет, что автор «не воспользовался этой своей статьей, чтобы разоблачить все контрреволюционное поведение Валидова того времени, введшего в заблуждение других башработников», а также ему, считает Диманштейн, «следовало бы отнестись более критически к своим прошлым антипартийным поступкам», под которыми он подразумевал известные январские (1920 г.) события и бегство членов валидовского Башревкома². С. Диманштейн коснулся и статьи П. Мостовенко, считая свои оценки событий близкими «к выводам Мостовенко». Можно согласиться с критическим замечанием Диманштейна в адрес Мостовенко, который утверждал, что «у Валидова не было тогда своих настоящих сторонников – «валидовцев», на деле «Валидов был для окружающих его башкирских работников большим авторитетом и они шли за ним». Диманштейн отрицает вывод Мостовенко о том, что «русские партийные и советские работники тогда просто-напросто возглавили кулацкий напор на башкирскую землю со стороны нашего русского крестьянства»³. П. Мостовенко, критикуя в основном статью Ф. Самойлова, ни разу не упоминает выступление Х. Юмагулова, тем самым он, следует полагать, косвенно поддержал последнего⁴.

Из публикаций конца 20-х гг. заслуживает внимания брошюра Н. Туракаева «Башкирские части в гражданскую войну» (Уфа, 1929), в которой содержатся некоторые материалы о боевом пути башкирских частей Красной Армии на Южном и Петроградском фронтах летом и осенью 1919 г., где автор подвергает критике книгу М. Муртазина за ошибки «националистического характера», и статья Г. Касымова «Материалы к истории движения среди татар и башкир бывшей Уфимской губернии в дни Февраля и Октября». Г. Касымов неплохо обрисовал борьбу федералистов с унитаристами, происходившую на губернских мусульманских съездах, описал деятельность татарских левых эсеров Уфимской губернии в дни Октября и, что важно, показал их отношение к башкирскому движению, с которым, как пишет автор, они были вынуждены считаться, побывав на II Всебашкирском съезде⁵. Верным в своей основе следует признать мнение автора о

¹ Самойлов Ф. Об одной националистической вылазке или о неизменных ошибках Х. Юмагулова // Пролетарская революция. 1928. № 3. С. 196–213.

² Диманштейн С. Башкирия в 1918–1920 гг. // Пролетарская революция. 1928. № 5. С. 157.

³ Мостовенко П. О больших ошибках в «Малой Башкирии» // Пролетарская революция. 1928. № 5. С. 107, 113.

⁴ Там же. С. 103. 137.

⁵ Касымов Г. Материалы к истории движения среди татар и башкир бывшей Уфимской губернии в дни Февраля и Октября // Пройденный путь. К истории борьбы за диктатуру пролетариата в Приуралье. Уфа, 1927. С. 29, 32.

том, что татаро-башкирская социал-демократическая группа Б. Нуриманова не играла «никакой роли в национальном движении»¹.

С критических позиций рассматривает башкирское национальное движение Ш. Типеев в своих работах, вышедших в 1927–1930 гг.² В них автор, руководствуясь известными тезисами «Характеристика башкирского движения», освещает башкирское национальное движение периода Октябрьской революции, историю образования БАССР, а также события гражданской войны. Ш. Типеев охарактеризовал башкирское движение как антисоветское, националистическое. Особенностью сочинений Ш. Типеева является публикация в них обширных выдержек из документальных материалов, что придает его трудам источниковедческий характер. Автор, следуя традициям тех времен, считает, что «Февральская революция застала башкирский народ на чрезвычайно низкой ступени хозяйственного и культурного развития»³. В его книгах не сказано ни слова о репрессивных действиях частей 1-й армии Восточного фронта среди башкирского народа, о негативном отношении к Башкирской республике властей соседних губерний и т. д. Несмотря на эти недочеты, книги Ш. Типеева как бы завершают начальный этап в изучении истории башкирского национального движения.

Довольно долгое время, с начала 30-х гг. и до начала 40-х гг., исследователи почти не обращались к истории башкирского национального движения. Это можно объяснить тем, что, во-первых, в 30-е гг. новая методология, нарушение которой строго каралось, стала господствующей в исторической науке. Во-вторых, в условиях сталинского тоталитарного режима, когда в стране развернулся поиск «врагов народа», было слишком рискованным взяться за столь сложную проблему. Лишь в юбилейных изданиях затрагивались некоторые аспекты башкирского национального движения. Так, в сборнике «15 лет Советской Башкирии» (Уфа, 1934) появилась статья Х. В. Хасанова, наркома просвещения БАССР, в которой автор сделал попытку осветить некоторые моменты башкирского движения за автономию, сделав упор на татаро-башкирские взаимоотношения⁴.

После долгого перерыва в 1941 г. увидела свет книга Г. И. Гужвенко, посвященная установлению советской власти в Башкортостане⁵. В ней автор значительное внимание уделил башкирскому национальному движе-

¹ Касымов Г. Указ. соч. С. 43.

² Типеев Ш. Великий Октябрь и башкирская контрреволюция. Уфа, 1927 (на башк. яз.); Основные этапы истории национального движения и Советской Башкирии. Уфа, 1929; Очерки по истории Башкирии. Уфа, 1930; Типеев Ш. И. (1900–1956), член РКП(б) с 1919 г., участник гражданской и Великой Отечественной войн. В 1919–1930 гг. – советский и партийный работник. С 1930 г. – научный работник. Принимал участие в организации БФ АН СССР.

³ Типеев Ш. Основные этапы истории национального движения и Советской Башкирии. Уфа, 1929. С. 13.

⁴ Хасанов Х. В. От вымирающей нации к цветущей социалистической республике // 15 лет Советской Башкирии. Уфа, 1934. С. 5–17.

⁵ Гужвенко Г. И. Башкирия в борьбе за Октябрь. Краткий исторический очерк. Уфа, 1941. Гужвенко Г. И. – профессиональный историк, долгие годы проработал на истфаке Башгоспединститута им. К. А. Тимирязева, затем БГУ.

нию, которое он рассматривал через призму борьбы органов советской власти против башкирского буржуазного национализма. Это видно и в использовании Г. Гужвенко хлестких выражений при оценке деятельности «валидовцев»: «гнусная клевета на Советскую власть и большевиков (речь идет о Фармане № 1 (приказе)), «бешеная антисоветская агитация Центрального шура» и т. д. В конце своего труда он делает вывод о том, что «Башкирские буржуазные националисты, разгромленные в 1920 г., притаились, спрятали свое буржуазно-националистическое лицо под маской преданности народу, Советской власти, большевистской партии с тем расчетом, чтобы обманным путем войти в доверие народа, Советской власти и партийных организаций. Некоторым из них удалось пролезть на руководящие, советские, хозяйственные и даже партийные посты. Не имея опоры в народе, они для выполнения своих контрреволюционных замыслов поступают на службу иностранных разведок и по заданиям своих хозяев организуют вредительства, шпионаж и убийства лучших представителей партии и советского народа. Они вступают в союз с злейшими врагами народа – троцкистами и бухаринцами и вместе с ними выполняют директивы разведок иностранных государств». Но, продолжает Г. Гужвенко, «...при личной помощи товарища Сталина, башкирский народ (? М. К.) разгромил и уничтожил змеиное гнездо буржуазных националистов, пытавшихся сорвать социалистическое строительство хозяйства и культуры башкирского народа»¹. Все это вполне в духе времени, иначе, наверное, автор не мог бы писать.

В таком же разоблачительном ключе рассуждает о башкирском национальном движении историк Ф. А. Александров, автор книги об установлении советской власти в Башкортостане (вернее в Уфимской губернии. – М. К.) в 1917 г.²

Итак, названные историки, следуя указаниям сверху, весьма односторонне рассматривали и оценивали историю башкирского национального движения. Конечно, все это не их вина, а беда, присущая всей нашей исторической науке времен культа личности, когда в ней господствовали конъюнктурщина и волюнтаризм, субъективизм и догматизм, глубоко проникшие в сферу общественных наук.

В свете сказанного вполне можно понять, почему Р. М. Раимов, написавший объемную монографию об образовании БАССР, чернил «башкирских буржуазных националистов», возвеличивал «великого вождя» и его «гениальные труды» по национальному вопросу³. В условиях господства

¹ Гужвенко Г. И. Указ. соч. С. 143. Автор, говоря об уничтожении «змеиного гнезда буржуазных националистов», подразумевал репрессии 1937 г., когда большая группа башкирских общественно-политических деятелей была арестована и расстреляна по обвинению в причастности к «валидовщине».

² Александров Ф. А. Борьба за власть Советов в Башкирии в 1917 г. Уфа, 1951. С. 67, 91, 174.

³ Раимов Р. М. Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. М., 1952. Раимов Р. М. (1904–1953). Окончил медресе «Усмания», учительскую семинарию. В 1921–1931 гг. – на комсомольской, хозяйственной, педагогической работе. В дальнейшем – научный сотрудник Института

репрессивного режима, когда попытка объективного изучения исторического прошлого своего народа могла привести к печальным последствиям, трудно было ожидать от автора правдивой работы по истории образования БАССР. Тем не менее монография Раимова выделяется широтой постановки проблем: в ней довольно всесторонне рассматриваются вопросы социально-экономического и политического положения края в начале XX в., освещаются события установления Советской власти, гражданской войны в Башкортостане. Автор, обращаясь к этим вопросам, широко использовал различные документальные источники, прежде всего архивные. В целом книга Раимова, несмотря на наличие в ней зачастую ошибочных выводов и суждений, отличается своей фундаментальностью. Следует подчеркнуть, что многие выдвинутые автором положения и суждения находятся в явном противоречии с использованным фактическим материалом. Р. М. Раимов, например, привел массу данных о расслоении башкирской деревни в дореволюционный период, писал о формировании башкирского пролетариата, национальной буржуазии и, наконец, башкирское национальное движение назвал буржуазным. Однако он делает вывод о том, что «башкиры представляют собой наиболее отсталую народность края», что они не прошли стадию капитализма, минуя ее, «встали на путь социалистического строительства»¹. Башкирский национализм он пытается объяснить «темнотой и забитостью» башкирских масс, вследствие чего они якобы «плохо разбирались в политике буржуазных националистов»². Раимов совершенно не хочет считаться с тем очевидным фактом, что эти самые «темные и забитые» массы в течение нескольких столетий вели неравную борьбу за свое национальное освобождение.

В книге Раимова имеет место противопоставление западных башкир восточным. По его мнению, первых большевики сумели убедить в правоте учения Ленина-Сталина и вызвать сочувствие к «основным лозунгам партии большевиков»³. Хотя сам автор пишет о «башкирском буржуазном националисте» С. Максюдове из села Бураево Бирского уезда, который создал «национальный совет и объявил Бураевскую волость национальным автономным районом»⁴. Конечно, Башкирское шуру действовало главным образом в восточных районах Башкирии, где компактно проживало башкирское население. Но, как показывают факты, и для западных башкир идея самоопределения была не чужда. Выходец из среды западных башкир, выдающийся поэт Ш. Бабич был одним из вдохновителей башкирского национального движения, погиб защищая идею башкирской автономии. Выходцами из среды западных башкир были такие широко известные деятели башкирского национального движения, как М. Халиков (бывш. Беле-

истории АН СССР. С 1950 г. – докт. ист. наук. Автор ряда книг по истории Башкортостана.

¹ Раимов Р. М. Указ. соч. С. 18, 84.

² Там же. С. 84.

³ Там же. С. 93.

⁴ Там же. С. 138.

беевский у.), И. Мутин (бывш. Мензелинский у.), Ф. Тухватуллин (бывш. Мензелинский у.) и другие.

Трудно согласиться с резким противопоставлением Раимовым ВРСБ Башкирскому шуру. ВРСБ якобы заклеил позором антисоветскую деятельность Шуру, осудил его контрреволюционные действия и союз с реакционным казачеством¹. Как известно, Временный революционный совет Башкортостана возник 17 февраля 1918 г. в связи с арестом членов Башкирского шуру. И на учредительном заседании этого органа было заявлено, что «Цель ВРСБ заключается в том, чтобы продолжить работу бывшего Областного Башкирского совета (шуру), как касающуюся чисто национальных вопросов трудового башкирского народа»². До своего роспуска ВРСБ всегда считал себя преемником Шуру и добивался автономии для башкир на советской основе, т. е. стоял на более левых позициях. В угоду своей надуманной концепции, Раимов без основания на то пытается сделать из ВРСБ противника Башкирского шуру. К тому же ВРСБ, как утверждает Р. М. Раимов, автономии Башкортостана не провозглашал, а лишь добивался признания Центром уже объявленной Башкирским шуру еще в ноябре 1917 г. автономии, но на основе советской платформы³.

Р. М. Раимов полностью оправдывает арест органами революционных властей г. Оренбурга членов Шуру и башкирского правительства и, более того, выражает сожаление по поводу того, что «Оренбургские (партийные) организации, оказавшиеся впоследствии троцкистско-бухаринскими, не сумели добиться разоблачения перед народом валидовцев», т. е. своевременно устроить судилище над ними и расстрелять, а допустили их бегство⁴.

В то же время Раимов в розовых тонах описывает историю проекта Татаро-Башкирской республики и клеймит его противников, обвиняя последних «в вражеской деятельности», приверженности идеям троцкизма⁵. То, что положение о Татаро-Башкирской республике не было претворено в жизнь, объясняется прежде всего отрицательным отношением к этой идее башкирского народа.

Переход башкирского правительства и войск на сторону Красной Армии и Советской власти, деятельность Башревкома, подписание Соглашения об образовании БАССР 20 марта 1919 г. и последующие события национально-государственного строительства края изложены Раимовым в духе «разоблачения» башкирского буржуазного национализма. В целом автор, придерживаясь известных теоретических установок сталинских времен в исторической науке, не сумел дать правдивую картину истории национально-государственного строительства в Башкирии, но в то же время его книга, богатая фактическим материалом, не потеряла своей ценности*.

¹ Раимов Р. М. Указ. соч. С. 151.

² Образование Башкирской АССР. С. 93.

³ Раимов Р. М. Указ. соч. С. 152.

⁴ Там же. С. 159.

⁵ Раимов Р. М. Указ. соч. С. 195.

* В республиканской газете «Советская Башкирия» (20.09.52) появилась рецензия на книгу Р. М. Раимова. В ней известный тогда публицист З. Шарки обвинил

После XX съезда КПСС наметились подъем и энтузиазм в деле изучения истории образования БАССР, различных аспектов башкирского национального движения. Были сделаны первые шаги по преодолению субъективного и догматического подхода к проблемам истории. Но не удалось тогда полностью освободиться от идеологического клише, от дозированной правды и полуправды. Все это наложило отпечаток на труды Б. Х. Юлдашбаева, З. А. Аминова и других. К тому же оживший после XX съезда энтузиазм нового осмысления истории образования БАССР вызвал недовольство власть имущих в республике. Стараниями боявшихся демократизации общества партбюрократов уже в начале 60-х годов возрождались прежние догматические установки под ставшим традиционным лозунгом борьбы против национализма. Этим духом была проникнута работа бюро Башкирского обкома КПСС (июнь, 1963 г.), которое по письму Т. Ахунзянова, Х. Сайранова и К. Хабибуллина осудило некоторые взгляды Б. Юлдашбаева по истории образования БАССР¹.

В 1958 г. увидела свет книга Б. Юлдашбаева «Образование БАССР. Исторический очерк». В ней нет однобокой, сугубо негативной оценки характера башкирского национального движения. При этом автор руководствовался ленинским положением о различии между национализмом угнетенной и угнетающей нации. Б. Юлдашбаев более спокойно рассуждал о Башкирском шуро и правительстве, об их деятельности, показал ошибки местных партийных и советских работников Оренбургской и Уфимской губерний в подходе к национальному вопросу. Говоря о репрессивных мерах органов советской власти Оренбургской губернии в отношении членов Башкирского правительства, осуждал их². Но автор еще не освободился от прежних трафаретов и писал о том, что «Башкирские буржуазные

Раимова в освещении ряда вопросов истории образования БАССР «не с марксистских позиций», в проявлении «буржуазного беспристрастного объективизма», в недостаточном проведении «большевистской партийности в освещении истории». Все это рецензент видел в преувеличении роли «главаря буржуазных националистов Валидова», в слабом показе «контрреволюционной деятельности татарской буржуазии, жившей в Башкирии», и в том, что автору следовало «дать острую большевистскую критику, а не излагать историю башкирского национализма». Но, наряду с этими обвинениями ультралевачьего характера, в рецензии З. Шарки имеются верные в своей основе замечания. Он, например, указал на отсутствие в монографии четкого определения стадии общественно-политического развития башкир, а также не согласился с выводом Раимова об отсутствии у башкир до революции своей художественной литературы. Можно согласиться и с замечанием З. Шарки о том, что Раимов часто уклоняется от основной цели, пытаясь охватить в своей книге «много вопросов». В конце рецензент резюмирует: «... Раимов неудовлетворительно справился со своей задачей. Вопрос о создании БАССР все еще ждет подлинно научного освещения». Конечно, с первой частью этого заключения трудно согласиться, ибо монография Р. М. Раимова для своего времени была написана на достаточно высоком уровне.

¹ ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 134. Д. 115.

² Юлдашбаев Б. Х. Образование Башкирской АССР. Исторический очерк. Уфа, 1958. С. 18.

националисты отрицали классовую борьбу среди башкир и враждебно встретили Октябрьский переворот»¹.

Большая работа была проделана Б. Юлдашбаевым по систематизации и публикации документов и материалов по истории образования БАССР. Фундаментальному сборнику документов и материалов, вышедшему под его редакцией, была предпослана вводная часть, написанная им же². В ней автор, помимо анализа источников, ярко и убедительно показал сложный процесс национально-государственного строительства в Башкортостане.

В год празднования сорокалетия Октябрьской революции в Институте истории, языка и литературы БФ АН СССР состоялась научная сессия, материалы которой в 1959 г. были изданы отдельной книгой под названием «Октябрьская революция и рождение Советской Башкирии». В ней были опубликованы доклады Б. Юлдашбаева о проекте Татаро-Башкирской республики и образовании Башкирской АССР, статьи З. И. Сираева, Г. Х. Гумерова, Р. У. Кузыева, имеющие отношение к башкирскому национальному движению³.

Содержание статей Б. Юлдашбаева совпадает с основными положениями вышеупомянутой его книги. В работе Г. Х. Гумерова о «Башкиропомощи» прослеживается идеализация деятельности этого учреждения, призванного прежде всего насаждать среди башкирского населения классовое противостояние⁴. Статья Р. У. Кузыева помогает получить более полное представление о левом революционном крыле башкирского движения, хотя его роль в деле завоевания автономии явно преувеличена. В работе З. И. Сираева прослежен боевой путь башкирских национальных частей на фронтах гражданской войны. К сожалению, автор не показал истинных мотивов отрыва башкирских частей от Башкирской республики, Башревкома.

Довольно плодотворными в изучении истории образования Башкирской АССР, в том числе национального движения, были 60-е – первая половина 80-х гг. Вышли из печати исследования общесоюзного характера, посвященные «ленинской национальной политике» и созданию советского многонационального государства⁵. В исторической литературе обобщаю-

¹ Юлдашбаев Б. Х. Указ. соч. С. 13.

² Юлдашбаев Б. Х. Введение к сб. документов и материалов «Образование БАССР». Уфа, 1959. С. 9–66.

³ Кузиев Р. У. Временный Революционный Совет Башкортостана; Юлдашбаев Б. Х. Проект Татаро-Башкирской республики и его отмена (1918–1920 гг.); Он же. Соглашение центральной советской власти с Башкирским правительством о советской автономии Башкирии; Сираев З. И. Башкирские национальные части Красной Армии в гражданскую войну; Гумеров Г. Х. «Башкиропомощь» и «Башпомгол» // Октябрьская революция и рождение Советской Башкирии. Сб. статей. Уфа, 1959.

⁴ Гумеров Г. Х. «Башкиропомощь» и «Башпомгол» // Октябрьская революция и рождение Советской Башкирии. Уфа, 1959. С. 242.

⁵ Салехов Н. И., Горелкин Я. М. Торжество ленинской национальной политики в СССР. М., 1962; Филимонов В. Г. Образование и развитие РСФСР. Очерки по государственному строительству. М., 1963; Куличенко М. И. Борьба коммунистической

щего характера, как правило, уделялось больше внимания истории образования союзных республик, об автономных говорилось мало. Исключение в какой-то мере составляет книга О. И. Чистякова, в которой довольно обстоятельно рассматриваются вопросы, касающиеся башкирского движения, названного им «валидовским», т. е. контрреволюционным, националистическим. В то же время автор верно подчеркнул, что Башкирская республика отличалась от других автономных образований более широкими правами¹. Трудно согласиться с мнением О. И. Чистякова о том, что если бы члены Башревкома «честно служили», то советская власть «не имела бы ничего против этого»². По существу судьба членов Башревкома была predetermined в момент подписания «Соглашения» с большевистским Центром, считавшим их мелкобуржуазными националистами.

Различные теоретические аспекты проблемы наций и национальных отношений, национально-государственного строительства в СССР, в том числе Башкортостана, нашли свое отражение в работах советских обществоведов, опубликованных в 70-х – первой половине 80-х гг.³

Местными историками в указанный период было сделано немало для дальнейшего изучения проблем башкирского национального движения, в том числе образования Башкирской АССР.

Значительный резонанс в научных кругах республики вызвала книга «Ленин и самоопределение наций» (Чебоксары, 1967), написанная Б. Юлдашбаевым совместно с чувашским историком В. Любимовым. Критические замечания, сделанные при анализе этой работы в адрес Юлдашбаева, были связаны с его оценкой известного декрета ВЦИК и СНК от 19 мая 1920 года о государственном устройстве Башкирской республики. Дело в том, что он писал о неразумной спешке комиссии, возглавляемой Стали-

партии за решение национального вопроса в 1918–1920 гг. Харьков, 1963; Чистяков О. И. Национально-государственное строительство в РСФСР в годы гражданской войны (1918–1920). М.: МГУ, 1964; Макарова Г. П. Осуществление ленинской национальной политики в первые годы Советской власти (1917–1920 гг.). М., 1969; Ким Г., Кауфман А. Ленинизм и национально-освободительное движение. М., 1969 и др.

¹ Чистяков О. И. Указ. соч. С. 82.

² Там же. С. 67.

³ Тадевосян Э. В. Советская национальная государственность. М., 1972; Цаме-рян И. П. Теоретические проблемы образования и развития Советского многонационального государства. М., 1973; Серцова П. С. Социализм и развитие наций. М.: МГУ, 1973; Лепешкин А. И. Советский федерализм (Теория и практика). М., 1977; Бурмистрова Т. Ю., Гусакова В. С. Национальный вопрос в программе и тактике политических партий России. М., 1976; Макогон С. Е. Вопросы теории и практики национально-государственного строительства в СССР. Киев, 1976; Баграмов Э. А. Ленинская национальная политика: достижения и перспективы. М., 1977; Златопольский Д. Л. Национально-государственное устройство СССР. М., 1977; Куличенко М. И. Рассвет и сближение наций в СССР. М., 1981; Абдулатипов Р. Г., Бурмистрова Т. Ю. Ленинская политика интернационализма в СССР: история и современность. М., 1982; Берендеев О. В. Демократический централизм Советской Федерации. М., 1982; Шафир М. А. Административно-территориальное устройство Советского государства (Конституционные основы). М., 1983; Критика фальсификации национальных отношений в СССР. М., 1984 и др.

ным и о неразумности и ошибочности полного изъятия из ведения правительства автономной республики наркоматов продовольствия, финансов, народного хозяйства, рабоче-крестьянской инспекции¹. Одним из главных аргументов оппонентов автора было то, что майский декрет был подписан Лениным...² В свете нового подхода к национальному вопросу можно считать, что этот декрет действительно привел к ограничению политических и экономических прав автономной республики и Юлдашбаев был прав в оценке указанного декрета.

Довольно содержательными публикациями по исследуемой проблеме следует назвать учебное пособие Б. Х. Юлдашбаева «Национальный вопрос в Башкирии накануне и в период Октябрьской революции» (Уфа, 1984) и его же статью, которая увидела свет в «Исторических записках» (т. 115, М., 1987). В учебном пособии Б. Юлдашбаева представлены положения марксизма-ленинизма по национальному вопросу, освещены сложные перипетии башкирского и других национальных движений в Приуралье и смежных районах, проанализированы различные проекты национальной автономии, появившиеся накануне и в период Октябрьской революции и в последующие годы. Интересным в этой книге Б. Юлдашбаева является то, что он подверг критике мнение о контрреволюционности от начала до конца башкирского национального движения и его руководящих органов³. Отсутствуют у автора и резкие суждения о лидерах башкирского движения. Эта же тенденция прослеживается и в его статье «Национальный вопрос в Башкирии на первом этапе советского национально-государственного строительства»⁴.

Если в 1958 г. Б. Юлдашбаеву удалось значительно отойти от прежних оценок и подходов при изучении явлений и событий башкирского национального движения и образования БАССР, то З. А. Аминев в своих исследованиях, особенно в монографии «Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии» (Уфа, 1966), по всем вопросам проблемы фактически встал на позиции Р. М. Раимова. Разница только в том, что Аминев уже не обращается к трудам «великого вождя и отца народов» и весьма робко, с оговорками, признает некоторую положительную роль башкирского национального движения до победы Октября⁵. Однако это признание повисает в воздухе, ибо автор считает, что «решения башкирских съездов носили ярко выраженный антинародный характер», повторяет раимовское положение о союзе национальной буржуазии с фео-

¹ Любимов В., Юлдашбаев Б. Ленин и самоопределение наций (на примере народов Среднего Поволжья и Приуралья). Чебоксары, 1967. С. 124.

² Иванков В. П. История Башкирии в трудах В. И. Ленина // Вопросы истории Башкирии. Вып. 1 (Советский период). Уфа, 1972. С. 14, 15.

³ Юлдашбаев Б. Х. Национальный вопрос в Башкирии накануне и в период Октябрьской революции. Уфа, 1984. С. 20.

⁴ Юлдашбаев Б. Х. Национальный вопрос в Башкирии на первом этапе советского национально-государственного строительства // Исторические записки. М., 1987. Т. 115. С. 46–87.

⁵ Аминев З. А. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии. Уфа, 1966. С. 95.

дальними элементами, чтобы закрепить монопольное право эксплуатации своих трудящихся¹. Положительным в работах З. А. Аминова является его стремление показать историю образования БАССР в тесной связи с установлением в Башкирии Советской власти и с событиями гражданской войны.

История национального движения нашла отражение в обобщающих работах по истории БАССР, а именно в книгах «Советская Башкирия. Исторические очерки» (Уфа, 1957) и «Очерки по истории Башкирской АССР». Т. II (Уфа, 1966). В них разделы, посвященные истории образования БАССР, написаны Б. Х. Юлдашбаевым и отражают его точку зрения на данную проблему. Хотя, следует отметить, в «Очерках» правомерность и необходимость известного майского декрета (1920) о государственном устройстве БАССР не подвергается сомнению².

С довольно тенденциозных позиций преподносится история башкирского движения в «Очерках истории Башкирской организации КПСС» (Уфа, 1973). Башкирское национальное движение, развернувшееся после Февральской революции, в этой работе характеризуется как реакционное, буржуазно-националистическое³. Весьма показательно и то, что параграф, посвященный вопросам национально-государственного строительства, назван «Коммунистическая партия – организатор Башкирской советской автономии». Подписание «Соглашения» в этом разделе показывается лишь как заслуга партии⁴. Тем самым полностью игнорируется многовековая борьба башкирского народа за свою свободу и независимость, за автономию. Подобное отношение к освещению вопросов образования БАССР пронизывает все публикации, юбилейные и иные издания времен застоя. Более того, в них обходился стороной даже термин «соглашение». Как правило, в юбилейно-парадных изданиях писали о некоем документе, декрете, которым было положено начало национально-государственному строительству в Башкортостане⁵. В основе попытки доказать, что БАССР возникла не в результате договора, а декретом, спущенным сверху, лежит уже упомянутое письмо Х. Сайранова, Т. Ахунзянова и К. Хабибуллина от 10 июня 1963 г., адресованное Башкирскому обкому КПСС, и оно было использовано при выработке соответствующего решения бюро обкома партии⁶.

Некоторые стороны истории башкирского национального движения были затронуты в серии Р. У. Кузиева об известных башкирских револю-

¹ Аминов З. А. Указ. соч. С. 49.

² Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1966. Т. 2. С. 163.

³ Очерки истории Башкирской организации КПСС. Уфа, 1973. С. 212, 219.

⁴ Там же. С. 212, 219.

⁵ Октябрь и торжество ленинской национальной политики в Башкирии. Уфа, 1968; Тебе спасибо, Октябрь! Рассказываем о Башкирии накануне 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Уфа, 1967; Под солнцем Октября. Рассказываем о Башкирии накануне 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Уфа, 1977; Преображенный край. Уфа, 1987 и другие.

⁶ ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 134. Д. 115.

ционерах Б. Нуриманове, Ш. Худайбердине и Б. Шафиев¹. Автор, как тогда было принято, всячески превозносил и ставил в заслугу башкирским большевикам их непримиримую борьбу с «буржуазными националистами-валидовцами», вопреки очевидным фактам делал вывод о том, что указанные революционеры отдавали «все свои силы борьбе за создание Башкирской АССР»². Между тем известно, что идея самоопределения башкирского народа недооценивалась башкирскими революционерами, в особенности Б. Нуримановым, который в свое время выступил одним из организаторов ареста членов Башкирского правительства в феврале 1918 г.³ Но, несмотря на все это, книги Р. У. Кузыева помогают иметь более полное представление о взаимоотношениях лидеров башкирского движения с башкирскими большевиками. Притом в его работе о Б. Шафиеве неплохо показана деятельность Временного революционного совета Башкортостана.

Социально-экономическое, общественно-политическое и демографическое положение башкирского общества в конце XIX – начале XX вв. нашло свое отражение в трудах Усманова Х. Ф., Кузеева Р. Г., Янгузина Р. З., Юлдашбаева А. М., Роднова М. И., Мурзабулатова М. В., Юлдашбаева Б. Х., Кутушева Р. Р., Хакимова С. Х. и других⁴.

Хотя в СССР перестройка началась в 1985 г., старые подходы и стереотипы в исторической науке продолжали господствовать до конца 80-х гг. Прав Ю. А. Поляков, писавший, что только к 1987 г. «общество начинало мыслить по-иному, что заставляло по-иному взглянуть не только на настоящее, но и на прошлое... 1987, 1988, 1989 годы ознаменовались беспрецедентным подъемом интереса к истории»⁵. К этому периоду относится

¹ Кузыев Р. У. Багау Нуриманов. Уфа, 1955; *Он же*. Шагит Худайбердин (Большевик, герой гражданской войны, 1896–1924). Уфа, 1964; *Он же*. Бахтигарей Шафиев. Уфа, 1972.

² Кузыев Р. У. Багау Нуриманов. Уфа, 1955. С. 89.

³ Там же. С. 51.

⁴ Усманов Х. Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. М., 1981; *Он же*. Столыпинская аграрная реформа в Башкирии. Уфа, 1958; Юлдашбаев Б. Х. История формирования башкирской нации. Уфа, 1972; Кузеев Р. Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978; Кузеев Р. Г., Усманов А. Н., Усманов Х. Ф. Новые сведения о численности башкир в XVIII–XIX вв. // Итоговая научная сессия Уфимского ИИЯИЛ за 1965 г. Уфа, 1966; Янгузин Р. З. Хозяйство башкир дореволюционной России. Уфа, 1989; Юлдашбаев А. М. Социально-экономическое расслоение многонационального крестьянства Башкирии при капитализме // Вопросы истории, 1984. № 5; Роднов М. И. Социальная структура крестьянства Уфимской губернии накануне Октября // Из истории социально-экономического развития Советской Башкирии. Уфа, 1988; Кутушев Р. П. Промышленность и рабочий класс Башкирии накануне Октябрьской революции // Там же; Мурзабулатов М. В. Скотоводческое хозяйство зауральских башкир в XIX – начале XX вв. // Хозяйство и культура башкир в XIX – начале XX вв. М., 1979; Хакимов С. Х. Численность, состав и положение рабочих Башкирии накануне первой русской революции // Башкирия в революции 1905–1907 гг. Уфа, 1987, и другие. (Сюжеты полемики характера затронуты в основной части исследования).

⁵ Поляков Ю. А. Историческая наука: время крутых поворотов // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М., 1996. С. 31.

оформление нового башкирского движения и оно ознаменовалось значительным усилением тяги к изучению истории, особенно национально-освободительного движения башкирского народа 1917–1921 гг. Эта тенденция нашла свое отражение в докладах и сообщениях, сделанных на региональной конференции, посвященной Октябрьской революции и осуществлению ленинской национальной политики в Поволжье и Приуралье (к 70-летию образования БАССР). В докладах и сообщениях С. Ф. Касимова, М. М. Кульшарипова, Р. А. Давлетшина, А. И. Футорянского и других были освещены отдельные вопросы, связанные с национальным движением и национально-государственным строительством в Башкортостане. Ими были высказаны новые взгляды по оценке характера башкирского национального движения, по вопросу ареста в феврале 1918 г. членов башкирского правительства, а также деятельности Ш. Манатова, М. Халикова – ярких представителей башкирского движения¹.

Однако прежние идеологические установки преодолевались с трудом, о чем свидетельствует книга «Башкирская АССР. Государственно-правовое устройство» (Уфа, 1988), написанная коллективом авторов, состоящим из профессоров и преподавателей юридического факультета Башкирского университета. В ней исследуются вопросы правового положения Башкирской АССР, конституционные основы ее развития как автономной республики. Некоторое внимание уделено в книге и проблемам башкирского национального движения. Автор раздела, затрагивающего этот вопрос, Ф. М. Раянов верно подчеркивает, что БАССР занимает особое место в истории строительства нашего многонационального государства и опыт ее создания был использован при образовании других автономий². Но в разделе имеются неточности и ошибочные, на наш взгляд, утверждения. Например, автор пишет о функционировании Татаро-Башкирской республики до создания БАССР и утверждает ее формальное существование до образования Татарской АССР в мае 1920 г. Во-первых, Положение о Татаро-Башкирской республике в силу целого ряда причин не было претворено в жизнь, во-вторых, с образованием Башкирской АССР Положение Наркомнаца о Татаро-Башкирской Советской республике решением Политбюро ЦК РКП(б) от 13 декабря 1919 г. было отменено. Следуя прежним идеологическим установкам, Ф. Раянов противопоставляет «трудящихся Башкирии» «буржуазным башкирским националистам-валидовцам» и делает вывод о том, что башкирские массы понимали связь их национальной независимости с Советской властью, с революционными преобразованиями³. Подобное заключение не отражает всю сложность и противоречивость борьбы башкирского народа за самоопределение, страдает однобокостью.

С конца 80-х гг. наметился перелом в подходе к этой проблеме, и он был связан в значительной степени с реабилитацией в глазах общественно-

¹ Октябрьская революция и осуществление ленинской национальной политики в Поволжье и Приуралье (к 70-летию образования Башкирской АССР). Тезисы докладов региональной научной конференции. Уфа, 1989.

² Башкирская АССР. Государственно-правовое устройство. Уфа, 1988. С. 22.

³ Там же. С. 9.

сти имени лидера башкирского национального движения Заки Валиди. Творческая интеллигенция республики выступила с инициативой торжественно отметить 100-летие со дня рождения выдающегося общественно-политического деятеля, ученого с мировым именем З. Валиди.

В ходе подготовки юбилейных торжеств, поддержанных руководителями республики, появились различные материалы, преимущественно на страницах периодической печати, не только о жизни и деятельности З. Валиди, но и о других руководителях башкирского национального движения, на имена которых было наложено табу¹.

20–21 декабря 1990 г. в Уфе состоялась научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения З. Валиди, большинство участников которой посвятили свои выступления жизни и деятельности, анализу трудов выдающегося историка и лидера башкирского национального движения. В докладах Г. Б. Хусаинова, М. М. Кульшарипова, Д. Ж. Валеева, Р. Г. Кузеева, А. М. Юлдашбаева, С. Ф. Касимова, Н. У. Ишемгулова и других были освещены различные сюжеты башкирского движения. Материалы конференции вышли отдельным сборником². На конференции было принято решение о периодическом проведении в Башкортостане валидовских чтений. Первое подобное чтение состоялось в сентябре 1992 г. в Уфе, где были заслушаны выступления Юлдашбаева А. М., Касимова С. Ф., Валеева Д. Ж., Червонной С. М., Баимова Р. Н., Шакурова Р. З., Кульшарипова М. М. и других, затрагивающих те или иные аспекты башкирского национального движения³. Материалы конференции валидовских чтений важны тем, что в них был обоснован новый подход к изучению истории башкирского национального движения, признанного как демократическое, национально-освободительное. В республике началась публикация трудов З. Валиди, в первую очередь вышли из печати его «Воспоминания»⁴.

¹ Юлдашбаев Б. Переломный 1917 год // Агидель. 1988. № 12. С. 95–106 (на башк. яз.); Шафиков Г. Свет и тень одной судьбы // Йэшлек. 1990. Февраль. № 16, 17, 19, 20, 21; Хусаинов Г. Б. Историк и языковед // Совет Башкортостаны, 1990. Февраль. № 37, 41, 42; Аминова Г. Труды З. Валиди // Йэшлек, 1990, 4 марта; Юлдашбаев А. Историк, вошедший в историю // Советская Башкирия. 1990. 1 февраля; Насыров Р. Отбытие З. Валиди // Башкортостан. 1990. Декабрь. № 279, 280, 281, 282; Шафиков Г. На путях строительства автономии // Башкортостан. 1990. 11 января; Нургалли З. Заки Валиди и «валидовцы» // Башкортостан. 1990. Декабрь. № 287, 288; Баимов Р. Книга «Воспоминания» и судьба валидовцев // Совет Башкортостаны. 1990. Сентябрь. № 208–213; Хусаинов Г. Историк Заки Валиди Туган // Агидель. 1990. № 3. С. 111–120 (на башк. яз.); Давлетишин Р. Помощник комиссара по мусульманским делам // Йэшлек. 1990. 24 мая; Насыров Р. Назови имена друзей... // Совет Башкортостаны. 1989. Октябрь. № 234, 235, 236; Ярмуллин С. Возвращаясь к опубликованному // Башкортостан. 1990. 18 дек.

² Востоковедение в Башкортостане: История. Культура. Уфа, 1992. Кн. 1.

³ Там же. Кн. 2, 3, 4.

⁴ Тоган З. В. Воспоминания // Агидель, все номера за 1991 и 1992 г. (на башк. яз.); Он же. Воспоминания. Кн. 1. Уфа, 1994. Он же. Воспоминания. Уфа, 1996 (на башк. яз.); Он же. История башкир. История тюрков и татар. Уфа, 1994. Он же. Сочинения. Уфа, 1996 (на башк. яз.); Он же. Путешествие Ибн-Фадлана // Вагандаш. 1997. № 5–12.

Большую работу в этом направлении проделал А. М. Юлдашбаев, который перевел труды З. Валиди с турецкого на башкирский и русский языки. Он же написал ряд работ о З. Валиди, затронув его деятельность как лидера башкирского национального движения в 1917–1920 гг.¹

В 1992 г. нами была выпущена книга «З. Валидов и образование Башкирской Автономной Советской Республики (1917–1920 гг.)», в которой по-новому осмысливается история национального движения башкирского народа, возглавляемого З. Валиди². Известный специалист по национальному вопросу Т. Ю. Бурмистрова опубликовала небольшую брошюру о жизни и творчестве З. Валиди³. О мудрости и деловом подходе к национальному вопросу «националиста» З. Валиди в отличие от зашоренных коммунистических руководителей писали С. В. Кулешов, О. В. Волобуев, Е. И. Пивовар⁴. Они же подвергли обоснованной критике деятельность в Башкирской республике «посланцев партии» Ф. А. Сергеева (Артема), Ф. Н. Самойлова и других⁵. Вообще в современной российской историографии по проблемам наций и национальных отношений и национальных движений сложились как бы два направления: одно – федералистское, представители которого подвергают нелицеприятной критике национальную политику большевиков, советского правительства за ее унитаристскую сущность, подчас шовинистический характер, положительно отзываясь о борьбе нерусских народов за самоопределение. Наиболее ярко это проявилось в работе вышеуказанных авторов. Другое – унитаристское, скорее державное направление. Державники, как правило, тоже критически относятся к национальной политике большевиков, но за их приверженность к лозунгу о праве наций на самоопределение, защищая идею традиционной имперскости России. Эта точка зрения, например, выражена в учебном пособии для вузов Л. И. Семенниковой. В разделе книги «Большевистские программы по национальному вопросу и судьба России» она пишет, что «большевики не понимали особенностей России. Она никогда не строилась по национально-территориальному принципу и не могла так строиться...», «Автономные регионы были образованы сверху по решению ВЦИК или правительства». Далее Л. И. Семенникова делает вывод, что политика «коренизации» ущемляла интересы русских и т. д.⁶ Очевидно, что автор защищает имперскую традицию России. Несостоятелен тезис Семенниковой об образовании «автономий сверху», отрицающий нацио-

¹ Юлдашбаев А. М. Профессор А. З. Валиди Тоған. Уфа, 1991; Ахметзаки Валиди Тоған // Судьба и наследие башкирских ученых-эмигрантов. Уфа, 1995. С. 4–108 и другие. К стати, Юлдашбаев А. М. стал лауреатом премии им. З. Валиди, учрежденной в 1990 г.

² Кульшарипов М. М. З. Валидов и образование Башкирской Автономной Советской Республики (1917–1920 гг). Уфа, 1992.

³ Бурмистрова Т. Ю. Ахмет Заки Валиди Тоған: жизнь и творчество. М., 1996.

⁴ Кулешов С. В., Волобуев О. В., Пивовар Е. И. и др. Наше Отечество. Опыт политической истории. М., 1991. С. 144.

⁵ Там же. С. 143, 144.

⁶ Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Уч. пособие для вузов. Брянск, 1995. С. 472, 473.

нально-освободительную борьбу нерусских народов за самоопределение. Аналогичная точка зрения защищается и в ряде других публикаций, где затрагиваются сюжеты национальной политики советского правительства в первые послеоктябрьские годы¹.

Некоторая информация о демографическом положении башкир, особенностях социально-экономического их состояния в начале XX в. дана в книге Ю. Г. Кульчика². Наряду с заслуживающими внимания наблюдениями о башкирском движении XX в. (роль вотчинного права, религии и т. д.), в обзоре московского исследователя можно обнаружить слабо аргументированные утверждения, скажем, о незавершенности процесса формирования башкир «как нации к началу XX в. с полной социально-классовой структурой». Трудно согласиться с попыткой автора объяснить главную причину трагического этнодемографического положения башкир в 20-х гг. XX в. окончательным нарушением тысячелетнего уклада их жизни, «когда не только кочевое, но и оседло-кочевое скотоводство стало невозможным на территории почти всей Башкирии»³. Дело в том, что коренная ломка тысячелетнего уклада жизни башкир происходила не в начале XX в., а прежде всего на протяжении всего XIX в., особенно в пореформенный период. Демографические катаклизмы 20-х гг. связаны с другими причинами, о чем речь пойдет в соответствующем разделе.

Значительный интерес в изучении различных аспектов башкирского национального движения представляют увидевшие в трехтомном сборнике «Этнографическая мозаика Башкортостана» (отв. редактор М. Н. Губогло) статьи, заметки, комментарии, написанные самим ответственным редактором, Б. Х. Юлдашбаевым, Р. Г. Кузеевым, А. М. Юлдашбаевым и другими⁴. Важно то, что указанные авторы башкирское национальное движение рассматривают в тесной связи с современностью, с проблемами суверенитета и федерализма.

Вопросы мобилизующей роли и деятельности национальной элиты и прежде всего «лидерствующей группы интеллектуалов», об обладании

¹ Барсиков А. С. и др. Русский национальный вопрос в национальной политике XX века. М., 1993; Верба И. А., Гусарова Л. О. Национальная политика большевиков в первые годы советской власти // История, 1997. № 10, еженедельное приложение к газете «Первое сентября» и др.

² Кульчик Ю. Г. Этнополитические процессы в Башкортостане (Информационно-аналитический обзор). М., 1992.

³ Кульчик Ю. Г. Указ. соч. С. 11, 12.

⁴ Губогло М. Н. Вместо введения. О задачах этнополитической антологии // Этнополитическая мозаика Башкортостана. М., 1992. Т. 1.; Он же. От составителя // Этнополитическая мозаика Башкортостана. М., 1992. Т. 2; Юлдашбаев Б. Х. К методологии изучения национально-политической ситуации в Башкортостане // Этнополитическая мозаика Башкортостана. М., 1993. Т. 1.; Он же. Учредительный курултай как вершина Башкирского национального движения // Этнополитическая мозаика Башкортостана. М., 1992. Т. 2; Кузеев Р. Г. О национальных движениях, суверенитете и федерализме // Этнополитическая мозаика Башкортостана. М., 1992. Т. 2; Кузеев Р. Г., Юлдашбаев А. М. Комментарии об идейных предпосылках Башкирского национального движения в 1917 г. // Этнополитическая мозаика Башкортостана. М., 1992. Т. 2 и др.

башкирским народом «национальным потенциалом для образования своей собственной государственности на этнической основе» и другие проблемы наций и национальных отношений нашли отражение в статьях Д. Ж. Валеева, М. Н. Губогло, Р. Г. Кузеева, М. М. Кульшарипова, Б. Х. Юлдашбаева, И. Г. Илишева, которые были опубликованы в сборнике «Ресурсы мобилизованной этничности» (Москва-Уфа, 1997) (ответственный редактор М. Н. Губогло, члены редколлегии Р. Г. Кузеев, Г. Х. Шахназаров)¹.

В 90-х гг. в республике вышло немало работ, в которых в той или иной мере были затронуты некоторые вопросы башкирского национального движения. были защищены докторские и кандидатские диссертации по темам национально-государственного строительства и национального движения².

Заслуживающими внимания следует считать мысли и суждения, высказанные в трудах А. Г. Бишшева, Д. Ж. Валеева относительно некоторых аспектов башкирского движения.

В работах А. Г. Бишшева сделана попытка по-новому осмыслить историю башкирского национального движения, сущности «ленинской национальной политики». Он прослеживает эволюцию взгляда В. И. Ленина на самоопределение наций – от признания их права на образование самостоятельного государства и отделения – до отрицания такового. Автор, рассматривая национальную политику большевиков в отношении Башкортостана в 1917 г. и последующие годы, определяет ее как сугубо конъюнктурную. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 19 мая 1920 г., по мнению А. Бишшева, оставил от национальной автономии «лишь ее название»³. В. И. Ленина и большевиков он обвиняет в проведении прежней политики «аннексий и захватов», в создании по существу унитарного государства. Со многими выводами автора можно согласиться, однако в ленинском подходе к национальному вопросу не все было просто и однозначно. Образование союзных и автономных республик, хотя и лишенных политической и экономической самостоятельности, безусловно способствовало на-

¹ Ресурсы мобилизованной этничности. М., 1997. Уфа. Данный сборник, составленный главным образом на материалах Республики Башкортостан, вызвал неоднозначную оценку. На страницах газеты «Известия Башкортостана» (2.06.97) была рецензия на эту книгу сугубо критического характера за тенденциозное освещение некоторыми авторами (С. Фуфасев, Р. Галлямов и др.) общественно-политической ситуации в республике.

² Бишшев А. Г. История башкирского народа и его борьба за свободу. Уфа, 1993; Он же. Нация и национальная политика (Исторический очерк). Уфа, 1995; Валеев Д. Ж. Национальный суверенитет и национальное возрождение (история борьбы башкирского народа за самоопределение). Уфа, 1994; Юнусова А. Б. Ислам в Башкирии. 1917–1994 гг. Уфа, 1994; Фаизов Г. Б. Государственно-исламские отношения в Поволжье и Приуралье. Уфа, 1995; Юлдашбаев Б. Х. Новейшая история Башкортостана. Уфа, 1995; Касимов С. Ф. Образование национальной государственности башкирского народа. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 1998; Ишемгулов Н. У. Башкирское национальное движение (1917–1921 гг.) Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1996.

³ Бишшев А. Г. Нация и национальная политика. Уфа, 1995. С. 71.

циональной консолидации и культурному развитию ранее бесправных народов. В осуждении шовинизма и местного национализма, провозглашении лозунга интернационализма, хотя все это служило интересам большевистского режима, было немало положительного.

В сочинениях А. Г. Бишшева имеет место противопоставление З. Валиди, как проводника идеи создания демократической федеративной республики тюркских народов Востока, другим башкирским лидерам, связанным только с башкирским движением. Излагая эту точку зрения, автор делает вывод, что нельзя называть башкирских деятелей тех времен «валидовцами», поскольку последние защищали прежде всего «национальные интересы башкир»¹. Получается, что З. Валиди преимущественно боролся за общетюркские интересы. Однако он с октября 1917 г., будучи лидером башкирского национального движения, полностью переключился на башкирские дела и его связи с Казахстаном, Средней Азией носили эпизодический характер. Попытка умаления роли З. Валиди в башкирском движении не выдерживает критики.

В работе Д. Ж. Валеева можно найти довольно интересные наблюдения о сложнейшем процессе национально-государственного строительства в Башкортостане в 1917–1921 гг. Весьма интересную мысль он высказал по поводу идеи о Татаро-Башкирской республике. Автор считает, что движение за совместную республику было обречено, так как оно «возникло не в самих массах, а в головах идеологов, т. е. оно было движением не народным, а навязанным сверху»². Д. Ж. Валеев подверг обоснованной критике политику центральных властей по ограничению автономных прав Башкирской республики, говоря об антигуманистической ее сути³. Однако некоторые суждения автора не бесспорны. Так, вслед за Р. У. Кузьевым он утверждает, что Временный революционный совет Башкортостана (ВРСБ) был создан «не без активной роли в этом деле Оренбургского губернского мусульманского военно-революционного комитета (МВРК) и Оренбургского губревкома»⁴. Руководители Оренбургского МВРК (Г. Шамигулов, М. Тагиров и др.) были яркими противниками самоопределения народов, что доказывается сохранившимися источниками. В свое время в газете «Совет Башкортостаны» (20.09.58) появилась статья Г. Алпарова, который без каких-либо оснований на то пустил в оборот мнение о том, что якобы на собрании представителей трудового башкирского народа г. Оренбурга, состоявшемся 4 февраля (17 февраля по новому стилю), председатель Оренбургского МВРК Г. Шамигулов выступил с предложением образования ВРСБ. Подобная инициатива никак не могла исходить от Шамигулова — ярого противника башкирской автономии. Иначе чем объяснить тот

¹ Бишшев А. Г. История башкирского народа и его борьба за свободу. Уфа, 1993. С. 274, 275.

² Валеев Д. Ж. Национальный суверенитет и национальное возрождение. Уфа, 1994. С. 53.

³ Там же. С. 66.

⁴ Кузьев Р. У. Бахтигарей Шафиев. Уфа, 1972. С. 47; Валеев Д. Ж. Указ. соч. С. 56.

факт, что в протоколе учредительного собрания ВРСБ было записано «о недопущении вмешательства в действия ВРСБ представителей как Оренбургского военного мусульманского комитета, так и Оренбургского МВРК, так как лица, – говорится в документе, – состоящие в оных комитетах до сего времени ... старались тормозить идеи трудовых башкир¹. В дальнейшем недаром ВРСБ вошел в острый конфликт с МВРК Г. Шамигулова и в конечном итоге эти организации распоряжением Оренбургского губисполкома были распущены. В этом деле инициативу действительно проявил Г. Шамигулов, обвинив членов ВРСБ в продолжении курса «прежнего шуру и Башкирского правительства по созданию Башкирской автономии». Трудно согласиться с мнением Д. Ж. Валеева о Ш. Манатове как о лидере башкирского движения, которого он, наряду с З. Валиди, называет «отцом башкирской автономии»². Конечно, Ш. Манатов с июля по декабрь 1917 г. возглавлял Башкирское центральное шуру. Но в связи с отъездом в Петроград в начале января 1918 г. он по существу оторвался от башкирского движения и его участие в последующих процессах национально-государственного строительства в Башкортостане было минимальным³.

В нашей историографии не обращалось должного внимания на религиозные аспекты башкирского национального движения. Работы А. Б. Юнусовой и Г. Б. Фаизова в какой-то мере восполняют этот пробел. Как А. Б. Юнусова, так и Г. Б. Фаизов отмечают стремление башкирского национального движения обособиться от общероссийского мусульманского движения, где были довольно сильны позиции татарского элемента⁴. Верность этого вывода доказывается решениями башкирских съездов 1917 г. о необходимости создания независимого от Оренбургского мусульманского духовного собрания автономного Духовного управления мусульман Башкортостана. В решениях башкирских курултаев зафиксировано положение об отделении религии от государства и оно на деле соблюдалось. В этой связи слишком категоричным, на наш взгляд, является утверждение Г. Б. Фаизова о том, что это положение было лишь фикцией, данью политическим требованиям революционного времени⁵. Несмотря на участие представителей мусульманского духовенства в башкирском движении (С. Мрясов, Курбангалеевы, Расулевы, Фахретдиновы и др.), исламская идеология не была доминирующей в башкирском движении, религиозный фанатизм был чужд башкирскому народу, о чем писали известные дореволюционные русские этнографы Д. П. Никольский, С. Г. Рыбаков, Н. В. Никольский и другие. В то же время нет основа-

¹ Образование Башкирской АССР. С. 94, 122.

² Валеев Д. Ж. Очерки истории общественной мысли Башкортостана. Уфа, 1995. С. 153, 168.

³ Ш. Манатов в 1918 г. работал в аппарате Наркомнаца. В 1919 г. был послан в Турцию. С октября 1920 г. назначен полномочным представителем Наркомнаца в БАССР.

⁴ Юнусова А. Б. Ислам в Башкирии. 1917–1994. Уфа, 1994. С. 21; Фаизов Г. Б. Государственно-исламские отношения в Поволжье и Приуралье. Уфа, 1995. С. 53.

⁵ Фаизов Г. Б. Указ. соч. С. 54.

ний отрицать роль ислама как консолидирующего фактора башкирского национального движения и недаром религиозные вопросы занимали значительное место в программных его документах¹.

К «перестроечным» изданиям, затронувшим некоторые стороны башкирского национального движения, следует отнести книгу Б. Х. Юлдашбаева «Новейшая история Башкортостана». В ней имеются интересные, весьма неординарные суждения и выводы о башкирском национальном движении. Однако идеализация автором политики Временного правительства, белого движения, его приверженность в последние годы к идее «экстерриториальной национально-культурной автономии» наложили свой отпечаток на «новое осмысление» им национально-освободительного движения башкир, названного «националистическим» (в положительном смысле этого понятия). Трудно согласиться с оправданием автора отрицательного отношения «демократических партий России» к башкирскому движению за самоопределение, которое, по Юлдашбаеву, ослабляло позиции правительственных партий по демократизации страны². К тому же, продолжает он, у башкир не было исторического опыта национальной государственности и автономии³. Он старается обелить шовинистическую национальную политику белых генералов, которым-де «в условиях жестокой битвы с вооруженным большевизмом ... не довелось или просто не удалось заняться вплотную национальным вопросом в Башкирии»⁴. Если раньше Б. Юлдашбаев критиковал башкирское движение с левых, большевистских позиций, то в данной книге то же самое движение подвергается атаке справа, с позиций воинствующего антикоммунизма. В работе Юлдашбаева явно преувеличивается роль и значение в башкирском национальном движении Курбангалеевых, из которых он сделал противников территориального самоопределения башкирского народа⁵. Как известно, Г. Курбангалеев в 1920 г. возглавил в Забайкалье белое башкирское движение, в программе которого четко записано об объявлении Башкортостана «территориально-автономной частью Российского Федеративного государства» и нет ни слова о какой-то экстерриториальной автономии⁶. Автор, вопреки очевидным фактам, вслед за большинством татарских исследователей и публицистов, осуждает «распространение башкирской автономии на Уфимскую губернию»⁷, игнорируя проживание там, т. е. на своей этноисторической территории, более полумиллиона башкир.

В целом книга Юлдашбаева изобилует необоснованными нападками как на башкирское движение 1917 г., так и на современном этапе⁸. Все это

¹ См. Этнополитическая мозаика Башкортостана. М., 1992. Т. 2. С. 70.

² Юлдашбаев Б. Х. Новейшая история Башкортостана. Уфа, 1995. С. 75.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 94, 95.

⁵ Там же.

⁶ Таган Г. Башкиры в Забайкалье // Ватандаш, 1997. № 8. С. 121.

⁷ Юлдашбаев Б. Х. Указ. соч. С. 108.

⁸ К сожалению, эта работа Б. Х. Юлдашбаева, изобилующая спорными выводами и утверждениями, рекомендована в качестве учебного пособия.

вызывает сомнение относительно заявлений автора о «верной оценке», о взгляде «без субъективистской предвзятости» и «верном глазе» при изучении исторического прошлого и настоящего республики послеоктябрьского периода.

Показателем повышения интереса к проблемам национально-государственного строительства в Башкортостане, а также национальному движению в условиях демократизации нашего общества является защита докторской и кандидатских диссертаций. Так, С. Ф. Касимов защитил докторскую диссертацию по теме «Образование национальной государственности башкирского народа (1917–1925 гг.)» в 1995 г. Основное содержание его диссертации нашло отражение в его статьях, депонированных работах¹. Достоинство публикаций С. Ф. Касимова состоит в введении в научный оборот большого фактического материала, дающего конкретную картину национально-государственного строительства в Башкортостане.

В 1997 г. вышла из печати монография С. Ф. Касимова, посвященная строительству национальной государственности башкир². Данная работа является итогом многолетних научных изысканий автора. С. Ф. Касимов, отказавшись от прежних жестких методологических установок, сумел более объективно и всесторонне показать весь сложный процесс создания и становления Башкирской автономии. Он убедительно и аргументированно раскрыл деятельность лидеров башкирского национального движения по достижению поставленной цели, осветил трудности, возникшие на пути строительства территориальной автономии. Исследование С. Ф. Касимова значительно обогащает наше представление о башкирском национальном движении в те переломные годы. Однако, на наш взгляд, некоторые выводы этой интересной книги не бесспорны. Так, автор, вслед за этнологом Ф. А. Фиельструпом, считает, что к 1917 г. численность башкир составляла 1 млн. 300 тыс. человек³. Очевидно, что вне поля зрения автора остались материалы переписи населения 1917 г. Также С. Ф. Касимов, вслед за Р. Раимовым, пишет о том, что в «красноармейских частях сражалось до 15 тыс. башкир, большинство которых находилось в 5-й армии», а белое башкирское войско, по его мнению, насчитывало примерно 6–7 тыс. человек⁴. Эти цифровые выкладки не совсем точно отражают действительное положение дел. К осени 1918 г. в рядах башкирского белого войска сражалось не менее 10 тыс. человек.

¹ Касимов С. Ф. История образования Башкирской советской автономии (1919–1925 гг.). Уфа, 1993. 208 с. Депонировано в ИНИОН РАН. № 4818. 1993; *Он же*. Борьба коммунистической партии с буржуазным национализмом и уклонами в национальном вопросе (на примере Баш. АССР // Великий Октябрь и Баш. АССР. Тезисы науч. конф. Уфа, 1987; *Он же*. Национально-государственное строительство на Южном Урале в 1917–1920 гг. // Социально-политические и этнодемографические процессы на Южном Урале XVII–XX вв. Уфа, 1992 и др.

² *Он же*. Автономия Башкортостана: становление национальной государственности башкирского народа (1917–1925 гг.). Уфа, 1997.

³ Там же. Указ. соч. С. 54.

⁴ Там же. Указ. соч. С. 115.

В целом книга С. Ф. Касимова является большим и ценным вкладом в дело изучения сложнейшего периода истории Башкортостана.

Определенную взаимосвязь с историей башкирского национального движения имеет кандидатская диссертация Р. Р. Мардамшина об истории Башкирской ЧК. Вполне можно согласиться с выводом диссертанта о том, что сотрудники БашЧК временами проявляли «излишнее усердие в поисках среди ответработников башкирской национальности контрреволюционеров, постоянно подозревая и обвиняя их в сепаратистском заговоре»¹.

В 1996 г. кандидатскую диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук защитил по теме «Башкирское национальное движение (1917–1921 гг.)» Н. У. Ишемгулов. В его диссертации нашли отражение некоторые вопросы становления и эволюции башкирского движения, его взаимоотношения с политическими партиями и государственными органами².

Значительный интерес представляют публикации последних лет научно-популярного характера, написанные такими известными в республике публицистами, как Г. Шафиков, З. Султанов, Р. Насыров³. В них даны яркие портреты лидеров башкирского движения: З. Валиди, М. Муртазина, Ш. Манатова, Н. Тагирова, Х. Габитова и других.

Башкирское национальное движение имело довольно тесное соприкосновение с татарским национальным движением, особенно в связи с попыткой последнего создать совместную Татаро-Башкирскую республику. Вполне понятно, что в трудах казанских историков, посвященных национально-государственному строительству в Урало-Поволжском регионе, освещаются некоторые аспекты истории башкирского движения⁴. Наряду с интересными наблюдениями о татаро-башкирских взаимоотношениях, о мусульманских съездах, в трудах татарских историков прослеживается идеализация положения о Татаро-Башкирской республике, за которую якобы боролись и башкирские трудящиеся вопреки своим националисти-

¹ *Мардамшин Р. Р.* История БашЧК. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1995. С. 19. Основные положения диссертации вошли в его книгу «Башкирская Чрезвычайная Комиссия». Уфа, 1999.

² *Ишемгулов Н. У.* Башкирское национальное движение (1917–1921 гг.) Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1996.

³ *Шафиков Г.* И совесть и жертвы эпохи. Уфа, 1991; *Он же.* Дыхание гжугее истории. Уфа, 1998; *Султанов З.* Сулейман Мурзабулатов. Эпоха и борьба // Агидель. 1995. (на башк. яз.); *Насыров Р.* Ищу человека. Уфа, 1997 (на башк. яз.) и др.

⁴ *Мухарьямов М. К.* Октябрь и национальный вопрос в Татарии (октябрь 1917 – июнь 1918 г.). Казань, 1958; *Хафизов Ш.* Образование Татарской АССР. Казань, 1960; *Климов И. М.* Образование и развитие Татарской АССР (1920–1926 гг.). Казань, 1960; *Хайрутдинов Р. Г.* На путях к советской автономии. Казань: КГУ, 1972; *Тагиров И. Р.* Революционная борьба и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале (февраль–июль 1917 г.). Казань, 1977; *Он же.* Дорогой свободы и братства. Казань, 1987; *История Татарской АССР.* Казань, 1973; *Сагадиев А. В.* Мирсаит Султангалиев и идеология национально-освободительного движения. Научно-аналитический обзор. М., 1990; *Султанбеков Б. Ф.* Сталин и «татарский след». Казань, 1995; *Он же.* *Мальшева С. Ю.* Трагические судьбы. Казань, 1996; *Он же.* История в лицах. Казань, 1997.

чески настроенным лидером¹. Так, А. В. Сагадиев, автор научно-аналитического обзора взглядов М. Султангалиева, не только выступает с защитой этого мнения, а пытается доказать, что образование Башкирской АССР явилось удовлетворением личных амбиций З. Валиди². Очень часто в татарских изданиях повторяется тезис о том, что большевики сознательно пошли на раскол общего татаро-башкирского, вернее мусульманского движения и сверху, волевым путем, допустили образование отдельной Башкирской республики³. Объектом критики татарской историографии стал вопрос образования в 1922 г. «Большой Башкирии». По мнению татарских историков и публицистов, уезды Уфимской губернии должны были отойти к Татарской республике, поскольку в них проживало больше татар, чем башкир⁴. Эти же сюжеты преобладают в трудах видных татарских общественно-политических деятелей времен революции и гражданской войны, которые увидели свет в последние годы⁵. Так, Г. Исхаки осуждает образование самостоятельных автономий народов Волго-Уральского региона и особенно Башкирской республики. Все это он изображает как козни большевиков, пытавшихся расколоть единое тюрко-татарское движение⁶. Общеизвестно, что в тюркском, вернее мусульманском национальном движении в 1917 г. не было единого взгляда по многим вопросам, и повинны в этом не столько большевики, а сам Г. Исхаки со своими единомышленниками, которые ратовали за единую Российскую республику, т. е. унитарное государственное устройство при экстерриториальной автономии «тюрко-татар России» по духовно-религиозным и образовательным вопросам⁷. Как сообщает З. Валиди, в августе 1917 г. Г. Исхаки, С. Максуди и др. нанесли визит председателю Временного правительства князю Львову и заверили его о своем желании не отделяться от России в отличие от малороссов, заявив: «Хотим жить вместе с вами»⁸. Такая позиция татарских деятелей не нашла поддержки среди других движений тюркоязычных народов, о чем свидетельствует решение Всероссийского съезда мусульман

¹ Тагиров И. Р. Дорогой свободы и братства. Казань, 1987. С. 257, 263.

² Мирсайт Султангалиев и идеология национально-освободительного движения. Научно-аналитический обзор (автор Сагадиев А. В.). М., 1990. С. 27, 29, 81.

³ Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995. С. 417, 418.

⁴ Татары и Татарстан. Справочник. Казань, 1993. С. 75; Халим А. Книга печали, или записки аборигена. Вильнюс, 1990. С. 197 и др.

⁵ Исхаки Г. Идель-Урал. Набережные Челны, 1993; Батталов А. А. (Таймас А. Б.). Казанские тюрки. История казанских татар. Казань, 1996; Валиди Дж. У меня разногласия с совластью // Эхо веков. 1996. № 1/2; Айда А. Садри Максуди Арсал. М., 1996; Султангалиев М. Статьи. Выступления. Документы. Казань, 1992; Исповедь секретаря Сталина (М. Брундуков) // Султанбеков Б. Ф., Мальшева С. Ю. Трагические судьбы. Казань, 1996. С. 177–241.

⁶ Исхаки Г. Указ. соч. С. 49.

⁷ Юлдашбаев Б. Х. Учредительный курултай как вершина башкирского национального движения в 1917 г. // Этнополитическая мозаика Башкортостана. М., 1992. Т. 2. С. 19.

⁸ Тоган З. В. Воспоминания. Уфа, 1994. С. 204.

(май, 1917 г.) о федеративном устройстве будущей России вопреки стараниям унитаристов, в том числе Г. Исхаки.

«Положение о Татаро-Башкирской республике» не было претворено в жизнь не по воле большевиков, а из-за отрицательного отношения к нему значительной части башкирского населения, башкирского национального движения во главе с З. Валиди. О борьбе последнего за самостоятельную Башкирскую автономию, о неприятии им совместной Татаро-Башкирской республики писал известный татарский историк И. Р. Тагиров¹.

Что касается Башкирской республики, то она была создана не большевистским декретом, спущенным сверху, а в результате «Соглашения» Центральной советской власти с Башкирским правительством. Более того, местные большевики, в том числе башкирские (Б. Нуриманов, К. Хакимов и др.), не воспринимали идею самоопределения наций, в том числе башкирского народа. Столь же безосновательны претензии татарских исследователей на уезды Уфимской губернии. Достаточно сказать, что, по данным переписи 1897 г., в Уфимской губернии башкиры составляли 41% всего населения, а татары – 8,4% (совместно с мишарями и тептярями – 11%)².

Весьма любопытные, в то же время слабо аргументированные, в большинстве случаев опирающиеся на предположения, выводы и мнения высказал по поводу становления башкирского движения под руководством З. Валиди, о проекте Татаро-Башкирской республики и его отмене Т. Давлетшин, татарский эмигрант, автор книги «Советский Татарстан», которая была издана в 1974 г. в Мюнхене. В его монографии наиболее заслуживающей внимания является IV глава, посвященная анализу работы I Всероссийского мусульманского съезда³. Наряду с верными в своей основе наблюдениями (например, недовольство башкирских делегатов работой аграрной секции съезда и выработанной ею резолюцией), автор, вслед за Г. Исхаки, пытается объяснить «сепаратизм» З. Валиди тем, что ему на съезде не было уделено должного внимания, на которое он мог рассчитывать (не был избран в президиум съезда, его кандидатура не была выдвинута мусульманами внутренней России в центральный орган – «Милли шура» и т. д.)⁴.

Автор, ссылаясь на доклад А. Цаликова, лезгина, как он считает, по национальности, также стремится доказать, что не одни татарские делегаты были сторонниками унитарной России с культурно-национальными автономиями мусульман. При этом он делает упор на то, что среди татар-

¹ Тагиров И. Р. Проблемы национальной государственности в Поволжье в период борьбы за власть Советов // Великий Октябрь и проблемы совершенствования межнациональных отношений. Уфа, 1990. С. 21, 22.

² Первая всеобщая перепись... 1897 г. Т. XLV. Уфимская губерния. Тет. 2. С. 3. Здесь, безусловно, следует учитывать, что, возможно, с башкирами учтена некоторая часть тептярей и мишарей. Этот вопрос рассматривается в § 1, гл. 1 данного исследования.

³ Давлетшин Т. Советский Татарстан. Теория и практика ленинской национальной политики. Мюнхен, 1974. С. 64–102.

⁴ Там же. С. 73. Т. Давлетшин считает, что З. Валиди, хотя считал себя башкиром, якобы был сыном татарского муллы. Там же. С. 72.

ских делегатов также были федералисты (Ф. Карими, Ф. Туктаров и А. Сулеймани) и раскол на съезде произошел между сторонниками духовно-религиозного единства мусульманских народов, с одной стороны, и теми, которые, поддерживая духовно-религиозное единство, отрицали необходимость культурно-языкового слияния мусульман – с другой, а не между татарскими делегатами и делегатами других мусульманских народов¹.

Т. Давлетшин, вполне в духе татарской историографии пишет, что «численность населения, носившего название «башкиры», в 1920 г. составляла около 1500 тыс. человек. Из них 800 тыс. были собственно башкиры – вотчинники ... остальные 700 тыс. – припущенники-татары», бежавшие от преследований русских властей после падения Казани². Этот вывод автора не соответствует действительности, о чем речь пойдет в разделе исследования, посвященного этнодемографии башкир в начале XX века. Давлетшин идет на прямую фальсификацию данных о численности башкирского населения в начале XX в. в Уфимском, Бирском, Белебеевском уездах, в которых якобы в 20-х гг. башкиры составляли не более 4,5%, а татары – более 50%, хотя материалы переписей 1897, 1917, 1920 гг. дают обратную картину.

Автор, проигнорировав конкретные фактические данные, делает вывод о том, что якобы среди башкир, за редким исключением (он называет имя лишь одного Ш. Манатова), не было противников образования Татаро-Башкирской республики и в отмене Положения о совместной республике обвиняет прежде всего «советский режим», обеспокоенный «стремлением татар распространить свое духовное влияние на восточные народы», напуганный предложением башкир об образовании «Татаро-Башкиро-Киргизской республики», хотя с подобным проектом башкиры никогда не выступали, а было лишь предложение Башревкома о создании Киргизо-Башкирской республики. Говоря об отмене Положения о ТБР, Т. Давлетшин ни слова не говорит о требовании Башревкома об этом. Он же утверждает, что будто бы Временный революционный совет Башкортостана (ВРСБ) был сторонником ТБР, что тоже не соответствует действительности³. Не выдерживает критики мнение Т. Давлетшина о восстании «Черного орла» 1920 г. как о движении татаро-башкирского крестьянства⁴. В этом движении, кстати начавшемся в русском селе Н. Елань Мензелинского уезда, активное участие принимали русские крестьяне, чуваша, мордва и другие, недовольные политикой продрозверстки. Это движение не было связано с национальным вопросом, на что пытается делать упор Т. Давлетшин.

Таким образом, в объемистой монографии Т. Давлетшина, где довольно полно изложены работа I Всероссийского мусульманского съезда, история провозглашения национально-культурной автономии мусульман внут-

¹ Давлетшин Т. Указ. соч. С. 76. А. Цаликов (Цалыкатти) по национальности был осетином.

² Там же. С. 88.

³ Там же. Указ. соч. С. 171.

⁴ Там же. С. 177–179.

ренной России и Сибири и в целом история татарского национального движения, имеются ошибочные в своей основе суждения о башкирском движении, о демографии башкир, о проекте Татаро-Башкирской республики и его отмене и другие.

В последние годы татарскими историками проделана большая работа по публикации различных документальных источников о национальных движениях, о видных общественно-политических деятелях, в том числе башкирских, особенно на страницах журнала «Эхо веков», издаваемого архивным управлением при Кабинете Министров Республики Татарстан¹.

Интересные сведения о башкирском движении, о видных его руководителях (З. Валиди, И. Алкине, Ф. Тухватуллине, Ш. Манатове) можно почерпнуть из серии книг Б. Ф. Султанбекова, посвященной жертвам сталинских репрессий. Следует подчеркнуть объективный подход к изучаемым проблемам, добропорядочность автора, отсутствие в его работах тенденциозного подхода к башкирскому движению и его лидерам².

Итак, татарская историография значительно расширяет наши представления о национальном движении среди народов Поволжья и Приуралья, помогает лучше понять особенности взаимоотношений между двумя движениями, которые не всегда были безоблачными.

История образования Башкирской АССР, в том числе башкирского национального движения, стала объектом пристального внимания зарубежных исследователей. Известно, что наша историография давала довольно тенденциозную оценку трудам, как тогда было принято квалифицировать «буржуазных фальсификаторов». Между тем, в работах зарубежных исследователей содержатся интересные наблюдения и выводы о башкирском движении. Однако нет оснований для безоговорочного восприятия трудов западных авторов, которые, в силу причин объективного характера, страдают узостью источниковой базы, слабым, совершенно поверхностным представлением об особенностях социально-экономического и общественно-политического положения башкир к началу XX в. Это обусловлено в большинстве случаев предубежденным отношением западных историков к народам Востока России, в том числе башкирам, как отсталым, неприобщенным к цивилизации кочевникам.

Если раньше труды зарубежных авторов были почти недоступны для рядового исследователя, то в последние годы, благодаря демократизации нашего общества, их исследования по истории России, в том числе освещающие национальный вопрос, увидели свет в переводе на русский язык³.

¹ См.: «Эхо веков». 1996. № 1, 2. Статья о Г. Курбангалееве, участнике башкирского движения. С. 255–264.

² Султанбеков Б. Ф. Сталин и «татарский след». Казань, 1995; Султанбеков Б. Ф., Мальшева С. Ю. Трагические судьбы. Казань, 1996; Султанбеков Б. Ф. История в лицах. Казань, 1997.

³ Карр Э. История советской России. Большевицкая революция 1917–1923. М., 1990. Кн. 1. Т. 1,2; Боффа Дж. История Советского Союза. От революции до второй мировой войны. Ленин и Сталин. М., 1990. Т. 1; Хоскинг Дж. История Советского Союза (1917–1991 гг.). М., 1994; Верт Н. История советского государства. 1900–1991. М., 1995; Каценелинбойген А. Советская политика и

Резкой критике национальную политику большевиков в отношении башкирского движения подверг американский историк Р. Пайпс. Он признает правомерность действий лидеров башкирского движения, их деятельность, направленную на создание автономии. В то же время он сугубо критично оценил действия местных большевиков, являющихся, на его взгляд, защитниками интересов русских колонистов¹. Р. Пайпс указывает, что «Соглашение» Башкирского правительства с Центральной властью было большой уступкой Москвы в целях привлечения башкирских войск на свою сторону. Декрет 19 мая 1920 г., по его мнению, ликвидировал автономные права Башкирской республики². Пайпс осуждает действия обкома партии, который, как он пишет, стал орудием в руках русских и татар в их борьбе против Башкирской автономии³. Не совсем верно изображает Р. Пайпс роль З. Валиди на начальном этапе башкирского национального движения. Он пишет, что З. Валиди на I Всероссийском мусульманском съезде выступил с проектом создания территориальной автономии башкир и на этой почве якобы вошел в конфликт с татарскими делегатами съезда⁴. На деле З. Валиди на этом форуме мусульман не выступал за самостоятельную автономию башкир и не «увел за собой 50 башкирских делегатов». Тогда он был занят туркестанскими делами и окончательно возглавил башкирское движение только в июле 1917 г.

Не выдерживает критики мнение американского историка С. А. Зеньковского о том, что «... все башкирское движение 1917–1920 гг. было в основном вызвано усилиями Валидова. Без этого человека национальное движение тюрков Урало–Поволжья приняло бы совсем иной характер и смогло бы избежать острого конфликта башкир с татарами. Подстрекаемый Валидовым, башкирский съезд принял довольно радикальную программу, требовавшую создания национально-территориальной автономии, формирования башкирских воинских частей и возвращения башкирам земель, захваченных приезжими (переселенцами. — М. К.) после 1989 г.»⁵

Материалы I Всебашкирского мусульманского съезда (Москва, 1917 г.), «Воспоминания» самого З. Валиди свидетельствуют о несостоятельности этого вывода, сделанного С. А. Зеньковским. Первоначальное

экономика. Вермонт, США. 1988. Кн. 2; *Пайпс Р.* Башкирская республика в 1917–1920 гг. // *Йэшлек.* 1996. 23 янв., 25 янв.; *Бенигсен А.* Мусульмане в СССР // *Панорама-форум.* Казань, 1995. № 2, 3; 1996. № 1; *Яльчин А.* Национальное пробуждение тюркских народов // *Панорама-форум.* Казань, 1997. № 1; *Линц Х.* Формирование государств и наций // *Панорама-форум.* Казань, 1997. № 1; *Авторханов А.* Империя Кремля (журнальный вариант). Минск-Москва: Полифакт, 1994; Башкирское национальное движение 1917–1920 гг. и А. Валиди. Зарубежные исследования. // *Сост., вступ. ст., И. Кучумов.* Уфа, 1997.

¹ *Йэшлек.* 1996. 25 янв.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. 23 янв.

⁵ *Зеньковский С. А.* Пантюркизм и ислам в России. Гл. VIII. «Малая Башкирия Валидова» // Башкирское национальное движение 1917–1920 гг. и А. Валиди. Зарубежные исследования. Уфа, 1997. С. 114.

ядро башкирского национального движения сложилось в мае 1917 г., по существу, помимо инициативы З. Валиди, и оно с самого начала поднимало проблему создания территориальной автономии, о чем речь пойдет в разделе исследования, посвященного участию башкирских делегатов в работе I Всебашкирского мусульманского съезда.

На более умеренных позициях по отношению к национальной политике большевиков стоял английский советолог Э. Карр, повторив неверные в своей основе тезисы советских историков о башкирском национальном движении. Для него народы восточных окраин России являются кочевниками, сохранившими черты «первобытной племенной организации»¹. Делегаты I Всебашкирского съезда, по Карру, были в основном представителями мулл, старейшин (?) и кулаков, а Башкирское правительство во главе с Валидовым будто бы «перешло на сторону оренбургских казаков, воевавших против советского правительства»². Сопrotивление политике советизации восточных окраин, возглавляемое «зачаточными национальными движениями», он пытается объяснить тем, что восточные народы занимались «примитивным сельским хозяйством», т. е. их отсталостью³. В данном случае английский автор повторяет известный тезис Ф. Самойлова, не изобретая ничего нового. Э. Карр майский декрет 1920 г. превратил в дату образования Башкирской советской автономии, что тоже не соответствует действительности⁴. В то же время английский советолог правильно показал великодержавную политику белых генералов, которая оттолкнула от них мусульманские народы⁵.

Некоторые стороны истории башкирского движения нашли отражение в книгах итальянского исследователя, члена КП Италии Дж. Боффа. Он считает, что на Востоке (т. е. среди башкир, казахов, татар) большевики столкнулись с двумя проблемами: с панисламизмом и пантюркизмом с одной стороны, с другой – крайне натянутыми отношениями между местным населением и колонистами⁶. Этими факторами он пытается объяснить то, что «националистические группы, не пользовавшиеся большим влиянием в массах, ... примкнули» к «антисоветским коалициям»⁷. Итальянский историк подметил сложность обстановки в Башкортостане, где, по его мнению, события приняли трагический оборот из-за конфликтов «между русскими крестьянами и башкирами, между башкирами и татарами. Местные советы, – продолжает он, – в этой борьбе оказались преимущественно на стороне русских и татар, а не башкир: группа Валидова порвала с большевиками и укрылась в Туркестане». Очевидно, что Дж. Боффа слишком упрощенно подходит к сути конфликтов в Башкортостане, полностью перенося их в сферу межнациональных отношений. В действительности все

¹ Карр Э. История советской России. М., 1990. Кн. 1. С. 253.

² Там же. С. 256.

³ Там же. С. 257.

⁴ Там же. С. 261.

⁵ Там же.

⁶ Боффа Дж. История Советского Союза. М., 1990. Т. 1. С. 173.

⁷ Там же.

было гораздо сложнее. Автор критикует некоторых американских историков (Р. Пайпса, например), воспринимавших образование СССР как возврат к господству русского империализма¹.

В работах Дж. Хоскинга, А. Бенигсена, Н. Верт затрагиваются некоторые аспекты проблемы Татаро-Башкирской республики. Первый в создании двух отдельных республик – Башкирской и Татарской – видел крушение попыток претворения в жизнь идей «исламского социализма» М. Султангалиева². Н. Верт утверждает, что центральные власти, опасаясь пантюркизма, разделили Татаро-Башкирскую республику и создали «две маленькие автономные республики, чья компетенция ограничивалась местными административными вопросами»³. А. Бенигсен слишком преувеличивает единство мусульман России и отсюда критически относится к созданию отдельных союзных республик и автономий мусульманских народов⁴. Вышеуказанные авторы не учли, что против положения о Татаро-Башкирской республике выступило башкирское национальное движение, отражая интересы большинства башкирского народа.

Острой критике ленинская национальная политика подвергнута в работах А. Авторханова, в частности в его книге «Империя Кремля». Он считает, что В. И. Ленин «изобрел в национальной политике такой изощренный тактический прием, до которого не додумался еще ни один макиавеллист нового времени»⁵.

Таким образом, зарубежной историографии, в силу ограниченных возможностей доступа к источникам, не удалось в достаточной степени раскрыть особенности национальных движений в России в период революционных потрясений.

Итак, обзор исторической литературы показывает, что отечественными, в какой-то мере зарубежными исследователями проделана значительная работа по изучению истории башкирского национального движения. Однако эту тему нельзя считать завершенной. Данная проблема, как правило, рассматривалась исследователями в связи с изложением истории национально-государственного строительства в Башкортостане и многие ее аспекты еще требуют не только научного осмысления, но и переосмысления. Необходимо более углубленное рассмотрение вопросов становления башкирского движения, решений башкирских съездов, взаимоотношения лидеров башкирского национального движения с руководством казачьей контрреволюции в 1917 – начале 1918 г. До сих пор слабо освещено участие башкирских частей в гражданской войне на стороне белых, особенно в 1919–1920 гг. Требуется более глубокий и всесторонний анализ политики большевистского Центра в отношении к лидерам башкирского движения, а

¹ Бoffa Дж. Указ. соч. С. 188.

² Хоскинг Дж. История Советского Союза. М., 1994. С. 116.

³ Верт Н. История советского государства. М., 1995. С. 166.

⁴ Бенигсен А. Мусульмане в СССР // Панорама-форум. Казань, 1995. № 3. С. 116, 117.

⁵ Авторханов А. Империя Кремля (журнальный вариант). Минск-Москва: Полифакт, 1994. С. 6.

также раскрыть суть постоянного конфликта Башревкома с партийными и советскими органами соседних губерний, выявить причины и показать ход повстанческого движения 1920–1921 гг. Следует более детально изучить роль и место отдельных руководителей башкирского движения, в том числе З. Валиди, в борьбе за самоопределение башкирского народа.

Выход в свет, особенно в последние годы, значительного количества литературы и источников, связанных так или иначе с башкирским национальным движением, повышает актуальность их историографического и источниковедческого анализа с новых позиций, без прежних догматических шор. И, наконец, наличие обширной литературы по истории башкирского национального движения облегчает выявление спорных аспектов темы, которые нуждаются в новом их переосмыслении.

Источниковую базу исследования составили документы и материалы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Центральном Государственном историческом архиве Республики Башкортостан (ЦГИА РБ), Центральном государственном архиве общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАОО РБ), различные опубликованные сборники документов, мемуары, материалы периодической печати как рассматриваемого периода, так и последних лет.

Значительное количество документов и материалов извлечено из фондов ЦГИА РБ. Всего нами рассмотрены материалы 15 фондов этого архива. Притом документы двух фондов – Башкирского войскового управления (Ф. Р-78) и Башкирского военного совета (Ф. Р-1201) были рассекречены недавно и вводятся нами в научный оборот впервые.

В делах фонда Башкирского войскового управления (Ф. Р-78) содержатся интересные сведения о формировании белых башкирских частей: приказы, переписки, сводки, письменные отчеты, журналы заседаний Башревкома (за май 1919 г.), тексты переговоров с Центром по телефону (за 1919 г.) и другие данные о пребывании башкирских войск в лагере белых.

В фонде Башкирского военного совета (Ф. Р-1201) обнаружены приказы этого военного учреждения за период с августа по сентябрь 1918 г., документы о формировании башкирских добровольческих полков, особых отрядов «для борьбы с большевиками», данные о численности призывников, лиц призывного возраста, освобожденных от службы и не явившихся на службу, оперативные сводки о боевых действиях и другие сведения.

Наибольшее количество материалов извлечено нами из дел фонда Башревкома (Ф. 1107). Нами было изучено более ста дел этого фонда, в которых сосредоточены самые разнообразные материалы о башкирском национальном движении за 1919 и 1920 гг.: протоколы заседаний Башревкома, приказы, телеграммы, деловая переписка с Центром, соседними губерниями, кантревкомками, различные обращения, документы о передаче дел соседними губревкомками Башревкому, об определении границ Башреспублики, распоряжения по отдельным наркоматам, доклады, заявления руководящих работников Башкирской республики, сведения о деятельности Башревкома по формированию башкирских красных частей, телеграммы и поздравления И. Сталина, Л. Троцкого, Г. Зиновьева, М. Фрунзе и

других, адресованные Башревкому, тексты переговоров З. Валиди и других лидеров башкирского движения с руководителями партии и правительства и другие данные.

Деятельность Башкирского представительства при Президиуме ВЦИК отражена в документах фонда Башпредставительства (Ф. Р-629). В делах этого фонда хранятся сведения об организации этого учреждения, телеграммы Башревкома Башпредставительству о финансовых делах, о формировании башкирских частей и обеспечении их продовольствием, обмундированием, деловая переписка об урегулировании взаимоотношений с Центром, татарскими общественно-политическими организациями, данные о попытке создания Башкиро-Казахской республики. Там же сосредоточены документы, касающиеся земельных и продовольственных дел.

В фонде Совнаркома БАССР (Ф. Р-933) находятся протоколы заседаний Башревкома, постановления I Всебашкирского военного съезда (февраль, 1919), сведения о работе комиссии по выработке проекта положения о введении на территории Башреспублики государственного языка, данные о границах республики.

Материалы съездов советов Башкирской республики, в том числе I Всебашкирского съезда советов, сосредоточены в фонде БашЦИК – Президиум Верховного Совета БАССР (Ф. Р-394).

В фонде Совета уполномоченных Башревкома (Ф. Р-393) имеются данные о создании этого учреждения, протоколы его заседаний, съездов кантревкомов, доклады руководителей Совета и другие материалы.

Документы об огосударствлении башкирского языка, о выполнении декретов центральных властей Башревкомом, о делах известных деятелей башкирского движения Курбангалеевых, о деятельности «Башкирпомощи» можно найти в фонде Наркомата юстиции Башреспублики (Ф. Р-323).

Различные дела о контрреволюционерах, бандитах, дезертирах, данные о борьбе с повстанческим движением в Башкортостане в 1920–1921 гг. содержатся в фонде Башревтрибунала (Ф. Р-321).

Из документов фонда Уфимского мусульманского военного совета (Ф. Р-465) определен интерес представляют протоколы заседаний этой организации за 1917 г., резолюции национального собрания тюрко-татар Внутренней России и Сибири в отношении башкирского движения.

Вопросы земельных неурядиц между башкирами и русскими крестьянами нашли отражение в материалах фонда Уфимского губернского комитета общественных организаций (Ф. Р-3).

В фондах Стерлитамакского кантисполкома (Ф. Р-166), а также Бурзян-Тангауровского кантисполкома (Ф. Р-1238) содержатся протоколы заседаний кантисполкомов в 1918–1922 гг. Они в определенной мере проливают свет на социально-экономическое положение этих кантонов в указанный период.

Некоторые сведения о деятелях башкирского национального движения и лицах, имеющих отношение к нему, обнаружены в фонде коллекции документов деятелей государственной власти (Ф. Р-1713).

Материалы исключительной важности для изучения проблем башкирского национального движения были обнаружены в фондах ЦГАОО РБ.

Довольно большой объем документальных источников накоплен в фонде Истпарта (Ф. 1832). Этот фонд выделяется тем, что там хранится сборник документов, состоящий из двух частей (Дд. 394, 395), под общим названием «О контрреволюционной валидовщине» (1917–1920 гг.), составленный сотрудниками истпарта П. А. Кузнецовым и Ф. П. Крючковым и подготовленный ими же к изданию. Однако этот сборник не был опубликован: в нем были сосредоточены материалы острого характера, никак не способствующие разоблачению «валидовщины». Телеграммы, обращения, письма, резолюции съездов, заседаний, собраний, доклады и записки З. Валиди и других руководителей башкирского движения не оставляли места для односторонних выводов о башкирском национальном движении. В том же фонде находится неизданная работа участника башкирского национального движения Н. Р. Бикбаева «Два периода контрреволюционной валидовщины. 1917–1920 гг.». Наблюдения и выводы очевидца бурных событий, происходивших в Башкортостане после Февральской революции и до 1920 г., представляют большую ценность. Помимо указанных дел в этом фонде имеются документы и материалы I Всероссийского мусульманского съезда (май, 1917 г.), башкирских съездов 1917 г., письма, телеграммы, записки руководителей башкирского национального движения, сведения об их взаимоотношениях с Центром, казахским движением, белыми правительствами, в частности с Самарским Комучем, решения уездных съездов и собраний, помогающих более углубленно изучить тему исследования.

Самый разнообразный круг источников и документов содержит фонд партархива (Ф. 9776), являвшийся до недавнего времени закрытым. Нами было изучено более 50 дел этого фонда. Ценность и значимость материалов этого фонда заключается в том, что они отражают начальный этап становления и развития башкирского национального движения. Здесь имеются в виду документы Бюро башкирского народа, приказы Башкирского центрального шуро об отношении к Временному правительству, Советской власти, об объявлении Башкирской автономии, положение об автономии «Малой Башкирии», приказы, телеграммы, обращения Башкирского военного совета, материалы военно-следственного отдела Башкирского правительства, обращения Центрального шуро к народу. В этом же фонде хранятся документы и материалы, собранные в свое время (60-е гг.) историком З. А. Аминевым, имеющие отношение к нашей теме (дело 396).

Различные сведения о деятельности партийных организаций Башкирской республики можно взять из фонда обкома РКП(б) Малой Башкирии (Ф. 22). Протоколы партийных конференций, собраний и пленумов, заседаний партячеек помогают более глубоко изучить общественно-политическую ситуацию в Башкортостане в послеоктябрьский период. Доклады и тезисы, обращения, заявления партийных органов, представителей Центра, документы о борьбе с так называемым бандитизмом представляют большой интерес для раскрытия сути национальной политики большевиков.

В этом же фонде собраны личные дела многих коммунистов, в том числе из башкир. Ценными следует считать документы, отражающие деятельность канткомов партии.

Некоторый материал извлечен из фонда Уфимского губкома РКП(б) (Ф. 1). В них отражено отношение татаро-башкирских коммунистов к вопросу самоопределения башкирского народа, созданию совместной Татаро-Башкирской республики. Там же сосредоточены документы о левых эсерах из татар и башкир, об их участии в национальном движении.

Из фонда Башкирского обкома КПСС (Ф. 122) нами были извлечены материалы заседаний бюро обкома партии, затрагивающие те или иные аспекты истории башкирского национального движения.

Важными являются для исследования истории башкирского национального движения документы и материалы ГАРФ. Нами изучено более 15 дел фонда Наркомнаца (Р-1318), из которых наиболее ценными следует считать журналы заседаний Башревкома с момента его создания и до октября 1919 г. (106 листов). В этом же фонде собрано большое количество телеграмм, тексты телефонных переговоров руководителей Башревкома с федеральными органами власти о решении различных вопросов: формирования башкирских войск, финансовых, продовольственных, кадровых, земельных и других делах.

Из фонда ВЦИК этого же архива (Ф. Р-1235) были извлечены документы об участии делегатов Башкирской республики в работе VII Всероссийского съезда Советов (5–9 декабря 1919 г.)

Нами был извлечен определенный круг источников как опубликованных, так и неопубликованных из фондов Государственной книжной палаты Республики Башкортостан (архива печати). В частности, были изучены материалы переписи 1920 г., протоколы Всероссийского мусульманского съезда, справочные материалы об административно-территориальном устройстве Башкирской АССР в 20-х гг., хозяйственно-статистические обзоры Уфимской губернии за 1913–1914 гг., публикации 20-х гг. о гражданской войне и национальном движении и другие данные.

Опубликованные источники значительно восполняют наши представления о башкирском национальном движении. Материалы, извлеченные из различных сборников документов, воспоминаний, статистических обзоров и т. д., составили значительную часть источниковой базы исследования.

При написании данного исследования был использован большой документальный материал, опубликованный местными и центральными издательствами, а также различные источники, увидевшие свет на страницах периодической печати не только того времени, но и последних лет.

Публикация документальных источников по нашей теме началась еще в 20-е гг. Так, Общество по изучению края, возникшее в 1922 г., выпустило сборник материалов и документов по истории перехода башкирского движения на сторону советской власти¹. Этот сборник в нашей исторической

¹ 18 февраля 1919 г. Материалы по истории перехода Башкирии на сторону Советской власти. Уфа, 1923. 34 с.

литературе стал объектом критики прежде всего из-за вводной статьи, написанной его составителем анонимным «М», по-видимому, С. Мрясовым, активным участником башкирского национального движения. Он обвинялся в попытке «представить деятелей буржуазно-националистического движения защитниками всех башкир», а также в включении в сборник тенденциозных материалов, в которых якобы «ничего не говорится о движении башкирской бедноты, солдат башкирского корпуса, выступавших с требованием перехода на сторону советской власти»,¹ в изображении башкирского движения как общенационального, демократического, выражающего интересы всего башкирского народа и в других упущениях². Подвергаемый столь суровой критике сборник включает в себя приказы Башкирского правительства о переходе на сторону советской власти, телеграммы, воззвания, протоколы переговоров между представителями правительства РСФСР и Башкирского правительства, а также некоторые документы о репрессивных действиях частей Красной Армии в отношении башкирского населения и солдат, имевших место в марте-апреле 1919 г. Следует отметить несовершенство этого сборника в археографическом отношении: он не имеет легенд и научно-справочного аппарата. Тем не менее, именно это небольшое по объему издание положило начало не только публикации документальных источников о башкирском национальном движении, но и появлению первых работ о нем.

В 1926 г. был издан сборник «Башкирское национальное движение (1917–1920 гг.)», в котором увидели свет материалы пленума Башкирского обкома партии совместно с республиканским партактивом от 1 июня 1926 г., принявшего тезисы «Характеристика башкирского движения». Тезисы обобщали с партийной точки зрения весь пройденный путь борьбы башкирского народа за самоопределение. В этом же сборнике в качестве введения был опубликован текст доклада секретаря Башкирского обкома ВКП(б) М. И. Разумова, сделанный им при обсуждении тезисов³.

Некоторый материал о башкирском национальном движении содержится в публикациях Наркомнаца, составляющих целую серию⁴. В них опубликованы выступления башкирских делегатов на Уфимском губернском съезде (1917 г.), заявление 50 делегатов-башкир на I Всероссийском съезде мусульман (1917 г.), некоторые резолюции I Всебашкирского съезда, партийные и правительственные решения, декреты, постановления по национальному вопросу.

¹ Каримов К. К. Наука Башкирии в строительстве социализма. Уфа, 1986. С. 57.

² Сираев З. И. Изучение военной интервенции и гражданской войны в Башкирии // Очерки советской историографии Башкирской АССР. Уфа, 1975. С. 133.

³ Башкирское национальное движение (1917–1920 гг.). Уфа, 1926. С. 17.

⁴ Политика советской власти по национальным делам за три года. 1917–1920. Тула, 1920; Шесть лет национальной политики советской власти и Наркомнац. М., 1924; Советская политика за 10 лет по национальному вопросу в СССР (Сб. существующих актов правительства Союза ССР и РСФСР. Октябрь 1917 – ноябрь 1927. М.; Л., 1928; Революция и национальный вопрос. Документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX в. М., 1930. Т. 3.

Отдельные материалы мемуарного характера увидели свет на страницах источниковедческих изданий Башистпарта, Башкирского общества по изучению истории¹.

Различные партийные документы, резолюции и постановления партийных конференций и пленумов, имеющих отношение к башкирскому национальному движению, национально-государственному строительству в Башкортостане можно найти в партийных изданиях².

Однако со второй половины 30-х гг. и до второй половины 50-х гг. издание документальных источников было приостановлено, что можно объяснить стремлением власть имущих скрыть правду о башкирском движении.

Лишь после XX съезда КПСС в условиях хрущевской оттепели стали появляться отдельные материалы о башкирском национальном движении, хотя подобранные весьма односторонне. Так, некоторые документы, связанные с башкирским национальным движением, были напечатаны в разделе «Проведение ленинской национальной политики и движение за создание автономной Башкирии» в сборнике материалов об установлении советской власти в Башкортостане. Показательно то, что в данном разделе были опубликованы преимущественно статьи из большевистских газет, в которых разоблачались «буржуазные националисты-валидовцы», а также материалы Временного революционного совета Башкортостана³.

Значительным событием в научной жизни республики следует считать выход в свет в 1959 г. фундаментального сборника документов об образовании Башкирской АССР. В нем представлены самые разнообразные документы и материалы: решения коммунистической партии, Советского правительства по национальному вопросу, извлечения из трудов В. И. Ленина по проблемам наций и национальных отношений, его высказывания о башкирах, постановления местных партийных и советских органов по башкирским делам, различные воззвания, обращения, телеграммы, донесения, протоколы и резолюции конференций, съездов, совещаний, собраний, пленумов, митингов, декреты, уставы, приказы и т. д. В этом сборнике впервые были опубликованы некоторые документы, показывающие деятельность Башкирского шура и правительства, Башревкома⁴. К сожалению, источники, непосредственно связанные с башкирским движением, первыми башкирскими съездами, о пребывании Башкирского правительства и войск в лагере белых не нашли отражения в этом издании, поскольку они находились в недоступных для исследователей спецхранах архивов.

¹ Революция и Башкирия. Уфа, 1927. С. 45–77; Пройденный путь. Уфа, 1927. Вып. 1. С. 26–44; Башкирский краеведческий сборник. Уфа, 1927. № 2. С. 79 и др.

² Башкирская организация ВКП(б) в ее съездах и конференциях (1917–1922). Уфа, 1933.

³ Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии (февраль 1917 – июнь 1918 гг.). Сб. док. и мат. Уфа, 1957. С. 309–341.

⁴ Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. Сб. документов и материалов. Уфа, 1959. (Далее – Образование Башкирской АССР).

Недостатком этого сборника документов и материалов является то, что в нем некоторые источники подвергнуты недозволенной с научной точки зрения обработке: из них изъяты отдельные разделы, внесены поправки в тексты документов. Например, из опубликованного в сборнике «Протокола Всебашкирского военного съезда (21 февраля 1919 г.)» вычеркнуты имена З. Валиди и Л. Троцкого. Произвольно изменено содержание некоторых резолюций съезда¹. Подобной же обработке подвергнуты и другие материалы о башкирском национальном движении².

Эти критические замечания несколько не умаляют достоинства этого капитального сборника, имеющего большое значение для изучения истории башкирского национального движения.

Определенный интерес для исследования нашей темы представляют сборники воспоминаний участников Октябрьской революции и гражданской войны в Башкортостане, чекистов республики, которые были изданы в 60-х гг.³ В воспоминаниях А. Е. Шевкоплясова имеются данные о расстреле в Баймаке членов Башкирского правительства (1918 г.), Н. М. Назаргулова, З. Х. Гареева, Г. Х. Камалова – о боевом пути башкирских частей на фронтах гражданской войны⁴. Любопытные сведения можно почерпнуть о деятельности Курбангалеевых, известных башкирских контрреволюционеров, из воспоминаний Р. Салихова «Конец косолапого ишана»⁵.

Положение с публикацией документов и источников о башкирском движении изменилось в лучшую сторону в условиях гласности и демократизации нашего общества. Начало 90-х годов ознаменовалось началом реабилитации лидеров башкирского национального движения, прежде всего З. Валиди, публикации их трудов. С 1991 г. на страницах журнала «Агидель» печаталась книга воспоминаний З. Валиди. Первая ее часть в переводе на русский язык увидела свет в 1994 г. и полностью на башкирском языке – в 1996 г. И, наконец, «Воспоминания» З. Валиди в переводе В. Б. Феоновой (науч. редакция, примечание, послесловие – С. М. Исхакова) вышли в Москве в 1997 г.⁶ В источниковедческом плане «Воспоминания» З. Валиди были проанализированы в статьях С. Ф. Касимова, А. М. Юл-

¹ Образование Башкирской АССР. С. 216–220. Приветственная телеграмма была направлена не только на имя В. И. Ленина, а и Л. Д. Троцкого и З. Валиди. Здесь не вина составителя Б. Х. Юлдашбаева, а цензуры.

² Там же. С. 323. Из протокола закрытого заседания Оренбургского губисполкома и Губкома РКП(б) (10.09.19) пропущено выступление М. И. Калинина о том, что «Башкирия – буфы для восточных народов ... нам надо играть в их автономию» (ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 396. Л. 134).

³ За власть Советов. Сб. воспоминаний. Уфа, 1961; Чекисты Башкирии. Очерки, статьи, воспоминания. Уфа, 1967.

⁴ За власть Советов ... С. 199, 298, 330, 350.

⁵ Чекисты Башкирии ... С. 24–29.

⁶ *Тоган З. В. Воспоминания // Агидель. 1991. № 1–12; 1992. № 1–6; Тоган З. В. Воспоминания. Кн. 1. Уфа, 1994; Тоган З. В. Воспоминания. Уфа, 1996 (на башк. яз.); Тоган З. В. Воспоминания. М., 1997.*

дашбаева, Д. Ж. Валеева и других¹. По единодушному мнению указанных авторов, «Воспоминания» З. Валиди содержат богатейший материал о башкирском национальном движении, национально-государственном строительстве в Башкортостане и с этим мнением невозможно не согласиться. Однако не все исследователи разделяют взгляд о высокой историко-ведческой ценности мемуаров З. Валиди. Так, историк из Москвы С. М. Исхаков упрекает башкирских ученых, публицистов за высокую оценку ими «Воспоминаний» З. Валиди как ценнейшего источника по истории национально-государственного строительства в Башкортостане и делает вывод о том, что мемуары лидера башкирского национального движения субъективны, неточны в отношении многих важных событий, а также имен, фамилий и т. д.² К сожалению, С. М. Исхаков не показал, в чем же выражаются конкретно эти неточности, субъективизм и другие недостатки труда З. Валиди.

Признавая ту большую работу, которую он проделал по составлению примечаний и написанию послесловия к московскому изданию «Воспоминаний» З. Валиди, с сожалением приходится говорить о некорректности его отношения к своим предшественникам. Редактор этой публикации С. М. Исхаков вместо того, чтобы помочь переводчику в повышении качества издаваемой книги, занялся критикой другого перевода «Воспоминаний», сделанного А. М. Юлдашбаевым и Г. Г. Шафиковым. Он, например, без каких-либо оснований ищет погрешности в уфимском переводе, связывая их «с отсутствием должной научной подготовки и просто знания фактической стороны излагаемых сюжетов» у переводчиков³. Этот упрек сделан в адрес А. Юлдашбаева, который добросовестно, углубленно изучил творческое наследие З. Валиди, непосредственно работая в его архиве. Притом и Юлдашбаев, и Шафиков уже на протяжении целого десятилетия занимаются проблемами башкирской истории тех переломных лет. Несерьезно выглядят суждения С. Исхакова относительно национальной принадлежности З. Валиди⁴. С. Исхаков, подвергнув сомнению компетентность исследователей творческого наследия З. Валиди, не дал глубокого анализа «Воспо-

¹ Касимов С. Ф. «Хатирялар» («Воспоминания») Ахметзаки Валиди Тугана как ценнейший источник по истории национально-государственного строительства в Башкортостане // Востоковедение в Башкортостане: История. Культура. Уфа, 1992. Кн. 2. С. 22–23; Юлдашбаев А. М. Воспоминания Валидова как источник изучения истории и культуры башкирского народа // Востоковедение в Башкортостане: История. Культура. Уфа, 1992. Кн. 1. С. 54–60; Валеев Д. Ж. О политических взглядах Заки Валиди // Востоковедение в Башкортостане: История. Культура. Уфа, 1992. Кн. 2. С. 14–16.

² Исхаков С. М. Октябрьская революция в освещении мусульманских политиков // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М., 1966. С. 258, 259.

³ См.: Тогаи З. В. Воспоминания. М., 1997. Послесловие С. М. Исхакова. С. 596, 597.

⁴ Там же. С. 597. В своих «Воспоминаниях» З. Валиди дал четкий ответ на вопрос о своей национальной принадлежности и нет никаких оснований вести дискуссию по нему. В анкетном листе делегата VII Всероссийского съезда Советов он собственноручно указал свою национальность: башкирин. (ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 6. Д. 70. Л. 4, 4 об.)

минаний», ограничиваясь лишь постановкой вопроса в том плане, что «Валидов невольно способствовал полному подчинению Башкирской республики Москве, нуждавшейся в продовольствии. Не желая того, Валидов сыграл на руку большевикам»¹. Однако С. Исхаков не раскрыл, каким же образом З. Валиди «сыграл на руку большевикам». Коснувшись вопроса о принадлежности З. Валиди партии большевиков (имея в виду разночтения в этом вопросе), С. Исхаков утверждает, что он, возможно, в декабре 1919 – середине февраля 1920 г. вступил в РКП(б), о чем свидетельствует его телеграмма: «Поздравьте меня – я коммунист. Валидов»². Вероятно, так и было, ибо, выступая в апреле 1920 г. на конференции Башкирской партийной организации, он говорил «о нашей партии», «о наших задачах»³.

В целом издание трудов лидера башкирского национального движения, особенно его «Воспоминаний», какими бы комментариями они ни сопровождалось, значительно облегчает задачу исследователя по изучению сложнейших вопросов башкирского национального движения. Безусловно, в «Воспоминаниях» З. Валиди нашли отражение не все стороны его биографии, обходятся некоторые проблемы, связанные с башкирским национальным движением. Так, у З. Валиди нет точных данных о его отношении к эсеровской партии: он ограничивается лишь сообщением о своем выходе из эсеровской партии⁴. Также он ничего не сообщает о своем вступлении в ряды партии большевиков в конце 1919 – начале 1920 года, о чем уже было сказано выше. Этот факт вполне объясним, если иметь в виду, что для З. Валиди были понятны и близки левые, социалистические идеи, в то время как он отрицательно воспринимал программы партий правого толка. Нет в его книге данных о наличии связей с атаманом Дутовым в дни объявления Башкирской автономии (16 ноября 1917 г.), хотя в газете «Башкорт» было опубликовано сообщение о переговорах З. Валиди и Ш. Манатова с ним⁵.

Слишком категоричными являюся, на наш взгляд, суждения З. Валиди о Ш. Манатове как о человеке малообразованном с авантюристическими наклонностями. Ознакомление с выступлениями Ш. Манатова на башкирских съездах позволяет делать вывод о нем как о незаурядной личности, способной возглавить Центральное шуро. В «Воспоминаниях» имеет место путаница в определении национальной принадлежности некоторых лиц, задействованных в бурных событиях тех лет. Речь идет о Габдулле Адигамове, генерале Ишбулатове, Б. Нуриманове, Б. Шафиеве, которых З. Валиди называет татарами⁶. Все указанные лица, как видно из архивных и других данных, были выходцами из башкирской среды. Однако эти замечания не могут умалить значение книги «Воспоминаний» З. Валиди как ценнейшего источника по изучению истории башкирского национального движения.

¹ Послесловие к «Воспоминаниям» Тогана З. В. М., 1997. С. 609.

² Там же. С. 608.

³ ЦГАОО РБ. Ф. 22. Оп. 4. Д. 10. Л. 21.

⁴ Тоган З. В. Воспоминания. Кн. 1. Уфа, 1994. С. 181.

⁵ Башкорт. 1917. 24 нояб.

⁶ Тоган З. В. Воспоминания. Кн. 1. Уфа, 1994. С. 219, 261, 266.

В 90-х гг. были опубликованы интересные материалы о башкирском движении. Так, постановления и резолюции первых башкирских съездов 1917 г. были опубликованы, притом впервые, во II томе сборника «Этно-политическая мозаика Башкортостана. Очерки, документы, хроника. Башкирское национальное движение». М., 1992. (Составитель и отв. редактор М. Н. Губогло).

Документы о национальной политике партии и правительства, некоторые материалы, относящиеся к национально-государственному строительству в Башкортостане, можно найти в сборниках документов, опубликованных в последние годы центральными издательствами¹. Так, в стенографическом отчете секретариата IV совещания ЦК РКП сосредоточены материалы о так называемой «султангалиевщине», которую связывали с «валидовщиной». Определенный интерес представляют выступления на этом секретном совещании представителей Башкирской АССР (М. Халикова, Б. Нимвицкого, Г. Шамигулова).

Различные сведения о З. Валиди, переходе башкирских войск и правительства на сторону советской власти, о попытках создания Татаро-Башкирской республики и другие данные о башкирском движении имеются в статьях и выступлениях известного татарского общественно-политического деятеля М. Султангалиева².

Некоторые документы, затрагивающие башкирское национальное движение, в частности о башкирских общественно-политических деятелях, увидели свет на страницах журнала «Гасырлар авызы – Эхо веков», издаваемого Архивным управлением Республики Татарстан³.

Значительный фактический материал о башкирском национальном движении увидел свет на страницах периодической печати изучаемого периода. Наибольший интерес представляют, прежде всего, различные данные, а именно о становлении башкирского движения, о первых башкирских съездах, об объявлении в 1917 г. автономии и другие, опубликованные в газетах «Башкорт», «Башкорт тауышы» («Голос башкир»), «Вакыт» (1917–1918 гг.). Некоторые сведения о пребывании башкирского правительства в лагере белых, участие башкирских частей в боевых операциях против красных можно найти в «Вестнике правительства Башкирии» (1918 г.), «Оренбургском казачьем вестнике», «Уфимском вестнике», «Уфимской жизни», газете Комуча «Армия и народ», «Известиях Уфимского губисполкома», «Известиях БашЦИК и Башобкома», «Правительственном вестнике» (Газета правительства Колчака за 1919 г.).

¹ Тайны национальной политики ЦК РКП. Стенографический отчет секретариата IV совещания ЦК РКП 1923. М., 1992.

² Султангалиев М. Статьи. Выступления. Документы. Казань, 1992; *Он же*. Освободительное движение существует, прогрессирует и развивается // Гасырлар авызы – Эхо веков. 1995. Май. № 1.

³ Гасырлар авызы – Эхо веков. См. статьи Дж. Валиди «У меня разногласия с совластью». 1996. № 1/2, 1996. № 3/4 (Статья Г. Шарафа о Г. Курбангалиеве и другие).

Большое количество различных статей, заметок, документальных источников о башкирском национальном движении стало публиковаться на страницах республиканской периодической печати с 1989 г.: «Башкортостан», «Йэшлек», «Замандаш» (Орган Башкирского народного центра «Урал», изд. с 1990 по 1995 гг.), «Советская Башкирия», «Известия Башкортостана». Их авторами были в основном историки, журналисты, публицисты, писатели и поэты: Г. Шафиков, Д. Магадеев, Р. Резяпов, Р. Насыров, З. Султанов, А. Юлдашбаев, Б. Юлдашбаев, С. Касимов, С. Сайфуллин, Г. Иргалин, Г. Хусаинов и другие.

В целом газетные материалы служили существенным дополнением для более углубленного изучения различных сюжетов и нюансов башкирского движения.

Итак, архивные источники, разнообразные опубликованные документы и материалы, помогают воссоздать сложнейшую картину становления и развития башкирского национального движения в те переломные годы. К сожалению, нам не удалось ознакомиться с архивами Омска, Иркутска, Читы, в которых, возможно, имеются некоторые документы о башкирском движении в период его пребывания в лагере белых.

ГЛАВА I
БАШКИРСКИЙ НАРОД
НАКАНУНЕ ПЕРЕЛОМНОГО 1917 г.

§ 1. Этнодемография башкирского народа в начале XX в.

Многие аспекты социально-экономического, этнодемографического и культурно-духовного состояния башкирского общества в начале XX в. до сих пор продолжают оставаться дискуссионными. Например, нет более или менее устоявшегося взгляда относительно численности башкир к переломному 1917 г. Приводимые различными исследователями цифры о численности башкир в начале XX в. настолько разноречивы, что разница между ними перешагивает миллионный рубеж. Лидеры башкирского национального движения говорили и действовали от имени двухмиллионного башкирского народа¹. Надо полагать, что для подобного заявления имелось какое-то основание, хотя оно не подтверждается документально. Р. М. Раимов в своей монографии об образовании БАССР, ссылаясь на итоги переписи 1920 г., определил численность башкир в 1917 г. в 1186 тыс. человек и они составляли, по его мнению, 36,4% всего населения, проживающего на территории так называемой «Большой Башкирии»². Р. Г. Кузеев считает, что Р. М. Раимов явно завысил численность башкир, не приняв во внимание факт вхождения в 1920 г. ряда волостей Уфимской губернии (Юрматынская, Табынская, Кудейская и др.) в состав «Малой Башкирии». В те годы действительно имела место путаница в административно-территориальном размежевании между «Малой Башкирией» и Уфимской губернией. Исходя из этого, Р. Г. Кузеев пришел к выводу о том, что численность башкир в 1920 г. колебалась от 950 тыс. до 1050 тыс. человек³. Эти же данные он относит и к 1917 г., по-

¹ *Кульшарипов М. М.* З. Валидов и образование Башкирской Автономной Советской Республики. Уфа, 1992. С. 126.

² *Раимов Р. М.* Образование Башкирской АССР. М., 1952. С. 24.

³ *Кузеев Р. Г.* Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978. С. 251.

скольку пишет, что «в 1914–1922 гг. численность башкирского населения оставалась на одном уровне или имела место некоторая убыль»¹.

Еще более снизил численный показатель башкирского народа в 1920 г. Б. Х. Юлдашбаев. По его выкладкам башкир насчитывалось тогда 833 тыс. человек².

Несколько иную точку зрения о численности башкир в начале XX в. высказал Ф. А. Фиельструп. По его подсчетам, башкир в это время насчитывалось примерно 1305563 человека. Однако у него по Самарской, Саратовской и Вятской губерниям использованы только материалы переписи 1897 г., по Уфимской – 1912–1913 гг. (подворная перепись), лишь по Оренбургской губернии – данные 1917 г. В Уфимской губернии численность башкир составляла по Фиельstrupу 846413 человек, в Пермской – 96426, Самарской – 57115, Саратовской – 1236, Вятской – 13832 и в Оренбургской губернии – 290541 человек³.

Близки к выводам Ф. А. Фиельstrupа о демографическом положении башкир данные по этому вопросу московского этнолога Ю. Г. Кульчика. Он считает, правда без указания источника, что в 1917 г. башкирское население составляло 1400 тыс., а в 1920 г. – 1118 тыс. человек⁴.

Известные специалисты по этнодемографии народов мира и России С. И. Брук и В. М. Кабузан, опираясь на материалы переписи 1917 г., проведенной по распоряжению Временного правительства, установили, что башкир в России насчитывалось 1732800 человек⁵. Это более чем в два раза выше по сравнению с данными

¹ Кузеев Р. Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978. С. 252.

² Юлдашбаев Б. Х. Башкиры и Башкортостан. XX век. Этностатистика. Уфа, 1995. С. 23.

³ Фиельструп Ф. А. Этнический состав населения Приуралья. Л., 1926. С. 8, 24, 26, 28, 30, 32.

⁴ Кульчик Ю. Г. Этнополитические процессы в Башкортостане (Информационно-аналитический обзор). М., 1992. С. 11.

⁵ Брук С. И., Кабузан В. М. Этнический состав населения России (1719–1917) // Советская этнография. 1980. № 6. С. 24. Пятого мая 1917 г. Временное правительство приняло закон о переписи всего населения в течение лета 1917 г. В постановлении министра земледелия определялся порядок, ход и цели предстоящей переписи. Перепись охватила в Европейской России 41 губернию, в том числе Оренбургскую, Уфимскую, Пермскую, Самарскую и др. губернии, где проживали башкиры. В целом перепись 1917 г. имела ряд недостатков. Она не охватила всю территорию страны и растянулась на значительный срок (с июня по октябрь). Тем не менее перепись 1917 г. дала сравнительно доброкачественный материал, отразивший в общей форме изменения в численности и географическом размещении подавляющей части населения страны. С. Брук и В. Кабузан при сборе материалов использовали данные не только переписи 1917 г., но и 1897 г., обзоры начальников губерний и областей

Б. Х. Юлдашбаева о численности башкир (разница составляет, если быть точным, 899800 человек). В то же время цифра, названная Бруком и Кабузан, меньше на 267200 (разница не такая уж большая), чем число, которым оперировали лидеры башкирского национального движения, говоря от имени двухмиллионного башкирского народа. Очевидно, что ни Р. М. Раимов, ни Р. Г. Кузеев, в том числе Б. Х. Юлдашбаев не обратили внимания на материалы переписи населения, организованной Временным правительством. Их вполне можно понять, ведь если бы они дали численность башкир в пределах итогов переписи 1917 г., то им пришлось бы объяснить причину столь катастрофического ухудшения демографического положения башкир в 20-х гг. XX в. Не могли же они в условиях советской действительности писать о красном терроре, о грабительских действиях продотрядов, ставших главными причинами падения численности башкир к 1926 г. почти на 1 млн. человек. Миллионную потерю невозможно списать на «разрушение прежних традиций в хозяйстве в начале XX в.» в результате проникновения «грубых варварских форм капитализма в башкирскую деревню» или «на белый террор и валидовцев»¹.

Ю. Г. Кульчик писал свою работу в условиях гласности, но тем не менее и он делает попытку отрицать массовую гибель башкир в результате красного и белого террора, в ходе национально-освободительной борьбы башкирского народа. В этой связи он заявляет: «... нет никаких оснований для списывания на ее счет (т. е. на счет национально-освободительной борьбы. — М. К.) убыль башкирского населения на четыреста тысяч человек. Если бы это было так, историческая память нации непременно сохранила бы происходившее в форме понятия геноцид...». Далее основной причиной убыли башкир он называет крушение «тысячелетнего уклада их жизни», когда не стало возможным оседло-кочевое скотоводство². Делая подобный вывод, Кульчик не учел ряд обстоятельств. Во-

России за 1912–1915 гг., опубликованные в местной печати (см. С. И. Брук, В. М. Кабузан. Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма (конец XIX в. – 1917 г.) // История СССР. № 3. 1980. С. 89, 75, 76). Интересно отметить, что участник башкирского движения, автор книги «Башкирские движения в 1917–1918–1919 гг.», К. Идельгужин считает, что по данным подворной переписи 1913 г. в Уфимской губернии проживало 1 256 тыс. башкир и они составляли 40% всего населения, а в Оренбургской губернии по материалам переписи 1917 г. – 290541 башкир. В итоге получается, что по подсчетам Идельгужина к 1917 г. только в двух губерниях башкир насчитывалось к 1917 г. 1546541 человек.

¹ Кузеев Р. Г. Указ. соч. С. 255; Кульчик Ю. Г. Указ. соч. С. 12.

² Кульчик Ю. Г. Указ. соч. С. 12. Он исходит из того, что людские потери башкир в те годы составляли не более 400 тыс. человек.

первых, совершенно очевидно то, что в условиях советской действительности не могло быть и речи о сохранении в народной памяти геноцида 1919–1921 гг., основными виновниками которого были части Красной Армии и большевистские карательные отряды. Во-вторых, трагическое положение башкирского населения в первые послеоктябрьские годы и в начале 20-х гг. преподносилось общественности как итог «контрреволюционной деятельности валидовцев». В-третьих, большинство очевидцев кровавых деяний карательных отрядов были уничтожены. Возможно ли представить себе, чтобы в условиях большевистского тоталитарного режима человек рассказывал соплеменникам о зверствах частей 1-й армии Восточного фронта, которой командовал сам Г. Гай, герой гражданской войны, имя которого присваивалось городам и улицам. То есть та самая «историческая память», о которой пишет Ю. Кульчик, была выжжена каленым железом, стерта под угрозой репрессий. В-четвертых, не выдерживает критики тезис Ю. Г. Кульчика, объясняющий падение численности башкир изменением их хозяйственного уклада, о чем речь пойдет дальше.

Итак, при подсчете общей численности башкир в начале XX в. нельзя обходить данные переписи 1917 г., хотя они, следует полагать, нуждаются во внесении некоторых коррективов с учетом сложившейся этнодемографической ситуации в Башкортостане в конце XIX – начале XX вв. Известно, что большинство исследователей истории и этнографии Башкортостана признает, что в ходе Всероссийской переписи 1897 г. в составе башкир была учтена некоторая часть тептярей и мишарей. По мнению Р. Г. Кузеева, в 1897 г. вместе с башкирами было зафиксировано примерно 300 тыс. «новых башкир» из тептярей и мишарей. Отсюда он делает вывод, что общая численность башкир составляла тогда до 960–1010 тыс. человек, а не 1311 тыс. в соответствии с материалами переписи¹. Однако не все историки согласились с выводами Р. Г. Кузеева, считая, что он завысил численность «новых башкир». Более приемлемую цифру назвал этнограф Р. З. Янгузин, который сделал вывод о том, что в ходе переписи 1897 г. вместе с башкирами могло быть учтено не более 200 тыс. тептярей и мишарей². Здесь следует иметь в виду и то, что зафиксированные вместе с башкирами тептяри и мишари признавали свою принадлежность к башкирскому этносу, и, к тому же, среди тептярей, как видно из исследований А. З. Асфандиярова,

¹ Кузеев Р. Г. Указ. соч. С. 242.

² Янгузин Р. З. Демография населения Башкортостана // История Башкортостана (1917–1990-е годы). Уфа, 1997. С. 14.

было немало разорившихся башкир – вотчинников¹. Недаром значительная часть тептярей в послеоктябрьский период растворилась среди башкир.

Если исходить из того, что в 1917 г. могла быть учтена вместе с башкирами какая-то группа мишарей и тептярей, то и в этом случае башкиры составляли не менее 1 млн. 500 тыс. человек. Эта цифра вполне соотносится с материалами переписи 1897 г., если иметь в виду прирост населения за 20 лет. По Южному Приуралью, например, прирост населения с 1897 по 1906 гг. составлял 19,3%, а с 1907 по 1916 гг. – 18,2% (по стране в целом соответственно 17,9% и 15,3%)².

Однако в дальнейшем численность башкир стала резко сокращаться. В Башкирской АССР, или «Малой Башкирии», по данным переписи 1920 г. проживало 497664 башкира³. (В некоторых источниках численность башкир определяется в 518838 тыс. человек)⁴. А в пределах Уфимской губернии (с учетом башкирского населения Мензелинского уезда) насчитывалось 724165 башкир⁵. Итак, по весьма запутанному данным переписи 1920 г. общая численность башкир составила 1221829 человек. По-видимому, и на этот раз среди башкир была зафиксирована часть тептярей и мишарей. За их вычетом можно предположить, что башкир насчитывалось примерно 1100 тыс. человек. (У Ю. Г. Кульчика названа цифра 1118000)⁶. Получается, что за 1917–1920 гг. численность башкир сократилась приблизительно на 400 тыс. человек. Такая катастрофическая убыль башкирского населения за неполных четыре года объясняется невиданными доселе разорениями и разрушениями времен революции и гражданской войны и прежде всего массовым террором в отношении коренных жителей Башкортостана как со стороны белых, так и красных. В условиях гласности и демократизации общества стали общеизвестными факты беспощадной расправы над

¹ *Асфандияров А. З.* Расселение и численность башкир и татар в Западной Башкирии по материалам V–VII ревизий (1795 и 1816 гг.) // Проблемы изучения родного языка... Материалы региональной научно-практической конференции. Уфа, 1990. С. 23.

² *Брук С. И., Кабузан В. М.* Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма (конец XIX в. 1917 г.) // История СССР. 1980. № 3. С. 89.

³ Центральный государственный исторический архив РБ (ЦГИА РБ) Ф. Р-933. Оп. 1. Д. 8. Л. 529.

⁴ Там же. Ф. 629. Оп. 1. Д. 24. Л. 264.

⁵ Сведения о национальном составе Белебеевского, Бирского и Уфимского кантонов БАССР даны по результатам переписи населения 1920 г. Уфа, 1926. Приложение № 7; В журнале «Башкирский край» (1924, № 1) в статье «Население Башкирской АССР» численность башкир в 1920 г. определена в 1 158 963 человека (вместе с татарами 1 558 963 человека). См.: С. 5.

⁶ *Кульчик Ю. Г.* Указ. соч. С. 11.

башкирами, проводимой частями Красной Армии Восточного фронта весной и летом 1919 г. Тогда башкирское население было объявлено контрреволюционным и подверглось страшной резне и ограблению, фактически – геноциду¹.

Процесс сокращения численности башкир продолжался в 1921–1923 гг. из-за тотального голода 1921 г. и жестокого подавления карательными отрядами повстанческого движения башкир 1920–1921 гг.² Представление о демографическом положении башкир в начале 20-х гг. XX в. дают материалы местной переписи населения, организованной в 1923 г. Тогда численность башкир в Башкирской АССР составляла лишь 734000, т. е. убыль среди них опять достигла впечатляющей цифры – 366 тыс. человек³. Таким образом, людские потери башкирского народа за 1917–1923 гг. составили более чем 700 тыс. человек⁴. И, наконец, перепись 1926 г. зафиксировала всего 625800 башкир⁵. Следует отметить, что сокращение численности башкир в указанный период в определенной мере было связано с усилением ассимиляционных процессов, а также с учетом основной части тептярей и мишарей в составе татар. В итоге численность татар к 1926 г. в Башкортостане возросла, составив 621,3 тыс. человек⁶.

Если иметь в виду, что по данным переписи 1897 г. в Башкортостане (Уфимская губерния) проживало (совместно с мишарями и тептярями) 245729 татар, их прирост получается довольно внушительным. Достаточно отметить, что по данным переписи 1926 г., на территории ТАССР (в бывшем Мензелинском уезде) башкир оказалось всего 1752 человека⁷. А ведь по переписи 1897 г. в указанном уезде насчитывалось 123052 башкира и 114173 татарина⁸.

¹ *Кульшарипов М. М.* Указ. соч. С. 128–139. Документ называется «Докладная записка о моменте перехода и теперешнем положении Башкирского войска» (ЦГИА РБ. Ф. 395. Оп. 1. Д. 35. Л. 118).

² По официальным данным население Башкирии с 1920 по 1922 гг. уменьшилось на 650 тыс. человек, т. е. на 22% (См.: Очерки по истории Башкирской АССР. Т. II. Уфа, 1966. С. 198).

³ Башкирский краеведческий сборник. 1926. № 1. С. 17; Башкирский край. 1924. № 1. С. 5 (раздел «Население Башкирской АССР»).

⁴ По мнению публициста Г. Шафикова, за указанные годы погиб 1 миллион башкир (См.: «Советская Башкирия» от 23.09.97) При этом он исходит из того, что в 1917 г. численность башкир составляла 2 млн. человек.

⁵ *Кузеев Р. Г.* Указ. соч. С. 239; *Юлдашбаев Б. Х.* Башкиры и Башкортостан. Этностатистика. Уфа, 1995. С. 28.

⁶ Там же. С. 257.

⁷ Там же.

⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897. XLV Уфимская губерния. Тет. 2. С. 40–41.

**Демографические процессы в Башкортостане
в конце XIX – начале XX вв.**

Годы	1897	1917	1920	1923	1926
Национальности					
Башкиры					
Россия	1 311 000	1 732 800	-	-	-
Уфимская губ.	899 910	-	-	-	-
По нашим подсч.	≈ 1 111 000	≈ 1 500 000	-	-	-
«М. Башкирия» и Уфим. губ.	-	-	≈ 1 100 000	-	-
Баш. республика	-	-	-	734 454	625 845
Татары	184 817		266 749	143 685	461 871
Мишари	20 457		166 184	108 140	135 960
Тептяри	39 955		145 557	144 242	23 290
Русские (совм. с укр.)	839 635		1 067 262	1 066 918	1 159 698
Чуваши	60 616		81 824	74 684	84 886
Марийцы	80 608		92 671	64 508	79 298
Мордва	37 289		51 975	48861	49 813
Удмурты	22 501		25 107	≈ 20 000	23 256
Другие	10 354		34 507	20 147	14 006
Всего	2 196 642		3 301 886	2 425 639	2 657 883

Таким образом, революция, гражданская война, национальное движение башкир сопровождались стремительным сокращением численности башкир. По-видимому, применительно к 1919 и 1920–21 гг. можно вести речь о политике геноцида в отношении башкир, проводимой красными карательными отрядами. Непоправимый урон численности башкир нанесли голод 1920–1922 гг. и ассимиляционные процессы.

Из приведенной таблицы № 1 отчетливо видны изменения в демографической ситуации в Башкортостане в начале XX в. Численность татар (вместе с мишарями и тептярями) с 1897 по 1926 гг. увеличилась в 2,5 раза, русских (вместе с украинцами и белорусами) – в 1,4 раза. Башкирское население за указанный период сокра-

¹ Брук С. И., Кобузан В. М. Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма // История СССР. 1980. № 3. С. 89; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XLV Уфимская губерния. Тет. 2. С. 4041; Комиссаров Г. Население Башреспублики в историко-этнографическом отношении // Башкирский краеведческий сборник. 1926. № 1. С. 17, 31; Юлдашбаев Б. Х. Башкиры и Башкортостан. Этностатистика. Уфа, 1995. У него все население в 1926 г. – 2 665 346.

тилось в 2 раза, а с 1917 по 1926 – в 2,4 раза. Если численность русского населения увеличилась преимущественно за счет переселенцев, то татар – за счет мишарей, тептярей и определенной части башкир, изменивших свою национальную принадлежность с учетом изменения социально-экономического и общественно-политического положения башкирского народа после Октября 1917 г. (Декрет о земле, башкиры – контрреволюционный народ и т. д.).

§ 2. Социально-экономическое и общественно-политическое положение башкирского народа к 1917 г.

Следует отметить, что автор, обращаясь к вопросам социально-экономического и общественно-политического положения башкир в начале XX в., не ставит перед собой задачу их углубленного и всестороннего изучения, поскольку эта проблема неплохо исследована в трудах Х. Ф. Усманова, Р. М. Раимова, Б. Х. Юлдашбаева, Р. Г. Кузеева, Р. З. Янгузина, А. М. Юлдашбаева и других¹. К тому же эта тема должна стать предметом специального, углубленного и всестороннего изучения.

Прежде всего мы попытались затронуть некоторые дискуссионные аспекты этой проблемы для того, чтобы иметь более полное представление об истоках и корнях башкирского национального движения.

В начале XX века башкиры в основном населяли Уфимскую, Оренбургскую, Пермскую, Самарскую и Вятскую губернии Российской империи. Больше всего башкир проживало в Уфимской (68%), Оренбургской (20%), Пермской, Самарской и Вятской (до 12%) губерниях². Территория двух губерний – Уфимской и Орен-

¹ Усманов Х. Ф. Столыпинская аграрная реформа в Башкирии. Уфа, 1958; *Он же*. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. М., 1981; Раимов Р. М. Образование Башкирской АССР. М., 1952; Юлдашбаев Б. Х. История формирования башкирской нации. Уфа, 1972; Кузеев Р. Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978; Янгузин Р. З. Хозяйство башкир дореволюционной России. Уфа, 1989; Юлдашбаев А. М. Экономическое положение многонационального крестьянства Башкортостана в начале XX в. // Ватандаш. 1997. № 4, 5; Мурзабулатов М. В. Скотоводческое хозяйство зауральских башкир в XIX – начале XX в. // Хозяйство и культура башкир в XIX – в начале XX в. М., 1979; Статьи Кутушева Р. Г., Роднова М. И., опубликованные в сб. «Из истории социально-экономического развития Советской Башкирии». Уфа, 1988 и др.

² При определении процентного соотношения башкир в указанных губерниях были использованы материалы Всероссийской переписи 1897 г., т. к. они наиболее

бургской, где проживала основная часть башкирского населения (88%), непосредственно расположена на Южном Урале и прилегающих к нему равнинах Предуралья и Зауралья. В целом географический ареал расселения, исторического развития башкир – это территория современной Республики Башкортостан, занимающая площадь 143,6 тыс. кв. км. Важно подчеркнуть и то, что в Пермской, Самарской и Вятской губерниях башкиры проживали издревле. Обширность территории расселения башкир объясняется ведением ими в прошлом кочевого скотоводства, требующего больших просторов.

Говоря о социально-экономическом положении башкирского народа, необходимо обратить внимание на то, что особенности земельных отношений наложили громадный отпечаток на всю хозяйственную жизнь не только башкир, но и всего населения края. Известно, что башкиры по условиям добровольного принятия русского подданства в середине XVI в. сохранили вотчинное право на свои земли, которое регулировало земельные отношения внутри башкирского общества, между башкирами-вотчинниками и государством, а также различными категориями пришлого населения (припущенниками). Башкирская община выступала коллективным собственником земли, при этом отдельные общинники формально имели равные права на пользование вотчинными угодьями, общинной землей, хотя владение и пользование землей фактически зависели от количества скота, экономических возможностей отдельных семей. Вотчинное право юридически было оформлено в жалованных грамотах Ивана Грозного и впоследствии неоднократно подтверждалось русскими царями. Однако указом от 11 февраля 1736 г. царским правительством был взят курс на постепенное ограничение и ликвидацию вотчинного права башкир. Тем не менее башкиры пользовались этим правом до появления Декрета о земле, принятого II съездом Советов в ноябре 1917 г. Башкиры, осуждая политику земельных захватов, всегда ссылались на свое вотчинное право. Так, в 1766 г. в своих наказах депутатам Уложенной комиссии (Т. Ижбулатову и Б. Юнаеву. – *М. К.*) они заявили: «Имеются у нашего башкирского народа вотчинные земли со всеми при них угодьями, состоящие во владении издревле, как еще наш башкирский народ находился под властью Нагайских ханов, а потом при государе, царе великом князе Иване Васильевиче самопроизвольно покорился под высокославную Российскую державу и скипетр и

точно отражают территориальное расселение башкирского народа в конце XIX – начале XX в.

оставлен при прежних своих выгодах и владениях»¹. Недаром в воззвании группы башкирских деятелей о созыве Всебашкирского съезда (1917 г.) речь шла о вотчинном праве башкир на земли, признанные в свое время правительством Ивана Грозного «святой собственностью башкир»².

Обширные башкирские земли, с одной стороны, были чрезвычайно удобными для земледелия и привлекали народы, ведущие земледельческий образ жизни, с другой стороны, они обладали богатейшими природными ресурсами, которые интересовали Российское государство. Поэтому Башкортостан постепенно превращался в объект широкой колонизации со стороны не только правительства, но и русских помещиков, заводчиков, крестьян, народностей Поволжья и Приуралья. Поземельные отношения между различными сословными и национальными группами крайне обострились, чему в немалой степени способствовала земельная политика царизма в Башкортостане. Таким образом, тяжелое социально-экономическое положение башкирского народа было следствием его политического бесправия, национально-колониального угнетения со стороны царского самодержавия. Царское правительство угнетало башкир не только путем внеэкономического отчуждения их прибавочного продукта (ясак, различные повинности, налоги), но прежде всего путем изъятия их земель для раздачи служилым людям, горным заводам, под строительство городов и крепостей и т. д. Недаром земельные противоречия стали толчком для крупных башкирских восстаний конца XVII–XVIII вв.

Все более нарастающие захваты башкирских земель, усиление военно-колониального гнета башкир в XIX в. подорвали исторически сложившуюся систему хозяйствования башкир, особенно в период так называемого кантонного управления, когда коренные жители края были переведены в военно-казачье сословие.

Пореформенный период ознаменовался новым наступлением на башкирские земли, вызвав так называемую «земельную горячку». По подсчетам Х. Ф. Усманова, у башкир в 70–90-х гг. было отнято под видом покупки и отграничения в запас 2433 тыс. дес. (примерно 26% их земель), в том числе 1813 тыс. в Уфимской и 620 тыс. дес. в Оренбургской губерниях³.

¹ Кулбахтин Н. М. Из истории гайнинских башкир. Уфа, 1996. С. 17.

² Кульшарипов М. М. З. Валидов и образование Башкирской Автономной Советской Республики. Уфа, 1992. С. 21, 22.

³ Усманов Х. Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. М., 1981. С. 54.

Новое расхищение башкирских земель в начале XX в. было связано со столыпинской аграрной реформой. Достаточно сказать, что в ходе этой реформы с 1905 по 1915 гг. башкиры-вотчинники лишились 522 тыс. дес. земли: в Оренбургской – 300 тыс. дес., а в Уфимской – 222 тыс. дес¹. Все это обусловило остроту земельного вопроса, и он стал одним из центральных в программе башкирского национального движения 1917–1921 гг.

В начале XX в. башкирское население занималось, в основном, земледелием, и только в некоторых регионах продолжали бытовать традиционные формы полукочевого скотоводства. Постепенный переход башкир к земледелию и оседлости, протекавший неравномерно в различных районах Башкортостана из-за природно-географических условий и других факторов, обусловил отсутствие у башкир единства в вопросах хозяйствования. Эта специфика хозяйственной жизни башкирского народа сохранялась и в начале XX в. Р. Г. Кузеев, рассмотрев особенности экономического развития башкирского общества применительно к концу XIX – началу XX вв., выделяет в Башкортостане следующие хозяйственные районы: 1. Район оседлого земледельческого хозяйства, куда относятся жители Мензелинского, Бирского, Белебеевского (половина уезда) уездов Уфимской губернии, Осинского, Красноуфимского, Екатеринбургского уездов Пермской губернии и Сарапульского уезда Вятской губернии. 2. Район нового оседлого земледельческого хозяйства, охватывающий половину Белебеевского, Стерлитамакского, Уфимского, Златоустовского уездов Уфимской и половину Челябинского уезда Оренбургской губернии. 3. Район смешанного земледельческо-скотоводческого хозяйства, куда входят Оренбургский, Орский, Троицкий и по половине Верхнеуральский, Челябинский уезды Оренбургской губернии, Бузулукский, Бугурусланский уезды Самарской губернии. 4. Район смешанного скотоводческо-лесопромыслового хозяйства, представленный Златоустовским, Уфимским, Стерлитамакским уездами Уфимской губернии и Верхнеуральским уездом Оренбургской губернии². Притом большинство башкир (60%) по его подсчетам проживало в районах оседлого земледельческого хозяйства, а в районах смешанного скотоводческо-лесного хозяйства и смешанного земледельческо-скотоводческого хозяйства – около 40%³.

¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. II. Уфа, 1959. С. 373.

² Кузеев Р. Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978. С. 108, 109.

³ Там же. С. 100. Следует подчеркнуть, что уже в первой половине XIX века большинство башкир, примерно 52,6%, занималось преимущественно земледелием и вело оседлый образ жизни, в то время как полукочевники составляли 47,4%. Под-

Башкирское население района оседло-земледельческого хозяйства в начале XX в., по мнению очевидцев, «мало чем отличается от крестьян-земледельцев (т. е. русских. — М. К.) как по количеству посевов, сельскохозяйственного инвентаря, так и по способам обработки пахотных земель». Важно сравнить размеры запасшек башкирских и русских крестьян. По данным подворной переписи 1915 г., на одно хозяйство башкирского крестьянства в Бирском уезде приходилось в среднем 5,05 дес. посева, а у русских крестьян — 6,9 дес¹. Хотя башкиры и уступали по размерам запасшек русским крестьянам, но на каждое башкирское хозяйство приходилось более 5 дес. посева, и, следовательно, их можно считать, по определению Д. П. Никольского, «серьезно занимающимися хлебопашеством»².

В районах смешанного земледельческо-скотоводческого и скотоводческо-лесопромыслового хозяйства у башкир пахотных земель было значительно меньше, чем у крестьян, традиционно занимавшихся земледелием. Так, в начале XX в., по подсчетам Р. З. Янгузина, в Орском уезде на 1 двор у башкир приходилось в среднем по 2,4 дес. запасшек, у русских крестьян — 8,1 дес.³ В то же время не все башкирские дворы имели свои посева. По данным 1902 г. в Кубелек-Телявской и Тунгатаровской волостях Верхнеуральского уезда 20% хозяйств вообще не обрабатывали землю, а жили за счет скотоводства и различных промыслов⁴.

Здесь важно то, что к концу XIX — началу XX вв. и в бывших районах полукошевого скотоводства распространяется земледелие, хотя оно еще не становится главным занятием всего башкирского населения юго-восточного Башкортостана. Летние выезды на джайляу или на места традиционной летней кочевки продолжались.

Описывая жизнь и быт башкир в районах смешанного земледельческо-скотоводческого и скотоводческо-лесопромыслового хозяйства, выезжавших зачастую на летние кочевки, наши исследователи делают не всегда обоснованные выводы, распространяя этот образ жизни на всех башкир. Выезды на кочевки, вернее «летовки», преподносились как признак ведения ими полукошевого скотоводства. Не учитывалось, что эти выезды были своеобразной формой отгонного скотоводства, которое практикуется и в настоящее время

считано Асфандияровым А. З. по материалам ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1 Д. 2257. Л. 188, 189; Д. 4911. Л. 143.

¹ Янгузин Р. З. Хозяйство башкир дореволюционной России. Уфа, 1989. С. 139.

² Никольский Д. П. Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899. С. 89.

³ Янгузин Р. З. Указ. соч. С. 158.

⁴ Там же. С. 160, 161.

в горно-лесных районах Башкортостана. Д. П. Никольский, прекрасный знаток истории башкирского хозяйства, как по источникам, так и по собственным наблюдениям писал: «В настоящее время (конец XIX в. — М. К.) эти кочевки, в особенности у степных башкир, потеряли свое первоначальное значение»¹. Или, например, английский ученый-путешественник Меккензи Уоллес в 70-х гг. XIX в. посетил башкир Самарской губернии с целью, как он объяснил позже, поближе познакомиться с жизнью и бытом кочевников-скотоводов. Однако встреча с башкирами, выезжающими на летовку, разочаровала его и заставила сделать вывод о том, что «башкиры более уже не пастушеский народ и они не кочуют»².

Конечно, было бы неправильным закрывать глаза на тяжелое положение башкир-скотоводов в начале XX в., возникшее из-за разграбления их земель, ломки всего образа их жизни, разрушения хозяйственных, социальных, бытовых, культурных традиций и институтов и даже морально-этических, нравственных устоев. Все это сопровождалось обнищанием башкирских масс. З. Валиди тонко подметил крушение прежних устоев жизни у башкир в своей статье «Среди бурзянских башкир», написанной в 1913 г.: «Разрушение природы и нравственности, обнищание дошли до них. Эти места я посетил семь лет назад (1906 г.), с тех пор здесь все изменилось: они сами, их жизнь, земли и леса, где они обитают. Прежние чистосердечные, далекие от лжи и обмана, нравственно чистые башкиры-богатыри уже постарели и их осталось мало, подобно вековым соснам в поредевших башкирских лесах. Скота стало меньше: те башкиры, которые раньше доили по 15 и более кобылиц, сейчас имеют в лучшем случае до 2–3 кобылиц, у некоторых и этого нет. Если раньше угощали прекрасным кумысом, то теперь подают наполовину разбавленный водой напиток, скорее напоминающий айран (разбавленный водой кисломолочный напиток. — М. К.). Народ чувствует себя в подавленном состоянии из-за слабой подготовленности к жизненным невгодам»³.

Тем не менее трудно согласиться с тем, что некоторые историки, писатели и публицисты, общественно-политические деятели, слабо знающие, а то и вообще не имеющие представления об особенностях жизни и быта башкир, писали и говорили о них как о кочевом народе, находящемся на первобытно-общинном уровне развития. Весьма примечательны в этом отношении суждени-

¹ Никольский Д. П. Башкиры. СПб., 1899. С. 48.

² Уоллес М. Россия. Пер. с англ. Т. II. СПб., 1881. С. 69.

³ Туган З. В. Әфәрзәр (З. В. Тоған. Сочинения). Уфа, 1996. С. 40, 41 (на башк. яз.).

уполномоченного ВЦИК при Башревкоме бывшего депутата IV Государственной Думы Ф. Самойлова о том, что башкиры являются кочевниками и полукочевниками, «отчасти сохранившие первобытно-родовой быт»¹. Притом выработался и до сих пор бытует стереотип «кочевники – дикие орды», хотя он не выдерживает никакой критики. Известно, что кочевые народы в свое время создали великие империи и имели довольно высокую культуру. Яркий тому пример – история Тюркского каганата, Волжской Булгарии, Монгольского государства. Из среды тех же тюрков-кочевников в конце I – начале II тысячелетия нашей эры вышли такие известные всему миру ученые, поэты-философы, как Махмуд Кашгари, Юсуф Бала-сагунский, Абу-Наср Фараби. Это в то время, когда у оседлых народов Восточной Европы стали появляться лишь зачатки государственности. Те же самые кочевники, монголы и татары, еще в XIII в. создали стройную военную организацию, которой восхищался сам Наполеон Бонапарт, говоря о планомерном наступлении дисциплинированных и высокоорганизованных профессиональных армий татаро-монгол. Очевидно, что кочевники вовсе не были дикарями, ибо дикари не способны создавать государства, тем более огромные империи.

Если признать тезис о чрезвычайной отсталости башкир, то возникает законный вопрос: каким же образом общество, находившееся на обочине мировой цивилизации, смогло породить столь мощное и организованное национально-освободительное движение с программными документами о строительстве демократического, правового государства, с собственными вооруженными силами. Р. Раимов и другие авторы, которые придерживались тезиса о чрезвычайной отсталости башкир, были вынуждены соглашаться с буржуазно-националистическим характером башкирского движения. Национализм (в положительном смысле этого понятия) является признаком зрелости общества, а отнюдь не дикости, или отсталости. Английский социолог Эрнст Геллнер даже считает, что национализм — это особое историческое состояние, наиболее соответствующее периоду активной индустриализации. «Это вовсе не признак отсталого общества, — продолжает автор, — он расцветает в условиях достаточно высокой грамотности, средств информации и коммуникации, появления национальной элиты, потребности общества в квалифицированных кадрах». По мнению Э. Геллнера, на отсталых окраинах «... для него нет почвы и простора»². Англий-

¹ Самойлов Ф. Малая Башкирия в 1918–1920 гг. М., 1935. С. 4.

² Геллнер Э. Нации и национализм. Пер. с англ. М., 1997. С. 95.

ский ученый, возможно, слишком категоричен, говоря о национализме как порождении цивилизованного общества. К тому же было бы неправомерным отрицать отставание башкирского народа от передовых наций индустриальных государств. Однако трудно согласиться с крайними суждениями об уровне социально-экономического и культурного развития башкирского общества в начале XX века.

Конечно, башкиры-кочевники империю не создавали, однако трактовка уровня социально-экономического и культурно-бытового развития башкир через призму их отсталости и дикости страдает предвзятостью и односторонностью. Об экономической и политической отсталости башкирского народа в результате национально-колониальной политики царизма писали и непосредственные участники башкирского национального движения. Но в отличие от противников самоопределения наций этот тезис они использовали для доказательства отсутствия глубокой социальной дифференциации башкирского общества. Отсюда они (М. Муртазин, Х. Юмагулов, К. Идельгужин) делали вывод о том, что башкирское движение отражало интересы всех слоев народа, хотя, отдавая дань теории классовой борьбы, писали о начале оформления у башкир социального противостояния, об отдельных группах и течениях в национальном движении¹.

Шаткость тезиса о чрезвычайной отсталости башкир в своем социально-экономическом развитии видна и при ознакомлении с вопросом об их приобщении к сфере промышленности и торговли.

Известно, что экономика дореволюционного Башкортостана носила аграрный характер. Ведущее место в ней принадлежало земледелию. В 1912 г. в Уфимской губернии сельское хозяйство давало продукции на 200 млн. руб. (86%), а промышленность – на 32 млн. руб. (14%)². В то же время к началу Первой мировой войны промышленность края насчитывала 17 горных заводов и более 3 тысяч фабрично-заводских предприятий. Но национально-специфическая особенность Башкортостана, как верно отметил это Б. Х. Юлдашбаев, состояла в том, что основные отрасли и предприятия крупной промышленности, особенно горная промышленность,

¹ Муртазин М. Башкирия и башкирские войска в гражданскую войну. М.; Л., 1927. С. 14; Юмагулов Х. Об одном неудачном опыте изучения национальной политики // Пролетарская революция. 1928, № 3. С. 175, 176; Идельгужин К. Башкирские движения в 1917–1918–1919 гг. Уфа, 1926. С. 6.

² Кутушев Р. Р. Промышленность и рабочий класс Башкирии накануне Октябрьской революции // Из истории социально-экономического развития Советской Башкирии. Уфа, 1988. С. 18.

на его территории появились не в порядке естественной хозяйственной эволюции коренного его населения, а путем искусственного насаждения «извне» — со стороны русских купцов и промышленников, дворян. Эти предприятия были построены отнюдь не в интересах Башкортостана и его населения, и даже вопреки сопротивлению башкир¹. Тем не менее и башкиры, исподволь, постепенно вовлекались в сферу различного рода неземледельческих занятий — промышленности (кустарной, мелкой и крупной), транспорта, торговли. Безусловно, верно и то, что башкиры в начале XX в. представляли собой народ, почти целиком связанный с сельским хозяйством: по данным Всероссийской переписи 1897 г. башкирское городское население составляло около 1%, в то время как в Уфимской и Оренбургской губерниях доля городского населения доходила до 9–10%². Однако это не означает, что башкиры вообще были в стороне от промышленного развития. Довольно высокий уровень социальной дифференциации башкирской деревни (по данным Х. Ф. Усманова, примерно 56% башкирского хозяйства составляла беднота, среднее крестьянство — 29% и состоятельные крестьяне или кулаки — 15%)³ привел к тому, что башкирская беднота уходила на шахты, заводы и фабрики, пополняя ряды промышленных рабочих. Тысячи башкир в конце XIX — начале XX вв. работали на золотых приисках Челябинского и Орского уездов Оренбургской губернии. Накануне Октябрьской революции более трети рабочих на рудниках и подсобных работах в медно-золотодобывающей промышленности Таналыково-Баймака составляли башкиры⁴. На сезонных работах по заготовке леса и древесного угля для заводов, на торфоразработках и в шахтах работали главным образом башкиры. Много башкир было занято на лесоразработках и лесосплаве, составляя более 40% рабочих, занятых в этой отрасли⁵. В частности, у Оренбургских лесопромышленников Пименовых и Щетининых, сплавляющих лес, ежегодно в начале XX в. работало около 5–6 тыс. башкир⁶.

¹ Юлдашбаев Б. Х. История формирования башкирской нации. Уфа, 1972. С. 123.

² Раимов Р. М. Образование Башкирской АССР. М., 1952. С. 25; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Т. 45. Уфимская губерния. Т. 2. С. 114; Оренбургская губерния. Т. 28. С. 128.

³ Усманов Ф. Х. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. М., 1981. С. 292.

⁴ Васильев С. М., Чемерис В. П. На путях к Октябрю. Уфа, 1960. С. 8, 83.

⁵ Хакимов С. Х. Численность, состав и положение рабочих Башкирии накануне первой русской революции // Башкирия в революции 1905–1907 гг. Уфа, 1987. С. 19.

⁶ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. Уфа, 1959. С. 223.

По данным переписи 1897 г., башкир, занятых в промышленности, насчитывалось более 10 тыс., а извозом, лесными промыслами, поденными работами было занято около 25 тыс¹. Следует подчеркнуть, что квалифицированных, кадровых рабочих из башкир было мало, они преимущественно занимались подсобными работами, условия их жизни и быта были чрезвычайно тяжелыми.

Привлечение труда башкир в промышленности, в том числе крупной, играло в целом положительную роль в их жизни в условиях упадка прежнего скотоводческого хозяйства как дополнительный источник существования. В то же время, на наш взгляд, нет оснований рассматривать рабочих из башкир «как наиболее последовательных борцов за национальные и социальные права башкирского народа»², так как среди лидеров башкирского движения почти не было выходцев из среды рабочих. Возможно, это объясняется тем, что башкирские пролетарии, сезонные и подсобные рабочие, называемые в народе «зимогорами» (от словосочетания «зимой горевать». – М. К.), чаще являлись людьми опустившимися (пьянство, курение среди них были типичными явлениями), людьми изнуренными непосильным трудом, тяжелыми условиями быта. Эти изможденные башкирские пролетарии скорее пополняли ряды большевиков, безразлично относясь к национально-освободительному движению. Данная проблема, как нам кажется, нуждается в углубленном изучении. Нами лишь высказаны определенные догадки.

Постепенно складывалась, хотя и немногочисленная, национальная буржуазия, которая по своей экономической силе и влиянию значительно уступала русским и татарским капиталистам. В мукомольной промышленности были известны Утямышевы, Рахимгуловы, Тукаевы, Нагаевы, Баязитовы, Кийковы и другие; в кожевенной – Ягудины и Ибрагимовы; в лесной – Адыевы, Сафиуллины, Кильмухаметовы; в золотодобывающей отрасли промышленности – Ахметзяновы. Так, башкир Абдулла Яушев имел в Троицком уезде Оренбургской губернии кожевенный завод с 159 рабочими, паровую мельницу с 45 рабочими и конские заводы³. Крупными землевладельцами и держателями конских заводов были Курбангалеевы, активные участники национального движения.

В начале XX в. башкиры все больше вовлекались в торговый оборот, приобщаясь к общероссийскому рынку. Согласно переписи

¹ Юлдашбаев Б. Х. Указ. соч. С. 129.

² Там же. С. 129.

³ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1., Ч. II. Уфа, 1959. С. 385, 386.

1897 г., по Уфимской и Оренбургской губерниям с торговлей было связано из башкир 10018 человек, притом 2656 башкир занимались торговлей самостоятельно. Большинство из них занималось торговлей стройматериалами, топливом (1325), сельхозпродуктами (506) и т. д.¹

К концу XIX и в начале XX в. в башкирских селах заметно расширилась сеть торговых заведений, о чем свидетельствуют данные 1913 г. Так, в восьми башкирских волостях Стерлитамакского и Уфимского уездов Уфимской губернии насчитывалось 150 башкирских селений, имеющих 188 торговых заведений. Однако по этому показателю башкирские селения в два раза уступали русским селениям и волостям². Здесь важно то, что в начале XX в. торговая деятельность становилась одной из форм хозяйственной жизни башкир, безусловно способствуя их экономической консолидации.

Еще в 20-х гг. в связи с необходимостью оценки характера башкирского национального движения возникли разногласия в подходе к вопросу о социальном расслоении башкирского общества накануне Октября. Казалось бы, партийные и советские функционеры, считавшие башкир отсталым народом, кочевниками, находящимися на уровне первобытного развития, должны были отрицать наличие социального расслоения башкирского общества. Ведь тогда им пришлось бы признать башкирское движение общенародным. Естественно, они не могли этого делать и вынуждены были признать башкирское общество классовым. Поэтому башкирское национальное движение, по их мнению, отражало прежде всего интересы «мелкой буржуазии», «башкирской деревенской буржуазии – кулаков»³.

В противовес им участники башкирского движения, позже выступившие со статьями и книгами (Х. Юмагулов, М. Муртазин, К. Идельгужин и другие), писали об отсутствии среди башкир резкого классового противостояния и говорили о защите интересов всего башкирского народа, хотя они тоже признавали наличие «классовых прослоек в башкирском обществе»⁴. Как видно из ис-

¹ Юлдашбаев Б. Х. Указ. соч. С. 151.

² Там же. С. 152, 153.

³ Самойлов Ф. Н. Об одной националистической вылазке или неизменных ошибках Х. Юмагулова // Пролетарская революция. 1928. № 3. С. 213; Образование Башкирской АССР. Сборник документов и материалов. С. 641 (из тезисов «Характеристика башкирского движения», принятых пленумом обкома партии в 1926 г.).

⁴ Юмагулов Х. Об одном неудачном опыте изучения национальной политики в Башкирии в 1918–1920 гг. // Пролетарская революция, 1928. № 3. С. 176; Муртазин М. Башкирия и башкирские войска в гражданскую войну. М.; Л., 1927. С. 14; Идельгужин К. Башкирские движения в 1917–1918–1919 гг. Уфа, 1926. С. 16.

следований Х. Ф. Усманова, А. М. Юлдашбаева, М. И. Роднова и других, башкирское общество в конце XIX – начале XX в. отнюдь не было социально однородным. Х. Ф. Усманов, на основе анализа богатейшего статистического материала, пришел к выводу, что в пореформенный период шел довольно интенсивный процесс имущественной дифференциации башкир. По его подсчетам в конце XIX в. среди башкирского крестьянства по среднестатистическим показателям преобладали бедняки – 56%, затем шли середняки – 29%, и, наконец, зажиточные башкиры составляли примерно 15% (среди крестьян других национальностей эти показатели выглядели так: бедняки – 39%, середняки – 42% и богатые (кулаки) – 19%)¹.

В начале XX в. картина имущественной дифференциации башкирского общества существенно не изменилась. Так, по данным подворной переписи 1912–1913 гг., башкиры-бедняки составляли – 56%, середняки – 32%, башкирские баи – 12% (у бывших русских государственных крестьян преобладали середняки – 42,7%, бедняки – 39,6% и зажиточные – 17,7%)². Преобладание среди башкирских крестьян бедноты объясняется тем, что смена типа хозяйства у них произошла не в ходе естественной эволюции, а была результатом широкого расхищения их земель, насильственных мер самодержавия по навязыванию им оседлости и земледелия, в особенности в первой половине XIX в. Поэтому башкирам не удалось в полном объеме освоить культуру земледелия, и в итоге они уступали по благосостоянию, скажем, народам, традиционно занимавшимся земледелием (например, русским, украинцам). Однако из всего сказанного не следует делать вывод о «полудиких башкирах», которые якобы столкнулись в 1917 г. «с промышленными рабочими»³. Но наиболее активной частью башкирского общества была нарождающаяся башкирская интеллигенция.

Как видно из материалов Всероссийской переписи 1897 г., 6 человек из башкир занимались наукой, литературой и искусством, 291 человек – учебно-воспитательной работой, 66 – врачебно-санитарной деятельностью. (Что касается татар, то эти данные выглядят так: наукой, литературой и искусством у них занимались 5

¹ Усманов Х. Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. М., 1981. С. 212. Имеются в виду русские крестьяне.

² Роднов М. И. Социальная структура крестьянства Уфимской губернии накануне Октября // Из истории социально-экономического развития Советской Башкирии. Уфа, 1988. С. 32.

³ Самойлов Ф. Н. Малая Башкирия в 1918–1920 гг. // Пролетарская революция, 1926. № 11, 12. Он же. Об одной националистической вылазке // Пролетарская революция. 1928. № 3. С. 197.

человек, учебно-воспитательной работой – 186 и врачебно-санитарной деятельностью – 74 человека)¹. Б. Х. Юлдашбаев считает, что данные переписи 1897 г. о работниках культуры, просвещения и здравоохранения несколько занижены по татарам и башкирам. В них, по его мнению, не учтен учительский персонал мусульманско-национальных школ – мектебе и медресе. По неполным данным 1913–1914 гг. в мектебе Уфимской губернии было занято 2097 учителей – башкир и татар, из них – 398 женщин. Учителей в системе земских народных училищ из башкир в 1914/15 учебном году насчитывалось 85, из татар – 264². Недаром учителя, литераторы, врачи, юристы составляли основной костяк руководящего органа башкирского национального движения.

Разумеется, не следует идеализировать уровень культурного развития башкир в условиях царской России, которая не утруждала себя заботой о просвещении «инородцев». Притом культурная отсталость была уделом не только башкир, но и многих народов Российской империи, в том числе самих русских. Весьма показательны в этом плане данные о степени грамотности башкир и других народов, зафиксированные в материалах Всероссийской переписи 1897 г. Из ее цифровых выкладок, касающихся Уфимской губернии, следует, что грамотных среди башкир было 18,3%, татар – 20,3%, русских – 16%, чувашей – 5,7%, марийцев – 3,3%, удмуртов – 1,9%³. Но здесь следует иметь в виду, что речь идет о грамотности башкир на родном языке. В условиях многонациональной страны и при той роли, какую играл русский язык, эта грамотность не могла считаться достаточно надежным показателем грамотности. Ибо лишь 0,58% башкир получили образование на русском языке⁴.

Большую роль в развитии национального образования, в пробуждении общественного и национального самосознания башкир и татар в конце XIX – начале XX в. сыграл джадидизм* – идейно-политическое, реформаторское течение, возникшее среди мусульман. Джадидизм как движение охватывал не только область науки и просвещения, но и широкую сферу жизни и быта мусульман в

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Т. 45. Уфимская губерния. Тетр. 2-я. Спб., 1904. С. 100, 101.; Т. 28. Оренбургская губерния. С. 116.

² Юлдашбаев Б. Х. Указ. соч. С. 260.

³ Очерки по истории БАССР. Т. 1. Ч. II. Уфа, 1959. С. 446.

⁴ Юлдашбаев Б. Х. Указ. соч. С. 258.

* Джадид – новый (араб.).

деле их реформирования, преобразования в духе требований современной культуры и цивилизации, включая религию.

Особенно заметных успехов джадиды достигли в национальном просвещении, добившись перевода ряда мектебе и медресе на новую методику преподавания. Еще в 80-х гг. XIX в. были открыты реформированные (джадидские) медресе «Хусаиния» в Оренбурге, «Расулия» в Троицке и в 1906 г. в Уфе – знаменитое новометодное медресе «Галия». В них, кроме религиозных дисциплин, преподавались светские науки, в том числе русский язык. Недаром из стен перечисленных медресе вышли видные башкирские и татарские общественно-политические деятели, поэты и писатели. Так, видные деятели башкирского национального движения Ш. Бабич, К. Идельгужин, Х. Габитов были выпускниками медресе «Галия», сам З. Валиди обучался в новометодном медресе «Касимия» г. Казани, окончили джадидские медресе М. Бурангулов, М. Халиков и другие. «Джадидствовала» значительная часть мусульманского духовенства, которая, как правило, в отличие от кадимистов*, т. е. противников реформы, клерикалов, не только поддерживала национально-освободительное движение, но и непосредственно участвовала в нем. Наиболее типичным представителем этой части мусульманского духовенства был С. Мрясов, один из организаторов башкирского национального движения. Некоторые руководители башкирского национального движения, а именно Х. Юмагулов, Ю. Бикбов, М. Кулаев, Ш. Манатов окончили высшие учебные заведения**.

Итак, наибольшую политическую активность, высокое национальное самосознание проявили в первую очередь представители башкирской интеллигенции, мусульманского духовенства – сторонники джадидских преобразований в обществе. В то же время в национальном движении участвовали практически все слои башкирского населения, что вполне понятно и закономерно, ибо в достижении автономии, возвращении расхищенных земель, в подъеме духовной и материальной культуры народа были заинтересованы все. Однако часть бедноты, рядовые военнослужащие царской армии, рабочие из башкир тяготели к большевикам, их особо не волновал национальный вопрос. Этим объясняется то, что башкирские большевики Б. Нуриманов, Ш. Худайбердин, К. Хакимов, Г. Шамигулов и другие считали башкирское национальное движение бур-

* Кадим – старый (*араб.*).

** Кстати, известные башкирские революционеры, члены большевистской партии Ш. Худайбердин, Б. Шафиев, Б. Нуриманов имели лишь начальное образование. Худайбердин и Шафиев окончили фельдшерские курсы.

жуазно-националистическим и даже вели ожесточенную борьбу против него.

Общественно-политическое положение башкирского народа в начале XX в. напрямую связано с его политическим бесправием, лишением башкирского народа права на национальное самоопределение. Более того, в административной структуре Российского государства не только не учитывались территориальные интересы населяющих его народов, но, препятствуя консолидации национальных меньшинств, царское правительство дробило территорию их этнического заселения, включая ее в границы различных губерний и уездов. В составе унитарной Российской империи башкирский народ тоже был разобщен в административно-территориальном отношении, особенно после 1865 г., когда из состава Оренбургской губернии выделилась самостоятельная Уфимская губерния. Нахождение этноисторической территории башкир в пределах ряда губерний создавало в дальнейшем серьезные трудности при определении границ Башкирской автономии*.

Национальное движение как социально-политическое явление, направленное против колониального или иного угнетения, является прежде всего движением за достижение независимости и создания самостоятельной государственности в различной форме — автономии, независимого государства с полным отделением от метрополии или на различных договорных началах. Поэтому для возникновения национального движения с постановкой проблемы самоопределения, создания национальной государственности решающее значение приобретает вместе с уровнем социально-экономического развития общества его социально-политическая зрелость, наличие определенных традиций национально-государственного существования, степень экономической консолидации.

Однако и при изучении вопросов, связанных с общественно-политическим положением башкирского народа в начале XX в., на

* Административно-территориальная раздробленность башкирского населения в составе царской России, его политическое бесправие находят свое отражение и в настоящее время. Яркий тому пример — выдвижение идеи восстановления Уфимской губернии или области некоторыми движениями и организациями, отдельными лицами, как правило, противниками самоопределения башкирского народа. См.: Юлдашбаев Б. Х. Социалистическая нация башкир. Уфа, 1981. С. 82.

Один из читателей «Вечерней Уфы» при обсуждении Декларации о суверенитете Башкортостана высказался так: «... Уфимская губерния — есть часть России и выходить из состава РСФСР мы не хотим». Другой утверждал: «... с 1919 г. наряду с БАССР существовала Уфимская губерния, которая перестала существовать «благодаря» решению наркомнаца И. В. Сталина... Я тоже сторонник экономического суверенитета и создания Уфимской области» (См.: Вечерняя Уфа. 1990. 6 сент.).

первый план выдвигался тезис о чрезвычайной отсталости и дикости многих восточных народов, в том числе башкир. Деление народов на «передовые» и «отсталые» и призыв вести последних «под мудрым руководством» большевиков к «светлому будущему» нашли свое отражение и в трудах вождей пролетарской революции. В. И. Ленин, например, относил башкир «к национальностям, не имевшим ранее ни государственного существования, ни автономии»¹. О неразвитости и «политической отсталости» народов Востока России писал и И. В. Сталин². Этот взгляд об «отсталых национальностях» служил партийным и советским функционерам для пропаганды и восхваления достижений «социалистической революции, освободившей от векового гнета угнетенные народы Востока». К данной теории охотно прибегали и противники предоставления народам права на самоопределение, ссылаясь на неспособность «примитивных народов» строить свою государственность. Так, бюро Оренбургского губкома РКП(б) в январе 1920 г. обратилось в ЦК РКП(б) с докладной запиской, где утверждалось, что «самоопределение культурно-отсталых башкир-номадов является величайшей нелепостью»³. В свою очередь, историки, говоря об отсталости башкир, делали вывод о их неспособности самостоятельно решать собственную судьбу. По мнению Р. М. Раимова, автора монографии «Образование БАССР» (М., 1952), башкиры сильно отставали в своем развитии и находились «в средневековом состоянии». Поэтому, продолжал он, башкиры «не имели своей государственности и получили ее только из рук победившего русского пролетариата»⁴. «Феодалной народностью периода буржуазного развития России» назвал башкир Р. Г. Кузеев⁵.

С тезисом о чрезвычайной отсталости башкир связано утверждение, что они в историческом прошлом были лишены «возможности этнополитической консолидации, национально-государственного существования и автономии»⁶. Это мнение, высказанное Б. Х. Юлдашбаевым, является естественным результатом примитивизации общественно-политических отношений, господствовавших в башкирском обществе. Вполне можно согласиться с Р. Г. Букано-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 164.

² Сталин И. В. Соч. Т. 5. С. 24.

³ Образование Башкирской АССР. Уфа, 1959. С. 451, 455.

⁴ Раимов Р. М. Образование Башкирской АССР. М., 1952. С. 5, 18.

⁵ Кузеев Р. Г., Моисеева Н. Н., Бабенко В. Я. Этнические процессы в новое и новейшее время // Этнические процессы в Башкирии в новое и новейшее время. Уфа, 1987. С. 57.

⁶ Юлдашбаев Б. Х. Новейшая история Башкортостана. Уфа, 1995. С. 75.

вой, которая, обратившись к этой проблеме, пишет, что «... в научной литературе закрепились и продолжала господствовать точка зрения, согласно которой вплоть до середины XVI века башкиры находились на стадии разложения первобытнообщинного строя, у них и не могло быть государственности.

Причем это характерно не только в отношении башкирского народа. Вообще все тюркские народы были объявлены безгосударственными. Так, во всех учебниках истории государства и права как России, так и зарубежных стран, освещается история только западно-европейских государств, начиная с истории Древней Греции и Рима. Ни слова вы не найдете о Великом тюркском каганате, о конфедерации тюркоязычных государств Дешт и Кипчак, не говоря уже о более ранних государственных образованиях, в частности о древней империи хуннов»¹.

Далее Р. Г. Буканова, опираясь на различные источники, в частности книгу арабского географа XII в. Идриси «Славяне и скандинавы», выпущенную в Берлине в 1982 г., убедительно доказала существование в XI–XIII вв. башкирского Табынского ханства, возглавляемого в XIII в. ханом Майкы-бийем. Эту же точку зрения о существовании у башкир ранних государственных образований – ханств, не сумевших объединиться в одно-единое государство, поддерживают Д. Ж. Валеев, Н. А. Мажитов, В. К. Самигуллин².

Так, последний высказал мнение о том, что башкиры участвовали в образовании Булгарского государства и в определенное время, когда город Биляр, основанный башкирами крупного родоплеменного образования «Биляр», стал столицей этого государства, они занимали там «господствующее положение»³.

Борьба башкирского народа в XVII–XVIII вв. за свою политическую самостоятельность с выдвиганием собственных ханов (Карасакал, например) также свидетельствует о должном уровне этнополитической консолидации башкир.

¹ Буканова Р. Г. Ранние формы государственности у башкир // Ватандаш, 1997. № 6. С. 196.

² Валеев Д. Ж. Национальный суверенитет и национальное возрождение. Уфа, 1994. С. 30, 31.; Мажитов Н. А., Султанова А. Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI в. Уфа, 1994; Самигуллин В. К. О познании нравственной культуры этноса // Теория развития и социальное познание. Уфа, 1990. С. 145.

³ Самигуллин В. К. О познании нравственной культуры этноса // Теория развития и социальное познание. Уфа. С. 145. В последнее время он изменил свою точку зрения по этому вопросу, считая, что речь может идти лишь о приобщении башкир к государственности. См.: Самигуллин В. О становлении государственности в башкирском крае... // Государство и право. 1998. № 3. С. 120, 121, 125.

При изучении этой проблемы важно обратить внимание на башкирские героические эпосы, предания и мифы, сказки и легенды, которые полны сюжетами о ханах и ханской власти. Очевидно, что у народа без традиций государственности не мог появиться подобный фольклор. Устное народное творчество, как правило, отражает реальную картину жизни народа, его менталитет.

Добровольное вхождение башкир в состав Российского государства на определенных условиях по договору, их мощное национально-освободительное движение после распада Российской империи за свою национальную государственность с программой федеративного устройства обновленной России также являются убедительными аргументами, доказывающими наличие у башкирского народа традиций государственности*.

В этой связи следует подчеркнуть, что немаловажную роль в активном принятии башкирским народом идеи национальной автономии сыграла их общинная традиция, в основе которой лежало вотчинное право на землю, которым юридически обладали все члены общины. Именно наличие у башкир общинного землевладения и землепользования воспитало в них дух коллективизма, совместной защиты своих интересов и прав. К сожалению, этот аспект общественно-политической и культурно-духовной жизни башкир исследован у нас крайне мало. Башкирская община складывалась на основе кровнородственных связей, хотя в начале XX века названия волостей, отражающие прежнее родо-племенное деление башкир, сохранились лишь как обозначение административно-территориального, волостного деления.

Национальная консолидация, активное стремление башкирского народа к завоеванию свободы, политической и экономической самостоятельности в значительной степени связаны с башкирскими антиколониальными восстаниями, с наличием у него многовековой воинской традиции. Эту особенность быта башкир тонко подметил З. Валиди: «Войсковые дисциплины впитались в кровь башкир, они сохранили умение в едином порыве следовать за своими предводителями. Башкир-всадник на оседланном коне подобен памятнику. Искусное владение оружием и отменная верховая езда делает их достойными продолжателями традиций древнего тюркского воинства»¹. Царские администраторы еще в XVII в. отмечали «большую склонность башкир к воинским упражнениям» и подчеркивали на-

* Пресловутый тезис об отсутствии государственности у башкир до сих пор эксплуатируют противники суверенного развития Республики Башкортостан.

¹ *Тоган З. В.* Воспоминания. Кн. 1. Уфа, 1994. С. 135.

личие у них боевого опыта¹. Недаром лидеры башкирского национального движения уже в первых программных документах поставили вопрос о национальных воинских частях и в 1918 г. за кратчайший срок сумели сформировать боеспособные национальные дивизии и полки.

Таким образом, к переломному 1917 году полуторамиллионное башкирское общество, страдающее от колониальной экспансии, политического бесправия, было готово подняться на борьбу за национальное освобождение. Не выдерживает критики суждение о башкирах, как о кочевниках, находящихся на чрезвычайно низком уровне социально-экономического развития. В начале XX в. они постепенно втягивались в рыночные отношения, среди них шел процесс социального расслоения. Притом башкирское общество имело довольно богатую традицию антиколониальной, национально-освободительной борьбы, и все это послужило основой становления башкирского национального движения после Февральской революции 1917 г.

¹ *Асфандияров А. З.* Введение кантонной системы управления в Башкирии // Из истории Башкирии (дорев. период). Уфа, 1968. С. 156, 157.

ГЛАВА II

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ БАШКИРСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

§ 1. Мусульманское движение после Февраля и участие в нем башкирского народа

В начале XX в. среди населения России, исповедующего ислам, оформилось понятие о мусульманских народах как о национально-социальной общности. Речь идет не о мусульманах и об исламе вообще, а о новом национально-политическом мировоззрении мусульманских народов России, стремящихся к освобождению от национально-колониального гнета. Это идеологическое течение зачастую квалифицировалось нашей историографией как панисламизм, в основе которого лежит представление о духовном единстве мусульман всего мира, вне зависимости от национальной принадлежности. Однако движение российских мусульман трудно назвать панисламистским, ибо исламский объединяющий фактор действовал лишь в рамках одного государства. Общемусульманское движение России, как видно из его программных документов, не предусматривало установление связей с мировым исламским сообществом. Более того, I Всероссийский мусульманский съезд показал отсутствие единства среди самих российских мусульман по важнейшим программным положениям общемусульманского движения России.

Помимо религиозной общности целый ряд народов России объединяла общность происхождения – т. е. принадлежность к тюркскому миру. Идея тюрко-исламского единства стала основой формирования в начале XX в., особенно в период первой русской революции 1905 г., общемусульманского национально-освободительного движения.

Февральская революция 1917 г. дала громадный толчок для пробуждения самосознания у мусульман России, в том числе баш-

кир. Тюркоязычные народы Востока Российской империи восприняли Февральскую революцию с небывалым энтузиазмом и радостью, понимая, что падение самодержавия и установление демократических порядков в стране открывают дорогу для завоевания политической и экономической самостоятельности, сохранения и развития религиозных традиций, для решения в целом национального вопроса. Находившийся в дни Февральской революции в Петрограде З. Валиди вот так описывает те мысли, которые обуревали его тогда: «О, Создатель, пусть это движение откроет дорогу к свободе и для моего народа! Слезы сами собой застилали мне глаза»¹.

После Февральской революции был сделан решающий поворот к демократизации общества. Все это нашло отражение в отказе Временного правительства от проведения прежней великодержавной политики в национальном вопросе. В Декларации Временного правительства, принятой в сентябре 1917 г., за всеми народностями России признавалось право на самоопределение, но решение национального вопроса откладывалось до Учредительного собрания. Временное правительство обещало издать законы, которые дадут возможность национальным меньшинствам пользоваться родным языком в школе, суде, в органах самоуправления и в связях с местными органами государственной власти. В Декларации торжественно обещалось создать при Временном правительстве Совет по национальным делам для подготовки документов по национальному вопросу². Данная Декларация и другие акты Временного правительства, признающие полное равноправие граждан независимо от вероисповедания и национальности, утверждение законопроекта о свободе совести создавали благоприятные условия для легализации национальных движений и органов, ими руководящих.

В то же время следует признать непоследовательность и противоречивость национальной политики Временного правительства, отклонившего, например, просьбу украинцев об автономии, принявшего решение о недопустимости каких-либо соглашений с Центральной Украинской Радой.

Общемусульманское движение в России, которое приобрело большой размах после Февральской революции, возглавила мусульманская фракция Государственной думы, где активная работа велась представителем уфимских мусульман З. Валиди*. Фракция

¹ *Тоган З. В.* Воспоминания. Кн. 1. Уфа, 1994. С. 168.

² Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис. М., 1961. С. 235, 236.

* Мусульманская фракция IV Думы состояла из 6 депутатов: от Уфимской губернии – И. Ахтямов, Г. Байтеряков и К. Тевкелев; от Оренбургской губернии –

выступила инициатором подготовки Всероссийского съезда мусульман. Ведение подготовительной работы было поручено Временному центральному бюро фракции под председательством Ахмедбека Цаликова, мусульманина из осетин, члена партии меньшевиков. В апреле 1917 г. Бюро направило всем местным мусульманским комитетам телеграммы с просьбой организовать среди мусульман «сочувствующих идее созыва съезда», сбор «денежных отчислений и пожертвований» для успешного проведения в Москве Всероссийского мусульманского съезда¹. Уже в ходе подготовки данного форума выяснилось, что среди членов Бюро нет единого мнения в подходе к вопросам, выносимым для обсуждения на съезде, а также относительно порядка выбора делегатов. Обозначились сторонники сохранения унитарной, но республиканской, России с культурно-национальными автономиями мусульманских народов (А. Цаликов, Г. Исхаки, И. Ахтямов и др.), которые старались привлечь «побольше представителей из Казани», т. е. своих единомышленников. Другая группа мусульманских деятелей (З. Валиди, А. Топчибашев, А. Расул-заде и др.) выступала за федеративное устройство России, защищала идею равного представительства всех тюркских народов на съезде. Как пишет З. Валиди, в этих условиях он разослал «письма во все исламские круги с разъяснением сложившейся обстановки» и призвал видных общественно-политических деятелей Азербайджана, Казахстана, Туркестана к защите идеи федерации². С целью организации выборов делегатов на местах, 28 марта З. Валиди выехал в Ташкент. По пути в Туркестан он остановился в Оренбурге, где организовал встречу с башкирской интеллигенцией и побудил ее послать на Московский мусульманский съезд делегацию башкирского народа³.

Эту работу в Башкортостане возглавили С. Мрясов, А. Ягафоров, братья Идельбаевы, Х. Юмагулов, Г. Карамышев и другие. В апреле 1917 г. в Оренбурге (9–10 апреля), Уфе (14 апреля), в уездных городах (Орске, Стерлитамаке) прошли местные мусульманские съезды, на которых были утверждены наказы мусульман и избраны делегаты предстоящего Московского съезда⁴. Не-

Г. Еникеев; от Самарской губернии – М. Миннигалеев; от Бакинской, Елисаветпольской и Эриванской губерний – М. Джафаров.

¹ Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГА ОО РБ). Ф. 1832. Оп. 4. Д. 416. Л. 216.

² *Тоган* З. В. Указ. соч. С. 172, 173.

³ Там же. С. 173.

⁴ *Тупеев Ш.* Основные этапы в истории национального движения и Советской Башкирии (1917–1929 г.). Уфа, 1929. С. 14.

смотря на массивную обработку населения Башкортостана сторонниками «демократического унитаризма» в лице Г. Баттала, К. Хасанова, С. Максуди, призывающих во имя «счастливой жизни объединиться вокруг татар», башкирскому населению на этих съездах и собраниях удалось добиться избрания делегатами Всероссийского мусульманского форума 58 человек. З. Валиди, занятый в это время организационными вопросами в Средней Азии, был выдвинут делегатом съезда от имени мусульман Туркестана.

Перед I Всероссийским мусульманским съездом в Москве состоялось совещание его военных делегатов, на котором было решено создать Временный Всероссийский военный совет (ВОШУРО) во главе с И. Алкиным, в дальнейшем активным участником башкирского национального движения. К лету 1917 г. в тылу и на фронте было образовано 56 мусульманских военных комитетов, в том числе в Оренбурге и Уфе¹.

Первого мая 1917 года в Москве чтением Корана и вступительной речью известного богослова Мусы Бигиева был открыт I Всероссийский мусульманский съезд. В президиум съезда было избрано 12 человек из числа довольно известных в мусульманских кругах России общественно-политических деятелей: А. Цаликов, Д. Сейдаметов, А. Топчибашев, У. Ходжаев, И. Алкин, М. Бигиев, Х. Досмухамедов и другие. С приветственным словом к делегатам съезда, составляющим около 800 человек (в том числе 100 женщин-мусульманок), обратился представитель Временного правительства, комиссар по делам неправославных вероисповеданий, профессор С. А. Котляревский, член партии кадетов. Он говорил о свободе совести, о тревогах по поводу возникшей в России анархии и заявил: «Но мы верим в разум и государственный смысл всех народов России, и мы надеемся, что общими усилиями сумеем нашу общую родину (вывести) на путь свободы и счастья. Да здравствуют все народы России!»².

Повестка дня съезда состояла из 13 пунктов.

Съезд образовал рабочие секции: 1. По внутреннему государственному устройству России. 2. По рабочему вопросу. 3. По земельному вопросу. 4. По женскому вопросу. 5. По подготовке к выборам в Учредительное собрание. 6. По военному вопросу. 7. По религиозному вопросу. 8. По просвещению. 9. По местному управлению. Каждая из этих секций должна была выработать соответствующую резолюцию.

¹ Тагиров И. Р. Революционная борьба и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале (февраль–июль 1917 г.). КГУ, 1977. С. 134.

² ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 416. Л. 217.

На съезде, как и предвиделось, разгорелась острая дискуссия о национально-государственном переустройстве бывшей Российской империи. С большой речью выступил А. Цаликов. Основное содержание его доклада сводилось к необходимости провозглашения России демократической республикой с предоставлением в рамках унитарного государства культурно-национальной автономии мусульманам, которые якобы выступают как единая нация. Докладчик выразил уверенность, что «ни один мусульманский народ не захочет отделиться от России» и, исходя из этого, отклонил такие формы государственного устройства, как конфедерация и федерация на основе территориальных автономий. «Быть может, – говорил он, – в тех пограничных областях, где мусульманские народы живут более компактно, возникнет у кого-нибудь мысль об эмиратах, ханствах или республиках, но это было бы не больше, чем фантазия честолюбивых демагогов». Свое неприятие идеи территориальной автономии и федеративного устройства России он пытался обосновать следующими доводами:

1. Требование территориальной автономии исходит из ошибочных предпосылок, являясь результатом еще не забытого враждебного отношения дореволюционного правительства к мусульманским народам, не учитывает возникшие после революции новые демократические взаимоотношения;

2. Территориальные автономии преградили бы путь к образованию общемусульманской культуры, ослабили бы их политически, так как их сторонники преследуют карьеристические цели и действуют в духе «разделяй и властвуй».

3. Государственное управление в автономиях и республиках может оказаться в руках «реакционеров и невежественных демагогов» из-за отсутствия подготовленных руководящих кадров;

4. Федеративное устройство России может затормозить экономическое и культурное развитие страны;

5. Расчленение России на отдельные автономии не разрешит национальную проблему мусульманских народов. Более того, в мелких автономиях затруднится решение больших вопросов, возникнут новые проблемы;

6. Территориальные автономии – тормоз в развитии торгово-промышленной деятельности поволжских мусульман;

7. Единообразное решение земельного, рабочего, женского вопросов возможно только при унитарном государстве;

8. При федеративном устройстве тысячи мусульман, живущих разбросанно, останутся вне автономии и будут русифицированы;

9. В территориальных автономиях, особенно на окраинах России, новые ханы, беки, реакционное духовенство, богачи, пользуясь

культурной отсталостью народов, восстановят вновь рабство над ними и будут по-старому эксплуатировать и угнетать мусульман.

А. Цаликов, ссылаясь на австрийских социал-демократов Отто Бауэра, Шпрингера и Карла Реннера, главных идеологов культурно-национальной автономии, пытался доказать, что для мусульман России единственный путь национального самоопределения – национально-культурная автономия. Защищая принципы унитаризма, докладчик высказал мысль, что «мусульмане России отличаются от европейцев своей религией, поэтому они могут считаться единой нацией». Свое выступление А. Цаликов закончил следующими выводами: «1) Россия должна стать унитарной парламентской народной республикой; 2) Национально-культурная автономия мусульманских народов должна найти свое признание в Конституции России»¹. Удивительно, что разложенные по пунктам доводы А. Цаликова против федеративного устройства России с территориальными автономиями во многом напоминают позиции современных противников принципов федерализма. Очевидно и то, что докладчик, отстаивая идею унитарной России, защищал интересы торгово-промышленных кругов мусульман Поволжья, о чем, кстати, речь идет в одном из пунктов (6) его возражений.

Его выступление было поддержано преимущественно делегатами казанских татар, хотя среди них тоже были сторонники федерализма (Ф. Туктаров, например). Но, как пишет З. Валиди, «... на Московском съезде инициатива находилась в руках защитников федеративного устройства России»². Действительно, азербайджанская, казахская, башкирская, крымско-татарская делегации, составляющие явное большинство, отстаивали идею федерализма. Первым против унитаристов выступил Мамед Аминбек Расул-заде, представляющий азербайджанских федералистов. Он говорил об особенностях каждого из тюркских народов, имеющих свою культуру, свою литературу. «И им надо дать, – продолжал он, – возможность иметь свои комнаты в великом тюркском доме». В то же время Расул-заде, отстаивая идею территориальной автономии, не отрицал возможности создания и культурно-национальной автономии для поволжских татар. Этой же точки зрения придерживались его сородич А. Топчибашев, казах Ш. Досмухамедов, крымский татарин Д. Сейдаметов, делегат Туркестана У. Ходжаев и другие.

¹ Давлетшин Т. Советский Татарстан. Теория и практика ленинской национальной политики. Мюнхен, 1974. С. 69,70.

² Тоган З. В. Указ. соч. С. 181.

С обстоятельным докладом на тему «Этническое происхождение российских мусульман и их роль в политической жизни» обратился к делегатам съезда З. Валиди. Содержание доклада было направлено против идеи единой мусульманской нации, выдвинутой А. Цаликовым. Опираясь на исторические, статистические и этнографические материалы, он выделил четыре района, где возможно создание территориальных автономий: 1) Туркестан, 2) Бакинская и Елисаветпольская губернии, 3) Казахстан, 4) Урянхай – восточные тюрки. В конце своего сообщения З. Валиди заявил, что нельзя не считаться с наличием «естественных различий» между мусульманскими народами и предложил вести речь на съезде о блоке «мусульманских наций»¹. Однако З. Валиди ничего не сказал о башкирской автономии и это, по-видимому, дало повод, как упоминает он в мемуарах, немецкому ученому Г. фон Менде в своем труде, посвященном национально-освободительной борьбе российских мусульман, превратно охарактеризовать роль башкир на этом съезде из-за их будто бы малочисленности. «Эта ложь была распространена некоторыми татарами», – пишет по этому поводу З. Валиди и продолжает: правда заключалась в том, что башкиры и азербайджанцы составляли на этом съезде ядро решающего большинства, поэтому и речи не могло быть о какой-либо дискриминации по отношению к ним. Более того, башкирская делегация вручила специальное письмо-обращение азербайджанской делегации, призывая ее к большей решительности в защите идеи независимости»². З. Валиди также совершенно обоснованно возражал против утверждений западных историков Б. Шпулера и С. Зеньковского о том, что якобы в Башкортостане движение за территориальную государственность возникло лишь под его влиянием и по разработанному им плану. В этой связи З. Валиди пишет: «На Московском съезде я не выступал за независимость Башкортостана. Я считал, что применительно к Поволжью, где преобладало русское население, можно вести речь о культурной автономии, а восточная область, где тюркское население составляло большинство (впоследствии она стала именоваться «Малой Башкирией»), может присоединиться к Туркестанскому и Казахстанскому движению за территориальную автономию. Именно так и зафиксированы мои высказывания в протоколах съезда»³.

¹ Протоколы Всероссийского мусульманского съезда... Пг., 1917. С. 159.

² *Тоган З. В.* Указ. соч. С. 183.

³ Там же. С. 183.

Дело обстояло именно так. Руководящее ядро многочисленной башкирской делегации в лице А. Ягафарова, С. Мрясова с самого начала съезда выступило за строительство самостоятельной территориальной автономии Башкортостана. А. Ягафаров и С. Мрясов, без участия в этом деле З. Валиди как делегата Туркестана, образовали группу башкирских федералистов, как они позже писали – «отколовшуюся от пантюркистов»¹. Эта группа еще в Москве создала комитет по подготовке собственно башкирского съезда, куда она ввела и З. Валиди. По этому поводу будущий лидер башкирского движения утверждал, что «... на Московском съезде это было единственное решение, связывающее меня с Башкортостаном»².

Сторонники федерации на Московском форуме мусульман одержали верх над унитаристами: 446 голосами против 271. Съезд высказался за федерацию и автономию в такой формулировке: «Признать, что формой государственного устройства, наиболее отвечающей интересам мусульманских народов, является народная федеративная республика, основанная на территориальных автономиях; для народов, не имеющих своих территорий – национально-культурная автономия»³. Положение о возможности для некоторых народов самоопределения в форме культурно-национальной автономии должно было свидетельствовать об учете мнения сторонников унитаризма. Но решения московского съезда последних не удовлетворили. Один из идеологов «демократического унитаризма» кадет Садри Максуди призвал членов созданного на съезде Центрального шуро мусульман России (сокращенно ИКОМУС) «подчинить свои племенные интересы интересам общемусульманским»⁴. Унитаристы не ограничились этим призывом, а начали подготовку к проведению в июле 1917 года II Всеобщего мусульманского съезда в Казани, где они надеялись добиться успеха.

С другой стороны, хотя на Московском съезде одержали победу федералисты, не все его решения удовлетворили башкирскую делегацию.

Девятого мая на съезде была принята резолюция по земельному вопросу, которая не удовлетворила башкирскую и туркестанскую делегации. В этой связи в президиум съезда было подано заявление от имени башкирских делегатов, которое гласило: «Мы, нижеподписавшиеся башкирские представители, на своем совещании 8 мая решили:

¹ Известия БашЦИК и Башобкома РКП(б). 1992. 25 февр.

² *Тоган З. В.* Указ. соч. С. 184.

³ *Айда Адиле.* Садри Максуди Арсал. М., 1996. С. 97.

⁴ Там же. С. 99.

1) Ввиду того, что мы не успели совещаться с башкирским населением на местах и собрать необходимые сведения о земельном вопросе, в работах аграрной секции съезда (решили) не участвовать.

2) Созвать в скором времени съезд башкир, собрать пожелания населения по земельному вопросу и вынести обоснованное решение.

3) Несмотря на то, что мы свое мнение по этому вопросу своевременно сообщили председательствующему (им был Гаяз Исхаки. — М. К.) на съезде для передачи в аграрную секцию, в докладе (о работе секции. — М. К.) об этом упомянуто не было.

Мы просим довести до сведения пленарного заседания Мусульманского съезда, что, одновременно с участием в принятии решений по общим вопросам, в обсуждении земельного вопроса мы в аграрной секции не участвовали. Просим записать наше заявление в протокол съезда»¹.

Итак, как видно, отказ башкирской делегации участвовать в заседаниях аграрной секции и игнорирование президиумом съезда этого факта, в целом их несогласие с резолюцией съезда по аграрному вопросу — все это в совокупности дало толчок к появлению вышеизложенного заявления, положившего начало формированию собственно башкирского национального движения.

На следующий день башкирские делегаты официально заявили съезду о создании «Башкирского областного бюро» и о его ближайшей задаче. В этом документе говорилось, что «делегаты двухмиллионного башкирского народа, обсудив принятое съездом постановление по аграрному вопросу и рассмотрев его с точки зрения национальных и бытовых условий башкирского народа, нашли необходимым созвать к 1 июля Башкирский съезд в Оренбурге, в здании Караван-Сарая, являющемся национальным имуществом башкир. Созыв этого съезда поручается бюро в составе 1) Сагида Мрясова, 2) Алаберды Джагафарова (Ягафарова), 3) Закия Валидова. Это будет считаться «Башкирским областным бюро». Под документом было поставлено 50 подписей². Следует подчеркнуть, что башкирская делегация была не единственной, не согласившейся с резолюцией съезда по земельному вопросу. Делегация Туркестана также выразила протест против решения съезда по аграрному вопросу. Она считала, что эти решения не могут распространяться на Туркестан и Казахстан, ибо они противоречат учениям шариата и принципам территориальной автономии, принятым съездом. Тур-

¹ Протоколы Всероссийского мусульманского съезда ... Пг., 1917. С. 324.

² Давлетшин Т. Указ. соч. С. 88. По мнению Т. Давлетшина, этот документ был «первый шаг к сепаратистскому движению З. Валиди». Там же.

кестанцы стояли на точке зрения, что «никто не вправе отбирать чужое имущество без согласия его собственника»¹. А в резолюции съезда по земельному вопросу было записано: 1. «Все земли (казенные, кабинетские, монастырские, а также земли, находящиеся в частном владении) должны перейти в руки народа; частная собственность на землю должна быть отменена, купля-продажа земли – запрещена»². Очевидно, что претворение в жизнь этого пункта резолюции привело бы к автоматической ликвидации вотчинного права башкир. С чем, естественно, башкирские делегаты не могли согласиться. В резолюции упоминалось также о киргизских землях, которые должны были оставаться в распоряжении самих киргизов, и ни слова не говорилось о башкирских землях.

Таким образом, I Всероссийскому мусульманскому съезду не удалось сохранить единство общемусульманского движения России. Неизбежность разногласий и размежевания объясняется наличием серьезных различий между тюркскими народами во всех сферах общественно-политической, социально-экономической и культурно-духовной жизни. Не было единой тюрко-татарской нации, на признании которой так упорно настаивали татарские деятели, не говоря уже о мусульманской нации, существование которой пытались доказать А. Цаликов. Что же касается З. Валиди, выступившего на Московском съезде с идеей национально-территориального самоопределения народов Туркестана, Казахстана и Башкортостана («Малой Башкирии») в рамках единой автономии, то ему в дальнейшем, учитывая возникшие реалии, пришлось не только активно поддерживать самостоятельное башкирское национальное движение, но и возглавить его. Но после Московского съезда вплоть до открытия I Башкирского курултая (июль, 1917) З. Валиди находился в Туркестане, что было связано с его убеждением в том, что «пока освободительное движение не наберет силу в Туркестане, оно не развернется ни в Казахстане, ни в Башкортостане»³. З. Валиди, как видим, представлял движение башкирского народа за автономию как органическую часть борьбы тюркских народов за самоопределение. Однако возникновение самостоятельного башкирского национального движения, которое с самого начала встретило ожесточенное сопротивление со стороны теоретиков единой тюрко-татарской нации, заставило его отойти от туркестанских дел и от-

¹ Протоколы Всероссийского мусульманского съезда ... Пг., 1917. С. 318.

² Давлетшин Т. Указ. соч. С. 85, 88.

³ Тоган З. В. Указ. соч. С. 185.

дать все свои силы решению проблемы самоопределения родного народа¹.

Итак, I Всероссийский мусульманский съезд стал отправной точкой формирования самостоятельного башкирского национального движения. Хотя следует отметить, что уже на I Уфимском губернском съезде мусульман, проходившем с 14 по 17 апреля 1917 г., башкирские делегаты выступили как самостоятельная фракция с собственной программой по земельному вопросу. Но фракция тогда четко не выразила своего несогласия с решением съезда о культурно-национальной автономии². Полное размежевание с общетюркским движением произошло только после Московского мусульманского съезда.

¹ *Тоган З. В.* Указ. соч. С. 185. Татарские общественно-политические деятели, историки и публицисты впоследствии пытались доказать, что по вине З. Валиди российские тюрки не смогли создать «государственное образование под тюркским названием», поскольку он «вывел башкир из общества тюркских народов», удовлетворяя свои личные амбиции. (*Юлдашбаев А. М.* Ахметзаки Валиди Тоган (ученый, политик, личность) // Судьба и наследие башкирских ученых-эмигрантов. Уфа, 1995. С. 57.) Следует подчеркнуть, что дискуссия о раздроблении изначально единого тюркского движения З. Валиди не потеряла своей актуальности и в наши дни. Дело обстояло так, что многие татарские деятели, особенно правого толка, выступали защитниками интересов татарской торговой буржуазии, ведущей посредническую торговлю между рынками центральной России и Средней Азии, Казахстана, которая давала баснословные прибыли. Так, если в 1882 г. татарам принадлежали 10 торговых домов, действующих в разных губерниях России, то к 1914 г. их число достигло 154. (См.: *Материалы по истории татарского народа.* Казань, 1995. С. 302, 388). Татарскому торговому капиталу не были нужны никакие государственные границы, таможенные барьеры, национальные различия внутри мусульман России. В этой связи идеологи татарской торговой буржуазии ратовали за демократическую, но унитарную Россию при предоставлении тюркским народам культурно-национальной автономии. Безусловно, было бы слишком односторонним желание выставить татарских общественно-политических деятелей начала XX в. лишь как апологетов татарской торговой буржуазии. Они, например, проявляли глубокую заинтересованность в демократизации России, боролись за равенство народов, языков и религий, обычаев и культуры. Но, тем не менее, как верно подметил А. М. Юлдашбаев, попытка С. Максуди и других татарских деятелей, впоследствии историков и публицистов, выдавать татарский гегемонизм по отношению к башкирам и другим тюркским народам России в начале XX в. за идею о единстве тюркских народов представляет собой уловку, которую можно обнаружить и в новейших исторических трудах, издаваемых в Татарстане (*Юлдашбаев А. М.* Указ. соч. С. 60.)

Ко всему сказанному следует добавить, что не только представители татарской буржуазии, но и татарского крестьянства были заинтересованы в уравнительном перераспределении башкирских вотчинных земель, что нашло свое отражение в резолюции I Всероссийского мусульманского съезда по аграрному вопросу. Именно этот фактор подтолкнул башкирских делегатов этого съезда к организации собственного национального движения, проведению с этой целью собственно башкирского съезда.

² *Раимов Р. М.* Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. М., 1952. С. 80.

§ 2. Формирование башкирского национального движения. Первые башкирские съезды и их решения

Вернувшись из Москвы, башкирские делегаты Всероссийского мусульманского съезда развернули большую работу по подготовке башкирского съезда (курултая). 17 мая в Оренбурге группа башкир из 50 человек, в основном делегатов мусульманского съезда, создавшая еще в Москве временный руководящий орган башкирского национального движения – Башкирское областное бюро, провела организационное заседание и выступила с заявлением, названным протоколом. В этом протоколе бюро, состоящем из 5 пунктов, говорилось: «Мы, делегаты Всероссийского мусульманского съезда от двухмиллионного башкирского населения, обсудив национальное и бытовое положение башкирского народа, в связи с постановлением Всероссийского мусульманского съезда по аграрному вопросу, нашли необходимым созвать съезд в г. Оренбурге с 20 по 25 июля с. г.»¹. Для содержания членов бюро и проведения съезда устанавливался обязательный взнос с каждого будущего делегата курултая в размере 50 рублей. Этот документ был подписан 50 участниками организационного заседания².

С середины мая Башкирское областное бюро почти ежедневно проводило заседания, на которых обсуждались важнейшие организационные вопросы, проекты программ, резолюций предстоящего съезда, обращения и письма башкирскому населению³.

Башкирское областное бюро 19 мая обратилось с воззванием ко всем башкирам через национальную печать. В нем говорилось о начале среди народов России национальных движений, о необходимости созыва Всебашкирского съезда для обсуждения «специфических для башкир вопросов». Среди них центральным был назван земельный вопрос. Была также установлена норма представительства – два делегата от каждой волости, в которых проживали башкиры⁴.

¹ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 4. Л. 131.

² Там же. Английский историк Э. Карр, вслед за С. Атнагуловым, пишет о взимании с участников I Всебашкирского съезда «входной платы в размере 50 рублей», что предопределило, по его мнению, состав делегатов съезда: «Муллы, старейшины и кулаки». (См.: Карр Э. История Советской России. Кн. 1. Т. 1, 2. М., 1990. С. 255). Речь идет не о «входной плате», а о взносе, без которого проведение съезда стало бы невозможным.

³ Башкортостан. 1995. 18 авг.

⁴ *Tuneev Ш.* Основные этапы в истории национального движения и Советской Башкирии (1917–1929). Уфа, 1929. С. 15, 16. Воззвание было опубликовано на страницах газеты «Вақыт». 1917. 19 мая. № 222.

В конце июня 1917 г. в Оренбурге состоялось очередное заседание бюро, где всестороннему обсуждению подверглись документы предстоящего съезда и платформа национального движения. На этом совещании был образован руководящий орган башкирского движения: «Бюро союза башкирского народа» с расширенным составом. Его членами стали У. Куватов, Юн. Бикбов, С. Идельбаев, Г. Мутин, Г. Куватов, Х. Игликов, Г. Давлетшин, Юлб. Бикбов¹. С июня Бюро наладило издание своей газеты «Башкорт иттифақы бюроһы мөхбире» («Известия бюро башкирского союза»), затем получившей название «Башкорт». В первом номере газеты было опубликовано «Обращение к башкирскому народу» (Игланнамә) в связи с подготовкой первого Всебашкирского съезда. В нем раскрывались исторические предпосылки и причины созыва съезда, содержался страстный призыв, апеллирующий к героическому историческому прошлому угнетенного башкирского народа, затрагивались вопросы финансирования курултая². Там же увидела свет статья З. Валиди. «В ней, – писал он позднее, – я высказал мысль, что Башкортостан сыграет роль своеобразного моста между Туркестаном и Поволжьем, что достижение самостоятельности Башкортостана в конечном счете приведет и татар, выступающих ныне против нас, к необходимости присоединиться к освободительному движению на Востоке России»³. Бюро союза башкирского народа развернуло большую агитационно-массовую работу среди населения, направив во все губернии, где проживали башкиры, своих представителей. Один из активных участников башкирского движения Н. Бикбаев в своих воспоминаниях пишет: «В июне-июле в башкирских деревнях со стороны башкирской интеллигенции ведется агитация за территориальную буржуазно-демократическую автономию башкир. Муллы тоже выступали за автономию». В то же время он отмечает, что некоторая часть мусульманского духовенства, кадимисты, настраивали население против автономии, «выдвигая доводы, что все равно без царя народ не будет в состоянии управляться, что мусульмане должны стоять в стороне от революционного движения». «Однако подавляющее большинство населения, – продолжает он, – с большим энтузиазмом поддержало идею созыва съезда, образования автономного Башкортостана»⁴.

¹ Башкортостан. 1995. 18 авг.

² Там же. 1997. 25 авг.

³ Тоған З. В. Указ. соч. С. 184.

⁴ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 399. Л. 6, 7. Н. Бикбаев, активный участник башкирского движения, уроженец с. Юмагузино Кугарчинского района РБ. По про-

Деятельность бюро союза башкирского народа по организации самостоятельного башкирского движения привела к обострению отношений между его лидерами и татарскими деятелями, выступающими за культурно-национальную автономию, за единство так называемого тюрко-татарского народа. На страницах татарской периодической печати стали появляться статьи, отрицающие самостоятельное этническое существование башкир, что привело к еще большему усилению татаро-башкирских трений. «Организованные представителями татарской торгово-промышленной буржуазии, мусульманские комитеты и мусульманские военные шуро, – вспоминает Н. Бикбаев, – ведут ожесточенную агитацию против автономии башкир через печать, выдвигая лозунги культурно-национальной автономии для всех мусульман»¹. В этой связи З. Валиди писал: «Все это свидетельствовало о том, что мы встретим в своем движении сопротивление не только со стороны русских, но и в нашей собственной среде найдутся противники, и борьба против них будет вынуждать нас тратить много сил и времени. Это, – делает он вывод, – явилось самым прискорбным открытием»².

С другой стороны, становление и развитие башкирского национального движения вызвало беспокойство и у русского населения, особенно крестьян. Если обострение татаро-башкирских отношений было связано с различным подходом к проблеме самоопределения, этнической принадлежности, то в основе негативного восприятия русскими крестьянами, особенно переселенцами времен Столыпина, идеи башкирской автономии, лежал земельный вопрос.

Видный башкирский общественно-политический деятель того времени – К. Идельгужин в своей книге о башкирском национальном движении верно подметил, что усиление земельных неурядиц между башкирами и русскими крестьянами после Февральской революции было вызвано опасением последних потерять свои наделы, ибо, считали они, «башкиры, создав свое правительство, не отдадут своих земель посторонним»³. Весьма показательной в этом плане является резолюция Преображенского волостного крестьянского съезда от 20 февраля 1918 года по вопросу об автономии Башкортостана. В ней говорилось: «Башкиры не могут обеспечить русским право на равное пользование землей». Ссылаясь на это,

фессии учитель. Занимал различные руководящие посты в Башкирском правительстве, Башревкоме. Репрессирован в 1937 г.

¹ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 399. Л. 6, 7.

² Тоған З. В. Указ. соч. С. 184.

³ Идельгужин К. Башкирские движения (в 1917, 1918, 1919 гг.). Уфа, 1926. С. 22.

съезд категорически высказался против территориальной автономии Башкортостана, в то же время признав «право башкир на полное культурное самоопределение»¹. В обращении Орской уездной земской управы, принятой в декабре 1918 г., было записано, что «населению уезда грозит опасность национальной борьбы» в связи с объявлением автономии Башкортостана, и в нем же осуждался этот акт, угрожающий якобы земельным интересам русских переселенцев². Подобные опасения русских крестьян постоянно подогревались губернскими властями в Оренбурге, которые и слышать не хотели об автономном Башкортостане.

Между тем Бюро союза башкирского народа, возглавляемое С. Мрясовым и А. Ягафаровым, образовало в башкирских волостях первичные советы (шуро), которые на местах проводили большую организационную работу по созыву башкирского курултая, занимались сбором средств для его проведения, обеспечивали избрание делегатов съезда по установленной квоте – из каждой башкирской волости надлежало избрать 2 делегатов на волостных сходках. Выборные сходки носили демократический характер, показателем которого являлось избрание делегатов из альтернативных кандидатур путем тайного голосования. Так, в городе Верхнеуральске в работе выборного собрания участвовало 325 человек, и было выдвинуто на баллотировку 4 кандидатуры, из которых одна, набравшая самое большее количество голосов, стала делегатом предстоящего съезда³.

З. Валиди, хотя и входил в руководящее ядро Бюро союза башкирского народа, в подготовке съезда непосредственно не участвовал, лишь написал рабочий регламент и некоторые проекты резолюций курултая. Накануне созыва курултая он находился в Средней Азии и занимался там организационными делами Туркестанского центрального шуро⁴.

Двадцатого июля (3 августа по новому стилю) 1917 года в г. Оренбурге открылся I Всебашкирский курултай, где участвовало 70 делегатов. В тот же день, по предварительной договоренности, в Оренбурге началась работа казахского съезда. На съездах прозвучали взаимные приветствия и, что интересно отметить, принятые ими резолюции и решения были довольно близки по духу. Хотя, как пишет З. Валиди, «казахский курултай не принял однозначного и определенного решения о самостоятельности, а выразил лишь

¹ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 300. Л. 5.

² Там же. Л. 4.

³ Халидов М. Воспоминания партизана // За Советы. Странички из гражданской войны в Башкирии. Уфа, 1936. С. 31, 32.

⁴ Тоган З. В. Указ. соч. С. 185.

свое принципиальное согласие с ее идеями». Это, по мнению З. Валиди, объясняется нерешительностью лидера казахов Галихана Букейханова, ставшего к этому времени губернатором Тургайской области и состоящего по-прежнему членом кадетской партии, программа которой не признавала право наций на политическое самоопределение, а ограничивалась требованием культурно-национального самоопределения¹.

I Всебашкирский курултай (съезд) открылся в торжественной обстановке. В президиум съезда были избраны руководители Бюро союза башкирского народа – З. Валиди, С. Мрясов, А. Ягафаров, крупный башкирский землевладелец и религиозный деятель, ишан Габдулхай Курбангалеев, учитель по образованию Хурматулла Идельбаев. На курултае предстояло обсудить и принять резолюции по вопросам о работе Временного бюро, управлении Башкортостаном, отношении к войне и строительству национальных войск, земельных делах, просвещении и вопросу о положении женщин. На нем же предусматривалось создание руководящего органа башкирского национального движения. Отчетный доклад о работе Бюро сделал С. Мрясов. Он ознакомил делегатов курултая с материалами I Всероссийского мусульманского съезда, затронул проблему самоопределения мусульман России². С докладом по таким вопросам повестки дня, как «Государственное управление», «Земельный вопрос» выступил З. Валиди. Делегаты курултая с большим воодушевлением восприняли его слова о том, что «... башкиры, присоединившись к многочисленным тюркским народам, ставшим на путь самостоятельности, решили бороться за свободу»³.

Доклад З. Валиди по земельному вопросу, содержащий отдельные идеи в духе аграрных программ социалистических партий (эсеров, прежде всего. – М. К.), не был одобрен некоторыми консервативно настроенными делегатами, в частности, Г. Курбангалеевым⁴. Но большинство делегатов съезда положительно восприняло идею социализации земли. Ильдерхан Мутин, один из видных деятелей башкирского движения, поддержал З. Валиди, заявив, что принцип социализации «не чужд башкирскому народу, так как башкиры всегда пользовались землей общиной»⁵. Следует под-

¹ *Тоган З. В.* Указ. соч. С. 197; История политических партий России. М., 1994. С. 117.

² Башкортостан. 1995. 18 авг.

³ *Тоган З. В.* Указ. соч. С. 196, 197.

⁴ Там же.

⁵ *Юлдашбаев Б. Х.* Национальный вопрос в Башкирии накануне и в период Октябрьской революции. Уфа, 1984. С. 25.

черкнуть, что земельный вопрос стал одним из центральных на съезде, своеобразным импульсом для организации башкирского национального движения. Все это объясняется широко распространенным расхищением башкирских вотчинных земель, чему в немалой степени способствовала аграрная политика царизма в Башкортостане. Достаточно сказать, что только в ходе Столыпинской аграрной реформы, точнее, с 1905 по 1915 г., башкиры-вотчинники Уфимской и Оренбургской губерний лишились 522 тыс. дес. земли¹.

Свои требования по земельному вопросу башкиры стали выдвигать еще до первого башкирского курултая. Они прозвучали с трибуны съезда крестьянских депутатов Уфимской губернии, состоявшегося 19 мая 1917 года.

Программа башкирского движения по земельному вопросу обсуждалась на совещании по подготовке башкирского курултая, созванного в конце июня 1917 г., где было заявлено, что «... вся башкирская земля вместе со всеми ее богатствами должна стать собственностью башкир»². В принятой съездом резолюции по земельному вопросу имелись следующие пункты: «1. Все земли, находящиеся во владении башкир, составляют достояние всего башкирского народа и в частную собственность отчуждены быть не могут»³. Именно этим первым пунктом, по мнению И. Мутина, проводился принцип социализации. Действительно, эсеровская социализация земли означала отмену частной собственности на землю, вместе с тем не превращение ее в государственную собственность, не ее национализацию, а превращение в общенародное достояние без купли и продажи⁴.

Пятый пункт резолюции, который гласил: «Все леса, горные богатства, недра, минеральные и рыболовные воды составляют достояние всего башкирского народа», логически вытекал из первого пункта⁵. Во 2, 3 пунктах резолюции было записано: «2... Все земли, несправедливо отошедшие и отобранные у башкир, как-то: отрезанные в запас, при наделении припущенников, розданные разными чиновниками своим близким в дар из свободных башкирских земель и т. д., — должны быть возвращены башкирскому народу.

3. Все земли, которые будут подлежать зачислению в пределах башкирской территории по генеральному размежеванию, как-то:

¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. Уфа, 1959. С. 373.

² Вақыт. 1917. 11 июня.

³ Этнополитическая мозаика Башкортостана. Т. 2. М., 1992. С. 65.

⁴ История политических партий России. М., 1994. С. 157.

⁵ Этнополитическая мозаика Башкортостана. Т. 2. С. 65.

частновладельческие, банковские, кабинетские, казенные, удельные, монастырские и др. — должны быть предоставлены исключительно безземельному и малоземельному башкирскому населению»¹. Эти пункты резолюции, как видно, касались тех земель, которые были изъяты у башкир колонизаторами, главным образом, в конце XIX — начале XX века. Обосновывая правомерность постановки вопроса о необходимости возврата расхищенных земель башкирам, И. Мутин ссылаясь на одно из условий присоединения Башкортостана к России — признание Иваном Грозным права башкир распоряжаться своей землей или вотчинного их права².

4, 5, 7, 8 пункты резолюции затрагивали вопросы распределения земель среди населения:

«4. Распределение башкирских земель между башкирским населением предоставить исключительно Главному башкирскому земельному комитету.

5. При распределении земель между башкирами принимается во внимание наличное количество населения как мужского, так и женского пола.

7. При наделении же землей самих башкир, оказавшиеся излишки земельных участков должны быть распределены, в первую очередь, между единоверцами, родственными башкирам племенами.

8. Определение земельных норм в Башкирии должны отвечать жизненным интересам башкирского народа. Подготовку вопроса о количестве необходимой земли для удовлетворения этих жизненных интересов до Учредительного собрания возложить на Башкирский главный земельный комитет»³.

Появление такой резолюции по земельному вопросу вполне понятно и объяснимо в свете реалий исторического прошлого, отмеченного крупномасштабным расхищением башкирских земель в невообразимых размерах, которое продолжалось и в 1917 г. Но попытка вернуть башкирскому народу ранее отнятые у него земли и объявление их достоянием лишь одного народа таили в себе большую опасность в смысле осложнения в крае межнациональных отношений на основе земельного вопроса. Трудно признать положительность и пункта резолюции о преимущественном наделении землей «единоверцев», под которыми, следует полагать, имелись в виду тептяри, мишари и татары. Это еще больше усилило бы напряженность в отношениях между башкирами и русскими крестья-

¹ Этнополитическая мозаика Башкортостана. Т. 2. С. 65.

² *Тупеев Ш.* Основные этапы в истории национального движения и Советской Башкирии (1917–1929 г.). Уфа, 1929. С. 16.

³ Этнополитическая мозаика Башкортостана. Т. 2. С. 65, 66.

нами. Отсутствие в аграрной программе башкирского движения, принятой на I Курултае, положения о соблюдении земельных интересов русских крестьян, давало повод последним для антибашкирских выступлений.

С другой стороны, трудно согласиться с односторонним обвинением «башкирских националистов» в обострении межнациональных отношений в Башкортостане, имевшим широкое распространение в нашей историографии. Нельзя не видеть того, что местные губернские власти, как красные, так и белые, как правило, с пренебрежением относились ко всем законным требованиям и интересам башкир, обосновывая свое неприятие вполне правомерных претензий угнетенного народа его отсталостью, темнотой и невежеством¹.

На I Всебашкирском курултае активно обсуждалась проблема будущего государственного строительства в Башкортостане. По вопросу об основах управления государством в постановлении съезда было заявлено, что он «по этому вопросу присоединяется к... решению Всеобщего мусульманского съезда, созванного в Москве». «Системой управления, широко обеспечивающей интересы и права российских мусульманских народностей, является демократическая республика на национально-территориальных началах». В то же время было подчеркнуто: «Национальности же, не имеющие специальных территорий, пользуются национально-культурной автономией». В пункте резолюции «Об управлении Башкурдистаном» говорилось об Урале, как «колыбели башкир», о «свободной республиканской России», в которой башкиры должны «освободиться от опеки других народов» путем завоевания «совместно с восточными и восточно-южными степными тюркскими народностями национально-политической автономии»². В данном пункте резолюции была заложена основа для будущего тесного союза автономного Башкортостана с Казахстаном и Средней Азией, последовательным сторонником которого являлся З. Валиди.

Важнейшей для защиты завоеваний будущей республики следует считать резолюцию Курултая об организации войск, предусматривающую формирование национальных башкирских полков, обязанных проходить военную службу «на родине самих башкир»³.

В документе съезда об отношении к войне осуждалась «захватная политика старого угнетательского правительства» и подчеркивалась необходимость прекращения кровопролития «на условия».

¹ См.: Образование Башкирской АССР. С. 447, 460. (Доклад Оренбургского губкома РКП(б) в ЦК РКП(б) от 26 января 1920 г.)

² Этнополитическая мозаика Башкортостана. Т. 2. С. 64.

³ Там же. С. 70, 71.

без захвата чужих имуществ и выплаты убытков (т. е. без аннексий и контрибуций. – М. К.) «с условием проведения в жизнь национально-политических прав народностей»¹.

Съезд одобрил предстоящий созыв Учредительного собрания и предписал руководящему органу башкирского движения принять все меры для избрания лиц, защищающих исключительно идею национально-территориальной автономии и способных «отстаивать интересы башкир при условии принадлежности к башкирской национальности».

На съезде была принята довольно обстоятельная резолюция по делам просвещения и воспитания молодого поколения. Предполагалось открытие как светских, так и духовных школ, были рассмотрены вопросы подготовки и содержания учителей, их права и обязанности².

I Башкирский съезд принял специальное постановление по женскому вопросу. В регламент работы съезда «женский вопрос» был внесен оргкомитетом по предложению делегатки от Самарской губернии, молодой учительницы Рабиги Юмагуловой-Кушаевой. Она же, единственная женщина-делегатка, выступила на курултае по этому вопросу и выдвинула требование предоставить башкирским женщинам полные гражданские и политические права наравне с мужчинами, предложила конкретные меры по их реализации, состоящие из 10 пунктов, заявив, что «лишь та нация сильна, где женщины равноправны». Ее речь была воспринята делегатами съезда весьма неоднозначно. Значительная часть делегатов приветствовала ее смелое, непривычное для мусульманских женщин выступление. Однако некоторые делегаты из кругов мусульманского духовенства пытались доказать, что предложения Р. Юмагуловой-Кушаевой идут «вразрез с законами шариата». Но, несмотря на сильное сопротивление консервативно настроенной части делегатов, ее предложения, хотя и не все, легли в основу резолюции съезда по женскому вопросу³. В резолюции курултая было записано: «В политических и гражданских правах женщины равны с мужчинами, вопросы же духовного (шарги) и семейного порядка подлежат ведению духовного собрания». Речь также шла о подготовке специалистов среди башкирских женщин путем открытия светских учебных заведений для них⁴.

¹ Этнополитическая мозаика Башкортостана. Т. 2. С. 71.

² Там же. С. 64.

³ Сулейманова Р. Женское движение в Башкортостане // Ватандаш, 1997, № 3. С. 169, 176.

⁴ Этнополитическая мозаика Башкортостана. Т. 2. С. 71.

На I Всебашкирском съезде было образовано Башкирское центральное национальное шуро (совет) как руководящий орган башкирского движения, составленное из 7 человек по принципу: один представитель из каждого уезда, где проживают башкиры. В состав исполкома Шуро были избраны: Шариф Манатов, Гариф Мутин, Сагит Мрясов, Ильдархан Мутин, Усман Куватов, Харис Юмагулов. Седьмым, по-видимому, был Заки Валиди, хотя в сохранившихся документах его фамилия не фигурирует. Невозможно представить, чтобы человек, выступивший с основными докладами, участвующий в подготовке многих документов съезда и занявший место в президиуме, не вошел в состав Шуро. В качестве помощников членов исполкома Шуро были избраны Джигангарей Амиров, Нуриагзам Тагиров и Яхъя Салихов¹. По положению о Башкирском шуро, его члены должны были работать исключительно в нем и служба в других учреждениях не допускалась. Предусматривалось проведение ежемесячных совещаний Шуро. Во всех башкирских волостях предстояло образовать отделы Центрального шуро, которые, в свою очередь, могли создать районные шуро. В местные шуро избирались от 3-х до 5 членов².

На съезде возникли разногласия при выборе председателя Шуро. З. Валиди писал, что, имея в виду постоянные поездки в Ташкент, «не стал брать на себя обязанности председателя, решив заниматься организационными делами». Он рекомендовал на эту должность адвоката Юнуса Бикбова. Однако Курбангалеевы (отец и сын) поддержали кандидатуру на пост председателя Шуро своего земляка Шарифа Манатова, бывшего студента Петербургского психоневрологического института, человека, придерживающегося левых взглядов. Курбангалеевым удалось добиться избрания Ш. Манатова председателем Центрального башкирского шуро. З. Валиди, как видно из его «Воспоминаний», считал Манатова человеком с авантюристическими наклонностями и недолюбливал³. Возможно, между ними было соперничество за право руководить башкирским национальным движением. I Всебашкирский съезд завершил организационный период башкирского национального движения и выработал первоначальные программные документы, на основе которых в ноябре 1917 г. был провозглашен автономный Башкортостан. Весьма примечательным является и то, что делегаты съезда всячески стремились снять напряжение, возникшее между

¹ Этнополитическая мозаика Башкортостана. Т. 2. С. 72.

² Там же.

³ *Тоган З. В.* Указ. соч. С. 197.

участниками башкирского национального движения и татарских общественно-политических организаций, о чем свидетельствует телеграмма съезда, посланная в Казань, где выражалась надежда на то, что «волжские братья окажут помощь в осуществлении этих трудных целей», и подразумевавшая завоевание башкирским народом территориальной автономии¹.

Несмотря на наличие в некоторых резолюциях съезда национальной ограниченности (например, по земельному вопросу), невозможно согласиться с мнением о том, что «решения съезда... носили антинародный, буржуазно-националистический характер»². Хотя в работе курултая участвовали, в основном, представители имущих слоев башкирского населения, содержание решений съезда отражало интересы всего народа. Башкирские агитаторы, ведущие после курултая разъяснительную работу среди населения, отмечали, что «башкиры-крестьяне, солдаты становились на сторону агитаторов, узнав, что автономисты за прекращение войны, за свободу башкир»³.

После курултая Центральное шуро установило связи с Азербайджаном и Украиной, были сделаны попытки договориться с казанскими татарами, чтобы они «не мешали борьбе за суверенный Башкортостан»⁴.

Между тем борьба между сторонниками унитарного устройства России и федералистами была продолжена на II Всероссийском мусульманском съезде в июле 1917 г., хотя его трудно назвать Всероссийским, поскольку в нем не было делегатов Азербайджана, Туркестана, Крыма, выступающих за федеративную Россию. Одновременно в Казани проходили съезды мусульманского духовенства и мусульманских военных советов (шуро). Объединенное заседание делегатов трех съездов приняло решение о провозглашении культурно-национальной автономии мусульман внутренней России и Сибири и образовало коллегию по ее осуществлению⁵. В книге, посвященной известному татарскому общественно-политическому деятелю Садри Максуди, утверждается, что «казанские тюрки первыми начали претворять в жизнь решения Московского Всероссийского мусульманского съезда»⁶. На деле же решения так называемого II Всероссийского мусульманского

¹ Этнополитическая мозаика Башкортостана. Т. 2. С. 72, 73.

² Раимов Р. М. Образование Башкирской АССР. М., 1952. С. 83.

³ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 399. Л. 11.

⁴ Тоган З. В. Указ. соч. С. 198.

⁵ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 2. Д. 718. Л. 251.

⁶ Айда Адиле. Садри Максуди Арсал. М., 1996. С. 103.

съезда во многом противоречили резолюциям I Всероссийского мусульманского съезда, и поэтому следует говорить об отходе от решений последнего. Коллегия мухтариата (автономии) во главе с кадетом Садри Максуди, образованная на съезде, своей столицей определила г. Уфу¹. Выбор г. Уфы столицей национально-культурной автономии «тюрко-татар» внутренней России и Сибири был продиктован желанием закрепиться в центре Башкортостана с целью распространения своего влияния на его население, а не засилием в г. Казани большевиков².

З. Валиди по пути в Петроград остановился в Казани и вел переговоры с «руководителями съезда казанских татар» о прекращении взаимных нападков и о сотрудничестве³. Однако, как показывают дальнейшие события, взаимные обвинения и упреки, борьба татарских деятелей против идеи территориальной автономии башкир не прекратились. В духе непримиримого антибашкиризма продолжало действовать мусульманское военное шуро, возникшее в мае 1917 г. в г. Оренбурге. В одном из своих посланий Башкирскому шуро оно откровенно заявило: «Областное мусульманское шуро считает для себя возможным применять все средства против башкирского движения»⁴. Вполне в духе этого заявления оно организовало сбор средств среди башкирского населения под видом удовлетворения нужд Башкирского шуро. Этот шаг военного шуро был решительно осужден на II Всебашкирском съезде⁵.

Между тем члены Центрального шуро – З. Валиди, И. Мутин и У. Куватов, направленные в Петроград с поручением решить ряд вопросов, касающихся башкирских земель, капиталов, возвращения Караван-Сарая – башкирского народного дома в г. Оренбурге, и, самое главное, с целью прозондировать почву насчет строительства автономной республики, встретились с министром земледелия Временного правительства В. М. Черновым и министром внутренних дел Н. Д. Авксентьевым. Рассмотрение вопросов об автономии и земле было отложено министрами Временного правительства до Учредительного собрания. Башкирской делегации удалось добиться лишь положительного решения вопроса о возвращении Караван-Сарая башкирскому народу⁶.

¹ Айда Адиле А. Указ. соч. С. 104.

² Там же.

³ Тоган З. В. Указ. соч. С. 198.

⁴ Идельгужин К. Башкирские движения (в 1917, 1918, 1919 гг.). Уфа, 1926.

С. 39.

⁵ Этнополитическая мозаика Башкортостана. Т. 2. С. 73.

⁶ Тоган З. В. Указ. соч. С. 199.

Тем временем, к концу августа 1917 г. Центральное башкирское шуру завершило подготовку очередного башкирского курултая, созыв которого был продиктован прежде всего необходимостью утверждения кандидатов в члены предстоящего Учредительного собрания. II Башкирский курултай состоялся 25–29 августа 1917 г. в г. Уфе. Проведение курултая в Уфе должно было показать необоснованность попыток сделать ее центром национально-культурного мухтариата «тюрко-татар». В работе съезда приняло участие около 100 делегатов, в основном участники I съезда. В повестку Курултая были включены следующие вопросы:

1. Доклад о работе Центрального шуру;
2. Подготовка к Учредительному собранию, которое должно было состояться в начале 1918 года в Петрограде: определение кандидатур и рассмотрение их платформ;
3. Национально-культурная автономия и управление Башкортостаном;
4. Проблемы, касающиеся печати, просвещения и т. д.

II Башкирский курултай подтвердил решения I съезда и высказался за федерацию, выразив при этом свое положительное отношение к стремлению «волжских мусульман к осуществлению национально-культурной автономии», и даже заявил о готовности участвовать «в торжествах национально-культурной автономии, только без вынесения особой резолюции».

На съезде присутствовали представители татарской общественности, как федералисты (Г. Ибрагимов, Г. Касымов, Ш. Ахмадеев и др.), так и унитаристы (Х. Атласов, З. Кадыри и др.). Унитаристы призвали делегатов съезда объединиться со сторонниками культурно-национальной автономии под лозунгом сохранения единства всех мусульман России. Весьма примечательным является выступление Х. Атласов, известного татарского общественно-политического деятеля, историка по профессии: «Уважаемые господа! Я уже был участником вашего первого съезда и высказал свои добрые пожелания. Хотя я сам мишарин, но башкиры – самый любимый для меня народ. Из-за этого, родные башкиры, я желал и хотел, чтобы у вас была автономия. Однако только самим башкирам не достичь автономии. Правда, что страна башкир по территории больше, чем Германия и Австрия. Но для того, чтобы быть с автономией, необходима большая численность народа и его высокий уровень развития. Нельзя сказать, что вы передовая нация. В численном отношении вы не преобладаете в Оренбургской и Уфимской губерниях. В Уфе или Оренбурге вы составляете лишь 30%, не говоря уже о Пермской и Самарской губерниях. Вы в Самарской губернии составляете мизерный процент. Мусульман там всего 11% или из ста всего 11 мусульман, а 89 другие люди. Господа,

подумайте, если между ними выйдет рукопашная драка, при любом случае 89 человек побьют 11 человек. Если так, то ваши рассуждения об автономии и т. д. лишь вызывают усмешку. До сих пор нас разлучали миссионеры. Дальше нам нельзя расходиться.

По возможности нужно идти вместе, ведь до этого действовали сообща. От всякого развода нет ничего, кроме беды. Эти слова я вам говорю из-за любви к башкирам, я вас действительно люблю. Ради Бога, не пойдем путем, радующим миссионеров¹. З. Кадыри тоже пытался убедить башкир, объявив самостоятельное движение башкир за автономию «невиданной в истории трагедией», таким же опасным шагом, как политика миссионера Ильминского².

В своей ответной речи председатель Центрального шуро Ш. Манатов заявил, что «у господ очень сладкие речи» и они напоминают ему персонажа из произведения Гаяза Исхаки, который, чтобы угодить богачам, всякий раз хвалился своими проделками над миссионерами. «Что же касается численности башкир, – продолжал он, – мы же не собираемся объявлять все территории губерний, где проживают башкиры, автономными. Речь идет о выделении в автономию волостей и уездов, где большинство составляют башкиры. К тому же мы решительные противники централизации и выступаем за принцип федерализма. Если сторонники Казанской платформы считают нас своими братьями, то пусть они нам не мешают, а содействуют достижению нами своих целей». Далее Ш. Манатов говорил об остроте земельного вопроса для башкир, и, наконец, выразил уверенность, что на предстоящем Учредительном собрании (Всероссийском) башкиры примут участие в обсуждении проблем самоопределения вместе с представителями других народов, в частности украинцев и даже русских, выступающих за федеративное устройство России. «Что касается опасений братьев-татар, что мы только сами будем распоряжаться своими земельными богатствами, – заявил он, – то пусть знают, что мы не собираемся объять все, а будем соблюдать земельные интересы татар». Его выступление было встречено бурными аплодисментами³.

Таким образом, татарским деятелям, сторонникам так называемой «Казанской платформы», в основе которой лежала идея совместной культурно-национальной автономии «тюрко-татар» Поволжья и Урала, не удалось изменить ход съезда в свою пользу. Съезд решительно отверг их предложение, что нашло свое отражение в

¹ См.: Султанов З. Мы и они // Шонкар. 1994. № 3. С. 21, 22.

² Там же.

³ См.: Султанов З. Указ. соч. С. 23, 25.

его резолюциях о неуклонном проведении в жизнь территориальной автономии¹. В то же время татарские федералисты, прежде всего левые эсеры Г. Ибрагимов, Г. Касымов и др., выступили с поддержкой стремления башкир к территориальной автономии. Их печатный орган газета «Ирек» («Воля», 1917, № 34) писала: «Мы не имели представления о мощи и основах башкирского движения. Думалось, что это грезы, бред пятидесяти фамилий из башкир, не имеющих представления о положении текущего момента, и даже на ум не приходило, что оно представляет собой национальное движение. Побывав же на их съезде и ознакомившись с характером их учреждений, постановлениями, духом и организациями, мы взгляды на этот вопрос совершенно изменили и вынуждены объявить в категорической форме, что движение Башкирии – это не шуточное дело. Это сильная волна, вышедшая из недр жизни; мы, татары, сегодня или завтра будем обязаны с ним считаться»².

Одним из центральных на съезде был вопрос об утверждении кандидатов в члены Учредительного собрания и об участии в предвыборной кампании. Призыв унитаристов выступить на выборах с единым списком отклонили, и были составлены самостоятельные списки башкир-федералистов по отдельным губерниям, хотя в резолюции съезда говорилось о возможности вхождения башкир в избирательных округах в блок с партиями и движениями, согласными с платформой Центрального башкирского шуро³. По Уфимской губернии был составлен список № 11, куда вошли З. Валиди, Г. Куватов, Ф. Ахмедуллин, Г. Шамигулов, Ш. Кылысбаев, Я. Габдушев, Мансур Халиков; по Оренбургской – список № 9 в составе Ш. Манатова, А. Фахретдинова, У. Куватова, Ю. Бикбова, Г. Идельбаева; по Самарской – список № 4, куда были рекомендованы Х. Юмагулов и Я. Салихов; по Пермской – список № 9 с кандидатурой Ф. Тухватуллина⁴. Введение II Башкирским съездом в состав кандидатов в члены Учредительного собрания двух большевиков – Ф. Ахмедуллина и Г. Шамигулова – было сделано для поддержки связи с будущей большевистской фракцией Учредительного собрания.

Съезд внес изменение во второй пункт резолюции I Курултая о земле, которое гласило, что «при распределении земель в Башкур-

¹ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 399. Л. 13; Этнополитическая мозаика Башкортостана. Т. 2. С. 73.

² Касымов Г. Материалы к истории движения среди татар и башкир бывшей Уфимской губернии в дни Февраля и Октября // Пройденный путь. Уфа, 1927. С. 33.

³ Этнополитическая мозаика Башкортостана. Т. 2. С. 73, 74.

⁴ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 399. Л. 13.

дистане братья по крови, называемые до сего дня припущенниками, тептярями и новобашкирами, будут наделены землей на одинаковых правах с башкирами»¹. Это дополнение имело своей целью расширение базы башкирского национального движения накануне выборов в Учредительное собрание.

Следует подчеркнуть, что с башкирским национальным движением связана история Караван-Сарая, который еще I Башкирский съезд объявил «национальным зданием, построенным на силы и средства башкир и мещеряков Башкурдистана и в 1865 г. изъятым со стороны правительства» и по которому «полвека ныло сердце башкир». В Караван-Сарае было намечено размещение Центрального шуру и других башкирских и мусульманских учреждений². II Башкирский курултай принял специальную резолюцию по вопросу Караван-Сарая, согласно которой это здание подлежало немедленному освобождению и передаче Центральному шуру, и президиуму съезда было поручено заявить об этом Керенскому и Оренбургскому комиссару Временного правительства³.

На курултае был значительно расширен состав Башкирского шуру, состоящего из 12 членов и 4 кандидатов в члены руководящего органа башкирского движения. Членами Шуру стали Ш. Манатов, З. Валиди, Н. Тагиров, Х. Габитов, К. Карибов, А. Гумаров, Г. Хасанов, М. Смаков, Ф. Давлетшин, Ш. Бабич, С. Атнагулов, С. Мрясов, кандидатами – Г. Гирфанов, Ю. Бикбов, Ш. Биккузин, А. Алимгулов⁴.

Курултай образовал областные секретариаты Шуру в Уфе и Челябинске, которые соответственно возглавили Ф. Ахмедуллин и Н. Тагиров.

Тридцатого августа состоялось первое заседание нового состава Центрального шуру, на котором были распределены обязанности между его членами. Пост председателя Шуру сохранил за собой Ш. Манатов, его заместителем стал З. Валиди, секретарем Шуру – выдающийся башкирский поэт Ш. Бабич. Заведующими отделами были избраны: по делам финансов – Ф. Давлетшин, издательским отделом – С. Мрясов, экономическим – С. Атнагулов, отделом статистики – М. Смаков⁵.

¹ Этнополитическая мозаика Башкортостана. Т. 2. С. 74.

² Там же. С. 66.

³ Там же. С. 74.

⁴ Там же.

⁵ Идельгужин К. Башкирские движения (в 1917, 1918, 1919 гг.). С. 32.

На этом заседании также было решено направить во все башкирские волости представителей Центрального шуру для сбора взносов и «пожертвований в пользу фонда башкирского национального движения». Как пишут очевидцы, за счет этих пожертвований и народных взносов существовал руководящий орган башкирского движения – Шуру, издавалась его газета «Башкорт», а также покрывались другие расходы¹.

Дни работы II Башкирского съезда совпали с известным мятежом генерала Корнилова, который сделал попытку установить в стране контрреволюционную военную диктатуру и потребовал отставки правительства Керенского. Но этот мятеж потерпел поражение. Башкирское шуру в данной ситуации выступило с поддержкой Временного правительства и осудило Корнилова, сделав упор на то, что «военная диктатура в России ни в коем случае недопустима, допустима лишь диктатура революционной демократии во главе с Керенским»². Как видно из этого заявления, Шуру лояльно относилось к Временному правительству, считая его «диктатурой революционной демократии».

Тем временем Оренбургское мусульманское военное шуру, которое возглавляли татарские деятели, выступающие против территориальной автономии Башкортостана, приступило к подготовке губернского мусульманского съезда. Его идейным вдохновителем и по существу руководителем был Фатих Каримов, редактор газеты «Вақыт» («Время»), печатного органа, наиболее настроенного против башкирского движения. Съезд, названный татаро-башкирским, открылся 27 сентября 1917 г. и продолжился до 5 октября. Центральное шуру сначала запретило башкирским делегатам участвовать в работе этого съезда, который должен был рассмотреть вопросы о строительстве культурно-национальной автономии мусульман Оренбургской губернии, создания на местах национальных губернских советов – милли шуру. Все это противоречило решениям башкирских курултаев. Следующим был вопрос о выдвижении кандидатур в делегаты Учредительного собрания. На съезд приехало всего 69 делегатов, из которых 17 были башкирами, поскольку Шуру отказалось от бойкота этого мероприятия. На съезде разгорелась острая дискуссия между башкирскими и татарскими делегатами о принципах и формах автономии. С разъяснением платформы башкирского национального движения и критикой сто-

¹ Муртазин М. Башкирия и башкирские войска в гражданскую войну. М.; Л., 1927. С. 54.

² Юлдашбаев Б. Х. Национальный вопрос в Башкирии накануне и в период Октябрьской революции. Уфа, 1984. С. 47.

ронников культурно-национальной автономии выступил З. Валиди, вызванный в начале октября из Туркестана телеграммой, посланной Башкирским шуру в связи с открытием съезда. Он оставил довольно подробное описание своего участия в работе съезда. Валиди писал: «Татары создали «Мусульманский комитет» и установили контакт с Архангельским (комиссаром Временного правительства Оренбургской губернии. – М. К.), созвали «съезд мусульман Оренбургской губернии, в котором участие приняли и мы. Ведущий автор татарской газеты «Время» («Вақыт») Фатих Карим упорно занимался дискредитацией движения за самостоятельность Башкортостана и на съезде многократно выступал против нас. Мое выступление на этом съезде, посвященное разъяснению татарам Оренбургской губернии наших целей и ответы на их всевозможные упреки и обвинения, длилось четыре часа. Это была самая длинная речь за всю мою жизнь»¹.

Съезд выставил свой список кандидатов в члены Учредительного собрания по Оренбургской губернии и призвал мусульман губернии голосовать за него, а не за список Башкирского шуру. В этот список вошли пять человек – известные татарские общественно-политические деятели С. Максуди, Б. Шараф, Т. Еникеев, Ф. Каримов и видный татарский писатель, член эсеровской партии Г. Ибрагимов. Однако в Оренбургской губернии большинство мусульман – татары и башкиры – проголосовало за список башкирских федералистов, а кандидаты, выдвинутые губернским съездом, не смогли набрать необходимое количество голосов². Итак, можно сказать, что Оренбургский мусульманский съезд не дал ожидаемых культуравтономистами результатов.

Башкирское центральное шуру накануне Октябрьской революции развернуло большую работу по двум направлениям: с одной стороны, его члены вели широкую предвыборную агитационную кампанию среди населения, с другой – началась подготовка к Всебашкирскому учредительному курултаю башкир, на котором предполагалось провозглашение территориальной автономии башкирского народа. Для успешного осуществления этих задач на местах – в волостях и уездах Оренбургской, Уфимской, Пермской, Вятской и Самарской губерний создавались местные шуру (советы) или «тюбяк-шуру», которые должны были организовать работу по выборам в Учредительное собрание и выдвижению делегатов на Все-

¹ *Тоган З. В.* Указ. соч. С. 214.

² Там же.

башкирский учредительный съезд (III Всебашкирский учредительный курултай).

В октябре – начале ноября Башкирское центральное шуро провело уездные и волостные собрания или съезды башкир, предварительно назначив ответственных лиц по их организации. Съезды «тюбьяк-шуро» обсуждали следующие вопросы: 1. Строительство тюбьяк-шуро и определение их задач; 2. Назначение уполномоченных лиц для сбора налогов; 3. Создание на местах основ Башкирской автономной республики, провозглашение которой было намечено не позднее декабря 1917 г¹.

Таким образом, накануне Октябрьской революции возникло и действовало башкирское национальное движение, имеющее свой руководящий орган, четкую программу, сумевшее установить тесную связь с населением. В этом, безусловно, была огромная заслуга З. Валиди и других лидеров башкирского движения, людей образованных, понимающих чаяния и мечты родного народа.

Национальный вопрос и пути его решения обсуждались башкирскими курултаями (съездами) без какой-либо узкоклассовой и идеологической предвзятости, а как проблема, касающаяся национальных интересов всего башкирского народа. Руководители башкирского национального движения действовали с позиций активно выраженного национального самосознания и проявляли интерес к национальным нуждам и чаяниям народа, защищали его право на самоопределение, на самостоятельное этническое существование.

Борьба за автономию, за решение национального вопроса в целом объединяла представителей различных слоев башкирского населения, прежде всего его интеллигенцию (З. Валиди, Ш. Манатов, М. Кулаев, Ю. Бикбов, И. Мутин, Ф. Тухватуллин, Ш. Бабич, Г. Иркабаев, братья Куватовы, братья Идельбаевы и др.), духовенства (С. Мрясов, Р. Фахретдинов, Ман. Халиков и др.), крестьян, рабочих, военнослужащих (Ф. Ахмедуллин, М. Муртазин, Г. Таган, А. Карамышев, братья Ишмурины и др.). Участвовали в этом движении и выходцы из среды национальной буржуазии, в частности, отец и сын Курбангалеевы – крупные землевладельцы из Челябинского уезда. Они стояли на крайне правых, монархических позициях, и на этой почве происходили стычки и недоразумения между ними и лидерами башкирского национального движения.

¹ Идельгужин К. Указ. соч. С. 34–41.

В партийном отношении руководители башкирского национального движения тяготели к эсерам, принимая их политическую программу. Весьма примечательно и то, что З. Валиди был членом эсеровской партии, хотя и вышел из ее рядов в 1917 г.¹ Недаром в дальнейшем Башкирское центральное шуро и правительство быстро нашли общий язык с представителями демократической контрреволюции, в частности, с эсеровским Самарским Комучем. Лидеров башкирского национального движения пугал экстремизм большевиков, что нашло свое отражение в отношении Башкирского центрального шуро к Октябрьской революции.

¹ *Тоган З. В. Указ. соч. С. 181.*

ГЛАВА III

ОКтябрьская РЕволюция И БАШКИРСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ (октябрь 1917 – февраль 1919 г.)

§ 1. Провозглашение 15 ноября (29 ноября по новому стилю) Башкирской автономии. Всебашкирский учредительный (III) съезд и его решения

В это время в стране резко изменилась общественно-политическая ситуация: Временное правительство было низложено, и к власти в Петрограде пришли большевики. Отношение Башкирского шура к Октябрьской революции, свергнутому Временному правительству, вопросам автономии, земли и т. п. нашло свое отражение в известном Фармане (Приказе) № 1 всему башкирскому народу, башкирским районным и уездным Шура от 11 ноября 1917 г. В составлении этого Фармана непосредственное участие принял З. Валиди, который тогда занимал пост помощника председателя Шура и заведующего его внутренними делами. В этом документе отмечается неспособность Временного правительства решать башкирские вопросы и делается следующее заявление: «Вы, башкиры, возложили на Ваш Центральный Совет слишком тяжелые обязанности... Вы поручили Центральному Совету восстановить эскадроны, потерянные Вами полвека тому назад*. С этим вопросом представитель Центрального Совета заходил в военную часть правительства Керенского. Однако вопрос не был разрешен. Вы не соглашались с существующим административным делением Башкирии на губернии, уезды и волости и также выражали Ваше недовольство земствами, связывающими вас с чужими, где-то далеко расположенными русскими городами. Поэтому вы требовали учреждения на башкирских территориях отдельных районных земств. Через эти последние

* Речь идет об упразднении кантонной системы управления в 1865 г. и переводе башкир из военного в гражданское состояние.

вы предполагали все свои налоги расходовать на себя и свои нужды и также проложить путь к своей территориальной автономии. Ваши представители с этим вопросом посетили министерство Авксентьева, но ходатайство принято не было. Все башкирские земли вы требовали передать в ведение Башкирского главного земельного комитета и затем на лесном съезде выставили требования все лесные богатства передать в ведение того же комитета. Дело это было направлено в министерство Чернова, который оставил его без внимания. Затем вы поручили Центральному Совету истребование обратно в собственность башкир всех имуществ и сумм, принадлежащих ранее башкирам. И с этим вопросом обращались к тем же министрам. Эти вопросы тоже откладывались. Так как министры Керенского, наряду с другими вопросами, любили откладывать впредь до созыва Учредительного собрания и все совершенно бесспорные права отдельных наций». Далее в документе отмечается, что Центральное шуро организовало свой народ, образовав везде, за исключением Мензелинского уезда, местные, районные шуро. «Но тем не менее правительство Керенского не спешило официально принять (удовлетворить) наши требования, что нанесло значительный ущерб нашему делу». «Поэтому, — делается вывод, — башкиры и башкирские солдаты (войска) ни в коем случае не могут стоять за восстановление правительства Керенского, если бы даже стояли на одной платформе с другими национальностями в общероссийской политике. Башкиры и башкирские войска могут и должны стоять лишь за такое правительство, которое признает в полном объеме права отдельных национальностей, ставит себе целью проводить в России реформы на основе полного признания прав национальностей, однако способное установить твердую власть и порядок»¹. Сказано, на наш взгляд, четко и ясно. Несмотря на то, что большевики провозгласили право наций на самоопределение вплоть до отделения, что нашло отражение в «Декларации прав народов России» от 2 ноября 1917 г., Центральное шуро не спешило признавать и поддерживать советское правительство. Как видно из Фармана № 1, это связано с целым рядом причин. Во-первых, Шуро считало, что большевики, свергнув Временное правительство, развязали междоусобные войны и многие местности их власти не признают, «им не поддаются, а наоборот каждая из них управляется самостоятельно», и поэтому «теперь нельзя определить, кто в России явля-

¹ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 394. Л. 63–65; См.: *Кульшарипов М. М.* 3. Валидов и образование Башкирской Автономной Советской Республики. Уфа, 1992. С. 122–126.

ется властью». Отсюда «личная и имущественная безопасность людей потеряла всякую почву под собой». Во-вторых, Шуру не устраивал и декрет о земле, ибо, заявляли лидеры башкирского движения, «теперь мы наблюдаем случаи покушения на земли, леса и имущества башкир в разных местностях Оренбургской и Уфимской губерний». Весьма скептическим было отношение Шуру и к известной «Декларации прав народов России». В Фармане по этому поводу говорится, что «различные национальности, конечно, не по объявлению большевиков, а по своей действительной потребности и начали создавать свои территориальные автономии». Шуру указывало и на неизбежность столкновения между большевиками и представителями прежней власти: «Башкирия совершенно безвинно может превратиться в театр военных действий двух враждующих сторон». «Должна ли одна часть башкирских войск воевать с другой?» – задавало вопрос Шуру и отвечало: «Нет. Этого у нас не должно быть. Ибо мы и не большевики и не меньшевики, мы лишь башкиры. На чьей стороне мы должны быть? Ни на какой. Мы на своей собственной стороне. Нам нечего делать в этих спорных вопросах». Отсюда в Фармане делается вывод, что каждый народ должен защищать себя и единственная мера – захват власти башкирским народом в свои руки, «забота народа о себе самом, охрана своей жизни, крови, души своими собственными силами»¹. Итак, в Фармане содержится установка на формирование национальных воинских частей для защиты будущей Башкирской автономии. Из текста Фармана ясно, что лидеры башкирского национального движения стремились к нейтралитету, но при этом вполне определенно заявляли, что «мы... большевиков не признаём, ибо мы желаем охранять свою жизнь и собственность, избегая всяких беспорядков, бесчинств и бедствий»². В Фармане речь идет о необходимости установления тесного союза с теми из национальностей, «которые ставят своей целью осуществление территориальной автономии»³. Фарман был подписан Ш. Манатовым, З. Валиди, Ф. Давлетшиным, Д. Амировым, М. Смаковым, А. Хасановым, И. Мутиным и секретарем Шуру Ш. Бабичем. Конечно, в Фармане № 1 были положения, проникнутые в определенной мере духом национального эгоизма, претворение которых в жизнь привело бы к обострению в крае межнациональных отношений. Это касается прежде всего пункта Фармана о том, что «с момента объявления Башкирии авто-

¹ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 394. Л. 61–69.

² Там же. Л. 68.

³ Там же.

номной все земельные угодья переходят в распоряжение Шуру». Реализация этого требования могла вызвать недовольство у тех русских крестьян, которые переселились в край в начале XX в. и земельные права которых оспаривались Шуру.

В Фармане также были определены необходимые практические шаги местных шуру. Им следовало «быть в полной готовности ко всему, в спешном порядке по телеграфу сообщить нам свой телеграфный адрес и впредь в... телеграфных пунктах содержать специального нарочного для сообщений». А что касается Центрального совета, то он теперь «не подчиняется чьей-либо власти» и «дни и ночи без отдыха он занят работами по освобождению всей Башкирии из-под власти других»¹. Объявление автономии, по Фарману, откладывалось до следующего башкирского курултая, т. е. до начала декабря 1917 г.²

Однако Башкирская автономия была провозглашена уже через 4 дня после обнародования Фармана № 1 – 15 ноября (по новому стилю 29 ноября) 1917 года. Как известно, 15 ноября г. Оренбург был захвачен атаманом Дутовым и в крае фактически началась гражданская война. В подобной обстановке действия Башкирского шуру вполне соответствовали духу и букве Фармана № 1, где на случай возможных «бедствий и бесчинств» предусматривалось взятие власти башкирским национальным движением в свои руки, чтобы обеспечить «защиту и заботу о башкирском народе»³.

Фарман № 2, увидевший свет 15 ноября под названием «Всем башкирам Оренбургской губернии, Шадринского, Екатеринбургского уездов Пермской губернии и башкирским окружным и районным шуру от Башкирского центрального шуру», объявлял территориальную автономию Башкортостана в пределах Оренбургской, Пермской, Уфимской, Самарской губерний. Башкирское шуру, в соответствии с этим документом, еще до созыва 8 декабря III Всебашкирского учредительного съезда должно было приступить к организации исполнительных органов автономного управления в 44 башкирских волостях Оренбургской и в 8 – Шадринского и Екатеринбургского уездов Пермской губернии. Из этих 52 волостей предстояло образовать 8 кантонов, в которых со дня объявления автономии в ведение «башкирских революционных организаций» должны были перейти: надзор за общественным спокойствием; земские, государственные, земельные и мирские сборы и расходы

¹ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 394. Л. 66.

² *Кульшарипов М. М.* Указ. соч. С. 123–126.

³ Там же. С. 123.

вание их; суд, управление земельными, лесными, водными и путевскими делами, милиция, народное просвещение и продовольственные дела. В то же время в ведении «существующих государственных учреждений» оставались дела, связанные с выборами в Учредительное собрание, войсками и содержанием семей мобилизованных, телеграф, железные дороги, банки, страховые, косвенные налоги. Для управления делами, имеющими общее значение для всего населения, предусматривалась организация Временного Оренбургского комиссариата. В Фармане № 2 особо подчеркивалось, что система делопроизводства в волостных земствах не изменяется, но башкирские волостные земства обязаны подчиняться кантонным управлениям и Центральному шуру. Кантонные чиновники должны были вести дела по законам, издаваемым Центральным шуру.

Важное значение имело положение о том, что «со дня объявления автономии» присвоенные казною и частными лицами башкирские капиталы, земли и имущества «возвращаются в распоряжение Центрального шуру».

И, наконец, Фарман, имея в виду возможное противодействие со стороны противников автономии, предупреждал: «Объявление территориальной автономии не должно вносить брожение и своеволие. Жители и организации, входящие в район автономной территории», обязывались «подчиняться приказам только Национального шуру»¹.

Идея самостоятельности, создания своей автономной государственности, вызвала у башкирского народа необычайный духовный подъем, воодушевление, о чем свидетельствуют телеграммы и письма, направленные в адрес Центрального шуру со всех концов Башкортостана. Так, из села Бураево, где проходил съезд мусульман Бирского уезда, поступили в адрес Шуру две телеграммы: одна от имени мишарей и тептярей, где они заявили о своем согласии присоединиться к башкирам и войти в состав автономного Башкортостана, другая – от башкир названного уезда, сердечно поздравляющих Шуру с объявлением автономии и выражающих готовность всячески поддержать ее². Поступила поздравительная телеграмма и от имени Белебеевского башкирского уездного шуру, которая заканчивалась словами: «Да здравствует территориальная автономия Башкортостана!»³. Телеграммы аналогичного содержания были направлены из с. Темясово, Мурапталово и других насе-

¹ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 7. Л. 103, 103 об, 104.

² Башкорт. 1917. 10 дек.

³ Там же.

ленных пунктов Башкортостана. В указанных селениях были организованы торжества с чтением Корана в честь территориальной автономии¹. Выдающийся башкирский поэт, участник башкирского национального движения Шайхзада Бабич в те дни написал восторженное стихотворение «Огромная радость» («Олуг шатлык»), опубликованное в печатном органе Башкирского шуру газете «Башкорт»:

Пусть ангелы летают белокрылые
Над свободным Башкортостаном.
Пусть возвестят они всему миру:
Он свободен. Впереди – прекрасный сад.
Стал свободным священный Караван-Сарай,
Земля святая стала свободной.
Пой песню, на курае заиграй,
Пусть песни радости льются через край.
Умру... уйду в иной мир... вознесусь на небеса,
Без сожаления я превращусь в прах.
Без сожаления на свой родной очаг
С небес буду взирать с улыбкой на устах².

(подстрочный перевод автора)

Однако провозглашение автономной государственности башкир в центре бывшей империи было встречено враждебно и с раздражением как местными представителями советской власти, так и ее противниками, а также татарскими общественно-политическими организациями всех толков и направлений. По свидетельству К. Идельгужина, непосредственного очевидца тех событий, со дня объявления автономии Башкортостана борьбу против нее начали Оренбургский губернский мусульманский комитет и поставленный еще Керенским оренбургский губернский комиссар Архангельский. Последний, ссылаясь на осуждение этого акта мусульманскими организациями, где верховодили татарские деятели, пытался даже организовать разгон Башкирского центрального шуру. На страницах газеты «Яны вакыт» («Новое время»), органа Оренбургского мусульманского комитета, появилась статья одного из его руководителей, Фатиха Каримова, где он осудил провозглашение башкирами своей автономии, усмотрев в этом акте разрушение единства «тюрко-татарской нации», а также обвинил членов Башкирского

¹ Башкорт. 1917. 10 дек.

² Там же. 24 нояб.

шуро в двуличии, заявив, что они «целуются с Дутовым» и готовы в то же время «вертеть хвостом» в Петрограде перед Лениным¹.

Что же касается Петрограда, то его реакция на объявление автономии Башкортостана была сдержанной, без каких-либо оценок, о чем говорит заметка информационного характера об автономии и созыве «учредительного съезда Башкирии», появившаяся 22 ноября на странице газеты «Правда»². Отклик «Правды» на провозглашение Башкирской автономии в спокойном тоне объясняется тем, что этот акт не противоречил принципу свободного самоопределения наций, обнародованного советской властью в «Декларации прав народов России» 2 ноября 1917 года.

До сих пор остается спорным вопрос о взаимоотношениях Башкирского центрального шуру с атаманом Дутовым: насколько они были тесными, и действительно ли атаман признавал объявленную автономию «Малой Башкирии» и помогал З. Валиди. Наши историки в этом вопросе были единогласны. Так, Р. М. Раимов писал о средствах и вооружении, полученных от Дутова валидовцами и созданных за счет этого военных отрядах, «принявших участие в военных действиях белого казачества». Он, без каких-либо оговорок, считал «башкирских буржуазных националистов» союзниками Дутова³. Б. Х. Юлдашбаев тоже не сомневался, что буржуазная верхушка башкир вступила «в сделку и союз с русскими помещиками и капиталистами против советской власти» и что «националистическое Областное шуру и Башкирское правительство в борьбе между Советской властью и Дутовым оказались на стороне последнего»⁴.

Заки Валиди в своих «Воспоминаниях» отрицал наличие прямых связей с Дутовым: «Мы предпочитали ни во что не вмешиваться», – пишет он по этому поводу⁵.

Однако по сообщению газеты «Башкорт» объявление автономии Башкортостана было согласовано 15 ноября с атаманом Дутовым, захватившим в тот же день Оренбург. Вот что пишет по этому поводу указанная газета: «Шариф (Манатов) и Ахметзаки (Валиди) побывали у атамана Дутова. Казачий атаман высказался о своем благожелательном отношении к созданию автономного Башкорто-

¹ Идельгужин К. Указ. соч. Уфа, 1926. С. 49.

² Правда. 1917. 22 нояб.

³ Раимов Р. М. Образование Башкирской АССР. М., 1952. С. 146.

⁴ Юлдашбаев Б. Х. Национальный вопрос в Башкирии на первом этапе советского национально-государственного строительства // Исторические записки. Т. 115. М., 1987. С. 55.

⁵ Тоган З. В. Указ. соч. С. 220.

стана и публично объявил об этом перед своим штабом. В случае надобности обещал оказать соответствующую поддержку».

Далее газета объясняет этот шаг руководителей Башкирского шура: в Оренбурге было слишком мало солдат-мусульман, чтобы опираться на них, а также учитывалось негативное отношение к идее Башкирской автономии комиссара Временного правительства Архангельского, который, по заявлению газеты, после взятия Оренбурга казачьими отрядами не мог диктовать свою волю башкирам, поскольку «самая большая вооруженная сила губернии обещала им поддержку»¹. В то же время атаман Дутов, на словах поддержав объявление Башкирской автономии, реальную помощь Башкирскому шуру, как об этом писала наша историография, не оказал.

Главным аргументом, доказывающим наличие самых тесных связей между Дутовым и Башкирским шуру, наши исследователи считали информацию газеты «Курултай», издаваемой в Казани местным Мусульманским комитетом, которая сообщала, что «Башкирское шуру получило от Дутова 60 тыс. рублей денег и 300 винтовок»². На деле история появления этих денег и винтовок несколько иного порядка и не соответствует выводам Р. М. Раимова и Б. Х. Юлдашбаева, сделанным ими со ссылкой на сообщение газеты «Курултай». В начале 1918 г. члены Башкирского шура: прапорщик Г. Магазов и корнет А. Карамышев – были направлены в Орский уезд для формирования первых башкирских национальных отрядов. От Орского уездного комиссара прапорщика Брица, поляка по происхождению, с большим сочувствием относящегося к башкирскому движению, они получили 300 винтовок и 60 тыс. рублей, предназначенных для организации уездной милиции. Все это сразу же было раздуто орскими кадетами и эсерами, которые распространяли слухи о том, что башкиры вооружаются и хотят «вырезать всех русских», объявив «джихад (священную войну)». Тогда же они выпустили воззвание, основное содержание которого было направлено против Башкирской автономии. В нем детально описывались всевозможные «зверства вооруженных башкир». Из Орска ежедневно звонили Цвиллингу, председателю Оренбургского ревкома, восстановленного в середине января 1918 г., сообщая о том, что башкиры, опираясь на Дутова, комиссара Временного правительства Архангельского, «готовятся к всеоб-

¹ Башкорт. 1917. 24 нояб.

² Курултай. 1918. 21 марта.

шему восстанию»¹. Эти провокационные слухи были подхвачены татарскими изданиями. В действительности, группа башкирских офицеров и батальон, находившиеся тогда в Баймаке, прямых связей с Дутовым не имели. Более того, Магазов, Карамышев и Идельбаев официально объявили себя сторонниками большевиков и собрались направить в Москву делегацию, чтобы добиться у В. И. Ленина разрешения на формирование Башкирской Красной гвардии. Делегация должна была выехать в Москву 27 февраля. Но противники автономии Башкортостана сумели нанести упреждающий удар: 17 февраля 1918 г. в г. Оренбурге члены Башкирского правительства были арестованы, а Магазов и Идельбаев были задержаны в Баймаке и приговорены к расстрелу².

В то же время нельзя отрицать желания Башкирского шуру сблизиться с казачьим контрреволюционным движением, несмотря на стремление сохранить нейтралитет. Как известно, еще в Фармане № 1 было заявлено: «...Ваш Центральный Совет 2 сего ноября вступил членом в юго-восточный союз свободных национальностей». Этот «юго-восточный союз народов и казачьих войск» был создан на Дону атаманом А. М. Калединым под лозунгом «казачьей автономии», и его поддержали Центральная Рада Украины, казахская Алаш-Орда, движение горских народов Дагестана, Оренбургское казачество в лице атамана Дутова. В Фармане № 1 открыто говорилось, что «Союз» не признает большевиков, однако делалась оговорка, что причина противостояния казачьего населения и большевиков политическая, «которая нас не касается»³. Конечно, необходимо учитывать, что Башкирское шуру вошло в состав «Союза» до мятежа атамана Дутова. Но нахождение в составе одной организации, безусловно, их сближало, чем в определенной мере можно объяснить благожелательное отношение оренбургских казаков к объявлению Башкирской автономии в ноябре 1917 г., хотя сам Дутов являлся сторонником «единой и неделимой» России. Из-за этого взаимоотношения между ним и лидерами башкирского движения были далеко не однозначными. Попытку сближения башкирского национального движения с казаками можно объяснить также тем, что после Октябрьской революции среди последних усилилась тенденция к созданию самостоятельных, автономных казачьих областей, и это, безусловно, импонировало башкирским лидерам. При этом Башкирское шуру воспринимало казачест-

¹ ЦГИА РБ. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 65. Л. 25 об.

² ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 394. Л. 241, 242.

³ Кульшарипов М. М. Указ. соч. С. 123.

во как некую третью силу, не признающую ни большевиков, ни Временного правительства, что было вполне созвучно с содержанием известного Фармана № 1.

Провозгласив автономию, лидеры башкирского движения начали активную работу по созыву Всебашкирского учредительного курултая. «Этот курултай, – писал впоследствии З. Валиди, – должен был сыграть роль главного меджлиса нашей родины... Чтобы курултай мог работать спокойно, без спешки, его участникам было предложено приехать на своих лошадях и с запасом провизии. Также нашли целесообразным прибытие отряда для охраны делегатов съезда из двадцати четырех человек. Если учесть враждебность татарского комитета и Оренбургского губернатора (вернее, комиссара. – М. К.) Архангельского по отношению к нам, мера эта была отнюдь не излишней»¹.

Третий учредительный курултай открылся 8 декабря 1917 г. в Оренбурге, в здании Караван-Сарая. В его работе участвовало 194 делегата с решающим, 29 – с совещательным голосом. Подавляющее большинство делегатов было из башкир, 44 делегата представляли русское население, по одному делегату направили на съезд чуваша, татары и марийцы. Социальный состав делегатов курултая был довольно пестрым, но большинство принадлежало к представителям башкирской интеллигенции, духовенства и состоятельных крестьян. В то же время среди делегатов съезда были солдаты-фронтовики, рабочие. Для обсуждения на курултае выносился широкий круг вопросов, охватывающий различные сферы будущего национально-государственного строительства, экономической, культурно-духовной жизни башкирского общества. Повестка дня курултая включала в себя следующий круг вопросов: 1. Границы автономного Башкортостана; 2. Внутреннее управление Башкортостана; 3. Земельный вопрос; 4. Экономический вопрос; 5. Народное образование; 6. Управление духовными делами; 7. Финансовые вопросы; 8. Организация вооруженных сил и милиции; 9. Организация высшей и местных властей, высшего законодательного органа Башкортостана².

Интересно отметить, что по взаимной договоренности в Оренбурге проходил и казахский съезд, открывшийся чуть раньше башкирского. На съезде башкир в качестве наблюдателей присутствовали казахи Г. Кадырбаев и М. Чокаев. З. Валиди, в свою очередь, тоже побывал на казахском курултае. Звучали взаимные

¹ *Тоган З. В.* Указ. соч. С. 217, 218.

² ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 172. Л. 1.

поздравления¹. Председателем Учредительного курултая башкир был избран З. Валиди. По этому поводу он впоследствии писал: «Руководство башкирским национальным движением было неожиданностью для меня, ибо я отнюдь не предвидел, что буду выполнять эту миссию. Если бы Ташкент не перешел в руки Советов, я связал бы свою деятельность с общетюркским движением, постоянно курсируя между Оренбургом и Ташкентом»². В своей вступительной речи на курултае З. Валиди апеллировал к богатой истории башкир, к традициям их национально-освободительной борьбы. Характеризуя положение страны, он заявил, что большевистское правительство взяло верх и дало всем национальностям право на самоопределение. В то же время он подчеркнул, что казачество большевиков не признает. Был затронут и ряд проблем, касающихся строительства автономного Башкортостана³. В своем выступлении лидер башкирского движения придерживался духа Фармана № 1, не допустив каких-либо нападок ни на одну из противоборствующих сторон. Данный съезд, третий по счету, вошел в историю как Учредительный курултай. В резолюции о полномочиях съезда по этому поводу было сказано: «Этот съезд для башкирского народа и вообще для той территории, на которой большинство жителей башкиры, считается съездом учредительным»⁴. В соответствии с этой установкой курултай утвердил Фарман № 2 Центрального шуро об объявлении Башкортостана автономным. Первый пункт постановления съезда гласил: «Объявленную 15 ноября Центральным Башкирским Шуро территориально-национальную автономию Башкурдистана курултай утверждает единогласно»⁵. Учредительный курултай придавал важное значение объявлению автономии. 29 ноября (по новому стилю) было решено считать праздничным днем. Конкретно в решениях съезда по этому вопросу было записано: «Приурочив к дням объявления свободы, проводить в будущем торжества территориально-национальной автономии Башкурдистана»⁶.

С правовой точки зрения, самостоятельность Башкортостана как автономной части Российской Федерации должна быть утверждена и узаконена Центральной властью.

¹ *Тоган З. В.* Указ. соч. С. 218.

² *Там же.* С. 218, 219.

³ Башкорт. 1917. 10 дек.

⁴ *Юлдашбаев Б. Х.* Новейшая история Башкортостана. Уфа, 1995. С. 81.

⁵ Этнополитическая мозаика Башкортостана. Т. 2. С. 75.

⁶ *Там же.* С. 75.

Большой интерес представляет резолюция курултая «Об общероссийской Федерации и отношении Башкортостана к этой федерации», в которой в общих чертах были разграничены полномочия федеральных и местных, автономных властей. Так, ведению союзной власти подлежали вопросы обороны, заведование железными дорогами, иностранные, финансовые, таможенные и другие дела. В ней же указывалось, что «Союзной власти не должно быть дано право, дающее возможность сконцентрировать все экономические и культурные богатства» того или иного штата, в данном случае автономии¹.

В этой связи необходимо отметить, что обвинение нашими историками руководителей башкирского движения в приверженности к сепаратизму, в провозглашении лозунга «Башкирия для башкир» не имеет под собой реальной почвы. Хотя в резолюциях съезда и говорилось о праве поселения на башкирской территории прежде всего башкир и других мусульман тюркского происхождения, оставшихся за пределами автономии, которые, «не обижая друг друга, могут развивать как собственные, так и заимствованные культуры», в ней же было заявлено: «Но это вовсе не значит, что башкиры заняты исключительно желанием сохранить свою территорию за собой, наоборот, если народы России в Российском Учредительном собрании решат принять одинаковый масштаб землеустройства для всех штатов Российской Федеративной Республики, то то же самое будет принято и в Башкирии, но оно не должно, – оговаривалось в резолюции, – превратить ее в одну из обыкновенных самоуправляющихся губерний Великороссии...»². Данная оговорка была чрезвычайно важной: она свидетельствовала о нежелании курултая видеть будущую Россию унитарным государством, а Башкортостан – ее обыкновенной губернией.

В резолюции «О национально-государственном обустройстве тюркских народов России» предусматривалось образование в составе Российской Федерации отдельных, региональных союзов тюркских областей. В частности, в ней было записано: «Если будет возможно, создать Туркестанскую, Башкурдистанскую и Казахстанскую области и объединить их в одном союзе, с одним правительством»³. Но, хотя и была провозглашена отдельная Башкирская автономия, в будущем предусматривалось, вполне в рамках известного выступления З. Валиди на Первом Всероссийском мусульман-

¹ Этнополитическая мозаика Башкортостана. Т. 2. С. 75.

² Там же С. 89, 90.

³ Там же. С. 76.

ском съезде, создание объединенной республики тюркских народов обширного региона. Однако эта мечта З. Валиди не могла быть осуществлена, ибо большевистский центр увидел бы в этом проявление пантюркизма. На деле так и случилось.

Курултай специальным положением «Об автономном управлении Башкурдистана» превращал «Малую Башкирию» в особую, автономно управляемую единицу, состоящую из 9 кантонов: Джетировский, Кипчакский, Усерганский, Бурзян-Тангауровский, Тамьянский, Барынтабынский, Куваканский, Ичкин-Катайский, Ток-Чурановский, которые, в свою очередь, делились на волости, перечисленные в данном положении¹.

На съезде было принято довольно детально разработанное «Положение о кантональном управлении». По этому документу на кантонные учреждения возлагалось ведение дел, связанных с управлением и хозяйством. В «Положении» были четко определены права и обязанности кантонных управлений, состоящие из 26 пунктов². Кантональные учреждения должны были состоять из Кантональных дум (диванов) и Кантональных управ (башкарма). Кантональные думы состояли из гласных, избираемых на трехлетний срок. Избирались председатель Думы и его заместитель. Кантональные управы включали в себя председателя и трех членов, тоже лиц выборных. На кантональные органы Башкирской автономии распространялись положения об уездных земствах. Оставались в силе институт мировых судей и существующие судебные установления, а также налоговая система³.

Учредительный курултай образовал законодательный и исполнительные органы власти Башкирской автономии. Учредительно-законодательными полномочиями наделялся так называемый предпарламент, или «малый курултай», избранный в количестве 22 человек, по норме один представитель от 100 тысяч населения данной национальности.

Членами предпарламента стали З. Валиди, Г. Аитбаев, Д. Амиров, Ю. Бикбов, Х. Габитов, Г. Гирфанов, Г. Идельбаев, Г. Куватов, С. Магазов, Ш. Манатов, С. Мрясов, И. Мутин, М. Смаков, Г. Фахретдинов, Р. Фахретдинов, Х. Юмагулов, А. Ягафаров, Х. Рамеев, У. Тукембетов, Ш. Акчулпанов, Н. Тагиров, И. Султанов. Кандидатами в члены «малого курултая» были избраны Г. Абызов, Г. Адигамов и Ш. Клысбаев⁴.

¹ Этнополитическая мозаика Башкортостана. Т. 2. С. 76.

² Там же. 77, 78.

³ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 2. Д. 34. Л. 1–5.

⁴ Этнополитическая мозаика Башкортостана. Т. 2. С. 84.

Из членов предпарламента было образовано правительство автономии как постоянно функционирующий орган управления. При этом указывалось, что «Башкирское правительство до выяснения отношения других национальностей к нему считается временным, но для башкир оно считается постоянным»¹. Правительство состояло из семи отделов: внутренних дел, военного, финансового, экономического, народного образования, юстиции и земледелия. Председателем первого Башкирского правительства по рекомендации З. Валиди был избран юрист по профессии Ю. Бикбов*. Сам З. Валиди, как и в Шуро, стал заведующим военными и внутренними делами. В состав правительства вошли также И. Мутин, который ведал финансовыми делами, Г. Аитбаев – делами земледелия, Г. Адигамов – народного просвещения, Х. Юмагулов – экономическими, Г. Куватов, А. Ягафаров, занимавшиеся вопросами внутренних дел и юстиции (наряду с Ю. Бикбовым и З. Валиди)².

Важным для национального движения явилось решение курултая о создании собственных вооруженных сил. В резолюции «О войске» было записано: «...Башкирский курултай считает обязательным для Башкирского правительства создание военных сил путем выделения из мусульманских частей башкир» для защиты «территориальной автономии Башкортостана» с образованием «военного округа Башкортостана». Предусматривалось формирование Центрального военного совета (шуро) и войскового главного штаба с соответствующими отделами во всех уездах и городах³.

Как видно из резолюции курултая, было решено образовать и собственное милицейское управление при городских, кантональных, сельских и волостных управах. Милицейские управления должны были находиться в ведении главных военных ведомств на местах и в центре⁴.

Итак, руководители башкирского национального движения выступили за создание национальной государственности с собственными защитными и карательными органами. Башкирский народ, имевший богатые воинские традиции, с воодушевлением воспринял идею создания собственных вооруженных сил. Как пишет

¹ Этнополитическая мозаика Башкортостана. Т. 2. С. 84.

* Бикбов Ю. (1889–?) учился на юрфаке Петербургского (в 1909 г.), затем Казанского университетов, эсер. После февраля работал мировым судьей во 2-й Усерганской волости. Член Башкирского шуро. Далее – член Башревкома. Репрессирован. Реабилитирован в 1962 г.

² См.: *Тоган З. В.* Указ. соч. С. 219; *Юлдашбаев Б. Х.* Новейшая история Башкортостана. Уфа, 1995. С. 84.

³ Этнополитическая мозаика Башкортостана. Т. 2. С. 82.

⁴ Там же. С. 83.

З. Валиди, «Ради национальной армии народ был готов на любые жертвы»¹. Действительно, Башкирское правительство, оказавшись в дальнейшем в лагере белых, в кратчайший срок сумело сформировать целый башкирский корпус.

Важнейшее место на курултае занял земельный вопрос. При рассмотрении этой проблемы делегаты съезда исходили из того, что она является одной из центральных во всей истории башкирского народа и остается таковой в период строительства национальной государственности. В решении курултая по земельному вопросу сочетались три принципа: земля, леса, недра принадлежат башкирскому народу; несправедливо отобранные земли в эпоху «расхищения башкирских земель» должны быть возвращены народу; земли должны быть распределены между крестьянами Башкортостана независимо от пола, возраста, национальности и вероисповедания.

Речь об этих принципах шла в резолюции съезда, принятой по земельному вопросу на основе доклада Г. Аитбаева. В разделе резолюции «Право на землепользование» было записано, что «правом наделения землей пользуется каждый гражданин без различия пола, возраста, религии и национальности Башкирии и безразлично — как коренные жители и припущенные, проживающие в пределах Башкирии до 27 февраля 1917 г.»². Этот пункт свидетельствует о том, что в прежние резолюции были внесены существенные коррективы по учету земельных интересов небашкирского населения будущей автономии. В то же время в примечании к этому разделу резолюции говорилось: «...при распределении (земли) дается предпочтение коренным жителям» и лишаются права на земельный надел: а) временно пребывающие в пределах Башкирии на случай войны; б) явно агитирующие против автономии Башкирии, они лишаются права на надел в течение 12 лет»³.

В разделе этой же резолюции «О поселении на территории Башкирии и о выселении из ее пределов» преимущество при поселении в пределах Башкортостана отдавалось «башкирам и другим мусульманам тюркского происхождения», а все переселенцы, поселившиеся в Башкортостане после 20 апреля 1898 г. «путем принудительного отчуждения им земли, как результат разных хищнических законоположений и распоряжений царского правительства, должны обмениваться землями с теми из башкир и мусульман, ко-

¹ *Тоган З. В.* Указ. соч. С. 220.

² *Этнополитическая мозаика Башкортостана.* Т. 2. С. 87.

³ Там же. С. 89.

торые остались вне пределов Башкирии и которые пожелают поселиться в ней»¹. В данном случае речь идет о законе от 20 апреля 1898 г. о размежевании башкирских земель между аульными общинами. Новый закон предоставлял возможность каждой общине продавать или сдавать в аренду «свободные от надела» земли. Продажа и аренда должны были придать лишь юридическую форму новым земельным захватам. На арендованной башкирской земле разрешалось строить поселения, а в случае, если договор по истечении срока не возобновлялся «на прежних основаниях» или владельцы земли не соглашались их продать, закон обязывал башкир возместить «все издержки» арендаторов на возведение хозяйственных построек и «на всякого рода улучшение земли». Эти меры были предприняты для того, чтобы принудить башкир «продать» свои земли и означали новое ограбление башкирских земель². Поэтому в резолюции съезда говорится о принудительном отчуждении башкирских земель после 20 апреля 1898 г.

Признав обоснованность земельных притязаний курултая, следует отметить, что попытка переселения русских колонистов, особенно поселившихся в Башкортостане в годы Столыпинской аграрной реформы, привела бы к обострению межнациональных отношений.

С резолюцией по земельному вопросу имело тесную связь решение курултая о лесах Башкортостана. Оно гласило: «Все леса на территории Башкортостана составляют народное достояние всего населения Башкортостана без различия религии, национальностей и родового происхождения», однако исключение составляли леса вотчинников и припущенников, которые принимались под контроль Башкирского правительства по особым правилам. Все лесные продукции, заготовленные в лесах Башкортостана лесопромышленными и горными заводами, подлежали конфискации Главным лесным отделом Башкортостана и проданы с торгов³.

Все дела по земледелию, землепользованию и землеустройству по решению курултая сосредоточивались в Главном управлении земледелия и имуществ Башкортостана⁴.

Значительное место на съезде заняло рассмотрение вопросов, связанных с религией, о чем свидетельствует обширная резолюция «О духовном управлении»⁵.

¹ Этнополитическая мозаика Башкортостана. Т. 2. С. 87.

² Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 304.

³ Этнополитическая мозаика Башкортостана. Т. 2. С. 90, 91.

⁴ Там же. С. 90.

⁵ Там же. С. 84, 85; ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 171. Л. 72–79.

По религиозным вопросам 3-й курултай, где участвовало немало представителей мусульманского духовенства, ратовал, во-первых, за создание самостоятельного, отдельного от Оренбургского мусульманского духовного собрания, где, как считали руководители башкирского движения, имеет место засилье татарских мулл, собственного Духовного управления Башкортостана, о чем, кстати, было заявлено еще на 1-м Всебашкирском курултае¹. Во-вторых, как видно из резолюции «О духовном управлении», было налицо стремление упорядочить систему руководства религиозными делами мусульман Башкортостана. Недаром в постановлении были четко определены права и обязанности муфтия и других служителей культа, различных духовных учреждений, начиная с Высшего духовного съезда, Главного духовного управления и кончая приходскими духовными управлениями².

Необходимо отметить, что курултай подошел к религиозным делам довольно демократично, в духе требований джадидского или реформаторского движения. Первый пункт резолюции «О духовном управлении» гласил: «Религия отделена от государства. Государство не обеспечивает и не назначает духовенство»³. Однако, как верно подметила А. Б. Юнусова, исследовавшая историю ислама в Башкортостане, невозможно говорить «о жестком разделении ислама и государства, религии и школы»⁴. Так, Башкирское правительство должно было выдавать свидетельства духовным лицам, избранным членами Главного духовного управления или, например, дело об обжаловании итогов выборов шайхульислама (муфтия) подлежало рассмотрению пленума правительства Башкортостана⁵. Что касается школьного дела, здесь тоже отсутствовало четкое разграничение духовного и светского образования. Еще 1-й Всебашкирский съезд в своей резолюции по делам просвещения записал: «...с рекомендации населения и утверждения уездной комиссии имамы, муллы могут быть учителями», имея в виду светские школы⁶.

Положение «О духовном управлении» предусматривало выборность приходских, юртовых (волостных) и кантонных мусульманских управлений, делегатов Духовного курултая. Муфтий, чле-

¹ Фаизов Г. Б. Государственно-исламские отношения в Поволжье и Приуралье. Уфа, 1995. С. 64.

² ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 171. Л. 72–79.

³ Этнополитическая мозаика Башкортостана. Т. 2. С. 84.

⁴ Юнусова А. Б. Ислам в Башкирии. 1917–1994 гг. Уфа, 1994. С. 22.

⁵ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 171. Л. 78, 79.

⁶ Юнусова А. Б. Указ. соч. С. 22.

ны Главного духовного управления, местных духовных учреждений тоже избирались на духовных курултаях и собраниях. Существовала четко продуманная система обжалования итогов выборов или каких-либо решений духовного учреждения¹.

На этом курултае было принято постановление о Караван-Сарае, который должен был перейти в распоряжение Башкирского правительства, рассматривался вопрос о резиденции последнего с оговоркой, что «она должна быть в городе, находящемся в центре края». Это решение говорит о том, что руководители башкирского движения не были склонны считать г. Оренбург будущей столицей автономного Башкортостана².

Итак, 3-й Учредительный курултай стал важной вехой на пути борьбы за автономный Башкортостан, во многом определив основы его политического, культурного и религиозного развития.

В те же дни, когда в Оренбурге проходил Учредительный съезд башкир, в Уфе с 20 ноября заседало Национальное собрание мусульман внутренней России и Сибири (Милли меджлис) во главе с кадетом С. Максуди, ярким противником территориального самоопределения тюркских народов, в том числе башкир. Башкирское центральное шуро, в свою очередь, не хотело идти на сближение с Милли меджлисом, что нашло свое отражение в ходе работы курултая. Напряженную обстановку вокруг работы башкирского съезда пытались создавать и Оренбургское военное шуро, обвинив его делегатов в попытке установить господство башкир в Башкортостане, в разжигании межнациональной розни между башкирами и татарами, в нежелании признать Милли меджлис. Оно в ультимативном порядке потребовало от курултая отказаться от всех критических высказываний в адрес Оренбургского военного шуро и Милли меджлиса, наказания лиц, виновных в избиении М. Тагирова, члена того же шуро. В противном случае, говорилось в ультиматуме, военное шуро снимает с себя всякую ответственность за возможные недоразумения, имея в виду разгон курултая³. Эти действия Оренбургского военного шуро, а также Милли меджлиса, демонстративно заседающего в Уфе, вызвали острое недовольство у делегатов курултая. Часть делегатов съезда потребовала, чтобы заседающие в Уфе члены Милли меджлиса во главе с С. Максуди убрались оттуда «в Петроград к своим кадетам». Другие делегаты грозились прогнать их в Казань. Председатель Центрального баш-

¹ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 171. Л. 72–79.

² Этнополитическая мозаика Башкортостана. Т. 2. С. 87.

³ *Идельгужин К.* Указ. соч. С. 58; Этнополитическая мозаика Башкортостана. Т. 2. С. 85, 86.

кирского шуро Ш. Манатов по этому поводу заявил: «...для нас все равно, пускай уберутся хоть в горящий ад»¹. В своем ответе ультиматуму Оренбургского военного шуро и так называемых «областников» (т. е. сторонников культурно-национальной автономии. – М. К.) курултай предупредил: «Если со стороны самых упрямых из татар произойдет нападение на лиц, руководящих башкирскими делами, то башкиры снимают с себя ответственность за благосостояние татар, проживающих в Башкурдистане»².

Все эти взаимные нападки и дразги в то время разносились печатью, подхватывались агитаторами обеих сторон и распространялись среди населения, что вело к усилению на местах антагонизма между татарами и башкирами. Газета «Яны вакыт» («Новое время»), редактируемая Ф. Каримовым, в одном из своих номеров писала: «Если Башкурдистану дана будет федерация, они (башкиры) пойдут по пути хуже николаевского – так думаем мы, здешние татары». При этом газета ссылалась на то, что башкиры во время выборов гласных в уездное земство не выдвигали татар и не голосовали за них³.

Тем не менее, курултай решил направить в Уфу свою делегацию для ведения переговоров с заседавшими там членами Милли меджлиса. От имени Центрального шуро командировались в Уфу З. Валиди, Ш. Манатов, И. Мутин, а также по три представителя от башкир Оренбургской и Уфимской губерний, по одному – Самарской и Пермской губерний. Это решение съезда было обусловлено выступлением на нем представителя Милли меджлиса Г. Ибрагимова, заявившего, что их организация не возражает против федерации башкир⁴. Однако на одном из заседаний Милли меджлиса, как видно из «Воспоминаний» З. Валиди, С. Максуди «выступил с резкой критикой защитников самостоятельности мусульманских народов». В своей ответной речи З. Валиди отверг эту критику, «которую Садри-бей не забывал всю жизнь»⁵. В ней лидер башкирского национального движения сообщил о том, что несколько дней тому назад закончил работу Башкирский съезд, рассмотревший вопрос о территориальной автономии, и что он зачитает соответствующее решение курултая с тем, чтобы ознакомить с ним членов Меджлиса. «Надо сразу отметить, – сказал он, – что это было смелое и хорошо аргументированное решение, в основу которого положен

¹ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 395. Л. 24.

² Этнополитическая мозаика Башкортостана. Т. 2. С. 87.

³ Яны вакыт. 1917. 25 дек.; ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 395. Л. 25.

⁴ Айда Адиле. Садри Максуди Арсал. М., 1995. С. 307.

⁵ Тоган З. В. Указ. Соч. С. 205.

принцип свободного права наций на самоопределение». З. Валиди подчеркнул, «что на своей земле каждая нация должна чувствовать себя хозяином и что это распространяется и на тюрков, которые должны быть хозяевами на своей земле, и государственным языком должен быть тюркский язык». По его мнению, на территории тюркского государства русским и черемисам должна быть предоставлена культурно-национальная автономия. З. Валиди также отметил, что в Башкортостан не будут допускаться русские переселенцы, и башкиры, получив суверенитет над землей, имеют право ее защищать. С удовольствием говорил он о том, что башкиры прониклись идеей территориальной автономии и «теперь народ настолько предан этой идее, что готов стать ее жертвой. Народ, являющийся хозяином земли, никогда и никому не отдаст ее».

Особо остановился З. Валиди на татаро-башкирских отношениях, заявив, что у татар идея территориальной автономии появилась недавно. «Ваши интеллигенты, – сказал он, – вертели хвостами между территориальной и культурно-национальной автономией... У вас нет мобилизующей программы и говорю об этом с горечью. Результаты деятельности интеллигенции (татарской. – М. К.) ощущаем на себе, они пишут доносы на нас, на башкирскую автономию». Дал он оценку и стремлению татар создать свою территориальную автономию, назвав его «империалистическим», имея в виду желание татарских деятелей включить в свой состав и башкирские территории. С иронией говорил З. Валиди о том, что в Казани будто бы работает какой-то съезд, который должен объявить автономию. «Слава Богу, туда, наверное, войдет и Нижний. Будут и у вас пароходы. Однако знайте, если процент нации будет составлять ниже 60-ти, то такая автономия уже не автономия. На такую автономию не даст согласия Учредительное собрание». И, наконец, З. Валиди с твердой убежденностью заявил: «Вы как хотите, но мы, пусть маленькую, но создадим свою автономию. Мы поклялись на Коране и не отступим, осуществим свою автономию во что бы то ни стало»¹.

Все дальнейшие действия Башкирского правительства, направленные на поиск общего языка с любым российским движением (конечно, исключение составляли монархисты и откровенные черносотенцы), белым и красным правительствами, преследовали одну цель: самоопределение башкирского народа. Здесь необходимо

¹ Тагиров И. Р. Проблема национальной государственности в Поволжье и Приуралье в период борьбы за власть Советов // Великий Октябрь и проблемы совершенствования межнациональных отношений. Уфа, 1990. С. 21–22.

учитывать то, что само башкирское национальное движение возникло и развивалось вокруг идеи территориальной автономии.

Упорное стремление руководителей башкирского национального движения решить национальный вопрос путем образования автономной республики в составе Федеративной России находит непонимание среди некоторых исследователей. По их мнению, национальный вопрос является на деле «составной и производной частью более общей проблемы – демократизации России» и превращение национальной автономии в «некую самодовлеющую цель» ведет к обособлению ее от общедемократических нужд и чаяний России». Исходя из этого положения, Б. Х. Юлдашбаев, например, осуждает башкирское движение за его потенциальную готовность пойти на компромисс «с любым, а значит и тоталитарно – большевистским режимом, лишь посули и «гарантируй» он... национальную самостоятельность...»¹.

В таком видении Б. Х. Юлдашбаева отчетливо прослеживается недооценка национального вопроса и, хочет того автор или нет, он скатывается на позиции национал-нигилистов, будь они большевиками или представителями контрреволюции (демократической, монархической и т. д.). Этот вывод Б. Юлдашбаева по существу созвучен позиции Н. И. Бухарина, который упорно доказывал, что «отклонение внимания пролетариата в сторону решения «национальных» задач становится до чрезвычайности вредным и именно теперь, когда практически поставлен вопрос о мобилизации пролетарских сил в интернациональном масштабе, их интернациональных выступлениях и свержении капитализма»². Кстати, именно Н. И. Бухарин и его сторонники выступили на VIII съезде РКП(б) против признания самоопределения башкирского народа, мотивируя свою позицию интересами революции и социализма.

Следует обратить внимание на весьма своеобразное толкование некоторыми казанскими историками выступления З. Валиди на заседании Милли меджлиса. Так, И. Р. Тагиров, имея в виду заявление З. Валиди о признании идеи культурно-национальной автономии для некоторых народов, например, русских и черемисов (марийцев) в Башкортостане и его высказывание о возможности создания татарами Поволжья культурно-национальной автономии, пишет об отступлении лидера башкирского движения от своих прежних взглядов и присоединении его к идее Урало-Волжского

¹ Юлдашбаев Б. Х. Новейшая история Башкортостана. Уфа, 1995. С. 86.

² Революция и национальный вопрос. Документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX в. Т. 3. М., 1930. С. 7.

штата, в рамках которого предусматривалось формирование территориальной автономии башкир¹. Но, как видно из речи З. Валиди, у него не было ни малейшего намека на присоединение башкир к штату, о чем уже тогда стали вещать члены Милли меджлиса, чтобы склонить башкирское население на свою сторону. Пример тому – состоявшийся в январе 1918 г. в г. Мензелинске уездный мусульманский съезд. На нем был поставлен вопрос об отношении к идее Урало-Волжского штата. Большинство делегатов съезда высказалось за территориальную автономию Башкортостана. В этих условиях заседавший в Уфе Милли меджлис в срочном порядке направил в Мензелинск телеграмму «о присоединении башкир к штату». Лишь этот не совсем честный маневр помог сторонникам Урало-Волжского штата набрать необходимое количество голосов в Мензелинске в свою поддержку².

В конце января – начале февраля Башкирское правительство занялось организацией уездных съездов, на которых рассматривались решения Башкирского учредительного курултая об организации Башкирской автономии, проведения этих решений в жизнь на местах, вопросы формирования башкирских эскадронов, отношения к Милли меджлису, сбора средств в пользу национальных войск и другие. Так, 10–12 января 1918 г. прошел Стерлитамакский уездный башкирский съезд, в работе которого участвовал З. Валиди. Съезд единогласно присоединился к постановлениям Башкирского учредительного курултая и признал Башкирскую автономию. По отношению к созданию Милли меджлисом культурно-национальной автономии было принято решение признать ее на территории Казанской губернии только как «федерацию на областных началах». В случае непризнания Милли меджлисом Башкирской автономии, представителям Стерлитамакского уезда было предложено покинуть его.

Важной следует считать резолюцию уездного курултая о формировании национальных эскадронов с целью: 1) защиты интересов свободного Башкортостана; 2) охраны спокойствия граждан автономной республики. Съезд подробно рассмотрел и принял решение по организации системы местного управления в пределах уезда. По нему Стерлитамакский уезд делился на 2 кантона – Юрматынский и Табынский, создавались кантонные волостные и сельские управы. Аул баши (председатель), язучи (секретарь) и хазинадар (казначей) должны были возглавить сельские правления. Уже в

¹ Тагирев И. Р. Дорогой свободы и братства. Казань, 1987. С. 226.

² Там же. С. 228.

ходе съезда в фонд будущего эскадрона поступило 3475 руб., продукты питания: мясо, хлеб, масло и т. д.¹. Такие же съезды в указанное время прошли и в других уездах Оренбургской и Уфимской губерний.

Башкирское шуро и правительство, хотя и не воспринимали идею создания Урало-Волжского штата, искали пути к сближению с татарскими общественно-политическими движениями, чтобы договориться о их лояльном отношении к строительству территориальной автономии башкир. Исходя из этих соображений, башкирское движение направило в Казань для участия в работе 2-го Всероссийского мусульманского военного съезда делегацию из 38 человек под руководством Т. Имакова, члена Башкирского правительства². На съезде, который начал свою работу 8 января 1918 г., присутствовали делегаты, придерживающиеся различных политических течений: большевики, члены Милли меджлиса, башкиры-федералисты и т. д., что предопределило возникновение среди них серьезных разногласий. В итоге, военный съезд, отказавшийся от большевистских установок, был разогнан Казанским советом рабочих и солдатских депутатов, а один из руководителей съезда, впоследствии активный участник башкирского национального движения И. Алкин, был даже арестован³. Башкирская фракция съезда не смогла уговорить татарских деятелей относительно их поддержки территориальной автономии Башкортостана. В свою очередь, как писала татарская пресса, по вопросу Урало-Волжского штата «с башкирами договориться не удалось»⁴. Соглашение между башкирской фракцией и татарскими деятелями было достигнуто лишь относительно содействия созданию Урало-Волжского штата, возможно, включающего часть башкир. Вместе с тем оговаривалось, что в случае невозможности осуществить Урало-Волжский штат, башкирам должна быть оказана всяческая помощь в создании автономии⁵. Однако этому соглашению не придавалось серьезного значения ни той, ни другой стороной. Башкирское движение твердо и последовательно выступало за самостоятельную автономию, татарские организации – за Татаро-Башкирскую республику.

Наряду с попыткой налаживания нормальных отношений с татарскими организациями, Башкирское правительство после Учре-

¹ ЦГАОО РБ. Ф. 22. Оп. 4. Д. 1а. Л. 1–4 об.

² Там же. Ф. 1832. Оп. 1. Д. 399. Л. 32.

³ Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995. С. 413.

⁴ *Айда Адиле*. Садри Максуди Арсал. М., 1996. С. 113; ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 399. Л. 33, 34.

⁵ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 11. Уфа, 1966. С. 84.

дительного съезда вплотную занялось проблемой создания материальной базы башкирского движения, финансовыми вопросами. Из «Воспоминаний» З. Валиди и других документов видно, что основным источником для формирования первых башкирских отрядов, а также содержания Центрального шура и правительства, были налоги, которые взимались с башкирского населения¹. До 18 октября 1917 г. с каждой души собирался налог в размере 10 коп., а с указанного времени сумма налога с души составляла 25 коп.² Однако налоги не покрывали всех расходов башкирского движения. Башкирское правительство в поисках денежных средств пошло по пути конфискации помещичьих имений, прежде всего спиртзаводов. Были конфискованы в начале 1918 г. спиртзаводы помещиков Самакина, Мокрушина, Шотта, а деньги, вырученные от продажи спирта, шли в фонд Башкирского правительства³. Производились также сборы пожертвований среди населения, как правило, в ходе курултаев, местных съездов и сходов, о чем уже говорилось выше. В дни работы 3-го Учредительного курултая, по инициативе выдающегося башкирского поэта Шайхзады Бабича, 18 декабря 1917 г. было создано культурно-просветительное и литературное объединение молодых, демократически настроенных башкир, получившее название «Тулкын» («Волна»). Цели этой башкирской молодежной организации заключались в следующем: распространение в Башкортостане идей свободы, борьба с черной реакцией и «микробами революции», объединение разрозненных молодых сил, воспитание любви к родному языку и литературе, изучение народного творчества, издание газет и журналов, борьба «за свободную жизнь» женщин и девушек, поднятие духа молодежи и проведение в Уфе или Оренбурге Молодежного съезда. Декларацию «Тулкына» подписали Ш. Бабич, Х. Габитов, Г. Гирфанов, Ф. Ахмедуллин, В. Габитов, С. Рахмати – т. е. начинающие башкирские литераторы и журналисты⁴. Однако этой молодежной культурно-просветительской организации не удалось развернуться в полной мере и провести молодежный курултай, что было связано с арестом членов Башкирского правительства и началом гражданской войны. Но молодые представители башкирской творческой интеллигенции, вдохновленные объявлением автономии, созывом Учредительного курултая регулярно проводили в Оренбурге культурные мероприятия: литературные вечера, концерты, спектакли. Так, 14 декабря 1917 г.

¹ *Тоган З. В.* Указ. соч. С. 219.

² *Идельгужин К.* Указ. соч. С. 49.

³ *Тоган З. В.* Указ. соч. С. 219; ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 1. Д. 399. Л. 31.

⁴ *Бикбаев Р.* Шайхзада Бабич. Жизнь и творчество. Уфа, 1995. С. 254, 255.

они организовали в Оренбурге в здании кинематографа «Люкс» большой концерт для делегатов съезда под названием «Вечера Башкортостана», где читал отрывки из своей баллады «Газазил» Ш. Бабич, участвовали струнный оркестр и ансамбль кураистов, а самодеятельные артисты исполняли башкирские, мишарские и тептярские песни и пляски¹.

Башкирская творческая молодежь и их организация «Тулкын» проводили большую агитмассовую работу среди башкирского населения, способствуя его пробуждению, призывая к более массовому участию в деле строительства национальной автономии. Особую активность башкирская молодежь, сплотившаяся вокруг «Тулкына», проявила в ходе предвыборной кампании в Учредительное собрание. В качестве агитаторов за списки депутатов из башкир, имея на руках отпечатанные типографским способом агитстихи Ш. Бабича «Список № 11», представители «Тулкына» объездили все уезды Оренбургской, Уфимской и Пермской губерний². Недаром кандидаты в члены Учредительного собрания, выдвинутые II Башкирским съездом, одержали во всех избирательных округах несомненную победу.

§ 2. Конфликт Башкирского центрального шуро и правительства с местными органами советской власти

Башкирское правительство обосновалось в Оренбурге и установило контакт с генералом А. И. Дутовым. Однако это не дает повода говорить о переходе башкирского движения уже в конце 1917 г. полностью на сторону противников советской власти³. Подобный переход был осуществлен только в конце мая 1918 г. Весьма примечательно и то, что в отношении развернувшейся тогда борьбы между бело-казачьими отрядами и красногвардейскими частями в районе Оренбурга в конце декабря 1917 г. Башкирское шуро заявило, что оно «как организация автономного народа совершенно не причастно к внутренним делам Великороссии, не может принять участия в этой борьбе, а остается нейтральным»⁴.

¹ Башкорт. 1917. 10 дек.

² Рахмати С. Воспоминания // Воспоминания о Ш. Бабиче. Уфа, 1994. С. 220.

³ Юлдашбаев Б. Национальный вопрос в Башкирии на первом этапе советского национально-государственного строительства // Исторические записки. Т. 115. М., 1987. С. 55.

⁴ Любимов В., Юлдашбаев Б. Ленин и самоопределение наций. Чебоксары, 1967. С. 92.

Известно, что Башкирское правительство неоднократно делало попытки установить связь с Советским правительством. Тем более, в конце декабря председатель Центрального шуро Ш. Манатов выехал как депутат Учредительного собрания в Петроград. Шуро и правительство предоставили ему полномочия вести переговоры с руководителями Центральной власти по делам Башкортостана, хотя З. Валиди утверждает, что на него не были возложены конкретные обязанности по достижению признания в Петрограде Башкирской автономии¹. Ш. Манатов, покинувший Учредительное собрание вместе с большевиками и оставленный для работы в аппарате Наркомнаца, действительно добился приема у В. И. Ленина и беседовал с ним о характере башкирского движения. Вождь революции заявил, что не считает движение башкир контрреволюционным, поскольку все народы Востока к социальной революции придут «только через национальные революции»². Однако Ш. Манатову не удалось тогда довести дело до логического конца, хотя он подготовил в Петрограде почву для возможного признания советским правительством Башкирской автономии³.

В Оренбургской губернии к началу 1918 г. резко изменилась обстановка. Дутов под давлением красных частей 18 января 1918 г. был вынужден отступить, оставив город. В январе – феврале в Оренбургской губернии была восстановлена советская власть.

После этих событий положение Башкирского правительства значительно осложнилось. Большевистское руководство Оренбургской губернии не захотело считаться с политикой «нейтралитета», объявленного Башкирским правительством. Здесь сказалось то, что В. И. Ленин и большевики всегда действовали исходя из принципа «кто не с нами, тот против нас». Недаром В. И. Ленин писал: «Когда нам случается встретить заявление группы мелкобуржуазной демократии, что она хочет быть нейтральной по отношению к Советской власти, – мы должны сказать: нейтральность и добрососедские отношения – это старый хлам, который никуда не годится с точки зрения коммунизма». В то же время вождь революции, придерживаясь макиавеллистского политического принципа, оправдывающего любые, даже самые неблагоприятные средства для достижения цели, допускал возможность сделки с «хламом»: «Это старый хлам и больше ничего, но мы должны обсудить этот хлам с точки

¹ Тоган З. В. Указ, соч. С. 221.

² В. И. Ленин и Башкирия. Документы, материалы, воспоминания. Уфа, 1974. С. 305.

³ Насыров Р. От имени башкир... // Ватандаш. 1998. № 1. С. 132–133.

зрения дела»¹. Любопытно то, что это ленинское положение о «хламе» нашло свое реальное воплощение в политике Центра в отношении башкирского национального движения.

Со своей стороны, руководители башкирского движения готовы были идти на сотрудничество с большевиками для достижения территориальной автономии Башкортостана, имея в виду их лозунг о праве наций на самоопределение. Поэтому Башкирское правительство осталось в Оренбурге, где власть находилась в руках советов, и решило продолжить дело строительства автономной государственности, формирования национальных воинских частей. На случай невозможности налаживания нормального контакта с местными большевистскими властями был запланирован переезд в Баймак. Как пишет З. Валиди, Оренбургский губревком и большевики во главе с Цвиллингом «отнеслись к нам весьма лояльно», подтвердив эту линию в письменной форме². При этом Цвиллинг поставил условия Башкирскому правительству: не выступать против советской власти, признавать политику большевиков.

Между тем, в Петрограде Ш. Манатов добился благосклонного отношения Центральной советской власти и ее готовности принять меры к организации Башкирской Советской Республики, о чем он телеграфировал Башкирскому правительству³. В ответ на это и с учетом договоренности с лидером оренбургских большевиков, 27 января 1918 г. Башкирское правительство отправило в Петроград телеграмму следующего содержания: «Высокую власть Советов принимаем при возможности самостоятельно заниматься нашими внутренними делами, образовать собственный полк»⁴. Как видно из текста телеграммы, не соответствуют действительности утверждения некоторых наших исследователей (Ш. И. Типеева, З. А. Аминова) о том, что якобы «башкирские национал-автономисты 27 января 1918 г. ультимативно сообщили Центральному Советскому правительству о несогласии с условиями Советского правительства. Ответ был дерзким и грубым»⁵. Отсю-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 219.

² Тоган З. В. Указ. соч. С. 221.

³ Типеев Ш. Основные этапы в истории национального движения и Советской Башкирии. Уфа, 1929. С. 24.

⁴ Юлдашбаев Б. Х. Новейшая история Башкортостана. Уфа, 1995. С. 87; Тоган З. В. Указ. соч. С. 221. З. Валиди пишет об отправлении телеграммы в Москву. Но Советское правительство тогда находилось ещё в Петрограде.

⁵ Типеев Ш. Указ. соч. С. 24.

да делался вывод о нежелании валидовцев «создавать автономию Башкирии на Советской основе»¹.

Башкирское правительство тогда же, учитывая хождение всякого рода измышлений относительно его позиции, распространяемых противниками Башкирской автономии, официально сообщило Оренбургскому совету рабочих и солдатских депутатов о признании башкирами советской власти, о провокационности слухов о подготовке башкирами вооруженного выступления против большевиков².

Эти шаги Башкирского правительства в начале 1918 г. вполне объяснимы, ибо с установлением в Оренбурге советской власти Мусульманский военно-революционный комитет (МВРК), возглавляемый яркими противниками самоопределения башкирского народа Г. Шамигуловым, Б. Нуримановым, К. Хакимовым, развернул широкомасштабную антибашкирскую кампанию. Те же самые слухи, о которых сделало заявление Башкирское правительство, распространялись прежде всего руководителями Оренбургского МВРК. От слов большевистские деятели МВРК перешли к делу: по своей инициативе в ночь с 16 на 17 февраля (по новому стилю) они подвергли аресту членов Башкирского правительства и Центрального шуро. Были арестованы 7 человек во главе с З. Валиди: И. Мутин, Н. Салихов, С. Мрясов, Г. Аитбаев, А. Ягафаров, А. Адигамов. Постановление МВРК об аресте членов Башкирского правительства задним числом было утверждено Оренбургским губревкомом³. Дело в том, что накануне ареста членов Башкирского правительства из Центра от имени Ш. Манатова была получена телеграмма с просьбой в срочном порядке образовать комиссию во главе с З. Валиди, которая с проектом автономии Башкортостана должна была выехать в столицу Советской республики. Однако обвинение членов Башкирского правительства в контрреволюционной деятельности, в связях с атаманом Дутовым и последовавший за всем этим их арест сделали невозможной эту поездку⁴. Следует полагать, что члены Оренбургского МВРК узнали об этой телеграмме и решили нанести превентивный удар, сорвав тем самым возможное

¹ Аминев З. А. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии. Уфа, 1966. С. 213:

На несостоятельность подобных взглядов относительно телеграммы обратил внимание и З. Валиди. См.: *Тоган З. В.* Указ. соч. С. 221.

² Известия Оренбургского ВРК. 1918. 30 янв.

³ Образование Башкирской АССР. Сборник документов и материалов. Уфа, 1959. С. 89.

⁴ Там же.

достижение соглашения между Башкирским правительством и Центральной советской властью об автономии Башкортостана. В то же время, тогда было мало надежды на то, что Советское правительство могло пойти на признание автономии Башкортостана, хотя в «Декларации прав народов России» было провозглашено право наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства¹. Но большевики не ставили своей целью действительную заботу о самоопределении нерусских народов, а «специальные способы вовлечения трудящихся и эксплуатируемых масс «отсталых национальных окраин» в процесс революционного развития» невозможно, по их представлению, «без автономии этих окраин», о чем говорилось в обращении Наркомнаца к советам Казани, Уфы, Оренбурга, Екатеринбургa, Туркестанского края и другим от апреля 1918 г.² Этой же установкой Наркомнац объяснял провозглашение III съездом советов федеративной Российской Советскую Республику³. Вот почему Советское правительство и его местные органы не были настроены на признание автономии Башкортостана, нацелив местные советы на необходимость взять у «автономно-буржуазных групп» автономию, предварительно очистив ее «от буржуазной скверны...»⁴. Это «очищение» обернулось в Башкортостане арестами и расстрелами руководителей башкирского движения.

Кровавая драма разыгралась в Таналыкове-Баймаке. Еще 5 января Башкирское правительство, как уже было сказано, направило туда своих представителей А. Карамышева, Г. Идельбаева, Г. Магазова для формирования первого башкирского полка. В нашей историографии стало расхожим мнение о том, что указанные лица там сформировали вооруженный отряд, который якобы «участвовал в действиях против большевиков после падения Оренбурга»⁵. На деле все обстояло иначе. Карамышев и его друзья действительно собрали в Бурзянском кантоне отряд в 400 человек. Но он в каких-либо операциях против красногвардейцев не участвовал. Более того, местные большевики, пользуясь доверчивостью представителей Башкирского правительства, обманули их самым бесчестным и коварным образом. Так, один из организаторов Баймакской больше-

¹ Правда. 1917. 3 нояб. № 178. См. также: Образование Башкирской АССР. С. 74, 75.

² История советской Конституции. Сб. док. 1917–1957. М., 1957. С. 56.

³ Там же. С. 57.

⁴ Там же.

⁵ Любимов В., Юлдашбаев Б. Ленин и самоопределение наций. Чебоксары, 1967. С. 93.

вистской организации А. Е. Шевкоплясов в своих воспоминаниях пишет, что Идельбаев и Магазов имели при себе отряд в 400 человек, начальники и бойцы которого вели себя вполне миролюбиво. Показывая свое лояльное отношение к советской власти, посланники Башкирского правительства обратились к местным большевикам даже с просьбой о помощи достать оружие и вручили им 12 тысяч рублей. Большевики действительно на эти деньги приобрели 100 винтовок и патронов к ним... но вооружили местных рабочих из русских, внушив им мысль о борьбе с националистами-контрреволюционерами. Опираясь на них, Баранов, Шевкоплясов и другие арестовали Магазова, Идельбаева и еще 18 человек из башкир. Затем, получив санкцию Оренбургского ревкома, их расстреляли. Лишь Карамышеву чудом удалось избежать жестокой и вероломной расправы¹.

Деятели из Оренбургского МВРК пытались всячески оправдать свои неблагоприятные действия публикацией статей, «разоблачающих» башкирских буржуазных националистов. На страницах газеты «Казачья правда» (20 февраля 1918 г.) за подписями К. Каримова и И. Бикчентаева появилась статья, где руководители башкирского движения клеймились как контрреволюционеры: З. Валиди они даже сделали монархистом, а всех скопом – богатыми землевладельцами².

В нашей исторической литературе фактически утвердился взгляд, по которому «арест членов валидовского правительства в принципе был правильным, ибо валидовцы враждебно встретили социалистическую революцию и вступили в тесную связь с врагами советской власти»³. Или этот акт считался лишь тактической ошибкой местных органов Советской власти, поскольку «буржуазная верхушка башкир... увлекла за собой в стан контрреволюции значительную часть башкирских мелкобуржуазно-крестьянских масс и интеллигенции»⁴. Трудно согласиться с подобными выводами. Арест членов башкирского правительства был связан с неприятием идеи башкирской автономии как местными партийными и советскими работниками, так и татарскими деятелями. Первые пытались обосновать свою позицию тем, что якобы социалистическая рево-

¹ Шевкоплясов А. Е. Баймакский красногвардейский отряд // За власть Советов. Сборник воспоминаний., Уфа, 1961. С. 200–202; ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 395. Л. 245.

² Тоган З. В. Указ. соч. С. 222.

³ Аминев З. А. Указ. соч. С. 213.

⁴ Юлдашбаев Б. Х. Национальный вопрос в Башкирии... // Исторические записки. Т. 115. М., 1987. С. 55.

люция не признает национальных границ, что предоставление автономии — уступка буржуазным националистам, и, наконец, будто бы башкиры еще не доросли до самостоятельного государственного существования. Последние тоже скрывали свой антибашкиризм лозунгами борьбы против контрреволюции, башкирского национализма и сепаратизма.

Репрессивные акции в отношении членов Башкирского правительства вызвали острое недовольство башкирской общественности. Дело дошло до вооруженных выступлений. По сообщению К. Идельгужина, «башкиры, численностью более тысячи человек, проживающие вокруг Баймака, узнав об аресте членов Башкирского правительства и их представителей, вооружились дубинами, вилами и осадили Баймакский завод»¹. Со всех уездов и волостей башкиры отбивали телеграммы в Центр, Оренбургский губревком, а также в адрес II Всероссийского мусульманского военного съезда, работавшего тогда в Казани, с требованием освободить арестованных. Были направлены в Оренбург специальные делегации². «По какой причине арестованы члены Башкирского правительства? — писали в своем протесте башкиры Бурзянской волости, — Если они арестованы военным комитетом татар, то бурзянское население требует освободить их, так как татары все время были против свободы башкир»³.

Однако Оренбургский губревком не торопился освободить арестованных, ссылаясь на их контрреволюционную деятельность. Более того, в Петроград была направлена телеграмма с требованием немедленного ареста Ш. Манатова. Хотя центральные власти отвергли требование, конкретных мер по освобождению арестованных членов Башкирского правительства они также не приняли.

Репрессивная политика по отношению к руководителям башкирского движения, жестокая расправа над башкирскими офицерами и солдатами в Таналыково-Баймаке окончательно оттолкнули значительную часть башкирского населения от советской власти. Вот что писал Н. Бикбаев, отражая настроение башкирских масс в то время: «После указанных действий и событий я остался тогда в убеждении, что большевики не дают автономии башкирам и поэтому сажают в тюрьмы их руководителей, расстреливают башкирских солдат и их командиров»⁴.

¹ Идельгужин К. Указ. соч. С. 62.

² Тоган З. В. Указ. соч. С. 221.

³ Бикбаев Р. Шайхзада Бабиç. Жизнь и творчество. Уфа, 1995. С. 257.

⁴ ЦГА ОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д 399. Л. 33.

Безусловно, было бы слишком односторонне и необидительно объяснять причины перехода башкирского движения на сторону противников советской власти только арестом членов Башкирского правительства и баймакским расстрелом. Здесь необходимо учитывать острое недовольство башкир ленинским декретом о земле, ликвидировавшим их вотчинное право на свои земли, о чем шла речь в известном Фармане № 1. Этот декрет, по мнению руководителей башкирского движения, открыл дорогу для новой, но уже советской, колонизации башкирских земель¹. В дальнейшем, оценивая эти события и объясняя причины поворота башкирского движения в сторону демократической контрреволюции, Башкирское правительство в своем докладе, адресованном Уфимской директории, писало: «Лучшие сыны Башкирии были расстреляны. Но пролитая священная кровь не только (не) остановила народ в его правом и законном восстании, а, наоборот, выковала стальную решимость довести начатое дело до конца... Мечь за кровь убитых народных героев краеугольным камнем легла в умы и сердца башкир»². Можно предположить, что при терпимом отношении оренбургских советских организаций к башкирскому движению, при своевременном признании Центром Башкирской автономии Башкирское правительство, возможно, не встало бы на путь вооруженной борьбы с советским режимом. Но история не знает сослагательного наклонения: февральские события 1918 г. оттолкнули башкирское движение от советской власти и положили начало антисоветскому или антибольшевистскому этапу башкирского национального движения. Говоря об аресте членов Башкирского правительства, о негативном отношении к его деятельности Оренбургских властей и татарских организаций, следует иметь в виду, что и среди башкирского населения, особенно демобилизованных солдат, крестьян-бедняков, было немало людей, не разделяющих взглядов руководителей башкирского движения, считавших их выразителями интересов башкирских баев, мулл и т. д. С осуждением относились к башкирскому движению как к контрреволюционному известные большевики из башкир – Б. Шафиев, Ш. Худайбердин, Б. Нуриманов и другие. Последний, будучи одним из руководителей Оренбургского мусульманского военного шуро, непосредственно участвовал в аресте членов Башкирского правительства. Газета «Голос башкир», орган Центрального башкирского шуро, писала, что «приехавшие с фронта солдаты-башкиры, заразившиеся большевизмом, начали

¹ ЦГИА РБ. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 65. Л. 23,23 об.

² Юлдашбаев Б. Х. Новейшая история Башкортостана. Уфа, 1995. С. 87.

устраивать волнения». В этой связи автор статьи предлагал принять решительные меры против подобных явлений¹. Более того, большевистски настроенные башкиры на местах организовывали красногвардейские отряды для борьбы с контрреволюцией. Так, в начале 1918 г. в ряде деревень Усерганской волости Орского уезда башкир из деревни Ново-Гафарово А. Саитбатталов и большевик Расщепкин, железнодорожный рабочий, сформировали отряд красногвардейцев из башкир, который затем вошел в состав Орского красногвардейского полка². В районе Белорецкого завода красный отряд организовал башкир Ш. Даутов, член партии большевиков с 1917 г.³ Башкирскому правительству в дальнейшем (разумеется, в период пребывания в лагере белых) пришлось вести борьбу против левых, большевистских башкирских сил. Недаром Уфимская большевистская газета «Вперед» еще в декабре 1917 г. писала: «Беднейшие и малоземельные башкиры идут нога в ногу с русскими крестьянами», подразумевая поддержку частью башкир советской власти⁴.

Эти и другие факты в свое время дали повод нашим исследователям писать «о решительном отпоре народных масс валидовцам», из-за чего будто бы руководители башкирского движения встали «на путь вооруженной борьбы против Советской власти»⁵. Однако этот вывод весьма далек от истины, о чем свидетельствует сформированное летом 1918 г. Башкирским правительством за кратчайший срок высокоорганизованное национальное войско, что немыслимо без поддержки тех же самых «народных масс».

Несостоятельность противопоставления «народных масс» башкирскому движению опровергает и активность башкирского населения, направленная на освобождение арестованных членов Башкирского правительства. Помимо различных акций протеста против произвола оренбургских большевиков в горах Башкортостана началось формирование добровольческих отрядов, готовивших вооруженный налет на город. Слухи о брожении среди башкир дошли до Оренбургского губревкома, председатель которого С. М. Цвиллинг сделал даже попытку уговорить З. Валиди дать приказ распустить формирующиеся отряды добровольцев, пригрозив ему в противном

¹ Голос башкир. 1918. 9 янв.

² ЦГА ОО РБ. Ф 1832. Оп 4. Д. 399. Л. 27.

³ Там же. Л. 28.

⁴ Вперед. 1918. 20 дек.

⁵ Раимов Р. М. Образование Башкирской АССР. М, 1952. С. 136.

случае расстрелом. З. Валиди на его предложение ответил: «Какое значение может иметь приказ, отправленный из тюрьмы?»¹.

5 марта 1918 г. Оренбургский ревком направил телеграмму ультимативного характера во все волости для распространения среди башкирского населения. В ней говорилось: «Башкиры Орского и Оренбургского уездов... формируют отряды вместе с офицерами, юнкерами и всякой сволочью против Советской народной власти. Бывший Башкирский областной совет, помогавший атаману Дутову вести борьбу с революцией, арестован постановлением ревкома. Ревком приказывает всем башкирам и их организациям немедленно разоружаться, сдавать все оружие местным советам и красногвардейцам; выдавать всех скрывающихся... офицеров и юнкеров, прекратить разбойничьи набеги.

Если в течение трех дней это не будет выполнено, Ревком расстреляет весь арестованный Областной совет, и все башкирские селения, заподозренные в противодействии Советской власти, будут сметены с лица земли артиллерией и пулеметами»². Возможно, все это не было пустой угрозой. З. Валиди считал, что их собирались расстрелять 4 апреля³. Несмотря на эти угрозы, оставшиеся на свободе члены Центрального шуру и правительства продолжали подготовку освобождения своих арестованных единомышленников.

§ 3. Первые попытки самоопределения башкирского народа на основе советской платформы

После ареста членов Башкирского правительства и Шуру 17 февраля 1918 г. в г. Оренбурге группа революционно настроенной башкирской молодежи, в том числе некоторые активисты «Тулкына», образовали новый руководящий орган левого башкирского движения – Временный революционный совет (шуру) Башкортостана (ВРСБ). Основной костяк ВРСБ составили: А. Давлешин, Б. Шафиев, Г. Алпаров, Ф. Султанбеков, Х. Ильясов, С. Тагиров, К. Юлмухаметов, Г. Альмухаметов и В. Габитов. В середине марта в состав ВРСБ были кооптированы члены Центрального башкирского шуру У. Куватов, Т. Имаков, К. Аитбаев (после освобождения из-под ареста) и бывший фронтовик М. Муртазин⁴.

¹ *Тоган З. В.* Указ. соч. С. 221.

² ЦГА ОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 393. Л. 92.

³ *Тоган З. В.* Воспоминания. Кн 1. Уфа, 1994. С. 226.

⁴ *Кузыев Р. У.* Бахтигарей Шафиев. Уфа, 1972. С. 48, 49.

Обязанности между членами ВРСБ были распределены следующим образом: А. Давлетшин*, учитель по профессии, член партии большевиков, стал председателем этой организации; известный башкирский большевик Б. Шафиев – его заместителем; Г. Алпаров, член РКП(б) и Ш. Шарипов, тоже большевик из башкир, бывший рабочий-железнодорожник – секретарями ВРСБ. Они же составили президиум ВРСБ, который осуществлял координацию деятельности его отделов: организационного (им заведовал А. Давлетшин), финансово-хозяйственного (зав. Г. Аитбаев), народного образования и здравоохранения (зав. М. Кулаев), издательского отдела (зав. Ф. Султанбеков), информационного отдела (зав. Т. Алпаров) и т. д.**

С 1 марта 1918 г. было налажено издание газеты «Башкортостан», как органа ВРСБ. Ответственным редактором этой газеты стал Б. Шафиев. Данная газета пропагандировала большевистскую национальную политику и выступала с разоблачением «националистов», арестованных МВРК***. Тем не менее, ВРСБ в вопросах национальной автономии признавал преемственную связь с Башкирским шуру, хотя критиковал его за «союз с Дутовым», и выступал за советскую автономию Башкортостана. ВРСБ наметил созыв Общешкирского съезда и поэтому считал себя временной властью на территории «Малой Башкирии». Взяв за основу принятое на Учредительном курултае положение об общероссийской федерации и об отношении к ней Башкортостана, ВРСБ разработал проект положения «Об автономии Башкирии» и представил его в Наркомнац¹. В преамбуле этого документа имелась ссылка на прошедший в декабре 1917 г. Башкирский курултай, который принял «единодушное решение признать автономию Башкортостана», и указывалось на то, что ВРСБ, стоящий на платформе Советской власти, пересмотрел «выработанные Курултаем положения, чтоб согласовать их с духом последовавших после октябрьского переворота декретов Совета Народных Комиссаров»². Данное положение объ-

* Давлетшин А. С. (1894–1963) выходец из башкирской казачьей семьи. В дальнейшем окончил химфак МГУ, был назначен сотрудником Института органической химии АН СССР.

** Кузьев Р. У. Бахтигарей Шафиев. Уфа, 1972. С. 50, 51. По проекту положения «Об автономии Башкирии» будущее советское правительство Башкортостана должно было состоять из семи отделов: 1) организационного, 2) внутренних дел, 3) финансового, 4) военного, 5) народного образования, 6) земледелия и имуществ, 7) юстиции. М. Кулаев почти сразу отказался от сотрудничества с ВРСБ.

*** Газета издавалась с 1 марта по 21 марта. За этот период вышло 5 номеров этой газеты («Башкортостан». № 1–5. 01.03.1918–21.03.1918 гг.).

¹ Образование Башкирской АССР. С. 113–118.

² Там же. С. 113, 114.

являло автономный Башкортостан федеративным штатом, входящим в состав России. В нем же речь шла об организации на местах советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Высшим органом власти в Башкортостане предполагалось объявить съезд Советов, которому надлежало избрать Главный совет депутатов. Все «земельные угодья, имущества, отобранные от башкир царской властью», все «башкирские... капиталы и суммы» должны были перейти в распоряжение правительства Башкортостана. В этом документе не были затронуты проблемы землевладения и землепользования. Также ничего не говорилось о национальных воинских формированиях, милиции, о религиозных вопросах. В проекте положения была определена основная задача ВРСБ: «фактическое осуществление автономии Башкортостана...»¹.

Для представления проекта Положения в СНК РСФСР в конце марта ВРСБ направил свою делегацию в Москву во главе с Б. Шафиевым. Ей было поручено в Наркомнаце, СНК и ЦК РКП(б) добиться одобрения проекта Положения об автономии Башкортостана и обсудить целый ряд вопросов, связанных с будущим национально-государственным строительством².

Однако Оренбургский МВРК при поддержке Оренбургского губревкома и на этот раз решил не допустить объявления Башкирской автономии, хотя и на советской основе. Если Г. Шамигулов вменял в вину Центральному башкирскому шуру связь с Дутовым, то ВРСБ – нежелание отказаться от идеи автономии. «Революционное шуру Башкортостана, – писал тогда в газетах Г. Шамигулов, – своими действиями не отличалось от прежнего Шуру и Башкирского правительства, занималось черчением границы между отдельными национальностями»³.

По предложению Оренбургского МВРК Оренбургский губисполком 30 марта 1918 г. принял решение, осуждающее идею национальной автономии и распускающее ВРСБ. В сообщении о роспуске ВРСБ утверждалось, что он своими действиями не отличался «от прежнего Шуру и Башкирского правительства». Стремление к достижению автономии было объявлено насаждением вражды «между демократией различных национальностей»⁴. Тогда же Оренбургский МВРК был преобразован в комиссариат по делам мусульман при губисполкоме, возглавляемый тем же Г. Шамигуловым. Другой противник самоопределения башкирского народа

¹ Образование Башкирской АССР. С. 117.

² Кузьев Р. У. Указ. соч. С. 51.

³ Юлдашбаев Б. Х. Ленин и самоопределение наций. Чебоксары. 1967. С. 100.

⁴ Образование Башкирской АССР. С. 123, 124.

Б. Нуриманов стал «чрезвычайным комиссаром по башкирским делам»¹. Члены ВРСБ не согласились с постановлением Оренбургского губисполкома и переехали в Стерлитамак для продолжения работы по созданию Башкирской советской автономии. ВРСБ существовал там недолго: 3 мая 1918 г. он официально заявил о прекращении своей деятельности².

Между тем, делегация ВРСБ во главе с Б. Шафиевым прибыла в Москву, но не сумела достичь поставленной цели. Как заявил Ш. Манатов, работавший тогда в Мусульманском комиссариате от имени Центрального шуро, проект ВРСБ не подвергся специальному рассмотрению в Наркомнаце. Дело в том, что центральные власти стали склоняться к мысли об образовании единой Татаро-Башкирской советской республики, проект которой был разработан татарскими большевиками на основе выдвинутого еще в ноябре 1917 – январе 1918 гг. Уфимским национальным собранием мусульман (Милли меджлис) положения об Урало-Волжском штате³.

Урало-Волжский штат должен был стать государством буржуазно-парламентарного типа. Собрание учредило так называемое «Милли идара», или «Национальное управление». Была образована Коллегия по осуществлению Урало-Волжского штата (КУВШ). Однако КУВШ постепенно встала на советскую платформу – в ее составе преобладали татарские и башкирские деятели, положительно относившиеся к Советской власти. Так, одним из членов Уфимского отделения КУВШ стал башкирский революционер Ш. Худайбердин. КУВШ совместно с Мусульманским комиссариатом при Наркомнаце к марту 1918 г. разработали положение о Татаро-Башкирской советской республике. 22 марта 1918 г. положение о Татаро-Башкирской советской республике было утверждено Наркомнацем⁴. В нем говорилось, что «политическое и экономическое взаимоотношение западной части Республики и Башкортостана определяется учредительным съездом Советов Татаро-Башкирской республики». Текст «Положения» был опубликован в газетах «Правда» и «Известия». Коммунистическая партия и Советское правительство оказывали тогда поддержку созданию Татаро-Башкирской республики.

Однако положение о Татаро-Башкирской республике не было претворено в жизнь прежде всего из-за отрицательного отношения к этой идее значительной части башкирского населения, не говоря

¹ Образование Башкирской АССР. С. 123.

² Кузьев Р. У. Указ соч. С. 90.

³ Образование Башкирской АССР. С. 132, 133.

⁴ Там же.

уже о Башкирском правительстве. В дальнейшем, выражая свою позицию по вопросу строительства совместной Татаро-Башкирской республики, члены Башревкома заявляли, что основной причиной натянутых отношений между башкирами и татарами «является лозунг создания Волго-Уральского штата»¹.

Заки Валиди также отстаивал идею создания отдельной автономии для башкир, обосновывая ее наличием разногласий между татарами и башкирами, говорящими, по его мнению, «не на одном языке», и указывая на имеющиеся различия между ними в условиях быта и культуры². Особенно ярко эта позиция З. Валиди нашла свое отражение в его выступлении на заседании Милли меджлиса в январе 1918 г. в Уфе. Подход З. Валиди к проблеме создания Урало-Волжского штата тогда вызвал острое недовольство татарских деятелей, и один из них, а именно Г. Шараф (председатель КУВШ), бросил язвительную реплику в адрес З. Валиди, сказав, что «такие речи могут произносить лишь люди, получившие урок у Дутова. В теперешнее время свобод, – продолжал он, – никак невозможно принять предложения Заки-эфенде»³.

Даже сам Ш. Манатов, подписавший «Положение», указывал на наличие антагонизма между башкирами и татарами и говорил о неизбежности господства татар в будущей совместной республике⁴. Поэтому Комиссия по созыву учредительного съезда Советов Татаро-Башкирской республики, созданная в мае 1918 г. под председательством М. Вахитова, была вынуждена приостановить свою работу. Тем самым проект образования Татаро-Башкирской республики остался неосуществленным.

Конечно, причина того, что Положение о Татаро-Башкирской Советской республике, признанное де-юре, не было претворено в жизнь, не ограничивается лишь отрицательным отношением к нему башкирского народа и руководителей башкирского движения.

Как известно, в конце мая 1918 г. началась гражданская война и вся территория предполагаемой Татаро-Башкирской республики к лету была занята белыми. И, наконец, органы советской власти на местах (Оренбург, Казань, Уфа) отрицали право народов на самоопределение и заявили о неприятии ТБСР. Оренбургский губисполком, например, на своем заседании от 30 марта 1918 г. постано-

¹ ЦГА ОО РБ. Ф. 22. Оп. 4. Д. 1. Л. 21.

² Тагиров И. Р. Проблемы национальной государственности в Поволжье и Приуралье в период борьбы за власть Советов // Великий Октябрь и проблемы совершенствования межнациональных отношений. Уфа, 1990. С. 21.

³ Юлдашбаев Б. Х. Национальный вопрос в Башкирии... Уфа, 1984. С. 50.

⁴ Советская Башкирия. Исторические очерки. Уфа, 1957. С. 76.

вил: «Считаясь с тем, что социальный характер русской революции разрушает территориальные границы между различными народностями и нациями, образование федеративной территориально-национальной Татаро-Башкирской республики Губернский исполнительный комитет признает вредным для революции...»¹. Очевидно, что за громкими лозунгами о революции скрывался обыкновенный русский шовинизм, не желающий считаться с интересами нерусских народов.

Особенно ярко эта тенденция проявилась в работе майского совещания 1918 г. по обсуждению вопроса о созыве Учредительного съезда Татаро-Башкирской Советской Республики с участием представителей Симбирска, Казани, Перми, Уфы, Оренбурга, Вятки, Екатеринбургa. На нем разгорелась острая дискуссия между сторонниками и противниками создания ТБСР. Против признания автономии башкир и татар были К. Грассис (Казань), Г. Шамигулов (Оренбург), И. Тунтул, Ф. Сыромолотов (Екатеринбург), Х. Рамеев, С. Гафуров (Симбирск) и некоторые другие. 11 мая они провели заседание коммунистической фракции совещания. В принятой резолюции подчеркивалось, что осуществление проекта Татаро-Башкирской республики означает проведение в жизнь идей панисламизма и дает возможность для восстановления власти буржуазии под видом самоопределения. Но политбюро ЦК РКП(б), осудив резолюцию фракции, высказалось за создание ТБСР на советских началах.

В дальнейшем дело дошло до того, что члены фракции, не удовлетворившись позицией ЦК РКП(б), покинули совещание, письменно объяснив этот шаг. В письме за подписью И. Тунтула, К. Грассиса и Ф. Сыромолотова была сделана попытка обосновать ошибочность и вредность решения об образовании автономной республики татар и башкир, а уход с совещания связывался с непоследовательным поведением И. Сталина, который на заседании фракции коммунистов поддержал их предложения, а на совещании выступил против них, ссылаясь на то, что проводит линию ЦК².

На этом же совещании представители башкирского национального движения Х. Габитов и Ш. Манатов, не отрицая права наций на самоопределение, отстаивая этническую самобытность башкир, тоже не поддержали идею создания совместной Татаро-Башкир-

¹ Образование Башкирской АССР. С. 122.

² Давлетшин Р. А. На путях к автономии: борьба против проекта Татаро-Башкирской автономии // Октябрьская революция и осуществление ленинской национальной политики в Поволжье и Приуралье (К 70-летию образования Баш. АССР). Уфа, 1989. С. 72.

ской Республики. В ответ татарские представители, в частности М. Вахитов и Г. Ибрагимов, пытались доказать, что башкиры – это часть татарского народа, что у них один и тот же язык¹. Х. Габитов впоследствии писал: «Как доказательство несуществования различия между татарским и башкирским языками, тов. Вахитов и Ибрагимов указывали на газету «Башкурд», издаваемую в Оренбурге... Показывая газету, издаваемую на татарском языке как на башкирском, они сбили с толку тов. Сталина. Тов. Сталин спрашивал о существовании различия, давая читать эту газету всем коммунистам. Ясно, что нет различия в языках между газетой, издаваемой на татарском языке, и татарским языком. Все коммунисты, читавшие эту газету, говорили, что эта газета напечатана на башкирском языке... Таким образом, обманном путем убедили тов. Сталина»².

С критикой этих ошибочных взглядов выступил на совещании Ш. Манатов. Он раскрыл происхождение башкирского народа, изложил его политическую историю. Манатов подчеркнул, что отношение башкир к автономии не буржуазное и башкир никто не может упрекнуть в том, что они против Советской власти³. Х. Габитов выступление Манатова описывает так: «... лишь тов. Манатов начал говорить, татарские коммунисты, не давая ему говорить, старались перебить со всех сторон, лишь по твердому настоянию тов. Сталина Манатов мог высказаться о наличии различия между башкирским и татарским языками. Также удалось ему указать на различие в бытовых и психологических особенностях татар и башкир». «Но, – продолжает он, – не могло влиять на совещание выступление одного башкирина»⁴.

В итоге, большинство участников совещания одобрило «Положение о Татаро-Башкирской республике». Была избрана комиссия по созыву Учредительного съезда. Местом его проведения была определена Уфа⁵. Однако начавшаяся гражданская война прервала работу по подготовке Учредительного съезда.

Тем временем, в начале апреля 1918 г., башкирский добровольческий отряд А. Карамышева при поддержке частей атамана Дутова совершил налет на Оренбург и освободил из тюрьмы членов Башкирского правительства⁶. В нашей исторической литературе всегда замалчивался факт участия башкирских отрядов в освобож-

¹ Давлетшин Р. А. Указ. соч. С. 73.

² Там же. С. 73.

³ Правда. 1918. 21 мая.

⁴ Давлетшин Р. А. Указ. соч. С. 73.

⁵ Там же.

⁶ Тоган З. В. Указ. соч. С. 221.

дении узников. Все это делалось с целью доказать наличие тесных связей между З. Валиди и Дутовым¹. После бегства из тюрьмы руководители башкирского движения решили собраться в Уфе и провести там в середине апреля совещание для обсуждения плана дальнейших действий.

Положение сторонников территориальной автономии в Уфе, в историческом центре Башкортостана, было довольно сложным. Как известно, в Уфе и одноименной губернии советская власть была установлена еще в ноябре 1917 г. Центральное башкирское шуру, после II Всебашкирского съезда, состоявшегося там, организовало в Уфе губернский секретариат в качестве своего филиала. Руководитель губернского секретариата Ф. Ахмедуллин, человек левых взглядов, после Октября решил пойти на сотрудничество с органами советской власти в Уфе и в декабре 1917 г. добился образования при Уфимском губисполкоме комиссариата по делам башкир, который главной своей целью считал образование Башкирской автономии. До того при губисполкоме уже действовал комиссариат по делам мусульман, выступающий за создание Урало-Волжского штата. На этой почве начались взаимные нападки двух комиссариатов. Центральный мусульманский комиссариат при Наркомнаце всячески стремился объединять эти учреждения, распространяя из Москвы разного рода слухи о контрреволюционности Уфимского башкирского комиссариата, связанного с Центральным башкирским шуру. Арест и бегство из тюрьмы членов Башкирского правительства ухудшили положение Башкирского комиссариата и в мае 1918 г. член Коллегии Наркомнаца Г. Ибрагимов, прибыв в Уфу, арестовал Ф. Ахмедуллина, Т. Имакова и Ш. Манатова (последний тогда находился в Уфе), обвинив их в связях с контрреволюционерами, о чем свидетельствует письмо Манатова, адресованное Сталину². Ф. Ахмедуллину удалось выйти из заключения лишь в июне 1918 г., когда в Уфу вошли белочехи и белогвардейцы³.

Такова была обстановка в Уфе, когда здесь в апреле собрались руководители башкирского движения во главе с З. Валиди. На подпольном «Уфимском собрании», которое состоялось 7–8 апреля,

¹ *Аминов З. А.* Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии. Уфа, 1968. С. 311; *Любимов В., Юлдашбаев Б.* Ленин и самоопределение наций. Чебоксары, 1967. С. 102.

² *Насыров Р.* От имени башкир (Манатов Ш. А.) // Возвращенные имена. Уфа, 1991. С. 203, 204. Надо полагать, что Г. Ибрагимов, идя на арест Манатова, имел прежде всего в виду выступление последнего на майском совещании по подготовке созыва Учредительного съезда ТБСР.

³ *Иргалин Г. Д.* Судьба «Фатхи-солдата» (Ахмедуллин Ф.) // Возвращенные имена. Уфа, 1991. С. 14, 15.

было принято решение об организации партизанского движения в горах Башкортостана. Находясь в Уфе, З. Валиди через С. Атнагулова, секретаря Коллегии по осуществлению Урало-Волжского штата КУВШ, связанного с Наркомнацем, узнал, что его вызывает в Москву Сталин. Проанализировав ситуацию, З. Валиди пришел к выводу, что «политика Советов лжива, коварна. Может быть в Центре и есть хорошие люди, однако те русские, с которыми предстоит нам работать на местах, — люди вероломные, отъявленные шовинисты». Исходя из этих соображений, З. Валиди отказался от предложения И. Сталина¹. Более того, он задумал совместно с казахскими единомышленниками известить мировую общественность через японского консула во Владивостоке о положении дел в Туркестане, Казахстане и Башкортостане, подразумевая преследования большевиками лидеров национальных движений. З. Валиди в мае 1918 г. решил направить в г. Владивосток для переговоров с японским консулом Т. Расулова, участника башкирского движения, своего шурина, снабдив его соответствующими документами, золотыми деньгами². Но представителю башкирского правительства не удалось выполнить эту миссию из-за восстания белочехов и начала гражданской войны.

15–17 мая в Кустанае состоялось совещание представителей башкирского и казахского национальных движений, где в основном речь шла об организации совместной борьбы против большевизма. Разразившийся в конце мая 1918 г. мятеж белочехов помог руководителям башкирского движения осуществить этот замысел.

§ 4. Башкирское национальное движение в лагере белых

К концу мая 1918 г. обстановка на Южном Урале резко изменилась в связи с выступлением чехословацкого войска и захватом им г. Челябинска. Такой ход событий чрезвычайно обрадовал З. Валиди и его единомышленников, задавшихся целью изгнать большевиков со своей родины, и они незамедлительно выехали в г. Челябинск для присоединения к восставшим чехословакам.

Заручившись поддержкой чехов, уже 1 июня от имени Башкирского правительства была объявлена мобилизация в башкирские национальные части. В тот же день было обнародовано «Обращение Башкирского правительства к народу» за подписью зам. пред-

¹ Тоган З. В. Указ. соч. С. 221.

² Там же.

седателя и заведующего военными и внутренними делами З. Валиди. В этом документе большевики обвинялись в уничтожении автономии Туркестана, Казахстана, Кавказа, Крыма, Украины, Сибири и казачьего населения вопреки «лживым обещаниям» о предоставлении угнетенным национальностям России, а также мусульманам, автономии по их желанию. Далее перечислялись несправедливости, допущенные большевиками в отношении башкир: «Нас, т. е. Башкирское правительство, подвергая всевозможным оскорблениям, заключили под арест и созданные нами учреждения разогнали», «войска наши... путем обмана и измены распустили, уничтожили. Начальников наших войск Абдуллу Идельбаева, Гимрана Магазова и вместе с ними еще 16 человек... расстреляли...». «Разграбили собранные нами 70 тыс. пудов хлеба, отняли от нас 8 пудов золота и 17 пудов серебра... Разграблено и растрачено ими до 500 тыс. рублей башкирских денег». Острой критике подверглась и аграрная политика большевиков: «...изданием закона о социализации земли в общероссийском масштабе уничтожили права башкир и татар на их земельную собственность, и последнюю превратили в общее достояние (имущество) России». Относительно строительства автономной государственности в «Обращении» говорилось: «Целуя Коран, мы поклялись перед представителями всего башкирского народа, что дело, порученное нам народом, мы выполним и доведем до конца, не щадя нашей крови и жизни. Наш долг – выполнить эту, данную нами клятву». «Мы вооружаемся для того, чтобы защищать наши земли, нашу страну, нашу религию, нашу автономию», – гласило «Обращение». Оно заканчивалось приказом: «Вставай башкир, поднимись мусульманин. Стройся в ряды войск... бери в руки свои права. Покажи свою отвагу, докажи свою смелость, решительность, отбрось с себя лапы, которые на тебя наступили!»¹.

Таким образом в «Обращении Башкирского правительства к народу» содержался открытый призыв к вооруженной борьбе против большевиков, советской власти с указанием причин этого шага, его целей и задач.

7 июня был издан отдельный приказ о восстановлении Башкирского правительства. Временно его председателем стал С. Мрясов, членами – Г. Адигамов, Г. Габитов, С. Магазов, М. Халиков. Военный отдел Башкирского правительства образовал Военный совет, при котором был создан штаб, призванный непосредственно заниматься формированием башкирских войск. Заведующим Военным

¹ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 5. Л. 54–56.

отделом, начальником войскового управления и одновременно председателем Военного совета Башкирского правительства стал З. Валиди. В момент создания этих военных учреждений заместителем председателя Башкирского военного совета (БВС) был назначен подпоручик А. Габитов, членами Совета – А. Иркабаев, М. Гисмати, прапорщики Г. Таган и Г. Мухамедьяров, секретарем – прапорщик У. Терегулов¹. В дальнейшем состав военного ведомства Башкирского правительства неоднократно менялся за исключением его председателя. Также при БВС были созданы различные отделы и комиссии: строевой, мобилизационный, хозяйственный, интендантский, артиллерийский, отдел добровольческих отрядов, военно-следственная комиссия, возглавляемая юристом А. С. Кричинским, военно-врачебная – во главе с коллежеским ассессором И. Терегуловым, одновременно являющимся главным врачом БВС². Башкирское правительство при формировании национальных частей для поддержания порядка, высокой дисциплины и боевого духа солдат ввело институт полковых мулл. Особым приказом БВС в башкирские части назначались «на тех же основаниях, на каких назначаются священники в казачьих частях», муллы³. Так, 1 октября 1918 г. активный участник башкирского движения Н. Тагиров был назначен муллой 2-го башкирского полка⁴. Полковые муллы исполняли роль политкомиссаров в башкирских частях. Наряду с религиозной проповедью они разъясняли башкирским солдатам цели и задачи их борьбы против большевиков, издевающих, по мнению руководителей башкирского движения, «над верой и совестью народа», «убивающих мусульман и разрушающих их мечети»⁵.

Военное ведомство Башкирского правительства с самого начала решило установить тесный контакт с центрами контрреволюционного движения на востоке страны – с Временным Сибирским правительством П. В. Вологодского, Самарским Комучем П. Д. Климушкина, В. К. Вольского и Б. К. Фортунатова, с атаманом А. И. Дутовым, захватившим в начале июля г. Оренбург.

В начале июля (2) 1918 г. Башкирское правительство направило своего представителя Г. Габитова в Омск со специальной докладной запиской, адресованной военному министру Временного Си-

¹ Башкорт. 1918. 6 июня. № 20; Образование Башкирской АССР. С. 878.

² ЦГИА РБ. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 1. Л. 40.

³ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 394. Л. 79.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 2. Л. 4. Он еще на I Всебашкирском съезде был избран членом Центрального шуро.

⁵ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 5. Л. 55, 60.

бирского правительства. В этой записке Башкирское правительство отстаивало свою самостоятельность в вопросах внутреннего управления и формирования войск при согласии на их подчинение общему командованию. Там же содержалась просьба о выделении вооружения и обмундирования для формирования двух башкирских дивизий с организацией в Оренбурге и Златоусте временных военных штабов башкирского войска. В докладной записке разъяснялось, что Башкирское правительство беспартийное, что оно, стремясь сохранить в Башкортостане порядок, руководствуется принципами демократии и не признает никаких советов¹.

Управляющий военным ведомством Временного Сибирского правительства А. Н. Гришин-Алмазов в своем ответе настаивал, чтобы башкирское войско строилось на основе тех же положений, на которых формируется Сибирская армия: войска могут быть применены в бою на любом участке фронта, где это будет найдено необходимым высшим командованием; не допускаются выборы командиров с учетом их национальности; войска, сформированные по национальному признаку, не обладают никакими преимуществами и подчиняются командованию Сибирской армии, как равноправные единицы. В то же время Сибирское правительство признало, что «не находит возможным вмешиваться во внутреннее самоуправление башкирского народа» и, подержав дело формирования национальных дивизий, обещало обеспечить их оружием и обмундированием².

Через несколько дней в Омск прибыл сам З. Валиди с членом Башкирского правительства С. Магазовым. Как видно из «Воспоминаний» З. Валиди, Гришин-Алмазов, восхищенный тем, что башкиры за один прошедший месяц сумели создать целое войско, удовлетворил требования Башкирского правительства и даже решил присвоить лидеру башкирского национального движения звание полковника. «Но не имея военного образования, — пишет З. Валиди, — и понимая, что моя деятельность не дает основания для получения такого чина, я не согласился на это»³. По-видимому, здесь сыграло свою роль не столько отсутствие у З. Валиди военного образования, сколько его стремление сохранить свое независимое положение, которое он потерял бы, будучи полковником Вре-

¹ *Кульшарипов М. М.* Указ. соч. С. 47, 48.

² Там же.

³ *Тоган З. В.* Указ. соч. С. 248, 249.

Но все же осенью 1918 г. Уфимская Директория присвоила З. Валиди чин полковника. (См.: *Юлдашбаев Б. Х.* Новейшая история Башкортостана. Уфа, 1995. С. 99.)

менного Сибирского правительства. Тем более, ему еще предстояло войти в связь с Самарским Комучем и другими белыми организациями, соперничающими между собой и старающимися заполнить в свое распоряжение башкирское войско.

Башкирское правительство в принципе согласилось с условиями, выдвинутыми военным ведомством Временного Сибирского правительства.

Также З. Валиди параллельно искал пути для установления тесных взаимоотношений с Самарским Комучем, развернувшим летом 1918 г. широкую пропагандистскую работу в свою пользу среди населения Урало-Поволжья, в том числе в Башкортостане. В своих воззваниях Самарский Комуч заявлял, что большевики, разогнав Учредительное собрание, растоптали завоевания демократической революции; на словах объявив свободу нации, на деле они приложили все свои силы к подавлению национальных движений и организаций¹.

Башкирское правительство восприняло эти призывы с большим энтузиазмом и вошло в связь с Комучем, направив в Самару члена БВС М. Халикова, который договорился с учредилцами о снабжении оружием, деньгами башкирских частей, формирующихся на территории Уфимской губернии². 21 июля состоялись переговоры З. Валиди по прямому проводу с начальником главного штаба Народной Армии* полковником Н. А. Галкиным весьма интересного содержания, где последний пытался представить Комуч Всероссийским правительством в отличие от Временного Сибирского правительства, замыкающегося в рамках одного региона. «Мы приветствуем появление в рядах Народной Армии башкирских войск, – говорил он, – но считаем, что заключенный договор Башкирским правительством с Сибирью является для нас неожиданностью. Мы предполагали, что башкирские части, как не входившие в состав Сибири, будут формироваться нами, при полном подчинении общему русскому командованию...». Далее Галкин сообщил, что Самарское правительство ставит себе всероссийские цели, и поэтому башкиры «не должны отделяться в сторону той или другой областной группировки, а быть составной частью общероссийской Народной Армии... Самарского правительства как областного нет, а есть Комитет членов Учредительного собрания». По мнению Гал-

¹ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 399. Л. 46; Юлдашбаев Б. Х. Новейшая история Башкортостана. Уфа, 1995. С. 92.

² Аминев З. А. Указ. соч. С. 313.

* Народная армия – войсковые части, подчиняющиеся Комучу.

кина, существование Сибирского областного правительства создает «нежелательный сепаратизм»¹.

Этот упрек в адрес Башкирского правительства, вошедшего в контакт с Сибирским правительством, ясно показывает желание Комуча единолично возглавить контрреволюционное движение в стране. Наличие подобного соперничества между центрами белого движения было на руку Башкирскому правительству, и оно лавировало между ними в интересах сохранения своих автономных прав. Боясь, как бы башкирское движение не приняло сибирской ориентации, и желая показать себя «всероссийской властью», Комуч выразил готовность содействовать формированию Башкирского корпуса².

В августе 1918 г. З. Валиди лично встретился с членами Комуча и вел переговоры о признании автономного Башкортостана и его правительства, оказании материальной поддержки башкирским войскам³. Комуч действительно отпустил для снаряжения башкирских частей 5000 комплектов обмундирования, 1000 винтовок и 10 пулеметов, обещал организовать лазарет и согласился поставить на обсуждение в будущем Учредительном собрании вопрос об автономии Башкортостана⁴.

Формирование национальных воинских частей в г. Челябинске началось с первых дней июня. Как уже было сказано, 1 июня Башкирское правительство объявило частичную мобилизацию в некоторых башкирских волостях. Среди населения распространялись мобилизационные приказы, обращения и разъяснения о необходимости борьбы с Советами. Подготовкой и проведением мобилизации, непосредственно формированием воинских частей занимались офицеры из башкир Г. Таган, Г. Мухамедьяров, А. Карамышев, польский мусульманин И. Мухлия, офицер из татар У. Терегулов и др.⁵ Уже в июне – начале июля были сформированы 1-й пехотный полк в Тамьян-Катайском кантоне А. Карамышевым и М. Муртазиным, 2-й и 3-й полки – Х. Туймакаевым, Г. Таганом, У. Терегуловым в башкирских волостях Златоустовского уезда⁶. Организаторы первых национальных частей в дальнейшем стали командирами полков Башкирского войска.

¹ Гужвенко Г. И. Башкирия в борьбе за Октябрь. Краткий исторический очерк. Уфа, 1941. С. 83.

² Там же.

³ Идельгужин К. Указ. соч. С. 74.

⁴ Раимов Р. М. Образование Башкирской АССР. М., 1952. С. 222.

⁵ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 394. Л. 76, 77.

⁶ Тоган З. В. Указ. Соч. С. 243.

Для организации военных отрядов на местах и ведения разъяснительной работы среди населения, Военный отдел Башкирского правительства направлял в различные уезды и волости своих уполномоченных со специальными удостоверениями. В начале июля 1918 г. были командированы в Троицкий уезд поэт А. Иркабаев, в г. Уфу и одноименный уезд – выдающийся башкирский поэт Ш. Бабич, начинающий литератор С. Магазов и другие. Всем выдавались удостоверения примерно следующего содержания: «Предъявитель сего член Башкирского военного совета А. Иркабаев действительно командирован Советом в башкирские волости, а именно: в Сызгинскую, Байсакаловскую, Мулдакаевскую, Тангатаровскую волости Троицкого уезда для организации башкирских военных отрядов.

Зав. военным отделом правительства Башкортостана – А. Валидов. За секретаря – Мухамедьянов»¹.

Идею создания собственных вооруженных сил башкирский народ воспринял с одобрением, без особого сопротивления, на что указывал З. Валиди в своих «Воспоминаниях»². Об этом же писал в своей книге, посвященной истории башкирских войск в годы гражданской войны, М. Муртазин³. В то же время в некоторых волостях оказывалось сопротивление ходу мобилизации в башкирские части, что являлось результатом агитационной деятельности большевистски настроенных элементов из башкир. Однако сильные противодействия и массовые выступления башкир против мобилизации, о чем пишет Р. М. Раимов, не наблюдались. Говоря об этом, Р. М. Раимов ссылается на выступление против «правительства Валидова революционно настроенных башкир Аргаяшского кантона»⁴. На деле «антивалидовские» акции аргаяшских башкир были связаны с деятельностью известных башкирских монархистов отца и сына Габидуллы и Габдулхая Курбангалеевых, которым не по душе были резолюции и решения башкирских съездов, носившие демократический характер. Уже с 1-го Всебашкирского съезда они находились в непримиримой оппозиции к З. Валиди и в 1918 г. продолжали вести подстрекательскую работу среди населения кантона, распространяя слухи о том, что «Заки хочет отправить вас в сторону Ташкента и Туркестана. Не слушайте его...»⁵. Дело дош-

¹ ЦГИА РБ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 7. Л. 5–7.

² *Тоган З. В.* Указ. соч. С. 246.

³ *Муртазин М. Л.* Башкирия и башкирские войска в годы гражданской войны. М.; Л., 1927. С. 20.

⁴ *Раимов Р. М.* Образование Башкирской АССР. С. 225.

⁵ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 394. Л. 63.

ло до того, что во время смотра башкирских войск, организованного в августе 1918 г. в парке Караван-Сарая, солдаты-аргаяшцы, по наущению Курбангалеевых, сделали попытку арестовать З. Валиди. Но этот мятеж был сразу подавлен, а застрельщики сурово наказаны¹.

Однако в ряде башкирских волостей действительно наблюдались случаи сопротивления объявленной Башкирским правительством мобилизации со стороны ярых приверженцев советской власти. Член БВС Г. Мухамедьяров, командированный в Яланский кантон, докладывал, что в деревнях Чумляк и Сафакулево граждане С. Загидуллин и М. Хайдаров «агитировали против мобилизации и избили ее сторонников, сами не явились на сборный пункт». Эти же лица, как видно из донесения, «во время Советской власти занимались реквизицией имущества граждан» указанных деревень². Совершенно очевидно, что речь идет о большевистских активистах. 20 августа начальник мобилизационного отдела Башкирского правительства информировал З. Валиди о том, что в Мраковской и Юмагузинской волостях Оренбургского уезда «большевистские агитаторы препятствуют проведению объявленной мобилизации»³. Также открытое сопротивление политике Башкирского правительства оказывали жители смешанных в национальном отношении населенных пунктов. Небашкирское население ряда волостей, в основном татары и мишари, отказывалось исполнять распоряжения Башкирского правительства, и на этой почве возникали трения, волнения. Так было, например, в деревне Имангулово Орского уезда, в Федоровской волости Оренбургского уезда, жители которых на сходах принимали решения «распоряжения Башкурдистана... не признавать, не исполнять никаких его приказов». З. Валиди в одной из своих директив, адресованной Джетиировской кантонной управе, начальнику кантонного отряда и кантонной милиции, предписал принять самые строгие меры в отношении «татарской части населения д. Имангулово, продолжающей сопротивляться воле Башкирского правительства под предлогом, что она желает оставаться в ведении ныне упраздненной Губземуправы»⁴. Для поддержания порядка во время мобилизации в «мятежные» населенные пункты направлялись, как правило, «башкирские пешие отряды»⁵. Так, в августе 1918 г. БВС направил в Аргаяшский кан-

¹ *Тоган З. В.* Указ. соч. С. 257.

² ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 9. Л. 1.

³ *Раимов Р. М.* Указ. соч. С. 225.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. 78. Оп. 2. Д. 14. Л. 3.

⁵ Там же. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 1. Л. 10.

тон конный отряд «для борьбы с лицами, агитирующими против мобилизации и розыска дезертирующих солдат»¹.

Среди башкирского населения, особенно в тех уездах, в которых не были созданы органы местного управления, подчиняющиеся Башкирскому правительству, мобилизацию в свои армии проводили другие «белые правительства». В подобных случаях башкирские волостные общины, как правило, выносили решения о желании мобилизованных башкир служить в рядах национальных частей. Так, в августе 1918 г. башкиры Илькульминской и Ильчигуловской волостей Белебеевского уезда обратились в БВС с ходатайством «о принятии солдат-башкир в Башкирскую армию», о нежелании служить в других армиях. В этой связи БВС решил обратиться к военному ведомству Самарского Комуча с заявлением о недопустимости привлечения башкир-призывников к военно-полевому суду за отказ служить в рядах Народной армии и с просьбой направлять их в распоряжение Башкирского правительства². Подобные случаи повторялись довольно часто, возникали конфликты из-за стремления белых генералов пополнять свои войска за счет башкир-призывников. Например, в Аргаяшском кантоне произошла стычка между казачьими отрядами, посланными туда Сибирским правительством и конным отрядом башкир, занимающимся мобилизационными вопросами. Узнав об этом, З. Валиди направил военному министру Сибирского правительства телеграмму о нарушении официальной договоренности о невмешательстве «во внутренние дела башкирского народа от 9 июля 1918»³.

В ходе формирования башкирских частей довольно остро стоял вопрос о командных кадрах – не хватало офицеров. Был, прежде всего, организован призыв в ряды башкирского войска всех офицеров бывшей царской армии из башкир, несмотря на то, что некоторые из них стояли в стороне от национального движения или по возрасту не подлежали мобилизации. Офицерам, по решению БВС, направлялись личные предписания о необходимости явки в назначенный срок в распоряжение военного ведомства Башкирского правительства с угрозой применения силы в случае уклонения от службы. Весьма показательным в этом отношении является предписание, направленное Военным отделом Башкирского правительства за подписью З. Валиди в село Бузовьязы подполковнику

¹ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 7. Л. 76.

² Там же. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 394. Л. 111.

³ Там же. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 7. Л. 76.

Ш. Акчулпанову*. В нем говорилось: «Башкирские офицеры мобилизуются как казахи, без различия возраста. Если в течение недели не явитесь Оренбургскому штабу башкирского корпуса, я буду считать Вас дезертиром и пошлю солдат, которые доставят Вас в Оренбург в Башкирскую военно-следственную комиссию...». Суровый тон этого документа свидетельствует о том, что Акчулпанов не жаждал служить в башкирском войске. Но, как видно из приказа БВС от 9 сентября 1918 г., 8 августа подполковник Ш. Акчулпанов был утвержден начальником 1-й пехотной Башкирской дивизии¹. Еще в июле 1918 г. БВС обратился к генерал-майору Х. Ишбулатову с предписанием «в возможно скорейшее время прибыть в Челябинск... для принятия участия в организации башкирских войск и руководства ими»². Приказом БВС от 7 сентября 1918 г. Х. Ишбулатов был назначен командиром Башкирского корпуса, в состав которого входили 1-я, 2-я Башкирские дивизии и 1-й Башкирский кавалерийский полк³. 1-я Башкирская кавдивизия включала в себя 2-й, 3-й, 5-й Башкирские полки, а 2-я дивизия – 1-й, 4-й полки. 1-й Башкирской дивизией командовал подполковник Терегулов, 2-й дивизией – подполковник С. Бикмеев⁴. Служил в рядах башкирского войска сын бывшего депутата Государственной думы Ш. Сыртланова офицер Юсуп Сыртланов⁵, тоже вызванный специальным предписанием.

Привлекались к службе в частях башкирского войска и русские офицеры, а также военные специалисты других национальностей. Например, приказом по Оренбургскому военному округу от 31 августа 1918 г. для службы в частях башкирского войска было переведено 22 офицера: 1 штабс-капитан, а остальные – в чинах поручиков, прапорщиков⁶. Служили в башкирских частях и старшие офицеры бывшей царской армии и казачьих войск: полковник А. И. Савельев был назначен начальником штаба 1-й Башкирской дивизии, подполковник А. И. Емельянов – начальником штаба

* Шах-Хайдар Акчулпанов (1868–?) – потомственный дворянин, землевладелец, был начальником Киевского окружного артиллерийского управления, член Башкирского правительства (1917–1918 гг.).

¹ ЦГИА РБ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 11. Л. 24; Д. 2. Л. 16.

² Там же. Д. 7. Л. 14.

³ Там же. Д. 1. Л. 15. Хажиахмет Исхакович Ишбулатов родился в 1851 г., окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, вышел в отставку в 1908 г. в чине генерал-майора. С 1915 г. призван на военную службу по личной просьбе. В 1918 г. примкнул к башкирскому национальному движению.

⁴ Там же. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 1. Л. 2.

⁵ Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 11. Л. 24.

⁶ Там же. Л. 30.

БВС, затем этот пост занял полковник Федоров. Среди командиров полков тоже были русские: 4-м пехотным полком командовал полковник Прошин, полковник Штин был помощником командира 1-го Башкирского полка по строевой подготовке, подполковник Попов – начальником снабжения 1-й Башкирской дивизии и т. д.¹

В формировании башкирского войска и в сражениях против красных принимали участие офицеры из татар: братья Терегуловы, Алкин, Янбухтин, Чанышев, Бикмеев, Суюндуков и другие, о которых З. Валиди писал: «В войсках добросовестно служили мобилизованные татары. Имелись среди них и офицеры, и добровольцы»².

Безусловно, костяк башкирских национальных частей составляли башкирские офицеры и унтер-офицеры, служившие еще в царской армии: Г. Таган, Ш. Акчулпанов, Х. Ахметов, М. Муртазин, братья Карамышевы (Амир, Мухтар, Гани), Г. Мухамедьяров, И. Шарипов, Г. Габитов, Х. Туймакаев, А. Бишев, братья Ишмурины (Аухади, Сулейман), Х. Курбангалеев, А. Уметбаев (сын известного башкирского просветителя М. Уметбаева), генерал Х. Ишбулатов и другие.

В дальнейшем для подготовки командных кадров при БВС был учрежден военно-учебный отдел, который возглавил кадровый офицер, подполковник Борисенко³. В Оренбурге под началом этого отдела функционировала школа прапорщиков и подпрапорщиков. Начальником школы был назначен полковник Савельев, который одновременно исполнял обязанности начальника штаба 1-й Башкирской пехотной дивизии⁴.

О проблемах с командными кадрами в башкирском войске и о задачах национальных частей речь идет в одном из обращений БВС к призывникам из башкир. В нем говорится, что «у нас мало офицеров из башкир, поэтому русские офицеры, проявляя заботу о башкирском народе, несмотря на свои более высокие звания и боевые заслуги по сравнению с башкирскими офицерами, перешли на нашу сторону. Например, командиром 1-го Башкирского полка является поручик, а его помощник по строевой подготовке – подполковник, а по хозяйственным вопросам ему помогает полковник. Вот это пример настоящей дисциплины. И вы будьте крепкими, терпеливыми, не бойтесь противника, верьте своим начальникам, офицерам и солдатам: павшие на войне попадут в рай и о них не забудут будущие поколения – зная об этом, поднимитесь на защиту».

¹ ЦГИА РБ. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 1. Л. 3, 4, 61.

² *Тоған З. В.* Указ. соч. С. 260.

³ ЦГИА РБ. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 1. Л. 67. С 3 октября 1918 г.

⁴ Там же. Л. 61.

своих национальных прав...». Далее содержится призыв к соблюдению крепкой дисциплины, без чего невозможно одержать победу над противником. «Если мы хотим быть свободными гражданами автономного Башкортостана, мы должны построить свои войска с высоким национальным духом и крепкой дисциплиной». Башкирский военный совет, призывая своих граждан к вооруженной борьбе, требовал от них соблюдения полной дисциплины и порядка. «Башкирский народ сейчас проходит государственные испытания по защите своих прав. Мы должны показать всему миру, что мы боремся не только за свои права, а за то, чтобы сохранить себя как самостоятельный народ. Поэтому наша армия должна быть могучей и сильной. Войско без дисциплины не представляет ни для кого угрозу...» – делается вывод в этом документе¹.

Также БВС отдал специальный приказ о борьбе с уклоняющимися от военной службы и с лицами, ведущими большевистскую агитацию. Он гласил: «Волостным управам строжайше поручается: солдат-дезертиров, а также лиц, скрывающихся от военной службы, направлять под стражей в штаб полка. Направлять в штаб полка и людей, распространяющих слухи о междоусобной борьбе и другие измышления с целью раскола народа»².

Появление этих обращений и приказов, надо полагать, связано с распространением среди башкир обращений Центральной мусульманской военной коллегии «К башкирам и татарам, воюющим на стороне белых», призванных дискредитировать «продажных людей Заки Валидовых», за спиной которых «стоят русские помещики» и т. д.³

В годы гражданской войны башкирское население, как и другие народы, было поставлено перед выбором: или идти в Красную Армию, или в национальные части белого Башкирского правительства. К сожалению, нет точных данных о численности башкирских военнослужащих, воевавших за советскую власть. Как правило, наши исследователи всячески стремились показать массовое участие башкир – «бедноты и батраков, а также середняков» – на стороне Красной Армии. Р. М. Раимов считал, что в различных красных частях, называемых либо мусульманскими, либо татаро-башкирскими, сражалось 50 тыс. татар и башкир, из которых последние составляли порядка 10–15 тыс. человек. В то же время, утверждает он, в валидовских частях служило не более 5 тыс. сол-

¹ Иргалин Г. Башкирские войска в 1917–1919 гг. // Ватандаш. 1997. № 4. С. 123.

² Там же.

³ Образование Башкирской АССР. С. 187–190.

дат¹. В итоге, по Раимову, получается, что подавляющее большинство башкир поддерживало советскую власть, в то время как лишь одна треть башкирского населения оказалась на стороне белого Башкирского правительства. Цифровые выкладки Р. М. Раимова не совсем соответствуют реальному положению дел. Кстати, эти сведения перекочевали на страницы книги З. А. Аминев, который тоже придерживается мнения о сочувствии большинства башкир большевикам². Во-первых, в рядах башкирских белых частей служило не 5 тыс., а гораздо больше солдат и офицеров. По данным военного ведомства Башкирского правительства на сторону Красной Армии в феврале 1919 г. перешло примерно 7 тыс. башкирских воинов³. Так называемая «дикая дивизия» Г. Курбангалеева, убежденного противника советской власти, к тому же решила сохранить верность белому движению⁴. С учетом солдат этой «дивизии», вернее третьего полка, а также кантональных добровольческих отрядов можно считать, что на стороне белых сражалось около 10 тыс. башкирских солдат и офицеров⁵. Во-вторых, даже после перехода башкирских частей на сторону Красной армии должностными лицами 1-й армии Восточного фронта башкирское население было объявлено контрреволюционным и начались, как об этом сообщает Циркулярное письмо Реввоенсовета Восточного фронта, «грабежи, аресты, расстрелы, изнасилования женщин», что толкнуло часть башкир обратно в «объятия контрреволюционеров»⁶. Если две трети башкирского населения сочувствовало большевикам, то каким образом можно объяснить объявление башкир контрреволюционным народом. Очевидно, что массовый террор в отношении башкир со стороны частей Красной армии в значительной степени был вызван поддержкой политики Башкирского правительства. В то же время нельзя отрицать тот факт, что часть башкирских солдат действительно сражалась за советскую власть, как и башкирские коммунисты Б. Нуриманов, Б. Шафиев, Ш. Худайбердин и другие. Но все же большая часть башкирского населения, особенно в пределах

¹ Раимов Р. М. Указ. соч. С. 210.

² Аминев З. А. Октябрьская революция и гражданская война в Башкирии. Уфа, 1966. С. 319.

³ ЦГИА РБ. Ф. 395. Оп. 1. Д. 35. Л. 2.

⁴ Образование Башкирской АССР. С. 211.

⁵ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 4. Л. 166. По данным БВС, относящимся к сентябрю 1918 г., имелось, 13 кантональных добровольческих отрядов, насчитывающих в своих рядах примерно 2670 солдат – в среднем по 200 солдат в каждом отряде. А башкирские полки насчитывали от 700 до 800 воинов.

⁶ Образование Башкирской АССР. С. 211.

«Малой Башкирии», была на стороне валидовского белого правительства.

Если в начале июня была объявлена лишь частичная мобилизация башкир из близлежащих к Челябинску волостей, то 13 июня 1918 г. БВС издал приказ о всеобщей мобилизации среди всего башкирского населения в ряды национальной армии. Этим приказом был объявлен призыв башкирского мужского населения «на защиту родного Башкортостана от власти насильников». Мобилизации подлежали башкиры призывов 1915–1919 гг., и они должны были прибыть в Башкирский военный штаб, расположенный в Челябинске. От мобилизации освобождались старшие сыновья престарелых родителей, больные и раненые, однако последние должны были явиться в соответствующую комиссию для переосвидетельствования. Мобилизации подлежали и бывшие красноармейцы. Всякое уклонение от военной службы, как гласил пункт 12 Приказа, «карается по всем строгостям закона»¹.

БВС тогда же разработал план мобилизации на ближайшие четыре года по губерниям и уездам, по которому предстояло сформировать семь пехотных полков, кавалерийские полки и артиллерийскую бригаду на основе башкирского населения «Малой Башкирии»: по Пермской губернии – 876 человек, Уфимской – 15655, Оренбургской – 5390 и Самарской – 1200 башкир призывного возраста, т. е. около 25000 человек. В дальнейшем предусматривалось довести численность призываемых солдат до 31000 за пятилетний срок. Помимо этого в плане была заложена вероятность вхождения в состав Башкирской дивизии отдельных киргизских (казахских) частей и формирование отдельного полка из мишарей, тептярей и татар².

Для успешного проведения мобилизационных работ и утверждения своей власти в уездах и волостях, где большинство населения составляли башкиры, в пределах так называемой «Малой Башкирии», Башкирским правительством организовывались собственные органы местного управления с введением нового административно-территориального деления. 28 июля 1918 г. Башкирское правительство дало указание своим уполномоченным, направленным в башкирские волости уездов Уфимской и Оренбургской губерний «немедленно устранить от власти большевистские советы, временно восстановить народные управы, разогнанные большевиками, принять все дела советов и начать подготовку к перевыборам на

¹ Кульшарипов М. М. Указ соч. С. 45.

² Иргалин Г. Башкирские войска в 1917–1918 гг. // Ватандаш. 1997. № 4. С. 122.

основании закона Временного правительства»¹. Хотя в данном циркуляре речь идет о «законе Временного правительства», органы местного управления в «Малой Башкирии», на территориях, подвластных Башкирскому правительству, строились на основе постановлений башкирских съездов.

«Малая Башкирия» была разделена на 13 кантонов, охватывающих территории Оренбургской, Уфимской, Пермской губерний. Создавались кантонные управы во главе с кантонными начальниками. Кантоны делились на волости, возглавляемые старшинами, которые избирались населением. В кантонах формировались своя милиция, свои вооруженные отряды и судебные учреждения². Все эти административные, военные и судебные органы подчинялись соответствующим ведомствам Башкирского правительства, БВС, который возглавлял З. Валиди.

Таким образом, Башкирское правительство, находясь в лагере белых, предприняло практические шаги по осуществлению решений башкирских съездов об автономии Башкортостана, создавая на местах свою систему управления. При этом местные исполнительные и судебные власти действовали, опираясь на собственные вооруженные силы в лице добровольческих отрядов и милиции. Несомненно, в условиях войны власть на местах менялась быстро, но несмотря на серьезные трудности, Башкирское правительство целенаправленно и последовательно старалось держать под своим влиянием и контролем башкирские кантоны и волости. Бесспорно и то, что белые правительства, хотя на словах и говорили о признании Башкирской автономии, на деле стремились ограничить ее права, всячески вмешиваясь во внутренние башкирские дела. Башкирское правительство твердо проводило свою линию, не допустив, например, полной ликвидации своей системы местного управления даже после известного Колчаковского переворота. Эти выводы нашли свое отражение в ответах председателя Башкирского правительства М. Кулаева на вопросы, заданные ему в ходе переговоров об условиях перехода башкирских частей на сторону советской власти представителями Реввоенсовета 5-й армии и Уфимского губревкома:

Вопрос: «Есть ли территории, где Вы являетесь действительно властью?»

Ответ: «Есть часть Башкирской территории, где мы целиком господствуем и где кроме наших частей нет никаких других, но есть местности, занятые казаками».

¹ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 4. Л. 77.

² Там же. Л. 94, 94 об.

Вопрос: «Вело ли Ваше правительство какую-либо работу на занятой Вашими войсками территории: собирало ли налоги, велись ли культурные работы?»

Ответ: «Налоги собирались, по старым нормам, культработа была задержана военными действиями, но административный аппарат был приспособлен к этим условиям».

Вопрос: «Когда у власти были учредилловцы, была ли признана автономия Башкирии и признавали ли учредилловцы настоящее правительство?»

Ответ: «Автономная Башкирия и правительство ее было признано учредилловцами, но уже Директория начала вести кампанию против автономии Башкирии... Дутов и Колчак тоже отдали распоряжение о роспуске правительства, но это так и осталось приказом, а правительство фактически существует и в настоящее время»¹.

Наличие тесных связей с населением через собственные местные органы власти позволило БВС за кратчайший срок сформировать национальные войсковые части. За июнь, июль и август 1918 г. были сформированы 1-я и 2-я Башкирские дивизии, 1-й кавалерийский полк. Общая численность военнослужащих этих частей достигала примерно 7359 человек. В шести пехотных полках двух дивизий числилось 6359 военнослужащих, кавалерийский полк насчитывал 700 человек, учебная и комендантская команды – 300 человек². Первым башкирским пехотным полком командовал первоначально Х. Туймакаев, 2-м полком – Г. Габитов, 3-м – Бикметов, 4-м – Еникеев, 5-м – Г. Таган, кавалерийским полком – А. Карамышев. Командиром 1-й Башкирской дивизии был назначен подполковник Ш. Акчулпанов, 2-й дивизии – подполковник Бикмеев³. В дальнейшем, с сентября 1918 г. все указанные части были сведены в Башкирский корпус, командиром которого стал генерал-майор Х. Ишбулатов⁴. Несколько позже были сформированы 6-й и 7-й пехотные полки, которыми соответственно командовали А. Ишмурзин и М. Мусин. Необходимо иметь в виду, что командиры башкирских частей часто менялись. Так, 1-м Башкирским полком в дальнейшем командовал М. Муртазин, 3-м Г. Таган и т. д. Формально главнокомандующим всеми башкирскими частями до 22 ноября 1918 г. считался генерал Ишбулатов, хотя фактически командовал З. Валиди, ведавший всем военным строительством.

¹ Образование Башкирской АССР. С. 209–211; ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 4. Л. 94 об., 95.

² ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 399. Л. 56.

³ ЦГИА РБ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.

⁴ Там же.

1 июля 1918 г. распоряжением БВС «в целях установления порядка и для ведения борьбы с большевиками на местах» началась организация «особых башкирских отрядов» по специально выработанному штату. Они должны были находиться в ведении Военного отдела правительства Башкортостана и для координации их действий при БВС был образован особый отдел добровольческих отрядов, общее руководство которым осуществлял заведующий отделом добровольческих отрядов. По окончании боевых действий в пределах Башкортостана эти отряды должны были влиться в состав постоянной милиции с подчинением их отделу внутренних дел правительства Башкирской автономии¹. Заведующим отделом добровольческих отрядов был назначен подпоручик А. Бикметов. Добровольческие отряды формировались по административно-территориальному принципу при кантонных управлениях и носили названия соответствующих кантонов. Отряды эти, как правило, имели от 150 до 400 добровольцев. Во главе этих отрядов, призванных нести военно-карательную службу, стояли начальник отряда, его помощник и два инструктора – старший и младший. На сентябрь 1918 г. всего было сформировано 13 отрядов, в которых служило 2670 человек. Численность военнослужащих по отрядам выглядела так: Табынский – 200 человек, Дуванский – 200, Аргаяшский – 200, Юрматынский – 250, Кушинский – 250, Кудейский – 100, Джетиировский – 300, Усерганский – 160, Токчуранский – 160, Кипчакский – 180, Тамьян-Катайский – 300, Яланский – 180, Бурзян-Тангауровский – 180 человек². Начальниками этих отрядов назначались подпоручики и прапорщики. В случае необходимости добровольческие отряды участвовали и в боевых операциях против красных частей, но их основной обязанностью было обеспечение надежного тыла для функционирования местных органов власти Башкирской автономии и защита интересов башкирского населения от насилия и грабежей красных отрядов. Добровольческие отряды существовали исключительно за счет сборов с населения. Их нахождение в башкирских кантонах, усиливающее тыл Башкирского правительства, вызвало раздражение белых генералов, не воспринимающих существование Башкирской автономии. Этим объясняется требование атамана Дутова об отправке башкирских добровольческих отрядов на фронт³. С 5 октября 1918 г. добровольческие отряды, расположенные по кантонам, были объединены в отдель-

¹ Образование Башкирской АССР. С. 175.

² ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 399 л. 58.

³ Там же.

ный Башкирский добровольческий полк. Отдел добровольческих отрядов при БВС тогда же был упразднен¹. Башкирское правительство, помимо создания национальных частей и добровольческих отрядов, совместно с Самарским Комучем и казахской Алаш-Ордой, уральскими казаками, создало свою секретную службу по сбору информации о противнике. С секретным поручением в г. Баку был направлен Башкирским правительством Г. Уметбаев. Секретные агенты БВС действовали в Туркестане и других регионах страны. «Благодаря этим мерам, — писал впоследствии З. Валиди, — мы вовремя узнали о мятеже эсеров в Ашхабаде 11 июля, выступлении английских войск в Туркестане и Баку...», а также о событиях, происходящих в Казахстане, Средней Азии и на Кавказе².

Развертывание агентурной сети должно было облегчить Башкирскому правительству восстановление связей с казахским движением Алаш-Орда, примкнувшим тоже к белому движению, руководителями Кокандской автономии Туркестана, Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Представители башкирского и казахского движений, Кокандской автономии в июле 1918 г. провели ряд встреч в Омске и Семипалатинске, на которых было достигнуто соглашение о взаимной поддержке, о ведении «национальной борьбы во внутрироссийских рамках» без установления контактов с противниками России, в частности с Германией³. Однако Башкирскому правительству не удалось склонить к идее создания общего фронта для борьбы против большевиков эмира Бухары и хана Хивы, которые, ссылаясь на прежние соглашения с Россией, отказались идти на контакт с контрреволюционными силами. Эмиссары Башкирского правительства Г. Ильясов и Х. Идельбаев, направленные для переговоров со среднеазиатскими правителями, не смогли найти с ними общего языка⁴. В итоге, попытка объединить антисоветские силы мусульман Востока России, за которую ратовал З. Валиди, не имела успеха.

Итак, Башкирское правительство, обосновавшись в Челябинске, уже в течение июня—июля 1918 г. сумело восстановить свою власть в башкирских кантонах, сформировать первые национальные воинские части, установить связь с другими контрреволюционными движениями и правительствами, прежде всего, с Временным Сибирским правительством и Самарским Комучем.

¹ ЦГИА РБ. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.

² *Тоган З. В.* Указ соч. С. 254.

³ Там же. С. 255, 256.

⁴ Там же.

Уже в июне 1918 г. башкирские части включились в военные действия против Красной Армии. В район Екатеринбурга, на помощь чехам, были направлены два башкирских батальона. Они, совместно с чешскими отрядами, участвовали в сражении у местечка Куйеш Аргаяшского кантона, которое окончилось поражением красных. «В наши руки попало довольно много оружия и трофеев», – писал об этом бое З. Валиди, непосредственно участвовавший в нем¹. 1 июля 1918 г. ожесточенное столкновение башкирских отрядов с красными бойцами произошло под станцией Тургояк².

В июле–сентябре 1918 г. на территории Башкортостана действовали партизанские отряды В. К. Блюхера и братьев Кашириных, которые из района Белорецкого завода с боями прорывались на север, в район г. Кунгура, где дислоцировалась 3-я армия Восточного фронта. По пути продвижения отряды Блюхера, по-видимому, особо не церемонились с жителями башкирских деревень, о чем сообщается в одном из донесений Военного совета командующему Западно-Сибирской армией, датированном 7 июля 1918 г.: «красногвардейские банды терроризируют горных башкир, отбирают хлеб, расстреливают население в Тангауровской, Бурзянской волостях»³.

В ходе этого рейда «партизанской армии» В. Блюхера пришлось выдержать жаркие бои с белогвардейцами. Кровавое сражение с башкирскими частями состоялось 12 августа у села Петровское (ныне Ишимбайский район РБ). Но наиболее значительным был бой у ст. Иглино, который описан во всех работах, посвященных гражданской войне на Южном Урале. В этом бою основной удар принял на себя 3-й башкирский полк под командованием Г. Тагана. Наши исследователи всегда утверждали, что «в ожесточенном сражении в районе ст. Иглино враг был разбит и отброшен»⁴. Однако З. Валиди пишет, что башкирский полк «вел трехдневный бой с каширинцами на востоке от Уфы возле станции Иглино и аула Ирныкше и нанес им сокрушительное поражение»⁵. Скорее всего, данное сражение не принесло особых успехов ни белым, ни красным. Известно, что в случае благоприятного исхода

¹ *Тоган З. В.* Указ соч. С. 244, 245. Ход этих совместных боевых действий затем был описан в газете чешских легионеров «Народное освобождение». По мнению З. Валиди, продвижение тогда чехословаков и башкир в направлении Екатеринбурга ускорило казнь царской семьи, о чем сообщил ему потом известный большевистский деятель Преображенский.

² Там же.

³ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 394. Л. 112.

⁴ *Очерки по истории Башкирской АССР.* Т. 2. Уфа, 1966. С. 105; *Аминев З. А.* Октябрьская революция и гражданская война в Башкирии. Уфа, 1966. С. 350.

⁵ *Тоган З. В.* Указ. соч. С. 251.

этого боя, «партизанская армия» Блюхера была готова взять Уфу. Но этот план был сорван¹.

С другой стороны, белым не удалось остановить продвижение партизан Блюхера на север Башкортостана.

В первой половине августа 2-й Башкирский полк вел боевые действия под Екатеринбургом. Отдельные части этого полка заняли 7–10 августа станции Исецкая, Таватуй. В сражении за станцию Таватуй, которое продолжалось около трех часов, было захвачено 3 бронепоезда, 16 пулеметов, много винтовок. 13 августа 2-й полк вышел на ст. Верхне-Невьянск. Однако взять эту станцию ему не удалось, и полк отступил, укрепившись в районе ст. Таватуй².

В августе 1918 г. в боевых операциях под Верхнеуральском участвовали 1-й и 2-й кавалерийские полки. В ходе этих жестоких сражений погиб командир 2-го кавалерийского полка ротмистр А. Карамышев, ближайший друг З. Валиди, один из инициаторов формирования башкирских национальных частей. Его смерть явилась тяжелейшей утратой для всего башкирского национального движения, о чем говорилось в прощальных стихах великого башкирского поэта Ш. Бабича «Богатырь Амир Карамышев» (прочитанных на могиле погибшего)³.

В указанных сражениях башкирские воины показали высокую самоотверженность и героизм. В этой связи командующий группой чешских войск генерал С. Чечек писал: «В последних боях башкиры вели себя выше похвал и зарекомендовали себя надежными солдатами»⁴.

Еще 2 июня 1918 г. атаман Дутов занял г. Оренбург, который постепенно превратился в центр башкирского белого движения. 7–8 июля там, во дворе Караван-Сарая, состоялось собрание мусульман, созданное известными татарскими общественно-политическими деятелями Б. Шарафом и Ф. Каримовым. Они призвали башкир организовать вместе с ними мусульманский губернский комитет и вести единую политику. Однако представители башкирского движения Х. Рамеев, Х. Идельбаев заявили, что «башкиры не пойдут под флагом единого татаро-башкирского или мусульманского комитета» и демонстративно покинули собрание со своими единомышленниками. Группа башкирских деятелей, возглавляемая Х. Идельбаевым, Х. Ра-

¹ Ковшов В. Д. Незабываемое // За власть Советов. Сб. воспоминаний. Уфа, 1961. С. 246, 249.

² ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 4. Л. 8.

³ Бабич Ш. Мы – башкиры (стихотворения, поэмы, фельетоны и статьи). Уфа, 1995. С. 263–266.

⁴ Кульшарипов М. М. Указ. соч. С. 48.

меевым, связалась с атаманом Дутовым, который выделил башкирам комнаты в Караван-Сарае, для начала организационной работы по формированию башкирских национальных частей обещал снабжать их оружием и обмундированием. Вскоре в Оренбург стали съезжаться бывшие члены Центрального шура – А. Биишев, А. Ягафаров, Я. Салихов, У. Куватов и другие¹. З. Валиди, получив информацию о событиях в Оренбурге, во второй половине июля командировал туда зам. председателя Башкирского правительства С. Мрясова для встречи с генералом Дутовым. На этой встрече была достигнута договоренность о формировании башкирских частей, добровольческих отрядов, о направлении башкирских солдат, служивших в казачьих частях, в распоряжение штаба формирующихся национальных полков. В Оренбурге были организованы отдел БВС, штаб формирующегося 4-го полка во главе с капитаном К. Еникеевым. Оренбургский отдел БВС командировал своих сотрудников в башкирские волости для создания системы местного управления, кантональных административных и военных учреждений. С. Мрясов добился освобождения из Оренбургских тюрем башкир-красноармейцев, которые тоже поступали в распоряжение местного отдела БВС. Также в Оренбурге проводилась подготовительная работа по размещению Башкирского правительства, его военных учреждений². 8 августа Башкирское правительство переехало из Челябинска в Оренбург и расположилось в здании Караван-Сарая. Расквартировались в Оренбурге и некоторые башкирские полки³. Однако в Оренбурге, где власть полностью находилась в руках монархиста Дутова, положение Башкирского правительства и башкирских частей было далеко неоднозначным. Атаман Дутов, наряду с реакционно настроенными генералами Сибирского правительства, постоянно выражал недовольство существованием национальных башкирских частей, автономного Башкортостана⁴. Он всячески стремился сохранить командные высоты в Башкирских частях в своих руках, пытался подчинить их своим назначенцам. З. Валиди выступал за принцип автономности в делах формирования башкирских войск и на этой почве происходили постоянные стычки с Дутовым. Так, БВС, минуя начальника Оренбургского военного округа, вел переговоры с Самарским правительством о снабжении башкирских войск. Дутов потребовал, чтобы все эти поставки шли только через его ведомство⁵. К тому же Дутов был

¹ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 394. Л. 43–45.

² Там же. Л. 53, 54.

³ Там же. Л. 61.

⁴ Тоган З. В. Указ. соч. С. 252.

⁵ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 394. Л. 61.

ярим противником социалистических идей и его отношении к Самарскому Комучу было весьма недоброжелательным. Что касается З. Валиди, то он, как бывший член партии эсеров, всячески старался сблизиться с Самарским Комучем, с которым поддерживал постоянную связь через М. Халикова, направленного в Самару в качестве государственного посла¹. В отличие от Временного Сибирского правительства, атамана Дутова, Самарские учредилоры положительно относились к идее самоопределения наций, учитывали специфику национального вопроса. Доказательством этому является образование 22 июля 1918 г. при Комуче ведомства по национальным делам, которое было призвано укреплять власть Комуча, содействовать организации Народной армии, помогать установлению нормальных отношений с национальными территориями и вносить законопроекты по делам национальностей. Ведомство имело тюрко-татарский отдел, которым ведали Фахретдинов и Ахмеров, сторонники Идель-Уральского штата. На содержание ведомства было выделено 100 тысяч рублей².

Как видно из названия отдела, татарские деятели, защищающие идею культурно-национальной автономии тюрко-татар, тоже вошли в контакт с Комучем и оказывали влияние на его национальную политику. Интересным в этом плане представляется письмо татарских деятелей Туктарова и Тухватуллина Самарскому Комучу с просьбой признать культурно-национальную автономию тюрко-татар внутренней России и Сибири, что явилось бы с его стороны «мудрым политическим актом»³. Самарский Комуч в целом признал правомерность стремления тюрко-татар создать свою культурно-национальную автономию⁴.

Вопрос о самоопределении башкирского народа учредилоры обсуждали позже.

По всем военно-оперативным вопросам в июле-августе 1918 г. башкирские войска подчинялись общему командованию Народной армии Комуча. В дальнейшем они находились в ведении Директории и Сибирского правительства. Дутов, имевший более тесные связи с Сибирским правительством, всячески добивался подчинения башкирских войск своему командованию. В обстановке соперничества между этими белыми правительствами БВС прилагал все усилия для сохранения автономности войск. Это проявилось в запрещении ношения погон, принятых в Бе-

¹ Тоган З. В. Указ. соч. С. 252.

² ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 6. Л. 102.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 96, 96 об.

лой армии и создании 13 июля комиссии по выработке формы одежды для башкирских частей, которую возглавил начальник штаба 2-й Башкирской дивизии подполковник А. Емельянов. Ее членами стали ст. адъютант БВС поручик Мухлия, зав. мобилизационным отделом прапорщик Терегулов и член БВС С. Магазов. В приказе № 29 от 28 августа 1918 г. было дано описание формы одежды военнослужащих башкирских войск¹. Вводились погоны с гладкими металлическими номерами частей войск. Для отличия военнослужащих по их званию устанавливались нарукавные знаки на левом рукаве с изображением полумесяца и звездочек в соответствии с званиями и т. д.²

Существование автономного Башкортостана и национальных войск должен был символизировать национальный флаг, принятый Башкирским правительством приказом № 4547 от 20 августа 1918 г. В печатном органе правительства было дано описание национального флага: он представлял собой прямоугольное трехцветное полотнище, состоящее из горизонтальных равновеликих по ширине полос белого, зеленого и синего цветов (сверху вниз). Синий цвет символизировал принадлежность башкир к тюркам, зеленый – к исламской религии и белый – стремление к миру и благоденствию. Здесь же было подчеркнуто, что погоны, нашивки военнослужащих башкирских войск должны быть синего цвета. Претворение в жизнь этого приказа поручалось БВС³.

Комуч и его Народная армия тоже имели свои символы – трехцветный русский национальной флаг, а Сибирская армия – бело-зеленое знамя⁴. Таким образом, флаг Башкирского правительства отличался от символов белых правительств, покровительствующих ему.

К осени 1918 г. положение на Восточном фронте стало обостряться, что было связано с переходом Красной Армии в контрнаступление. В начале сентября 1918 г. красными частями был взят ряд городов Поволжья. В этих условиях руководство белых на востоке страны стало склоняться к мысли об объединении своих сил, что нашло свое отражение в работе Государственного совещания в Уфе. Состоялись также совещания правительств Башкортостана, Казахстана и Средней Азии в конце августа – начале сентября в г. Самаре, которые постановили объединить все контрреволюцион-

¹ ЦГИА РБ. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

² Там же.

³ Байков И. Флаги Башкортостана // Агидель. 1997. № 5. С. 186; Башкорт хөкүмәтенең теле. 1918. 20 августа.

⁴ Арестант пятой камеры. М., 1990. С. 401.

ные силы народов указанных регионов в «Федерацию юго-восточных мусульманских областей» с перспективой создания в дальнейшем «Союза Восточной России» с включением туда Сибири, Самары, уральских и оренбургских казаков¹. Предусматривалось объединение вооруженных сил Алаш-Орды и Башкирского правительства путем формирования единого корпуса². Но до создания единого союза и войск с Казахстаном дело не дошло, хотя в период пребывания в лагере белых башкирское и казахское движения имели самую тесную связь, совместно решая вопросы снабжения казахских войсковых частей оружием и обмундированием, подготовки командных кадров, проведения совместных боевых операций и т. д. Об этом свидетельствуют обращения Алаш-Орды в БВС по самым различным проблемам: о предоставлении солдат для охраны составов с оружием для казахских частей, об обеспечении безопасности проезда чиновников Алаш-Орды, оказании помощи в борьбе с красными партизанскими отрядами, обучении казахских военных и т. д.³ Весьма показательным в этом плане является обращение председателя Иргизского уездного управления Тургайской области К. Сейдалина к Башкирскому правительству с просьбой «как можно скорее принять меры к спасению от большевиков целого края», поскольку в начале августа красные захватили уездный центр и «реквизируют лошадей, проводят насильственную мобилизацию киргиз в Красную Армию», направляют в степь своих агитаторов для «разжигания страстей среди темной массы». К обращению была приложена карта с указанием населенных пунктов, которые надлежало освободить от большевиков⁴.

С единой платформой выступили представители Башкирского правительства и Алаш-Орды на Государственном совещании, созванном по инициативе Комуча для преодоления разногласий между различными белыми правительствами и движениями Поволжья, Урала и Сибири. Государственное совещание, в работе которого принимали участие представители Комуча, Уральского, Сибирского правительств, национальных движений казахов, башкир, туркестанцев, казачьих войск и организаций, стран Антанты и США, чехословацких войск и других, открылось в г. Уфе 8 сентября 1918 года и работало до 23 сентября. От Башкирского правительства в работе совещания участвовал З. Валиди, введенный в специальную комиссию по организации Всероссийской власти, созданной для

¹ *Тоган З. В.* Указ. соч. С. 201.

² ЦГИА РБ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 7. Л. 10, 11.

³ Там же.

⁴ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 4. Л. 59–59 об.

согласования деклараций, представленных совещанию от групп и делегаций. Выступив на одном из заседаний, состоявшемся 14 сентября, З. Валиди высказал «пожелание от имени башкирского народа, чтобы Государственное совещание дало будущей власти указание не урезать права народностей на их самоуправление, которое (это право) в некоторых местах уже реализовано; это, как показывает опыт, только облегчает решение общегосударственных вопросов. Старое время ушло, Россию можно собрать только на основе федеративности. Правительству, действующему иным путем, мы доверять не можем и не станем. То, что уже имеется, не должно быть отнято». 15 сентября он заявил, что Россию может спасти только сплочение национальностей и классов... Мы признаем участие в строительстве России тогда, когда имеем своего представителя в высшем органе. Нам интересно иметь место не в кабинете министров, а в высшем органе. Впрочем, вопрос этот мы пересмотрим». В одном из очередных выступлений З. Валиди отметил, что «солдаты должны знать, за что и за кого они идут. Наши войска охотно пойдут за русскими, раз будет исключено опасение, что все делается во имя восстановления антидемократических начал». З. Валиди выдвинул категорическое требование от имени своей делегации о территориальной автономности: «Федеративное начало было принято всюду и оспаривать федеративный строй невозможно»¹. Суждения и выводы З. Валиди по вопросам федерализма и самоопределения вызвали возражения, в частности у кадета Л. А. Кроля, который на одном из заседаний указал, что «нельзя дать Башкирии такой же автономии, как Сибири»². На Уфимском государственном совещании по национальному вопросу была принята весьма расплывчатая резолюция: за отдельными областями признавалось право широкой автономии, но окончательное решение этой проблемы откладывалось до возобновления работы Учредительного собрания. Все это нашло свое отражение в том, что уже в начале ноября 1918 г. Уфимская Директория объявила о ликвидации областных национальных правительств. На решения Государственного совещания по многим проблемам оказало влияние то, что оно в партийном отношении было крайне разношерстным – от монархистов до меньшевиков и эсеров. Это предопределило возникновение серьезных разногласий среди делегатов совещания по вопросу создания единого Всероссийского правительства. Левое

¹ *Тоган З. В.* Воспоминания. М., 1997. См.: «Примечания». С. 542, 543; Русский исторический архив. Сб. первый. Прага, 1929. С. 127, 154, 155, 168–169, 197–198, 201.

² Там же. С. 543.

крыло совещания, представленное прежде всего эсерами и меньшевиками, выдвигало проект создания коалиционной центральной власти, ответственной перед Учредительным собранием. Эту точку зрения поддержали представители национальных движений: «По большинству обсуждаемых вопросов мы выступали в единстве с эсерами и членами Самарского правительства» – писал по этому поводу З. Валиди¹. Партии правого толка – кадеты, члены «Союза возрождения», делегаты Сибирского правительства, формально признавая Учредительное собрание, выдвигали проект создания правительства, которое не было бы ответственным ни перед каким представительным органом. Другими словами, правые ратовали за установление диктатуры. После долгих дебатов было создано Временное Всероссийское правительство, вошедшее в историю под названием «Уфимской Директории», представляющей собой коалицию «умеренно левых» и «умеренно правых»². Однако эта коалиция оказалась слишком слабой и не смогла возглавить антибольшевистское движение. Недаром в дальнейшем она была свергнута Колчаком. Все это оказало прямое воздействие и на ход башкирского национального движения – сторонника «демократической контрреволюции». К тому же Уфимская Директория четко не определила своего отношения к национальным и областным правительствам, ограничившись принятием постановления о возможности передачи областными правительствами всех функций, присущих верховной власти, Временному Всероссийскому правительству, как только оно того потребует³. Тем самым Директория, хотя и не пошла на ликвидацию существующих национальных правительств, допускала вероятность установления диктатуры или полного единовластия.

Находясь в Уфе, З. Валиди встретился с татарскими деятелями Г. Исхаки, А. Бигловым и другими. На совместных заседаниях последние выразили резкое неприятие идеи территориальной автономии и формирования башкирских войск, предложили ограничить деятельность башкирского движения сферами религии и просвещения, создать особый «отдел Азии» при Сибирском военном министерстве, подчинив ему башкирские, татарские, казахские полки, мусульманские отряды Средней Азии. З. Валиди, представители Алаш-Орды решительно отвергли эти предложения сторонников культурно-национальной автономии и выдвинули идею создания

¹ Тоган З. В. Указ. соч. С. 263.

² Казанчеев А. Д. Уфимская Директория 1918 года. Автореферат диссертации... Уфа, 1996. С. 18.

³ Аминев З. А. Указ. соч. С. 362.

«мусульманской федерации Восточной России». Тогда же возник замысел образования «Свободной социалистической партии» восточных тюрков¹. Однако все эти далеко идущие планы объединения народов востока России через единую федерацию и партию не имели реального воплощения.

Башкирское правительство осенью 1918 г. предприняло ряд шагов по урегулированию земельного вопроса в «Малой Башкирии» и по определению правовых основ автономной республики с учетом подхода к этим важнейшим проблемам Уфимской Директории. Как известно, учредилловцы объявили об отмене частной собственности на землю и о своем признании права пользования фактических землепользователей ссылкой на будущее решение Учредительного собрания².

Башкирское правительство разделяло эту аграрную политику и 20 сентября 1918 г. издало обязательное постановление № 1, которым были введены в действие «Правила к устранению земельных недоразумений». В них указывалось, что если на частновладельческой земле посев был произведен другим лицом «с разрешения советской власти или захватным образом», то разрешалось убирать урожай посевику с условием оплаты арендной суммы за землю³. В другом постановлении № 2 Башкирское правительство потребовало от всех частных землевладельцев и арендаторов представить кантонным и юртовым правлениям сведения о том, какое количество земли имеется в их распоряжении и сколько они могут посеять, чтобы определить, за какое количество земли правительство будет считать этих владельцев ответственными. Постановление запрещало башкирским обществам сдавать земли в аренду и, аннулировав старые арендные договоры, вменяло членам общества в обязанность самим засеивать свои земли, а юртовым и кантонным земельным отделам предлагалось установить, какую площадь должны засеивать члены общества⁴. Очевидно, что, эти постановления были направлены на защиту прежде всего земельных интересов башкир, против разбазаривания башкирских земель через аренду с одной стороны, на поощрение земледелия среди башкир – с другой. Однако запрещение новых и аннулирование существовавших аренд затрагивали интересы крестьян-арендаторов из переселенцев, что вело к обострению отношений между башкирами и крестьянами других национальностей.

¹ Тоган З. В. Указ. соч. С. 265.

² История политических партий России. М., 1994. С. 329.

³ Раимов Р. М. Указ. соч. С. 216.

⁴ Там же. С. 216, 217.

В октябре 1918 г. Башкирское правительство представило Комитету членов Всероссийского Учредительного собрания документ о «Федерации Башкирии», где шла речь о временной передаче управления областной автономией национальному правительству до установления федеральной Конституции Всероссийского Учредительного собрания, говорилось также о границах автономии, о башкирских войсковых частях, «организуемых для защиты Учредительного собрания», и о финансовой их поддержке. В этом документе подчеркивалось, что Башкортостан желает только достижения автономии и не стремится «к отделению от России»¹. Совет управляющих ведомствами Комитета членов Всероссийского учредительного собрания рассмотрел этот документ 11 ноября 1918 г. и оценил его положительно².

Еще летом 1918 г. члены Башкирского правительства З. Валиди, И. Мутин, М. Кулаев, А. Кричинский на основе постановления башкирских съездов об автономии разработали Конституцию Башкирской автономной республики, назвав ее «Положением об автономной Малой Башкирии». Этот документ состоял из 93 статей и имел следующие разделы: «Общее положение об автономии Малой Башкирии», «Об органах управления Башкирии», «О Курултае», «О заседаниях Курултая», «Предмет ведомства Курултая», «О правительстве Башкирии», «О кантонном, волостном, земском и юртовом управлении», «О суде», «О печати и гербе, флаге и войсковом знамени»³. Статья 1-я Конституции «Малой Башкирии» гласила: «Башкирия составляет неразделенную часть государства Российского и представляет из себя автономно управляющуюся страну с наименованием «Малая Башкирия». Вторая статья определяла официальные языки автономии, которыми были признаны башкирский и русский языки. В третьей статье было записано: «Территория Башкирии определяется теми ее границами, которые существовали до так называемого расхищения башкирских земель. Все земли и недра земли считаются башкирской национальной собственностью». По четвертой статье власть правительства Башкортостана распространялась не только на территорию «Малой Башкирии», но также на местности, географически разделенные с автономией как «оазисы» внутри других административно-территориальных образований. Шестая статья определяла административное деление Башкортостана на кантоны, волостные земства и юрты. Большой

¹ Кульшарипов М. М. Указ. соч. С. 49

² Там же.

³ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 3. Лл. 1–9 об.

интерес представляет восьмая статья, которая гласила: «Никто не может подлежать преследованию или задержанию под стражей иначе, как в случаях, законом определенных, причем при задержании необходимо письменное постановление с указанием за что и по каким мотивам задержан». Ряд статей (10–14) был посвящен военной службе. В одной из них говорилось, что «Защита Российского государства и автономной Башкирии является священной обязанностью каждого гражданина, живущего на территории Башкирии».

Органами управления автономной «Малой Башкирии» по 15-й статье являются: «1. Курултай (Парламент) с правительством Башкирии. 2. Кантонная Дума с кантонным управлением. 3. Волостное земское собрание с Земской Управой. 4. Юртовой сход со старшиной». Курултай был объявлен высшим органом самоуправляющейся «Малой Башкирии», и ему «как высшему органу, принадлежит вся полнота власти на территории Башкирии». Далее шли статьи о выборах депутатов Курултая, об их правах и обязанностях, были определены функции Курултая как законодательного органа и дела, относящиеся к его ведомству. В статье 17-й было записано, что «депутатами Курултая могут быть лица обоего пола не моложе 22 лет без различия национальности и веры, избираемые всеобщим, прямым и тайным голосованием».

Довольно подробно в «Положении» были изложены основные принципы функционирования правительства автономии, являющегося «исполнительным органом Курултая».

Из раздела о кантонном, волостном, земском и юртовом управлениях следовало, что впредь до выработки Курултаем правил и наказов для них они «в своей деятельности руководствуются действующими общегосударственными положениями», всецело подчиняясь правительству «Малой Башкирии».

В разделе о суде тоже было сказано, что мировые и общие судебные установления на территории Башкортостана действуют на основании общегосударственных законов с подчинением их Российскому правительствующему Сенату. Мировые судьи должны назначаться на свои должности правительством Башкортостана. К сожалению, в разделе о печати, гербе, флаге нет их описания¹.

Итак, «Положение об автономии Малой Башкирии» составлено как по форме, так и по содержанию как Конституция автономной республики.

Недостатком «Положения» можно считать отсутствие в нем раздела о правах и обязанностях человека и гражданина, неразра-

¹ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 3. Л. 1–9 об.

ботанность до конца раздела о правосудии. Принцип разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, демократическая избирательная система и другие моменты, нашедшие отражение в этой Конституции, свидетельствуют, что ее составители были знакомы с Основными законами демократических государств Запада. К сожалению, большинство разделов этой Конституции автономного Башкортостана не нашло должного отражения в последующих документах, связанных с национально-государственным строительством в Башкортостане.

Между тем военное противостояние на территории Башкортостана, в целом Южного Урала, приобретало все более ожесточенный характер. Крупной операцией башкирских частей, проведенной в сентябре 1918 г., можно считать взятие г. Орска. Красные, побросав по пути свое оружие и военное снаряжение, были вынуждены, оставив город, отступить в Актюбинск. В секретном докладе члена эсеровской партии Н. Старикова имеются интересные детали этого сражения за Орск. Он писал: «...башкиры сильно раздражены Дутовским освещением боев на Орском фронте – Орск был взят почти исключительно башкирами, между тем честь взятия Орска Дутовым была приписана прежде всего «доблестным» казакам». Далее в своих наблюдениях он указывает на расхлябанность и отсутствие дисциплины в рядах Народной армии, в то время как: «Совершенно другое впечатление от башкирских частей. Хорошо одеты, молодеваты – они всегда обращают на себя внимание, когда проходят частями по городу со своим оркестром, со своими национальными знаменами, значками на фуражках и погонах. Видел башкирскую кавалерию, которой можно любоваться». Н. Стариков обратил внимание на наличие серьезных разногласий и недоверия между Башкирским правительством и Дутовым, доказательством чего, по его мнению, является деятельность Дутовской контрразведки в Башкортостане по наблюдению за настроением башкирских масс. В конце своей записки Н. Стариков приходит к выводу о необходимости «ближе подойти к ним (башкирам) и в той или иной форме влиться к ним»¹.

Как уже отмечалось, башкирские части показали в сражениях надлежащую боеспособность, высокую дисциплину и организованность. Даже командующий войсками Оренбургского округа, атаман Дутов, неприязненно относившийся к башкирским частям, 15 августа, осмотрев батальон первого башкирского полка, расположенного в Оренбурге, в своем приказе отметил: «Родина наша, раздирае-

¹ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 7. Л. 326.

мая когтями врагов и призывающая истинных сынов своих к спасению ее, давно ждет таких строевых частей, каким является только что осмотренный мною батальон славного Башкирского полка» и что «... часть эта послужит надежным кадром нарождающихся новых Башкирских частей, а образцовая их служба, опирающаяся на сознательную дисциплину, веру в правое дело Свободы и Родины и победы над врагом, послужит примером для других частей народной Армии, формирующихся в Оренбурге». Этот приказ подлежал оглашению во всех ротях, сотнях, батареях и командах Оренбургского военного округа¹.

Однако не на всех участках Восточного фронта, где сражались башкирские части, им сопутствовал успех. Сложным оказалось положение третьего башкирского полка, находящегося на северном участке железной дороги Самара – Златоуст. Красные отряды не позволяли этому полку своевременно выполнить приказ о перебазировании в г. Оренбург. Лишь в начале сентября, по требованию Самарского правительства, третий полк был переброшен на ст. Сызрань. Затем вместе с чешскими частями, оставившими 7 октября Самару*, полк Г. Тагана отступил в направлении г. Бугульмы. Под Бугульмой третий полк в составе войск генерала Каппеля принял участие в кровопролитном сражении. Хотя в этом бою красные отряды были разгромлены, но под напором красных частей, получивших пополнение, третий полк отступил к Уфе, потом еще дальше на восток².

Если в сентябре 1918 г. башкирские части преимущественно находились на территории Башкортостана, в чем проявлял прямую заинтересованность БВС, то в связи с началом контрнаступления советских войск на Восточном фронте их дислокация изменилась. К тому же с октября 1918 г. башкирские войска по военно-стратегическим вопросам перешли в распоряжение командующего Юго-Западной армии, т. е. атамана Дутова. Всему этому в немалой степени способствовало ухудшение положения Комуча, с которым Башкирское правительство находилось в более тесном взаимоотношении. В связи с приближением Красной армии к Самаре 29 сентября 1918 г. Комуч принял решение распустить комитет, оставив лишь областной орган власти «Совет управляющих ведомствами». В начале октября члены Комуча, оставив Самару, которая 7 октяб-

¹ ЦГАОО РБ. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 1. Л. 7.

* У З. Валиди 7 сентября. Это ошибка. Белые части оставили Самару 7 октября 1918 г.

² Тоган З. В. Указ. соч. С. 268, 269.

ря была взята частями Красной армии, эвакуировались в Уфу¹. Попытка учредилковцев выправить положение на фронте путем укрепления Народной армии за счет создания смешанных русско-чешских частей не имела успеха. К тому же 3 октября Директория, в свою очередь, перебралась из Уфы в Омск. По прибытии «Всероссийское правительство» пыталось подчинить себе Временное Сибирское правительство, но это встретило упорное сопротивление. Более того, Директория под давлением Сибирского правительства встала на путь ликвидации Комуча и других правительств. При этом, следует подчеркнуть, что «Всероссийское временное правительство» уже с момента своего возникновения занимало жесткую позицию по отношению к башкирскому движению, чем, скажем, Комуч, и оно еще до колчаковского переворота готовило почву для ликвидации Башкирского правительства, расформирования башкирских частей. 16 октября штаб Верховного Главнокомандующего издал приказ, адресованный Башкирскому правительству, БВС, который гласил: «Ввиду недостатка финансовых средств дальнейшая мобилизация прекращается. Сформированные дивизии из башкир входят в организованные русские единицы. Все распоряжения осуществляются атаманом Дутовым. Отпуск средств на содержание БВС и штаба Башкирского корпуса прекращается»².

Появление этого приказа было связано не столько с финансовыми затруднениями, сколько с отрицательным отношением сибирских генералов-монархистов к Башкирской автономии, существованию национальных частей, ее поддерживающих. Буквально через три дня после этого приказа появилось распоряжение штаба Верховного Главнокомандующего о полном подчинении Башкирского войска атаману Дутову. Распоряжение гласило: «Разрешение всех вопросов формирования, укомплектования и обучения башкирских частей первой башкирской дивизии, находящихся в пределах Оренбургского округа, представляется ген. лейт. Дутову... Башкирские полки первой дивизии, выполнившие оперативные задачи в армии генерала Чечека, будут постепенно, в зависимости от обстановки, включаться в те войсковые части, которые действуют под командованием генерала Сырового и атамана Дутова. Вследствие финансовых затруднений формирование Второй башкирской дивизии прекращается»³. Подлежали ликвидации все 13 управлений кантонных воинских начальников, Башкирский воен-

¹ Майский И. М. «Демократическая» контрреволюция. М.; Л., 1923. С. 264.

² ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 8 Л. 86.

³ Тунеев Ш. Основные этапы в истории национального движения и Советской Башкирии. Уфа, 1929. С. 39.

ный совет, штаб отдельного Башкирского корпуса и штаб 2-й башкирской дивизии. Ликвидация всех башкирских воинских учреждений была поручена исполняющему обязанности помощника начальника Башкирского войскового управления полковнику Янишевскому¹.

Административный совет Сибирского правительства, обсудив ходатайство Златоустовского земства об отмене постановления Башкирского правительства о внесении в его кассу всех земских сборов 1918 г. и недоимок за предыдущие годы, 1 ноября 1918 г. постановил «поручить Министерству внутренних дел принять все необходимые меры к недопущению проведения в жизнь постановлений Башкирского правительства и его местных органов»².

Через несколько дней, 4 ноября 1918 г. Временное Всероссийское правительство приняло постановление о прекращении существования Башкирского правительства, Комуча и других областных правительств. Для управления Башкортостаном учреждалась должность «Главноуполномоченного по делам Башкирии», который должен был ведать всеми делами, касающимся культурно-бытовых и экономических нужд башкирского населения³. Однако ни Комуч, ни Башкирское правительство не подчинились указу Директории и продолжали свою деятельность. С целью координации действий Совета управляющих, Комуч направил Башкирскому правительству телеграмму о том, что он остается верным подписанным соглашениям и договорам, и просил сообщить ему о своем отношении к решению Директории о расформировании всех областных правительств⁴. Башкирское правительство, естественно, выразило острое недовольство действиями Сибирского правительства и Директории, сообщив Совету управляющих ведомствами о своем отказе подчиниться Дутову, желании «самоуправляться, получить автономию в рамках России»⁵.

Эти недальновидные действия Директории объясняются усилением нажима на нее черносотенно-монархически настроенных генералов, в чьих руках фактически находились тогда вооруженные силы белого движения на востоке страны. Известно, что осенью в Омске даже возникла тайная организация монархистов, членами которой являлись генералы Лебедев, Иванов-Ринов, Дутов, Розанов и другие, ставившие своей основной целью покончить с учреди-

¹ *Тупеев Ш.* Указ. соч. С. 39.

² *Аминев Э. А.* Указ. соч. С. 365.

³ Там же. С. 366.

⁴ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 394 л. 142.

⁵ Там же.

ловцами и передать руководство белым движением в руки кадето-монархистов путем организации военного переворота. Именно генералы-монархисты еще в начале ноября 1918 г. назначили адмирала Колчака военным министром Сибирского правительства¹.

В деле роспуска национальных правительств, подготовке колчаковского переворота немаловажную роль сыграли представители стран Антанты, в частности руководитель английской военной миссии в Сибири генерал А. Нокс. Напуганные успешными боевыми операциями красных частей осенью 1918 г., они решили переориентироваться с «демократической контрреволюции» в лице учредителей на кадетско-монархическую контрреволюцию, способную, по их мнению, объединить все силы, действующие на востоке России против Советской власти². Так, командующий экспедиционным корпусом США генерал Грэвс в своих телеграммах категорически требовал ликвидировать разногласия между Директорией и Сибирским правительством³. Этот момент в действиях союзников (Англии, Франции, США), чувствовавших себя хозяевами в Сибири и поддерживающих генералов-монархистов, подчеркнул и З. Валиди в своих «Воспоминаниях». Он считал, что «грубое вмешательство союзников являлось большой разрушительной силой» для демократических идей, веры в Учредительное собрание, с которыми руководители башкирского движения связывали будущее Башкортостана⁴.

О пагубности шовинистической национальной политики генералов-монархистов для белого движения писал английский советолог Э. Карр: «Генералы, воспитанные при царях в панроссийских традициях, отвергали какие-либо уступки угнетенным нациям; и в пограничных областях, где преобладали нерусские или невеликорусские элементы и где шли решающие бои гражданской войны, этот фактор сильно способствовал победе Советской власти»⁵. Другой западный исследователь истории России, француз Н. Верт, одну из причин поражения белого движения видел в том, что «... белогвардейцы оказались не способны на переговоры с демократической оппозицией и умеренными социалистами». Лозунг «Россия будет великой, единой, неделимой» не оставлял никакой надежды инородцам, стремящимся к автономии и независимости», – делал

¹ Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. С. 103.

² Там же. С. 136.

³ Аминев З. А. Указ. соч. С. 364.

⁴ Тоган З. В. Указ. соч. С. 270.

⁵ Карр Э. История советской России. Большевицкая революция 1917–1923. Кн. 1. Т. 1, 2. М., 1990. С. 212.

вывод он¹. Этого же взгляда придерживался и итальянский историк Дж. Боффа, автор двухтомной работы «История Советского Союза»: «... в рядах белогвардейцев царил махровый великорусский шовинизм. Поэтому часть националистов перешла к большевикам (например, башкирская группа Валидова)»².

Действительно, с середины октября 1918 г. Башкирское правительство и национальные части стали отдаляться от белого движения, резко ухудшилось их отношение с атаманом Дутовым, под начало которого они должны были перейти. Пребывание Башкирского правительства и его военных учреждений в Оренбурге, где находился командующий Юго-Западным фронтом, становилось небезопасным. Учитывая неизбежность открытого конфликта с атаманом Дутовым, Башкирское правительство 17 ноября 1918 г. решило оставить г. Оренбург и укрепиться в Баймаке. Свое решение Башкирское правительство объясняло «исключительным желанием приблизить правительство к центру башкирского населения» и проектом создания своего центра – города, «где первый камень будет заложен в честь и память героически погибших воинов за автономию Башкирии, за ее и русского государства целостность и единство»³. Башкирское правительство, хотя и разместилось первоначально в Баймаке, таким центром решило сделать село Темясово (ныне Баймакский район РБ), где сразу же были размещены типография, редакции газет, поселились некоторые члены правительства.

В начале ноября З. Валиди и его единомышленники пытались направить дальнейшее действие башкирских частей на соединение с казахскими полками и антисоветскими силами Туркестана путем разгрома красных на Актюбинском фронте⁴. Однако претворить в жизнь этот стратегический замысел З. Валиди не удалось. Во-первых, к этому времени Актюбинский фронт значительно укрепился за счет красных частей, отступивших из-под Орска на территорию Казахстана. Во-вторых, в результате большой агитационной работы казахских большевиков становилось все больше казахов, попавших под влияние Советов. В-третьих, политика белых генералов, направленная на ликвидацию Башкирской автономии, подрывала боевой дух башкирских воинов.

¹ Верт Н. История советского государства 1900–1991 гг. 2-е изд. М., 1995. С. 146.

² Боффа Дж. История Советского Союза в двух томах. От революции и до второй мировой войны. Ленин и Сталин (1917–1941). М., 1990. С. 173.

³ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 394 Л. 144; Народ. 1918. 11 ноября.

⁴ Тоган З. В. Указ. соч. С. 270.

Колчаковский «государственный переворот» 18 ноября 1918 г., в ходе которого были арестованы члены Директории, по существу сделал бесперспективным надежду башкир на сохранение автономии, сражаясь в рядах белых. Адмирал Колчак, объявивший себя «верховным правителем России», заявил, что «идеей единой и неделимой России он не поступится ни при каких обстоятельствах и ни за какие минутные выгоды»¹. Правительство Колчака открыто провозгласило великодержавную политику непризнания национальных и областных автономий и заявило, что будет еще более настойчиво проводить начатый Директорией курс на полную ликвидацию Башкирского правительства и его войска. Протесты Башкирского правительства против подчинения башкирских частей атаману Дутову и командующему Уральским белогвардейским корпусом генерал-лейтенанту М. В. Ханжину не были приняты во внимание. Колчак готовил полное расформирование башкирских национальных частей². Главное командование колчаковских войск потребовало полного подчинения башкирских частей 24-й дивизии генерала Савича-Заболоцкого. Однако военное ведомство Башкирского правительства не подчинилось этим приказам Колчака и 22 ноября 1918 г. вменило в обязанность командовать башкирскими войсками З. Валиди. Генерал Дутов, являясь правой рукой Колчака, стал ограничивать помощь башкирским частям боеприпасами и оружием³.

Конфликт между башкирским национальным движением и белыми все более нарастал. Усилению среди башкир антиколчаковских настроений способствовало и то, что бывшие члены Комуча, ряд представителей эсеровской партии, в том числе В. Чернов, осудили Колчаковский переворот и сделали заявление об организации борьбы против диктатуры «верховного правителя». Совет управляющих ведомствами Комуча за подписями председателя Совета В. Филипповского, членов П. Климушкина, М. Веденяпина и Н. Нестерова направил телеграмму в Омск Вологодскому и Колчаку, в Екатеринбург – съезду Всероссийского учредительного собрания, Оренбург – войсковому кругу, Баймак – правительству Башкортостана и Семипалатинск – правительству Алаш-Орды, где резко осуждалась «узурпаторская власть, посягнувшая на Всероссийское правительство и Учредительное собрание» и которая ими «никогда не будет признана». В ней требовалось немедленно освободить

¹ Иоффе Г. З. Указ. соч. С. 196–197.

² Аминев З. А. Указ. соч. С. 369.

³ Тоган З. В. Указ. соч. С. 271.

дить арестованных членов Директории, «объявить врагами Родины и заключить под стражу виновников переворота и объявить населению и армии о восстановлении прав Всероссийского Временного правительства». Далее, в телеграмме содержалась угроза, что «в противном случае будут приняты меры для подавления мятежа»¹. Однако правительство Колчака не отреагировало на эти угрозы, так как войска, находящиеся под командованием генералов-монархистов, заявили о своей верности «верховному правителю». Также атаман Дутов в разговоре с Колчаком по телефону сказал ему, что «казачество его поддерживает». В свою очередь Колчак, выразив свою признательность за позицию казачества, отметил, что «со стороны французов и англичан самое благожелательное отношение». Однако, по мнению «верховного правителя», «Чешский совет находится в связи с Уфимским собранием и, по-видимому, с ним солидарен». «Но, – продолжал он, – пока чехи не вмешиваются в наши дела. Генерал Сыровой приказал войскам не вмешиваться»². Что касается Чехословацкого национального совета, о котором упомянул Колчак в разговоре с Дутовым, то он официально заявил о своем осуждении переворота³.

В создавшейся обстановке Совет управляющих и лидеры эсеровской партии сделали попытку создать единый антиколчаковский фронт, объединив башкирские и казахские вооруженные силы с демократическим крылом Оренбургского и Уральского казачества в лице полковника Макхина и атамана Каргина. С целью претворения в жизнь этого замысла в селе Кызыл Мечеть (ныне село Мраково – центр Кугарчинского района РБ) собрались представители Комуча, сюда же прибыли В. Чернов, министр иностранных дел Комуча Веденяпин, руководитель туркестанских эсеров В. Чайкин. Алаш-Орду на этой встрече представлял М. Чокаев. Как пишет З. Валиди, «на Чернова и его спутников произвели благоприятное впечатление организованность Башкирского правительства и дисциплина в нашей армии»⁴. После этой встречи эсеровские лидеры через Уральск и Астрахань выехали в центр России – потом эмигрировали. Результатом этих переговоров явилась договоренность о создании объединенного правительства, в которое от «Малой Башкирии» должен был войти З. Валиди, от Алаш-Орды – Кыдырбаев, от оренбургских казаков – атаман Каргин, главнокоман-

¹ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 382. Л. 66.

² Там же.

³ Там же.

⁴ *Тоган З. В.* Указ. соч. С. 273.

дующим объединенных вооруженных сил было решено назначить полковника Макхина¹.

Однако создать действенную антиколчаковскую коалицию им не удалось. Вся деятельность участников этой встречи свелась к подготовке вооруженного заговора против атамана Дутова. В начале декабря 1918 г. в Оренбурге, в здании Караван-Сарая, который находился под контролем башкирских частей, прошло совещание об организации ареста атамана Дутова. Проведение этой акции было поручено командирам 1, 2, 5-го башкирских полков — С. Ишмурзину, Г. Аитбаеву, К. Низамутдинову. З. Валиди сообщил им, что он вошел в блок с учредилловцами, эсерами и меньшевиками для разгрома реакционных казачьих частей, ареста и казни Дутова. Командирам башкирских полков было поручено разоружение казачьих частей, дислоцированных в Оренбурге, они же должны были захватить склады, штаб казачьих войск, военное училище и освободить из тюрем заключенных эсеров и других сторонников Учредительного собрания. Но этот план потерпел неудачу. Дело в том, что присутствовавший на этом совещании вольноопределяющийся А. Галиев (З. Валиди называет его осведомителем Дутова) предупредил Дутова о готовящемся заговоре. Атаман сразу же предпринял контрмеры: из Оренбурга был выведен 4-й башкирский полк, сам на бронемашине выехал на окраину города, где находились верные казачьи части. Притом полковник Макхин не согласился идти на кровопролитие и тем самым попытка объединения сил, выступающих против Колчака, провалилась².

Провал ведения вооруженной борьбы с диктатурой Колчака, опираясь на силы демократического крыла белого движения, вынудил учредилловцев и ЦК партии эсеров принять 5 декабря 1918 г. постановление: «Вооруженную борьбу против большевиков прекратить и все силы демократии направить против диктатуры Колчака»³. На основе этого постановления, после занятия Уфы советскими войсками (31 января 1918 г.), учредилловцы начали переговоры с местными представителями советской власти. Они закончились подписанием соглашения о том, что «Делегация членов партии С.-Р. и председатель съезда членов Всероссийского учредительного собрания призывают всех солдат Народной Армии прекратить гражданскую войну с советской властью, являющейся в настоящий исторический момент единственной властью эксплуа-

¹ *Тоган З. В.* Указ. соч. С. 274.

² ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 399. Л. 66; *Тоган З. В.* Указ. соч. С. 273, 274.

³ Там же. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 8. Л. 30.

тируемых классов для подавления эксплуататоров и обратить свое оружие против Колчака». В конце соглашения имелся пункт о том, что советская власть гарантирует «войсковым частям и отдельным лицам, добровольно отказавшимся от войны, никакому преследованию не подвергать, в том числе членов С. Р.». Соглашение заканчивалось лозунгами: «Да здравствует единство трудовой демократии всех стран! Да здравствует мировая социальная революция!» Председатель съезда членов Всероссийского учредительного собрания В. Вольский¹.

В данной обстановке положение Башкирского правительства и войск оказалось неопределенным. Об этом свидетельствует обращение З. Валиди 14 декабря 1918 г. к полковым муллам и командирам башкирских частей, в котором выражалась надежда на совместные действия с частями, сохранившими верность учредителям. В то же время в письме подчеркивалось, что «во всех случаях, мы, оставаясь нейтральными, воевать против Колчака не будем...». В письме давалась установка «по возможности в бои с красными не вступать», а придерживаться оборонительной тактики². Но тактика нейтралитета в условиях гражданской войны оказалась несбыточной мечтой, ибо ни одна из сторон не признавала нейтральности башкирских частей, в итоге им пришлось в начале 1919 г. выдерживать натиск как белых, так и красных.

Между тем среди башкирских солдат росло недовольство режимом Колчака, который стремился направлять башкирские части на самые опасные участки фронта, по существу прекратив их снабжение военным снаряжением и продовольствием. Вызывали у башкирских солдат раздражение и неопределенность, двусмысленность своего положения. Все это постепенно стало выливаться в открытые выступления, привело к усилению дезертирства из национальных частей. Еще 4 ноября 1918 г. командир Первого башкирского пехотного полка подполковник Якубовский докладывал военному ведомству Башкирского правительства о недовольстве солдат плохим снабжением одеждой и обувью, продовольствием, несмотря на то, что полк со дня своего формирования (7 июля) «заслужил неувядаемую славу на всех фронтах». Далее он указывал, что солдаты полка «не желают защищать казачьи станицы»³. Во взбунтовавшийся полк прибыл командующий Актюбинским фронтом генерал Красноярецев. Несмотря на угрозу и уговоры, полк остался при сво-

¹ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 8 л. 30.

² Там же. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 399. Л. 69.

³ Там же. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 8 л. 27.

ем решении, т. е. отказывался идти в бой¹. Тогда же отказался выполнить приказ Дутова Юрматынский добровольческий отряд, находившийся в селе Зирган. Атаман был вынужден отдать приказ об оставлении отряда в Зиргане ввиду «изменившихся условий»².

В этих условиях Башкирское правительство все более стало склоняться к мысли о необходимости пойти на сближение с советской властью и заняться поисками путей для переговоров с ней. Было бы не совсем правильным объяснение основной причины решения Башкирского правительства пойти на переговоры с советской властью «революционизированием башкирских масс и войск» и угрозой руководителям башкирского движения остаться «генералами без армии»³. Конечно, нельзя отрицать тот факт, что колчаковский режим своей реакционной национальной политикой способствовал действительности большевистской агитации среди башкир. Нельзя сбрасывать со счетов и успешное наступление Красной Армии на Восточном фронте в конце 1919 г. Но на сближение с большевиками башкирское движение пошло тогда прежде всего из-за великодержавной политики белых генералов, не желающих признать Башкирскую автономию, стремившихся отсюда расформировать национальные войска. Антидемократизм колчаковского режима оттолкнул от белого движения не только башкир, но и демократическое крыло антибольшевистского движения в целом.

После колчаковского переворота Башкирское правительство ускорило попытку найти общий язык с советской властью. 21 ноября 1918 г. оно на своем заседании рассмотрело вопрос об условиях договора с советской властью об автономии Башкортостана. Было решено, что Башкирское правительство и войска должны прекратить боевые действия против красных и начать борьбу с контрреволюцией при условии признания правительством РСФСР Башкирской советской республики в соответствии с Конституцией РСФСР⁴. Тем самым Башкирское правительство выразило свою готовность встать на советскую платформу. Однако не все было просто: среди руководителей башкирского национального движения были противники сближения с большевиками. Так, председатель Башкирского правительства Ю. Бикбов и некоторые его члены (И. Мутин и другие) выступили против переговоров с большевиками. Дело дошло до открытого конфликта. Ю. Бикбов и другие про-

¹ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 8. Л. 26.

² Любимов В., Юлдашбаев Б. Ленин и самоопределение наций. Чебоксары, 1967. С. 103.

³ Раимов Р. М. Указ. соч. С. 239.

⁴ Кульшарипов М. М. Указ. соч. С. 50.

тивники контакта с органами советской власти в Баймаке были арестованы О. Куватовым, Т. Имаковым, Я. Салиховым, Г. Хасановым. Лишь после вмешательства З. Валиди Ю. Бикбов и его единомышленники были освобождены из-под ареста. Но пост председателя Башкирского правительства по решению состоявшегося 26 января 1918 г. в дер. Темясово «малого курултая» занял М. Кулаев, человек более умеренных взглядов¹.

В конце ноября Башкирское правительство решило направить двух человек, а именно члена Башкирского правительства Г. Карамышева и члена Центрального шуро С. Атнагулова для ведения переговоров в Москву. Г. Карамышев должен был с официальными документами добраться до Москвы через южные районы России, однако в Уральской области он был задержан и не смог выполнить возложенное на него поручение. С. Атнагулов должен был следовать до Москвы через Бузулукский фронт. Но он, прибыв в Белебей, связался с местными советскими органами, согласился занять должность уездного комиссара по мусульманским делам и остался там, забыв о поездке в Москву. Башкирское правительство впоследствии пыталось привлечь Атнагулова к суду за отказ от выполнения столь важного поручения².

Атаман Дутов и его окружение в возникшей ситуации решили по возможности скорее расформировать башкирские части или переподчинить их своим офицерам. Так, Дутов отдал приказ о расформировании 3-го башкирского полка. Но командир полка Г. Таган не подчинился этому приказу. Не было выполнено его распоряжение начдиву А. Ишмурзину о привлечении к ответственности командира полка Тагана³. Такую же неудачу потерпела попытка сменить командира Второго башкирского полка: капитан Вержблович, направленный в распоряжение полка Дутовым, был вынужден вернуться назад из-за нежелания башкирских солдат служить под его командованием. Башкирский полк, сформированный Дутовым в Оренбурге на основе башкирского батальона, не успевший своевременно покинуть город, был перехвачен башкирским отрядом по пути его продвижения в Орск. Солдаты так называемого «башкирского полка» вернулись в свою прежнюю часть, а офицеры были арестованы⁴. Во всех этих провалах Дутов видел «интриги Валидо-

¹ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 399. Л. 72.

² ЦГИА РБ. Ф. Р-1107. Оп. 1. Д. 11. Л. 127; Об этом решении Башкирского правительства писал и К. Идельгужин в своей книге «Башкирские движения в 1917, 1918, 1919 гг.» Уфа, 1926. С. 82.

³ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 399. Л. 68.

⁴ Идельгужин К. Указ. соч. С. 83.

ва» и стал искать пути для расправы над ним и членами Башкирского правительства. Дутов и другие белые генералы ошибочно считали, что «Башкирское правительство данного состава, возглавляемое Валидовым, не пользуется доверием и поддержкой населения... так как башкирскому народу не свойственны сепаратистские стремления и (он)... охотно подчиняется общегосударственной администрации»¹. Эти суждения белых генералов показывают, что они не понимали сути перелома в руководстве башкирского движения, связанного с изменением настроения масс, башкирских солдат, уставших от кровопролитных сражений, терпевших лишения и нужды из-за их же отказа снабжать башкирские войска оружием и продовольствием. И, наконец, бывшие царские генералы не понимали, что башкиры сражались не за восстановление Российской империи, а за свою автономию, свои права, которых не желало признавать правительство Колчака.

Чтобы уберечь башкирские части от расформирования, а их командиров от ареста, Башкирское правительство приняло меры по их стягиванию в южные и юго-восточные районы «Малой Башкирии». В декабре 1918 г. башкирские войска были сконцентрированы на линии фронта, тянувшейся от Уфы до Оренбурга. Башкирское военное командование расположилось в селе Ермолаево (ныне центр Куюргазинского района РБ). Хотя башкирское командование стремилось избежать вооруженных столкновений как с белыми, так и красными, но в конце декабря – начале января 1918–1919 гг. в южных районах «Малой Башкирии» произошли бои с красными отрядами. Под Мелеузом красные части атаковали Второй башкирский полк. Не желая допустить кровопролития, полк отступил на юг в направлении населенных пунктов Тляумбетово–Юмагузино–Мраково. Но все же избежать сражения башкирскому полку не удалось. У дер. Нукаево (ныне Кугарчинский район РБ) состоялся бой. Красные после этого боя были вынуждены отойти обратно на свои позиции, а башкирские части постепенно стали пробираться через населенные пункты современного Бурзянского района в направлении села Темясово, где находилось в это время Башкирское правительство². В середине декабря бои также происходили под Стерлитамаком, в частности у населенных пунктов Петровское, Ахмерово (ныне Ишимбайский район РБ). Но в связи с тем, что башкирские войска не получали ни боеприпасов, ни продовольствия и обмундирования, они оказались в чрезвычайно тяжелом по-

¹ Юлдашбаев Б. Х. Новейшая история Башкортостана. Уфа, 1995. С. 99.

² ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 399. Л. 71.

ложении. Поэтому башкирские полки, находившиеся в центре Башкортостана, также с боями отходили в районы Башкирского Зауралья. В середине декабря штаб башкирских войск был переведен из Ермолаево на Кананикольский завод (ныне Зилаирский район РБ). Здесь он находился до перехода на сторону красных. Тогда же для ведения предварительных переговоров с местными органами советской власти в Уфу были направлены члены Башкирского правительства М. Халиков и Х. Сагитов. 30 января Уфимский губревком, на своем заседании с участием представителей башкирского движения, принял решение о необходимости ведения переговоров «с центральными органами РСФСР на предмет заключения договора по вопросу о Башкирии»¹. Уфимский губревком информировал Центр о начале этих переговоров. В ответ В. И. Ленин и И. В. Сталин 6 февраля телеграфировали в Уфу с требованием «не отталкивать Халикова, согласиться на амнистию при условии создания единого фронта с башкирскими полками против Колчака». Гарантировалась «национальная свобода башкир». В то же время говорилось об отсечении контрреволюционных элементов башкирского населения и установлении «фактического контроля за пролетарской надежностью башкирских войск»².

К концу 1918 г. изменилась международная обстановка: закончилась Первая мировая война, в самой Германии началась революция, был аннулирован Советской Россией Брестский мирный договор. 16 января 1919 года премьер-министр Англии Ллойд Джордж на заседании «Совета десяти» высказался за прекращение открытой интервенции против России и предложил пригласить представителей всех враждующих между собой сторон России на совещание, которое должно было состояться на Принцевых островах (Мраморное море). Слухи о подготовке этого совещания дошли и до Башкирского правительства, сделавшего вывод, что «Колчак, Дутов и Деникин не смогут идти против желания держав-союзников. Они вынуждены будут послать своих представителей на остров Принцессы (так в документе) и заключать мир с большевиками...»³ Безусловно, слухи о прекращении гражданской войны и иностранной интервенции тоже подталкивали руководителей Башкирского движения на ускорение процесса переговоров с представителями Советской власти. «Это сообщение, – пишет по этому поводу З. Валиди, – вызвало у нас большое беспокойство»⁴.

¹ ЦГИА РБ. Ф. 395. Оп. 1. Д. 35. Л. 19, 20.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 252.

³ Титеев Ш. Указ. соч. С. 41.

⁴ Тоған З. В. Указ. соч. С. 201.

8 февраля, после возвращения М. Халикова и Х. Сагитова из Уфы, в Кананикольске состоялось заседание Башкирского правительства, которое одобрило деятельность Халикова и решило вести переговоры на уровне правительства РСФСР. Было решено направить в Москву делегацию в составе председателя Башкирского правительства М. Кулаева, члена Башкирского центрального шуро М. Халикова и адъютанта командующего Башкирскими войсками А. Бикбавова¹.

Интересно отметить, что переход Башкирских войск на сторону советской власти был согласован с руководителями Западного Казахстана. З. Валиди уведомил их об этом в своем письме, где сближение с большевиками называлось мерой вынужденной из-за крайней враждебности Колчака к башкирскому движению и указывалось на отсутствие доверия к Советам. «Может быть поэтому однажды придется от них отделиться и продолжить начатую против них борьбу» – заключил он в своем письме². «Тактический маневр, вынужденный безвыходным положением» – так характеризовали наши ученые, опираясь на это письмо, решение З. Валиди и его единомышленников о переходе на сторону советской власти³. Здесь важно обратить внимание на то, что подобная оценка действий З. Валиди была связана с идеализацией «ленинской национальной политики» Советского правительства. З. Валиди, уже испытавший на себе все прелести большевистского понимания национального вопроса (тюрьма, расстрелы, нетерпимое отношение к демократическим принципам и т. д.) имел основание не доверять большевикам. Ленинский тезис о тесной связи решения национального вопроса с классовой борьбой, диктатурой пролетариата заставлял З. Валиди и его сподвижников совершать различные маневры, чтобы выжить самим и сохранить автономию. В конечном счете лидер Башкирского движения оказался прав: ему действительно пришлось «продолжить начатую борьбу» с большевиками в Туркестане, затем за рубежом. В этой связи следует отметить, что слишком резким и односторонним является суждение о Валиди, как о человеке, «зараженным до мозга костей буржуазной идеологией», и обвинения его в том, что он, вступая на путь компромисса с советской властью, не отказался от своих «буржуазно-националистических планов», хотел при Советах сохранить «буржуазную автономию с господством байской верхушки»⁴. З. Валиди искренно хотел

¹ *Кульшарипов М. М.* Указ. соч. С. 51.

² *Типеев Ш.* Указ. соч. С. 41.

³ *Аминев З. А.* Указ. соч. С. 398.

⁴ *Любимов В., Юлдашбаев Б. Х.* Ленин и самоопределение наций. Чебоксары, 1967. С. 106.

сотрудничать с советской властью, хотя он уже тогда прекрасно понимал, что идя на сближение с ней, жертвует идеалами свободы и демократии. Не следует забывать, что лидер Башкирского национального движения был приверженцем социалистических, демократических идей, но воспринимал их не с большевистских позиций, и попытка изобразить его носителем реакционной буржуазной идеологии не выдерживает критики.

Колчаковское командование, узнав о настроении башкир, о желании Башкирского правительства найти общий язык с большевиками, сделало последние, отчаянные усилия по предотвращению перехода Башкирских войск на сторону Красной армии. 29 января 1919 года начальник штаба Верховного командующего генерал Лебедев передал командующему Западной армией генералу Ханжину шифрованную телеграмму, в которой говорилось: «Верховный правитель повелел найти и арестовать главу Башкирского правительства Валидова, предать полемому суду за государственную измену»¹. Поразительно то, что даже в условиях четко обозначенного решения руководителей башкирского движения порвать с Колчаком, его правительство не хотело идти ни на малейшие уступки башкирам, о чем свидетельствует приказ белого командования начальнику штаба Башкирских войск, в котором делался упор на то, что «бывшее Башкирское правительство должно немедленно послать доклад телеграфом и письменно о признании Русского правительства»². Назначенный Колчаком еще 24 января начальником Башкирской дивизии генерал-майор Савич-Заболоцкий обратился с воззванием к башкирскому населению с просьбой возобновить работу кантональных управлений и донести ему об исполнении. Он же выпустил обращение к казакам с требованием «прекратить бесчинства над башкирами», желая расположить последних к себе³. Но эти действия генерала, навязанные башкирам Колчаком, были уже запоздалыми. Однако генералы не теряли надежды «вернуть башкир» и среди них распространяли воззвание с призывом сохранить верность «Верховному правителю». В воззвании «От казаков к башкирскому народу» говорилось: «Тяжелые дни настали для свободных детей башкир. Самозванец Валидов и его приспешники продались красным и перешли на их сторону, чтобы с ними грабить народ. Они возмутили народ против Верховного Правителя Адмирала Колчака и против казаков. Безумцы! Они не поняли стремления Верховного Правителя, казаков и

¹ Аминев З. А. Указ. соч. С. 394.

² Там же. С. 396.

³ Там же.

союзников создать единство и правопорядок в России. Чтобы оправдать себя, Валидов говорит: «Верховный правитель не считается с башкирским народом – он не дал ему ни вооружения, ни денег, ни продовольствия. Это ложь!». Далее в воззвании описывается, как Колчак помогал башкирам, и что он за равноправие, и что победа над правительством комиссаров неизбежна, ибо на помощь придут союзники, победившие Германию, и т. д.¹

Безусловно, данное воззвание Колчака, где нет ни слова о самоопределении башкир, не могло оказать влияние на настроение башкирского национального движения. В то же время группа Курбангалеевых, враждебно относящаяся к З. Валиди, выступила с поддержкой Колчака. После известного «государственного переворота» Курбангалеевы направили поздравительную телеграмму «Верховному Правителю», где говорилось, что и башкирский народ «всегда был сторонником единой власти»². 15 февраля 1919 года Курбангалеевы и их сторонники побывали на приеме у Колчака, который обещал «свою поддержку в удовлетворении башкирских нужд, включая даже самоопределение по административным делам с устройством самоуправления башкир вроде казачества»³. Курбангалеевцы пытались доказать башкирам несостоятельность надежды Валиди и его последователей получить из рук большевиков подлинную самостоятельность для Башкортостана. Им удалось увлечь за собой часть башкирского населения Аргаяшского и Яланского кантонов, солдат 3-го башкирского полка. Однако Колчак со своими обещаниями «самоуправления» явно опоздал. Неисполненным остался и его приказ, адресованный командующему Западной армией о немедленном аресте З. Валиди и М. Кулаева⁴. Башкирское правительство твердо и окончательно решило перейти на сторону Советов.

Итак, башкирское национальное движение с октября 1917 г. по февраль 1919 г. прошло сложный путь борьбы за территориальную автономию, которая была провозглашена в ноябре 1917 г. Из-за негативного отношения местных партийных и советских органов к идее автономии башкирское национальное движение оказалось в лагере белых. Но действия белых генералов, выступающих за «единую неделимую Россию», вынудили Башкирское правительство и войска перейти на сторону советской власти и Красной Армии и продолжить движение за автономию в новых условиях.

¹ ЦГИА РБ. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 42. Л. 4.

² ЦГА ОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 4. Л. 95.

³ Юлдашбаев Б. Х. Новейшая история Башкортостана. Уфа, 1995. С. 100, 101.

⁴ Аминев З. А. Указ. соч. С. 397.

ГЛАВА IV

СОГЛАШЕНИЕ 20 МАРТА 1919 ГОДА О СОВЕТСКОЙ АВТОНОМИИ БАШКОРТОСТАНА И БОРЬБА ЗА ЕГО ПРЕТВОРЕНИЕ В ЖИЗНЬ

§ 1. Переход башкирских войск и правительства на сторону советской власти и Красной Армии

Великодержавная политика Колчака, не желавшего сделать ни малейших уступок башкирскому национальному движению, ускорила ход событий. В соответствии с решением Башкирского правительства от 8 февраля 1919 г. башкирская делегация в составе М. Кулаева, М. Халикова, А. Бикбавова и секретаря Г. Карангачева выехала в Уфу, где надлежало обсудить проект предварительного договора об условиях перехода на сторону красных. В Уфе 19 февраля состоялось заседание с участием представителей правительства РСФСР М. Султангалиева, Уфимского ревкома – Б. Нимвицкого, губкома партии – В. Седенкова и Реввоенсовета 5-й армии – В. Смирнова. На этом совещании члены башкирской делегации ответили на многочисленные вопросы представителей советской власти и Красной Армии, касающиеся обстоятельств и условий перехода. Здесь же были обсуждены вопросы, связанные с дальнейшей судьбой башкирских войск и правительства, а также предварительный проект договора об автономии Башкортостана¹. Заседание приняло решение не подписывать пока проект предварительного договора между Башкирским правительством и представителями Советской власти, а переслать его в Симбирск, в Реввоенсовет Восточного фронта, куда переносились дальнейшие переговоры. Для их ведения «представители Башкирского правительства должны немедленно выехать в г. Симбирск»².

¹ ЦГА ОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 4. Л. 94–96.

² Образование Башкирской АССР. С. 214.

Проект предварительного договора состоял из семи пунктов. Первый пункт проекта гласил: «Башкирскому народу гарантируется автономия при условии, если власть в Башкирской Советской Республике будет организована на основе Советской Конституции, утвержденной 5-м Всероссийским Съездом Советов 10 июня 1918 г.». Далее говорилось о недопущении репрессий в отношении членов Башкирского правительства «за свою минувшую деятельность». Указывалось, что башкирские войска прекращают военные действия против советских войск и обращают оружие против Колчака и Дутова, руководствуясь действиями советских войск в соответствии с приказами советского командования, или же переходят на территорию, занятую войсками Советской России. Башкирское правительство обязывалось немедленно выпустить воззвание к башкирскому народу «с оповещением о состоявшемся предварительном соглашении и с призывом прекратить борьбу против Советской республики». Отмечалось, что до окончательного соглашения с Центром власть Башкирского правительства не распространяется на территорию, занимаемую Советскими войсками. По проекту, окончательное соглашение «должно быть заключено в Центре, куда Башкирское правительство высылает своих полномочных представителей»¹.

К этому времени (т. е. к середине февраля 1919 г.) башкирское войско, состоящее из 5 пехотных и 2 кавалерийских полков, было дислоцировано в районе Красная Мечеть (Мраково) – Кананикольск-Темясово (Кугарчинский, Зилаирский и Баймакский районы Республики Башкортостан). 9 февраля 1919 года командующий башкирскими частями вошел в связь с командующим 5-й армией Восточного фронта. Реввоенсовет 5-й армии одобрил предстоящий переход башкирского корпуса на сторону Красной армии и выразил готовность приступить к совместным операциям против Колчака и Дутова. З. Валидов сообщил командованию 5-й армии все известные ему военные тайны, сведения о расположении башкирских частей в долинах рек Белой и Ика, в районе Кананикольска. По его же представлению, башкирский корпус совместно с частями Красной Армии должен был занять Верхнеуральск и оттуда двинуться на Троицк или Челябинск².

14 февраля З. Валиди направил письмо частям 1-й армии Гая, находящимся близко к районам сосредоточения башкирских полков. В нем он предлагал прекратить военные действия ввиду пред-

¹ *Тунеев Ш.* Указ. соч. С. 48, 49.

² ЦГИА РБ. Ф. 395. Оп. 1. Д. 35. Л. 19, 20.

стоящего перехода башкирских полков на сторону Красной армии. Однако командир 1-й бригады Пензенской дивизии Зеленков высокомерно заявил о том, что его полки «в башкирах не нуждаются», что с ними как «контрреволюционерами разговора быть не может» и автономии башкир он не признает¹.

Подобные действия командиров 1-й армии Восточного фронта показали, что переход Башкирского правительства и войск целого воинского соединения со многими отдельными вспомогательными частями на сторону советской власти при крайней подозрительности белого и недоверии красного командования будет делом сложным. Эта драматическая страница в истории башкирского народа и его войск со всеми ее перипетиями отражена в «Воспоминаниях» З. Валиди. Вот как он описывает это событие: «Политику и программу красных хорошо знал наш народ, к тому же мы воевали против них. Поэтому убедить войска и членов правительства в одночасье перейти на сторону красных было делом нелегким. Чтобы сведения о наших планах не просочились в стан врагов, ведение переговоров мы скрыли от войск. Нужно было задуманное воплотить в жизнь очень быстро, более того, в один и тот же день объявить о своем решении войскам и совершить переход. Генерал Акулинин писал позднее в своих воспоминаниях, что оренбургским казакам этот шаг давался чрезвычайно трудно, а вот вера башкирских войск и народа в свое правительство, а главное – в меня, позволила нам совершить переход в организованном порядке»².

В этой сложнейшей обстановке 18 февраля 1919 года Башкирское правительство и войска в с. Темясово объявили, что считают себя окончательно перешедшими на сторону советской власти и «начинают беспощадную борьбу с врагами революции, свободы и самоопределения наций – Колчаком, Дутовым и всеми мировыми империалистами». Согласно приказу по башкирскому войску «все лица, пытающиеся бежать и уклоняться от службы революции», задерживались и доставлялись в штаб башкирского войска в с. Темясово³. В другом приказе, извещающем о начале военных действий против Колчака и Дутова, были определены места дислокации отдельных башкирских частей и их совместные действия с частями Красной Армии⁴.

¹ Юлдашбаев Б. Х. Соглашение Центральной Советской власти с Башкирским правительством о советской автономии Башкирии // Октябрьская революция и рождение Советской Башкирии. Уфа, 1959. С. 198.

² Тоган З. В. Указ. соч. С. 283.

³ Образование Башкирской АССР. С. 202.

⁴ Там же. С. 203.

Переход башкирских войск на сторону Красной Армии неоднозначно воспринимался руководителями башкирского движения. Имели место колебания, сомнения и случаи сугубо отрицательного отношения к этому факту. Так, Третий башкирский полк, находившийся под влиянием Курбангалеевых, остался в лагере белых. Часть офицеров, а именно полковник Бикмеев, подполковник Еникеев, полковник Емельянов и несколько человек среднего командного состава, забрав ценные документы и денежные средства башкирских частей, бежали в ставку Дутова¹. Сам З. Валиди с тяжелым сердцем следил за происходящим, о чем он писал позже в своих «Воспоминаниях»: «20 февраля полки на моих глазах перешли на сторону красных. Я наблюдал за движением войск, сидя на санях, запряженных парой лошадей... Приветствуя солдат, я с трудом сдержал слезы. Многие солдаты плакали. Когда переход закончился, я припал к плечу вестового Ахметзяна и зарыдал навзрыд. За всю свою жизнь я не плакал так, как тогда. Мы пожертвовали идеалами свободы и демократии, мы отдали их в руки Таболиных, Колесовых*, склонили головы перед врагами, с которыми боролись с таким упорством, положили к их стопам наши чаяния и волю, не зная, в каких целях нами воспользуются. Мне представлялись картины мрачного будущего нашего народа. Предположение, что дальнейшая судьба войск будет трагичной, было слишком реальным. Исходя из интересов политики большевиков в отношении к восточным народам, я еще верил, что наша жизнь все же будет сохранена. Однако добровольный отказ от демократических путей перехода нации к свободному существованию был для меня подобен самоубийству»². Предчувствия З. Валиди оказались не беспочвенными, о чем речь пойдет позже.

По данным военного ведомства Башкирского правительства, на сторону Красной Армии перешли 1-й стрелковый полк – 800 солдат, 2-й стрелковый полк – 715 солдат, 4-й стрелковый полк – 570 солдат, 5-й стрелковый полк – 720 солдат, 6-й стрелковый полк – 650 солдат, 1-й кавалерийский полк – 840 солдат, 2-й кавалерийский полк – 1100 военнослужащих, запасной стрелковый полк – 570 солдат, комендантская, караульная, конвойная, этапная, обозная команды и команда связи при штабе войск и штабах 1 и 2-й дивизий, отдельные саперные команды, которые в совокупности насчи-

¹ ЦГА ОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 393. Л. 73.

* Тоболин И. О. – один из руководителей туркестанских большевиков; Колесов Ф. И. – большевик с 1917 г., председатель СНК Туркестанского края (с ноября 1917 г.).

² *Тоган З. В. Указ. соч. С. 286.*

тывали 901 человека. Приблизительно общая численность перешедших на сторону Красной Армии башкирских солдат и офицеров составляла 6,5 тысячи человек¹.

Р. М. Раимов и З. А. Аминев считают, что 18 февраля на сторону Красной Армии перешло около двух тысяч башкирских солдат². Эта цифра явно занижена: в пяти перешедших стрелковых и двух кавалерийских полках, во вспомогательных командах было гораздо больше солдат и офицеров, что видно не только из приведенных нами данных, но и из других источников³. Сам З. Валиди, отвечая на запрос Москвы о численности башкирских солдат в связи с необходимостью их обеспечения вооружением и обмундированием, говорил о 10 тыс. военнослужащих, для вооружения которых просил у Реввоенсовета 5-й армии 10 тыс. винтовок и обмундирование на 5 тыс. человек⁴. Возможно, З. Валиди несколько завысил численный состав башкирских войск, но конечно же, не в 5 раз.

Башкирское правительство, в соответствии с решением уфимских переговоров, обнародовало «Воззвание командования башкирского войска к солдатам-башкирам в связи с их переходом на сторону Красной Армии». В нем разоблачались Колчак и Дутов как выразители интересов «помещиков, фабрикантов и толстопузых купцов», говорилось, что они никогда не дадут башкирам «свободную Башкирию», в то время как «Советская власть за самоопределение народов». В «Воззвании» были упомянуты и «изменник Курбангалеев и прочие враги народа», которым нет места в Советской России и «свободной социалистической Башкирии»⁵. Выдающийся башкирский поэт Шайхзада Бабич в те дни написал свое знаменитое «Обращение в стихах к башкирскому народу» («Большевиктар менен килешеу туралы башкорт халкына койло хитап»), в котором доступным языком разъяснял башкирскому населению причины этого перехода на сторону красных, опровергая широко распространяемые в то время не только белыми, но и башкирскими большевиками клеветнические измышления вокруг имени З. Валиди⁶. В газете «Кызыл яу» («Красная рать»), выпускаемой на татарском языке политотделом 5-й армии, 19 февраля,

¹ *Кульшарипов М. М.* Указ. соч. С. 128, 129. См.: Очерки по истории Башкирской АССР. Т. II. Уфа, 1966. С. 119.

² *Раимов Р. М.* Образование Башкирской АССР. М., 1952. С. 246; *Аминев З. А.* Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии. Уфа, 1966. С. 397.

³ ЦГИА РБ. Ф. 395. Оп. 1. Д. 35. Л. 2.

⁴ ЦГА ОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 399. Л. 72.

⁵ Образование Башкирской АССР. С. 206.

⁶ *Бабич Ш.* Весенняя песнь. Уфа, 1995. С. 245–254.

т. е. на следующий день после перехода башкирских войск и правительства на сторону советской власти, было опубликовано обращение известного башкирского революционера Ш. Худайбердина «К башкирской бедноте». В нем он клеймил империалистов и заодно З. Валиди, мечтавшего будто бы «стать башкирским ханом» и затопившего «в крови бедный, забитый башкирский народ» и т. д., и т. п. Худайбердин закончил свое обращение призывом: «Долой диктатуру Валидова, обманувшего башкирскую бедноту, затопившего Башкирию в крови»¹. Этот призыв башкирского большевика, появившийся после перехода башкирских войск на сторону красных, никак не способствовал оздоровлению обстановки в Башкортостане, а наоборот, создавал почву для репрессивных действий как против башкирских солдат, так и башкирского населения, что и случилось на самом деле.

Башкирское правительство не ограничилось лишь обнародованием обращений к башкирскому населению. 18 февраля член Башкирского правительства Ш. Тухватуллин был командирован в Кананикольск для достижения договоренности с командованием I-го Смоленского полка по вопросу о координации совместных действий против Колчака и Дутова. Тогда же для разъяснения башкирским солдатам содержания приказа о переходе на сторону советской власти на места расположения башкирских частей были направлены особоуполномоченные от имени штаба башкирского войска². Они, как правило, проводили общие собрания военнослужащих и выступали на них с разъяснением причин перехода к красным. Так, 18 февраля состоялось общее собрание «чинов 6-го стрелкового полка», которое, бурно обсудив создавшуюся ситуацию, единогласно вынесло следующее решение: «В силу того, что Комитет Всероссийского Учредительного собрания вошел в контакт с Уфимским ревкомом, мы, солдаты и офицеры, муллы и лектора, увидели в этом объединение демократических сил... против реакции справа и единогласно одобряем»³. В данном случае интересным является то, что особоуполномоченные, оправдывая действия Башкирского правительства по сближению с Советами, делали упор на установление таких же контактов с большевиками бывших своих союзников – самарских учредилковцев.

В нашей историографии бытовало мнение о полном разложении башкирских частей к началу 1919 г. и отсюда – о чрезвычайной

¹ Образование Башкирской АССР. С. 207, 208.

² ЦГА ОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 4. Л. 109.

³ Там же. Д. 9. Л. 165.

слабости участка колчаковского фронта, занимаемого ими¹. Но, по признанию самих белых генералов и других очевидцев, переход башкирских войск на сторону Красной Армии значительно ослабил позиции Колчака на южном фланге Восточного фронта. Один из сторонников Колчака в апреле 1919 г. писал, что «... предательство Валидова принесло немало затруднений в борьбе с большевиками на Оренбургском фронте»². Весьма интересны в этом плане воспоминания генерала И. Г. Акулинина, признавшего, что «благодаря измене и уходу с фронта башкир правый фланг Бузулукской группы оказался обнаженным. В свою очередь на Актюбинском направлении красные перешли в решительное наступление и совершенно неожиданно для штаба Оренбургской армии заняли г. Илецкая Защита (в 60 верстах южнее Оренбурга)»³. Недаром Колчак, по свидетельству генерала К. Гоппера, узнав об этом переходе, «начал рвать на себе волосы»⁴.

После перехода башкирских войск на сторону Красной Армии В. И. Ленин, желая немедленно включить их в борьбу против белых, 19 февраля дал указание Реввоенсовету Восточного фронта потребовать от них «либо разоружения, либо немедленных действий против Колчака»⁵. Это ленинское требование свидетельствует о том, что Центр с недоверием относился к башкирским частям. Такие же настроения господствовали и среди командного состава 1-й и 5-й армий Восточного фронта, что проявилось в искусственном затягивании ими выполнения условий перехода, в попытках разоружить башкирских солдат и наказать руководителей башкирского движения⁶.

21 февраля в с. Темясово состоялся I Всебашкирский военный съезд. На съезде приняли участие 92 делегата, избранные общим собранием рот и эскадронов, командиры полков и дивизий, члены Башкирского правительства и Шууро. На рассмотрение съезда были вынесены вопросы о состоянии дел на текущий момент, о переговорах с советской властью, о создании Временного револю-

¹ Гужвенко Г. И. Башкирия в борьбе за Октябрь. Краткий исторический очерк. Уфа, 1941. С. 94.

² Самсонов В. К. На пути к возрождению. Омск, 1920. С. 3.

³ Акулинин И. Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917–1920. Шанхай, 1937. С. 103.; См.: *Тоган З. В.* Воспоминания. М., 1997. Примечания. С. 547.

⁴ Гражданская война в Сибири и Северной области. Мемуары. Революция и гражданская война в описании белогвардейцев. Т. IV. М.; Л., 1927. С. 57.; *Тоган З. В.* Воспоминания. М., 1997. С. 547.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 259.

⁶ Образование Башкирской АССР. С. 202, 246.

ционного комитета и о реорганизации башкирских войск. На торжественном открытии съезда поступило предложение избрать почетным председателем съезда З. Валиди, и оно было принято единогласно*. Съезд, заслушав доклад И. Алкина, начальника штаба башкирских войск, о текущем моменте, одобрил переход башкирских войск на сторону Красной Армии, а также все шаги, направленные на достижение соглашения с советской властью об автономии Башкортостана. На съезде был образован Временный революционный комитет Башкортостана – Башревком, в состав которого вошли 12 членов и 6 кандидатов в его члены. От имени съезда Башревкому передавалась вся полнота власти в Башкирской Советской Республике, поручалась организация на местах городских, кантонных, волостных и аульных (сельских) советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и созыв Всебашкирского съезда советов, который должен был сформировать постоянный орган власти. Съезд постановил выборы председателя Ревкома поручить самому Ревкому. Вопрос о реорганизации башкирского войска было решено отложить до ознакомления с устройством Красной Армии. От имени съезда были направлены приветственные телеграммы «вождям Российской и мировой революционной демократии товарищам Ленину и Троцкому, а также вождю свободной Башкирии тов. З. Валидову»¹. В приветственной телеграмме В. Ленину и Л. Троцкому съезд заявил, что башкиры-солдаты, «присоединив Башкирскую Советскую Республику к РСФСР, дружно ударят совместно с РК Красной Армии по врагам социалистической революции»².

22 февраля Башкирское правительство от своего имени издало приказ № 24 о передаче всей полноты власти на территории Башкирской социалистической советской республики избранному на I Всебашкирском военном съезде Временному революционному комитету³.

На следующий день на заседании Башревкома были образованы комиссариаты и отделы, состоялись выборы народных комиссаров. Председателем Башревкома и одновременно военным комиссаром республики был единогласно избран лидер башкирского национального движения З. Валиди. Пост комиссара народного про-

* В работе съезда З. Валиди участия не принимал. Он находился в Оренбурге. Затем, по распоряжению центральных властей, выехал в Москву. (См.: *Тоган З. В. Воспоминания*. Кн. 1. С. 287).

¹ ЦГИА РБ. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–4.

² Образование Башкирской АССР. С. 221.

³ Там же.

свещения занял А. Ягафаров, труда – И. Алкин, финансов и здравоохранения – Г. Куватов, юстиции – Ю. Бикбов, внутренних дел и национальностей – Ф. Тухватуллин, продовольствия – А. Адигамов, заведующим информационно-агитационно-организационным отделом стал С. Магазов, председателем Совнархоза БССР был избран Г. Карамышев, заместителем командующего войсками и военного комиссара – И. Алкин¹. Рассматривались на заседании Ревкома и вопросы о принятии мер по защите башкирского народа от террора казаков².

Но Башревком не предвидел угрозу башкирскому населению со стороны частей 1-й армии (командир Г. Д. Гай) Восточного фронта, и это имело трагические для башкир последствия. Командиры Пензенской дивизии 1-й армии потребовали, чтобы башкирское войско незамедлительно сложило оружие, а солдаты его сдавались в плен. 19 февраля в селе Мраково З. Валиди встретился с командиром бригады Зеленковым и объяснил ему ситуацию. Тот пригрозил председателю Башревкома арестом и заявил, что все попытки Башкирского правительства договориться с Красной Армией бесполезны, ибо «Россия должна быть единой, без всякой автономии» и что в этой связи не собирается исполнять чьи бы то ни было указания. В таком же духе вел себя с Валиди в Оренбурге и член Реввоенсовета 1-й армии О. Калнин. От слов командеры частей 1-й армии Г. Гая перешли к делу. 1 марта было приказано разоружить 1-й стрелковый башкирский полк, сопротивлявшиеся башкирские солдаты подлежали расстрелу. 2-й батальон 1-го полка после этого случая перешел обратно к белым. З. Валиди обратился к командующему 1-й армией Г. Гаю с просьбой прекратить творящиеся безобразия, но никакого ответа не последовало. Тем временем командиры и солдаты Смоленского полка Пензенской дивизии вели себя в башкирских волостях, как жестокие оккупанты. Население башкирских деревень облагалось контрибуцией от 10 до 30 тыс. рублей. Всех башкир, выражающих протест, красноармейцы расстреливали, сжигали их дома. Началась невиданная в истории кровавая вакханалия грабежей, насилия, массовых расстрелов и издевательств над населением и башкирскими солдатами. В населенных пунктах Бурзян-Тангауровского кантона Байназарово красноармейцы расстреляли 18 человек, в дер. Кашкарово – 11 человек. Хутора Кашкат и Бурангулово были сожжены дотла, в последнем бы-

¹ Образование Башкирской АССР. С. 222.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1318. Оп. 3. Д. 1. Л. 1.

ло убито 11 человек. В селе Старо-Субхангулово (ныне центр Бурзянского района) красноармейцы разбили все оставленные на зимовку пчелиные колоды, чтобы изъять мед, конфисковали у населения продукты питания, теплую одежду. Одна из виднейших башкирских женщин, учительница из дер. Баево (Туембетово) Бурзян-Кипчакской волости (ныне Кугарчинский район) Зухра Жданова была изнасилована в один день 21 красногвардейцем и как пленница отдана в распоряжение одного проходимца. Специально командированный Башкирским правительством для ее освобождения человек был арестован красными и расстрелян. Но наиболее трагическим для всего башкирского народа стало злодеяние, совершенное красноармейцами в селе Зилаир. Там были схвачены и замучены до смерти выдающийся башкирский поэт Шайхзада Бабиш и его друг, тоже молодой поэт Абдулхай Иркабаев. Они были заняты перевозкой архива и типографии Башкирского правительства из Темясово в Мраково. Классику башкирской литературы, идеологу и певцу башкирского национального движения было всего 24 года. Лидер башкирского движения З. Валиди тяжело переживал эту невосполнимую утрату, и в дальнейшем Башревкомом была создана комиссия для «расследования обстоятельств смерти двух, столь дорогих для башкирского народа поэтов»¹.

Солдаты башкирских частей, загнанные за колючую проволоку, голодные, раздетые, тоже подвергались массовым расстрелам. По пути продвижения в Кананикольск, где находился штаб Пензенской дивизии, были расстреляны 35 солдат 1-го башкирского кавалерийского полка. Они подверглись неслыханным издевательствам. Командир полка Муса Муртазин, человек исключительно храбрый и горячий, как его характеризует З. Валиди, возмущенный этими издевательствами и расстрелами, вновь перешел на сторону Колчака. Для него этот переход был целой трагедией, ибо среди командиров башкирских частей он считался самым левым и в свое время приложил немало усилий для сближения башкирского движения с советской властью. М. Муртазин не просто увел свой полк в стан белых, а под Темясовом разбил и уничтожил Смоленский полк, который печально прославился своими бесчинствами в башкирских деревнях.

В циркулярном письме Реввоенсовета Южной группы Восточного фронта, подписанном В. Куйбышевым, сообщалось, что «не наблюдалось стремления достигнуть соглашения с представителями автономного Башкирского правительства, а в передовых статьях

¹ ЦГИА РБ. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 128. Л. 50 об.

официального органа говорилось даже о необходимости ареста Башревкома. Распоряжение Ревсовета Востфронта об отпуске 50 тыс. пудов муки голодающему населению Башкирии не было исполнено»¹. Следует подчеркнуть, что бесчеловечные отношения частей 1-й армии нашли поддержку и благословение Оренбургского губисполкома, который не воспринимал идею самоопределения народов. Особо непримиримую политику проводил по отношению к башкирскому движению руководитель Оренбургского губисполкома А. Коростелев, человек откровенно шовинистических взглядов².

В этой сложной ситуации еще 22 февраля З. Валиди связался с И. Сталиным и заявил ему о том, что Советская власть тянет с утверждением БССР, башкирские части подвергаются расформированию и репрессиям со стороны Смоленского полка 1-й армии. И. Сталин ответил, что совместно с Лениным обсудят эту информацию, а его самого просил выехать в Москву³.

26 февраля между Валиди и Сталиным состоялся очередной телефонный разговор. Военный комиссар Башревкома прежде всего настаивал на сохранении национальных полков и дивизий, выражая недоумение по поводу их расформирования. «Расформирование башкирских войск – удар по нашим политическим и национальным завоеваниям» – заявил он. Также З. Валиди говорил о насилиях и зверствах красных частей⁴ и в этой связи предупредил: «Мы отказываемся проводить в жизнь Башкирскую Советскую республику, если войска не будет. Кто выразитель воли Советской власти? Кто занимается расформированием наших частей: командиры 1-й Пензенской дивизии или же те парламентареры, с которыми мы вели переговоры в Уфе?» Он просил дать конкретный ответ на вопрос: «Признает ли Советская власть нашу автономию, и сохраняют ли наши войска»? З. Валиди также уведомлял Сталина, что сможет выехать в Москву через десять дней, т. е. только после подписания в Реввоенсовете Восточного фронта предварительного соглашения⁵.

На следующий день он связался с М. Кулаевым, главой башкирской делегации, находящейся в Симбирске, и узнал от него, что 27 февраля в Реввоенсовете Восточного фронта подписано предварительное соглашение, в котором говорится о гарантии автономии башкирскому народу при условии, если власть в БССР будет орга-

¹ Образование Башкирской АССР. С. 248–251.

² Там же. С. 246.

³ ЦГИА РБ. Ф. 395. Оп. 1. Д. 35. Л. 14.

⁴ Там же. Л. 23.

⁵ Там же. Л. 32.

низована на основе Советской Конституции. Окончательное соглашение предстояло заключить в Москве, куда выехала башкирская делегация на следующий день. Туда же должен был выехать и З. Валиди, захватив с собой все необходимые данные о границах «Малой Башкирии»¹. Перед поездкой в Москву З. Валиди связался с М. Султангалиевым, председателем Центральной мусульманской военной коллегии (ЦМВК) при Наркомвоенморе по поводу разрушения башкирских частей и отношения Центра к предстоящему подписанию договора об автономии. М. Султангалиев сообщил З. Валиди о представленном им разъяснении военному руководству РСФСР о том, что «башкиры перешли к нам вовсе не потому, что их к этому принудило военно-стратегическое положение, а потому, что произошел перелом в их сознании в смысле признания необходимости Советской власти и отдачи всех своих сил против Колчака». На случай, если Башревкому «не удастся добиться сохранения своих дивизий», он предлагал поставить вопрос «о создании татаро-башкирских частей». Имея в виду враждебные действия отдельных частей Красной Армии по отношению к башкирским солдатам и населению, М. Султангалиев заявил З. Валиди: «Откровенно говоря, Вы сами испортили Ваше дело своей поспешностью в переходе в Уфе. Соглашение между Вашими представителями не было целиком достигнуто»².

Тем временем Башревком 6 марта на своем экстренном заседании утвердил содержание предварительного договора, полученного по телеграфу от М. Кулаева. Теперь предстояло решить вопрос о Башкирской автономии непосредственно в Москве.

§ 2. Подписание «Соглашения Центральной Советской власти с Башкирским правительством о Советской Автономной Башкирии» и трудности его реализации

7 марта 1919 г. делегация Башкирского правительства в составе М. Кулаева, председателя Башкирского правительства, М. Халикова, члена Башкирского шуро, А. Бикбавова, адъютанта командующего башкирскими войсками, прибыла в Москву, о чем И. В. Сталин сообщил в телеграмме Оренбургскому и Уфимскому губкомам РКП(б). В ней же подчеркивалось, что ЦК обязывает партработников внимательно отнестись к нуждам башкирских

¹ ЦГА ОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 394. Л. 184–187.

² ЦГИА РБ. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 42. Л. 12, 12а, 13.

трудовых масс и оказать им помощь в деле строительства Советов в Башкирии¹.

В начале марта в Москву прибыл председатель Башревкома З. Валидов и, как он пишет, там у него состоялись встречи со Сталиным, Троцким, Каменевым, Пятаковым и другими большевистскими лидерами. 17 марта З. Валиди и М. Кулаев были на приеме у В. И. Ленина. Поскольку Ленин готовился к VIII съезду партии, встреча была недолгой, и речь шла главным образом о национально-колониальном вопросе².

Тем временем башкирская делегация целенаправленно делала все для достижения соглашения об образовании автономии. 16 марта вопрос о соглашении с Башкирским правительством рассматривался на заседании ЦК РКП(б) с участием В. И. Ленина. Обсуждался вопрос «о договоре с Башкирской Автономной Советской Республикой»³. 18 марта газета «Известия ВЦИК» сообщила о состоявшемся «соглашении между делегацией Башкирского правительства и представителями Советской власти»⁴.

19 марта В. И. Ленин на очередном заседании VIII съезда РКП(б) говорил о подписании соглашения с Башкирским правительством. Он, касаясь башкирского вопроса, для сравнения обратил к факту предоставления права на самоопределение буржуазному правительству Финляндии. В. И. Ленин заявил, что он очень хорошо помнит сцену, «когда мне пришлось в Смольном давать грамоту Свинхувуду, – что значит в переводе на русский язык «свиноголовый», – представителю финляндской буржуазии, который сыграл роль палача. Он мне любезно жал руку, мы говорили комплименты. Как это было нехорошо! Но это нужно было сделать, потому что тогда эта буржуазия обманывала народ, обманывала трудящиеся массы тем, что москали, шовинисты, великороссы хотят задушить финнов. Надо было это сделать».

А вчера разве не пришлось то же сделать по отношению к Башкирской республике? В. И. Ленин, критикуя Н. И. Бухарина, выступающего против предоставления права на самоопределение «отсталым народам» Востока России, дальше развил свою идею о необходимости признания автономных республик башкир, киргизов, целого ряда других народов с целью ускорения среди них, находя-

¹ Образование Башкирской АССР. С. 226.

² *Тоган З. В.* Воспоминания. Кн. 1. Уфа, 1994, С. 288, 289.

³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 522.

⁴ Образование Башкирской АССР. С. 227. Речь о подписанном 17 марта тексте «Соглашения».

щихся «всецело в подчинении своих мулл», процесса дифференциации. «Тут надо дождаться, — продолжал он, — развития данной нации, дифференциации пролетариата от буржуазных элементов, которое неизбежно...»¹.

Это выступление Ленина, где упор делался на социальный аспект национального вопроса и где лидеры башкирского национального движения ставились на одну плоскость с финским буржуазным деятелем Свинхувудом, о котором вождь революции говорил с издевательской насмешкой, чрезвычайно насторожило З. Валиди, и впоследствии по этому поводу он писал: «Значит, Ленин и его соратники считают соглашение с нами явлением временным. Из его слов мы поняли, что их товарищеское отношение к нам также ненадолго. В будущем нас, как узбекских мулл и финских капиталистов, они отбросят в сторону, а власть передадут в руки членов коммунистической партии, которых выпестуют со временем»².

Аналогия с самоопределением Финляндии и Соглашением об автономии Башкортостана была не совсем удачной, ибо Башкирская республика оставалась в составе РСФСР и становилась на социалистический путь развития, в то время как Финляндия получила полную самостоятельность с сохранением прежних, капиталистических порядков. Не выдерживает критики и ленинское положение об обмане финской и башкирской буржуазией народных масс, так как сами финны и башкиры были кровно заинтересованы в претворении в жизнь лозунга о праве наций на самоопределение.

Наконец, 20 марта 1919 года на заседании СНК РСФСР, проходившем под председательством Ленина, было вынесено постановление об утверждении и передаче в ЦИК Соглашения об автономной Башкирской республике. Тогда же от имени СНК РСФСР В. Ленин подписал «Соглашение центральной Советской власти с Башкирским правительством о советской автономии Башкирии». Затем этот документ был подписан и. о. председателя ВЦИК М. Ф. Владимирским, народным комиссаром по делам национальностей И. В. Сталиным, секретарем ВЦИК А. Енукидзе и членами башкирской делегации М. Кулаевым, М. Халиковым и А. Бикбавовым³. Текст «Со-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 156–159.

² Тоган З. В. Указ. соч. С. 291.

³ Образование Башкирской АССР. С. 282. З. Валиди пишет, что «Соглашение» было подписано им и А. Адигамовым. Однако в опубликованных текстах этого документа фамилии З. Валиди и А. Адигамова не встречаются. См.: Тоган З. В. Указ. соч. С. 291.

глашения» 23 марта 1919 года был опубликован в газете «Известия ВЦИК», и этот день стал считаться днем рождения Башкирской автономии.

Соглашение состояло из 16 пунктов об общественном, государственном и административном устройстве Башкирской Автономной Республики и фактически являлось ее первой Конституцией. В § I было записано, что «Автономная Башкирская Республика образуется в пределах Малой Башкирии и составляет федеративную часть, входящую в состав РСФСР». Как видно из этого параграфа, Башкирская АССР тогда была создана в рамках так называемой «Малой Башкирии»: в ее состав входили в основном южные, юго-восточные, северо-восточные районы современного Башкортостана. В «Малую Башкирию» было включено 130 волостей, в том числе 75 волостей из Орского, Оренбургского, Верхнеуральского, Челябинского и Троицкого уездов Оренбургской губернии, 41 волость из Стерлитамакского, Златоустовского и Уфимского уездов Уфимской губернии, 21 волость из Шадринского, Красноуфимского и Екатеринбургского уездов Пермской губернии и одна волость из Бузулукского уезда Самарской губернии¹. Рядом с БАССР вплоть до 1922 года просуществовала Уфимская губерния, расположенная на территории исторического расселения башкир, численность которых в ее пределах составляла более полумиллиона человек. Поэтому в дальнейшем границы Башкирской автономии были расширены.

§ II–IV определяли территорию Башкирской автономии с перечислением уездов и волостей. В § V содержалось положение о том, что железные дороги, заводы и рудники на указанной территории остаются в непосредственном ведении «центральной Советской власти» с оговоркой, что при распределении продуктов местной промышленности запросы и нужды Башкирской Советской республики удовлетворяются в первую очередь. Итак, уже по «Соглашению» республика лишилась экономической самостоятельности. Безусловно, это было продиктовано политикой военного коммунизма, но, к сожалению, и после окончания гражданской войны положение в лучшую сторону не изменилось.

В § VI определялось административное устройство БАССР. Ее территория была разделена на 13 кантонов, а кантоны, в свою очередь, делились на волости.

§ VIII определял характер Башкирской автономии, как советской республики, власть в которой организуется на основании Со-

¹ Образование Башкирской АССР. С. 227–231.

ветской Конституции. §§ IX–XI содержали положение о сохранении отдельной башкирской армии и ее статусе. З. Валиди упорно настаивал на сохранении башкирских воинских частей, подчиняющихся командованию Красной Армии, и ему действительно удалось включить в текст «Соглашения» эти важные пункты. В § XII речь шла об оказании финансовой поддержки БАССР Российской Федерацией в деле организации советской власти и проведения культурно-просветительских мер. § XIII гласил: «Вся полнота власти в пределах Башкирской Советской республики впредь до созыва съезда Советов Башкирии переходит Башревкому». По § XIV Башревком и ВЦИК взаимно делегировали двух своих представителей в названные учреждения.

По тексту «Соглашения», временно, до решения съезда Советов БАССР, столицей республики объявлялось село Темясово, где находился тогда Башревком. Но впоследствии столицей БАССР вплоть до 1922 года был город Стерлитамак.

И, наконец, последний XVI параграф, гласил, что члены Башкирского правительства, административных учреждений и общественных организаций не подлежат репрессиям за свою минувшую деятельность¹. Здесь имелось в виду пребывание Башкирского правительства в лагере белых.

В отличие от других автономных республик, которые стали создаваться с 1920 года, Башкирская Советская Автономная Республика была провозглашена в сложнейшей политической ситуации путем двусторонних переговоров, завершившихся подписанием «Соглашения».

Итак, башкирские деятели, возглавившие башкирское национальное движение еще до Октября, люди, далекие от марксистской идеологии, добились признания автономного Башкортостана. При этом коммунисты из башкир, предпочитавшие классовую борьбу решению национального вопроса, оказались, по существу, в стороне от национально-государственного строительства. Вполне понятно, что Центральной советской власти и самому В. И. Ленину не были по душе лидеры башкирского движения, которых они считали «буржуазными деятелями», отсюда всякое сотрудничество и соглашение с ними они рассматривали как явление временное. Эту тактику большевиков З. Валиди понял уже тогда, о чем свидетельствует его письмо В. И. Ленину, написанное в сентябре 1920 г. В нем он упрекал Ленина за его приверженность к идее классовой борьбы среди восточных народов и в этой связи

¹ Образование Башкирской АССР. С. 227–231.

писал: «На Востоке социальная революция не осуществима на основе искусственного классового расслоения, социальная революция у этих народов явление чрезвычайно сложное. Если капиталисты и рабочие европейских наций, объединившись, стремятся к завоеванию колоний, то крестьяне и рабочие восточных народов бывают также вынуждены объединяться со своими богачами. Вы, видя, что у восточных народов нет проявлений классового расслоения, тем не менее обвиняете их интеллигенцию, превращая одну ее часть в «мелкобуржуазного классового врага», а из другой части делаете «левых октябристов». Не раз и этих «левых октябристов» будете выводить в число классовых врагов. И уничтожив их, будете формировать все новых и новых «левых октябристов»¹. Такова была позиция З. Валиди по отношению к вопросам классовой борьбы среди башкир и других восточных народов. Предсказание З. Валиди о выведении в число классовых врагов «левых октябристов» действительно сбылось в 1937 г., когда многие башкирские деятели, не участвовавшие в национальном движении, были обвинены в национализме и репрессированы.

Несмотря на все эти нюансы, образование БАССР в марте 1919 г. имело положительное значение. Следует отметить и заслугу В. И. Ленина в деле предоставления башкирам возможности образования, хотя и урезанной, автономии. Ведь на VIII съезде РКП(б) некоторые коммунисты (Н. И. Бухарин и Г. Л. Пятаков) вообще выступили против создания Башкирской автономии. Отвечая им, В. И. Ленин заявил, что «мы не можем отказывать в этом (в признании права на самоопределение. — М. К.) ни одному из народов, живущих в пределах бывшей Российской империи»².

Образование автономии было встречено башкирским народом с большим удовлетворением. Оно было действительно громадным событием в жизни башкир. Возникли условия для дальнейшей этнонациональной консолидации башкир, для подъема национальной культуры и решения проблем социально-экономического характера.

Следует подчеркнуть, что трудно согласиться с широко распространенной среди наших исследователей точкой зрения об антисоветском характере деятельности Башревкома и самого З. Валиди с самого начала. З. Валиди, хотя и понимал шаткость положения Башревкома после известных сравнений его членов Лениным с финскими буржуазными деятелями, искренне стремился к сотруду-

¹ *Кульшарипов М. М.* Указ. соч. С. 150. (Письмо З. Валиди В. И. Ленину. Сентябрь 1920 г.)

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 158.

ничеству с советской властью и на этой основе добивался претворения в жизнь «Соглашения». В письме к И. Сталину от 2 марта 1919 года он просил не смотреть на членов Башревкома как на контрреволюционеров, ибо они готовы единодушно и до смерти поддерживать советскую власть. «Притом заявляю Вам, – продолжает З. Валиди, – что мы всегда готовы уйти из политической жизни, если этого потребует Советская система управления»¹. Такое же желание сотрудничать с советской властью неоднократно высказывалось Башревкомом и в других его документах, письмах и заявлениях².

Однако с момента подписания «Соглашения» начались нападки на Башревком, на Башкирскую автономию со стороны партийных и советских работников соседних губерний. Еще в начале марта (9, 10) 1919 г. на заседаниях Оренбургского губкома партии выносились решения против образования Башкирской автономии. В губкоме даже раздавались голоса лишь о фиктивном признании Башкирской автономии, «чтобы создать иллюзию автономии, чтобы каждый народ сам отказался от автономии». С такими циничными заявлениями выступили в марте 1919 года члены Оренбургского губкома партии М. К. Поляков, А. А. Сольц³. Уже после образования БАССР начали кампанию против нее председатель Оренбургского губкома А. А. Коростелев, член губкома, бывший активист Оренбургского МВРК Г. К. Шамигулов, о чем говорится в телеграмме ЦК РКП(б) от 5 апреля 1919 года, адресованной Оренбургскому губкому партии⁴.

Претворение в жизнь «Соглашения» было задержано и в связи с началом весеннего наступления Колчака. Еще 13 марта белые вторично взяли Уфу, а в течение марта – апреля вся территория Башкортостана была захвачена колчаковцами.

Верховный правитель А. В. Колчак в марте 1919 года самолично обратился к башкирам с воззванием, в котором говорилось о предательстве Валиди, об уничтожении большевиков в скором времени. Верховный правитель в нем клялся в «большой дружбе» к «братскому башкирскому народу»⁵.

Группа братьев Курбангалеевых, стоявшая на реакционных, монархистских позициях, также развернула агитационную работу

¹ ЦГА ОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 354. Л. 194.

² Образование Башкирской АССР. С. 300–301.

³ Там же. С. 233, 885.

⁴ Там же. С. 246.

⁵ 18 февраля 1919 г. Материалы и документы по истории перехода Башкирии на сторону Советской власти. Уфа, 1923. С. 50.

среди башкир. В июне 1919 года она даже созвала в Челябинске конференцию «общественных деятелей» башкир для рассмотрения вопроса о «спасении» Башкирской автономии от большевиков¹.

В связи с очередным наступлением Колчака в начале апреля 1919 года Башревком предпринял ряд шагов на пути официального оформления статуса Башкирского военного комиссариата и Башкирской армии. В итоге 5 апреля 1919 года Реввоенсовет РСФСР утвердил «Положение о Башкирском военном комиссариате», дающее право на формирование «отдельной башкирской армии по особому расписанию»². По приказу Реввоенсовета РСФСР от 5 апреля 1919 года было разрешено формирование стрелковой бригады из трех полков и полевой кавалерийской дивизии из четырех полков в г. Оренбурге. Ответственность за это дело возлагалась на З. Валиди³. Но в дальнейшем, по мере освобождения Башкортостана от колчаковцев, Центр отказался от идеи создания башкирской армии. Формировались отдельные национальные части: бригады, полки, дивизии, которые направлялись на самые различные фронты гражданской войны по отдельности.

После подписания «Соглашения» башкирская делегация во главе с З. Валиди прибыла в г. Самару, где находился командующий Восточным фронтом М. В. Фрунзе. З. Валиди пытался договориться с ним о направлении башкирских войск на южный фланг Восточного фронта с размещением Башкирского правительства временно в Самаре или Сызрани. Однако главнокомандующий Красной Армии И. Вацетис и Л. Троцкий отдали приказ эвакуировать Башревком в г. Саранск. «После довольно продолжительных переговоров мы были вынуждены подчиниться этому приказу», — писал по этому поводу З. Валиди⁴.

Что касается Башревкома, то он в середине марта, из-за угрозы занятия с. Темясово белыми, покинул этот населенный пункт. Началась растянувшаяся на полтора месяца эвакуация Башревкома в г. Саранск. 24 марта Башревком прибыл в с. Мраково, где находился до конца марта. Там прибытия Башревкома ждали некоторые его члены, с которыми 28 марта связался З. Валиди. Он информировал о подписании «Соглашения» и о разработке в данное время в Москве вопроса о башкирской армии. Как видно из этого

¹ Юлдашбаев Б. Х. Национальный вопрос в Башкирии на первом этапе советского национально-государственного строительства // Исторические записки. Т. 115. М., 1987. С. 70.

² Образование Башкирской АССР. С. 233

³ Там же. С. 234, 235. См. ЦГА ОО РБ. Ф. 22. Т. 4. Д. 12^а. Л. 14.

⁴ Тоган З. В. Указ. соч. С. 296.

сообщения, тогда еще не было ясности о месте размещения эвакуированного Башревкома. А. Адигамов и Ф. Тухватуллин просили З. Валиди уточнить место временного расположения Башревкома, и тот посоветовал им пока остановиться в селе Имангулово Оренбургского уезда. Касаясь обстановки в Башкортостане, А. Адигамов и Ф. Тухватуллин указали на ее сложность, подчеркнув, что на стороне Колчака в разных участках фронта действуют башкирские части, например 1-й кавалерийский полк М. Муртазина и башкирские отряды, подчиненные Курбангалеевым. 2-й башкирский полк, говорили они, сражается против Колчака и идет формирование 3-го смешанного полка. Они же отметили сложность взаимоотношений с Пензенской дивизией и Оренбургскими губернскими властями и просили З. Валиди поставить в известность об этом Центр¹.

Из Мраково Башревком направился в г. Оренбург, и по пути продвижения 3 апреля состоялся разговор З. Валиди по прямому проводу с Х. Юмагуловым. З. Валиди сообщил, что дела в Москве завершились и он назначен командующим Башкирской армией и военным комиссаром Башреспублики. Он же известил о передаче суду по распоряжению Л. Троцкого виновных в зверствах в Башкортостане Воробьева и Зеленкова. Х. Юмагулов доложил ему о ходе мобилизационных работ в башкирских волостях Оренбургской губернии².

Но, как видно из телеграммы Башревкома, адресованной Л. Д. Троцкому, в апреле 1919 года бесчинства и грабежи среди башкирского населения, творимые частями 1-й армии, продолжались: в д. Четырманово было расстреляно «семь башкир, среди них старуха 80-ти лет, изнасиловано 20 женщин, в д. Мурапталово у населения отобрано 20 лошадей, арестовано и расстреляно несколько жителей этой же деревни»³. Также указывалось, что приказ Наркомвоенмора об аресте командиров Пензенской дивизии Воробьева и Зеленкова не приведен в исполнение и они продолжают терроризировать население. Более того, говорится в ней, «Зеленков нагло заявил члену Башревкома Т. Имакову, что он напрасно не расстрелял Валидова во время его перехода на сторону советов и что он все равно расстреляет его»⁴.

Бесчинствовали и грабили башкир тогда не только регулярные части 1-й армии, но также создаваемые в крупных населенных пунктах, где проживали в основном русские, так называемые рев-

¹ ЦГИА РБ. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 42. Л. 19, 19 об.

² Там же. Л. 20, 20 об.

³ Там же. Л. 30.

⁴ Там же.

комы, имеющие при себе вооруженные отряды, набранные, главным образом, из столыпинских переселенцев. Так, Преображенский ревком со своим отрядом в 200 человек беспощадно грабил и убивал башкир Бурзянской и Усерганской волостей. Бойцы этого отряда, как видно из докладной записки председателя Усерганской волостной управы Музафарова, «произвели обыск и окончательно ограбили, взяв все, что только возможно... издевались над всеми, говоря, что «попались башкиры», «вам автономия нужна», «теперь конец башкирам». Некоторые сельчане были расстреляны¹.

Таким образом, в марте–апреле обстановка в волостях Башкортостана, где находились красные части, была чрезвычайно тяжелой. Тем не менее, Центр всячески препятствовал направлению в районы «Малой Башкирии» национальных частей.

После недолгого пребывания в Оренбурге, Башревком 19 апреля добрался до Самары, где его ожидали З. Валиди и другие члены башкирской делегации. Здесь состоялось заседание Башревкома, на котором с отчетом о командировке в Москву выступил З. Валиди. Члены Башревкома одобрили достигнутое «Соглашение» с Центральной советской властью и рассмотрели ряд организационных вопросов. В состав Башревкома были введены М. Халиков и Х. Юмагулов. Последний был избран заместителем председателя Башревкома². По прибытии Башревкома в г. Сызрань для участия в работе конференции коммунистов-мусульман Восточного фронта там был оставлен Х. Юмагулов, член партии большевиков с 1917 года. Эта конференция состоялась 29–30 апреля и на ней, наряду с другими вопросами, был заслушан и обсужден доклад Х. Юмагулова о переходе Башкирского правительства и башкирских войск на сторону советской власти и «Соглашении» о Башкирской автономии. Заслушав доклад Юмагулова, конференция одобрила переход башкирских войск на сторону советской власти, подписание «Соглашения», увидев в нем «осуществление в жизнь провозглашенного Октябрьской революцией и РКП(б) лозунга национального самоопределения». Важным следует считать решение конференции, осуждающее «всех тех, кто своими действиями отталкивает перешедшую на советскую сторону башкирскую массу». Но вместе с тем конференция высказалась за укрепление временного Башревкома «партийными товарищами»³. Возможно, под влиянием этого решения в дальнейшем некоторые башкирские деятели, перешедшие на

¹ ЦГИА РБ. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 42. Л. 30.

² ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 3. Д. 16. Л. 17.

³ Образование Башкирской АССР. С. 235–236. За исключением Х. Юмагулова в Башревком коммунистов не было.

сторону советской власти, вступили в большевистскую партию, хотя убежденными коммунистами они не стали.

В конце апреля (29) Башревком прибыл в конечный пункт назначения – г. Саранск¹. Наибольшую озабоченность у Башревкома, оторванного от Башкортостана, вызывало положение башкирского народа, оказавшегося в водовороте гражданской войны. Трагичность ситуации заключалась в том, что с ним одинаково жестоко обращались как белые, так и красные. Чтобы каким-то образом защитить башкир от произвола воюющих сторон, а также организовать мобилизацию башкирских солдат в формирующиеся в Саранске национальные части, 14 мая 1919 года Башревком решил образовать так называемый Совет уполномоченных и направить его в Токчуранский кантон Оренбургского уезда. В состав Совета уполномоченных вошли Н. Зарецкий, представитель ВЦИК при Башревкоме, ставший его председателем, Ф. Тухватуллин и И. Мути². В начале июня Совет уполномоченных расположился в конфискованном имении помещика Деева «Брод» и отсюда направлял по различным кантонам, освобожденным от белых, своих представителей, которые знакомились с обстановкой на местах, проводили волостные собрания, восстанавливали советы, собирали жалобы и просьбы граждан для дальнейшего их рассмотрения. Они, как правило, затем представляли в Совет уполномоченных письменный доклад о проделанной работе. Так, представитель Совета уполномоченных Х. Кучуков в своем докладе отмечает, что он был командирован в Бурзянскую волость, где посетил ряд башкирских деревень. В д. Нижне-Бабаларово им был освобожден арестованный милиционерами житель этой же деревни Биккузин, которого обвинили в «контрреволюционной деятельности». Он же организовывал волостные собрания в д. Верхне-Бабаларово, давал разъяснение по поводу Башкирской автономии, образовал волостную милицию, совет³. Совет уполномоченных непосредственно занимался и организацией кантонных ревкомов в освобожденных от белых районах Башкортостана.

В Саранске были внесены некоторые изменения в структуру Башревкома. 17 мая на его заседании был заслушан доклад З. Валиди о реорганизации Башревкома. Число комиссариатов было сокращено до 7. Продолжали функционировать комисса-

¹ ЦГИА РБ. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 25. Л. 37.

² ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 3. Д. 1. Л. 26 об.

³ ЦГИА РБ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 4. Л. 48, 48 об.

риаты: внутренних дел, объединяющий 8 отделов, юстиции, внешних сношений, народного хозяйства с 11 отделами, военный, по национальным делам и контролю. Руководители этих комиссариатов во главе с председателем составляли Президиум Башревкома. Башревком пополнился еще двумя членами – в его состав были кооптированы Н. В. Зарецкий и Х. Ю. Юмагулов, которые в соответствии с «Соглашением» от 20 марта 1919 года выполняли функции представителей ВЦИК. Оба они вошли в Президиум в числе 7 его членов. На этом же заседании председателем Башревкома был избран Х. Юмагулов, З. Валиди оставил за собой пост военного комиссара Башкирской автономии, на которого была возложена задача руководства формированием башкирских национальных частей и их отправки на фронт.

Большую заинтересованность в участии башкир в борьбе против белых в условиях новых наступлений Колчака, Деникина проявлял В. И. Ленин. В его телеграмме Реввоенсовету Восточного фронта от 3 июня 1919 г. указывается: «Обратите внимание на оренбургских казаков и башкир, ибо при предыдущем наступлении мы наглумили, прозевали и не использовали этих сил. Мобилизуйте их спешно...»¹. В Саранске было сформировано четыре полка (два кавалерийских и два стрелковых) – преимущественно из башкирских солдат, недавно порвавших с белогвардейцами. Хотя М. В. Фрунзе, командовавший группой советских войск Восточного фронта, считал целесообразным использовать башкирские части при освобождении Башкортостана от белогвардейцев, они были отправлены 12 июня на Южный фронт, против войск Деникина. Здесь явно прослеживается стремление Реввоенсовета РСФСР оторвать башкирских солдат от своей родной территории, изолировать их от Башревкома, о чем говорилось в письме военного комиссара Башреспублики З. Валиди, председателя Башревкома Х. Юмагулова и членов Башревкома А. Бикбазова и А. Адигамова В. И. Ленину, Л. Д. Троцкому и И. В. Сталину. В нем было заявлено, что «... преждевременная (впредь до освобождения башкирской и передней киргизской территории) отправка... башкирских полков на Южный фронт окончательно подрывает почву Башревкома для советского строительства и Башвоenkомата для работы по формированию армии... Отpravку частей в распоряжение другой армии, не дожидаясь очищения Башкирии башкирскими солдатами, рассматриваем как нарушение пункта IX

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 336. Т. 51. С. 16.

Соглашения...»¹. Однако Центр, ссылаясь на осложнение обстановки на Южном фронте, не внял просьбе Башревкома. Башкирские части сражались на Южном фронте до сентября 1919 г., они участвовали в боях под Харьковом, Полтавой, Бахмачем. По сообщениям с фронта, они сражались отважно, смело и «доказали, что автономию они сумеют удержать и достойны ее»². Прибывшие из Харькова военные представители передавали, что башкирские полки под Харьковом дрались отчаянно, враг видел в них самого дисциплинированного противника. Настроение в полках воинственное. По словам тех же представителей, «башкирские полки дерутся лихо, просто секимбашка»³.

Между тем, по мере освобождения Красной Армией территории Башкортостана, росла мобилизация башкирского населения для формирования новых национальных частей, проходившая в Белебее, Оренбурге, Стерлитамаке. В Оренбурге комплектовалась башкирская кавалерийская бригада, в которую вошли 2-й кавалерийский полк и 1-й кавалерийский полк М. Муртазина, вторично перешедший 25 августа 1919 года от Колчака к красным. В Белебее в сентябре 1919 года закончилось формирование пехотных частей⁴.

В начале сентября 1919 года В. И. Ленин обратился к Башревкому с телеграммой, в которой просил «всех передовых товарищей башкир» обеспечить «в кратчайший срок» переброску башкирских частей на защиту Петрограда от белой армии Юденича. «Сейчас, — уверял он, — когда решающие победы Красной Армии на Востоке обеспечили свободное развитие башкирского народа, решение Реввоенсовета Республики о переводе некоторых башкирских частей в Петроград приобретает исключительное политическое значение. Хищные империалисты увидят, что пробужденные народы Востока поднялись на защиту центров пролетарской революции. В то же время тесное общение вооруженных башкир с рабочими Петрограда обеспечит тесную связь и взаимное уважение в духе коммунизма»⁵. Телеграмма, как видим, была составлена в типично большевистском духе. Впоследствии Л. Д. Троцкий писал, что с возникновением угрозы выступления финнов против советского Петрограда появилось и «новое, более неотложное соображение — напугать финляндскую буржуазию призраком башкирского нашествия» или

¹ Образование Башкирской АССР. С. 277, 278.

² Там же. С. 278, 279.

³ Там же. С. 279, 280.

⁴ Раимов Р. М. Указ. соч. С. 281.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 44.

«степняков», как называл Троцкий башкирских солдат¹. Башкирские войска в Петрограде образовали сводную дивизию, затем, по прибытии башкирских частей с Южного фронта, там была создана Башкирская группа войск, состоящая из десяти тысяч человек. Группа издавала свою газету под названием «Салават». В Петроград часто наезжал З. Валиди, который совместно с командующим Башкирской группой войск Х. Алишевым занимался вопросами снабжения башкирских частей. В течение трех месяцев конца 1919 года башкирские полки участвовали в боях за многие населенные пункты, расположенные под Петроградом: Павловск, Гатчину, Ямбург. Петроградский Совет в знак благодарности за проявленный героизм и отвагу вручил башкирским войскам Красное знамя. Многие командиры и бойцы Башкирской группы войск были удостоены ордена Красного Знамени. Однако после окончания боев под Петроградом, несмотря на неоднократные обращения Башревкома в Реввоенсовет республики, башкирские войска не были направлены на Туркестанский фронт, поближе к Башкортостану².

Таким образом, башкирам, ранее воевавшим против Красной Армии, пришлось сражаться за советскую власть «во имя сохранения советской республики Башкортостан». Естественно, лидеры башкирского движения понимали, что в условиях гражданской войны башкирским войскам придется сражаться против своих бывших союзников – иначе большевики не признали бы автономию Башкортостана. При этом Башревком пытался, во-первых, отстоять, существование национальных частей, хотя и подчиняющихся командованию Красной Армии, во-вторых, добиться непосредственного участия башкирских частей в освобождении Башкортостана от колчаковцев или их сражения на одном из участков сначала Восточного, затем Туркестанского фронтов. Однако Центр, хотя и разрешил формирование национальных частей, целенаправленно и осознанно стремился оторвать их от руководства автономии, от Башкортостана, несмотря на протесты военного комиссара автономной республики. Этот факт лишний раз свидетельствует об отсутствии доверия Башревкому со стороны Москвы. В дальнейшем башкирские части, вопреки «Соглашению», были постепенно ликвидированы.

Наряду с военными делами Башревком в Саранске занимался вопросами общественно-политического характера. Понимая роль и значение большевистской партии в жизни советского общества,

¹ Юлдашбаев Б. Х. Новейшая история Башкортостана. С. 105.

² Тоган З. В. Указ. соч. С. 321.

пытаясь уйти из-под ее диктата, неусыпного контроля и надзора руководители башкирского движения стали вынашивать идею создания своей восточной партии под названием «Ирек» («Свобода»)¹. Проектируемая З. Валиди партия, по его мнению, по своей политической программе должна была стать более «радикальной и левой», чем даже коммунистическая. Экономическая часть программы была близка большевистской. Идею создания социалистической партии «Ирек» поддержали, как пишет З. Валиди, Е. М. Ярославский и Е. Д. Стасова, работавшие в секретариате ЦК РКП(б). Однако В. И. Ленин не захотел даже слушать о планах создания какой-то национальной партии. В дальнейшем З. Валиди не отказался от этой идеи, отстаивая на I Башкирской областной конференции РКП(б) проект создания «особой национальной партии коммунистов Башкортостана». А в Саранске возникло так называемое «Центральное бюро коммунистов Советской Башкирии» под председательством Х. Юмагулова, которое также добивалось создания «башкирской коммунистической организации», имеющей автономные права в вопросах партийного строительства. Но и эта организация не получила официального утверждения со стороны ЦК РКП(б)². Итак, попытка Башревкома добиться самостоятельности в военном и партийном строительстве уже в первые месяцы существования автономии, потерпела неудачу.

В Саранске были сделаны первые шаги и по достижению экономической самостоятельности республики. С этой целью 12 июня 1919 года Башревком с согласия Президиума ВСНХ принял решение об образовании Башкирского совета народного хозяйства, во главе которого был поставлен Г. Карамышев. Как видно из постановления ВСНХ, из ведения БСНХ были изъяты заводы, фабрики, рудники и другие предприятия, имеющие «общегосударственное значение». Все постановления ВСНХ в области заготовки сырья, организации и регулирования даже кустарной промышленности являлись «обязательными для БСНХ». БСНХ имел право самостоятельно заниматься лишь прокладыванием и ремонтом местного значения, постройкой зданий «для удовлетворения местных нужд», а также организацией производства чисто местного значения³. Данное постановление свидетельствует о жесткой линии Мо-

¹ Тоган З. В. Указ. соч. С. 301. Наши историки ошибочно считали, что З. Валиди пытался создать свою партию под названием «Волна». «Волна», или «Тулкын», являлась башкирской молодежной организацией, а не политической партией. См.: «Очерки истории Башкирской организации КПСС». Уфа, 1973. С. 224.

² Образование Башкирской АССР. С. 40, 896.

³ Там же. С. 271.

сквы, не желавшей допустить децентрализацию управления экономикой страны.

Эти действия центральных властей по ограничению прав автономии, стремление игнорировать интересы Башревкома вызвали уже тогда недовольство башкирских деятелей, что нашло свое отражение в их письме, направленном в июне 1919 года в адрес ЦИК РСФСР.

В нем давалась общая характеристика башкирскому национальному движению, говорилось о его целях и задачах, обращалось внимание на сложность межнациональных отношений в крае. В частности подчеркивалось, что у башкир доброжелательные и дружеские отношения с русскими переселенцами-старожилами. А вот с новоселами (т. е. с переселенцами времен Столыпинской аграрной реформы. – *М. К.*) отношения натянутые и даже враждебные: «Они пришли с помощью царских переселенческих учреждений, крестьянских поземельных банков, с сельхозмашинами, десятками лошадей и волов для наживы за счет башкир и заняли самые плодородные земли, оставив башкирам негодные». И, по мнению Башревкома, именно эти слои до сих пор проводят «активную антибашкирскую деятельность». Башревком критиковал и земельную политику ЦИК РСФСР, направленную, по его мнению, против земельных прав башкир и ведущую к очередному массовому обезземеливанию коренных жителей. Башревком выражал недовольство попыткой центральных ведомств и учреждений активно вмешиваться во внутренние дела автономии, указав, что «если же каждый комиссариат Центра Российской власти начнет самостоятельно контролировать деятельность комиссариатов Башкирии, то она будет не автономией, а советской губернией»¹.

К сложным взаимоотношениям Башревкома с Центром к концу мая 1919 года, по мере освобождения Красной Армией районов Поволжья и Приуралья, добавилась еще одна головная боль: оживили свою деятельность сторонники образования Татаро-Башкирской республики. Легитимным основанием для их претензий служило то, что за признанием самостоятельной Башкирской автономии не последовала официальная отмена положения о Татаро-Башкирской республике, подписанного Наркомнацем РСФСР 22 марта 1918 г. Татаро-башкирские трения вокруг совместной республики Москва использовала в целях еще большего усиления давления на Башкирскую республику – только этим можно объяснить нежелание советского правительства прислушиваться к вполне

¹ ЦГИА РБ. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 65. Л. 22–29.

правомерному требованию Башревкома об отмене положения о ТБСР, создавшего почву для домоганий «татаро-башкиристов». В этой связи Башревком 28 мая направил письмо Центральной мусульманской военной коллегии (ЦМВК), возглавляемой известным татарским общественно-политическим деятелем М. Султангалиевым, по поводу татаро-башкирских взаимоотношений и самоопределения башкирского народа. В нем говорилось, что «среди татарских солдат, действующих в районе Южной группы, замечается крайне враждебное отношение к башкирам, как к мирному населению, так и к солдатам». Причину этого явления Башревком объяснял деятельностью самих руководящих мусульманских организаций, проявляющих «нетерпимость по отношению к самоопределению башкирского народа», желая навязать ему «бессмысленную и опасную для наших дальнейших взаимоотношений «татаро-башкирскую теорию», путем претворения в жизнь не пользующегося поддержкой башкир проекта создания совместной Татаро-Башкирской республики. Башревком просил дать конкретный ответ: признает ли Мусульманская военная коллегия башкирский народ как отдельную от татар нацию и признает ли «Соглашение» от 23 марта 1919 г. В письме разоблачалась претензия ЦМВК «на подчинение себе всех мусульманских организаций», и в целом великодержавная тенденция татарских деятелей и их учреждений¹.

В ответном письме ЦМВК заявила о своем признании Башкирской республики и обещала «пресечь вредную агитацию против самоопределения башкир»².

30 мая 1919 г. Башревком направил в адрес СНК РСФСР телеграмму, где говорилось о недопустимости агитации против Башкирской республики и необходимости отменить «Положение о Татаро-Башкирской республике» и объявить «недействительными все документы и удостоверения на право агитации за Татаро-Башкирскую республику и организации татаро-башкирских войск»³.

Принципиальная позиция Башревкома по татаро-башкирскому вопросу вынудила центральные мусульманские организации (ЦМВК, Центральное бюро коммунистических организаций народов Востока (КОНВ), возникшее еще в ноябре 1918 г. на I-м съезде этой организации), руководство которыми находилось в руках татарских деятелей (председателем ЦМВК и одновременно ЦБ КОНВ

¹ *Кульшарипов М. М.* Указ. соч. С. 71. Образование Башкирской АССР. С. 257, 258.

² Образование Башкирской АССР. С. 260, 261.

³ Там же. С. 262, 263.

был М. Султангалиев), предпринять конкретные шаги по недопущению агитации против Башкирской республики, по устранению трений между башкирами и татарами. 18 июля 1919 г. ЦМВК распространила среди красноармейцев татарских войсковых частей свой приказ за № 10 «О прекращении агитации против Башкирской республики и репрессий в отношении башкирского населения». В нем всем «командирам и политкомам, руководящим татарскими красноармейскими частями, «предписывалось» следить за поведением подчиненных им красноармейцев и отнюдь не допускать в частях произвольных репрессий по отношению к башкирам»¹. ЦМВК указала, что существующая Башкирская Советская Республика признана Советом народных комиссаров и Всероссийским Центральным Исполнительным комитетом, работает в полном контакте с ними и что вред, причиняемый Башкирской Советской Республике, есть вред для Российской Советской Республики»². Но проблема Татаро-Башкирской республики, поскольку положение о ней не было отменено на официальном уровне, по-прежнему оставалась источником раздора между двумя братскими народами.

Башревком, находясь в Саранске, всячески стремился взять под свой контроль территорию Башкортостана, освобождаемую от колчаковцев. Заметную работу в этом направлении проводил Совет уполномоченных, хотя он не имел ни сил, ни средств для осуществления функций управления освобожденными башкирскими волостями. В докладной записке Совета уполномоченных, направленной в июле 1919 года Башревкому, говорилось о необходимости «присутствия Ревкома на территории Башкирии или, в крайнем случае, в ближайшей от Башкирии местности». Авторы записки ссылались при этом на наличие больших проблем и трудностей в делах руководства кантонными советами, налаживания продовольственного аппарата, в борьбе с самовольными действиями местных губернских властей, распространением тифа и других эпидемий и т. д., решение которых, по их мнению, невозможно «без руководства Ревкома». Особенно волновало членов Совета уполномоченных «выкачивание всех богатств из Башкирии» продотрядами³. Исходя из этого, они просили немедленно направить в Башкортостан представителей хотя бы двух комиссариатов – продовольствия и юстиции⁴. В начале августа Совет уполномоченных направил в Саранск тревожное сообщение о том, что «из Башкирии Оренбургским губ-

¹ Образование Башкирской АССР. С. 263.

² ЦГИА РБ. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 44. Л. 57, 57 об.

³ Там же.

⁴ Там же.

продкомом усиленно вывозится хлеб и скот», причем по плану Оренбурга на 5 душ оставлялась одна корова, что, разумеется, окончательно расшатывало хозяйство бедного башкирского населения, не занимающегося земледелием. «Губпродком, ссылаясь на голод в Центре, – писали члены Совета уполномоченных, – обирает Башкирию». Поэтому они ставили вопрос о передаче продовольственных дел Башревкому и о «немедленном его возвращении в Башкирию»¹. Эта грабительская политика Оренбургского губпродкома продолжалась довольно долго и притом использовалась в качестве повода для нападков на Башревком, который якобы пытается сорвать план продразверстки и проводит сепаратистскую линию.

Эти обстоятельства заставили Башревком усилить подготовку своего возвращения в Башкортостан.

В июле 1919 г. на страницах печатного органа Башревкома появился ряд статей с изложением планов его действий по возвращении на территорию Башкирской республики. В качестве основных выдвигались задачи: 1) создание аппарата власти, 2) налаживание хозяйственной жизни, 3) формирование крепкой армии для защиты от врагов, 4) широкое развитие культурно-просветительской работы. Ставилась также задача «догнать остальную Россию» в ходе строительства Советской Башкирии, учитывая ее отставание от других районов РСФСР².

31 июля состоялось очередное заседание Башревкома в Саранске, на котором было принято решение об отъезде учреждений Башкирской республики из г. Саранска «в связи с освобождением территории Башкортостана от белых войск»³. 15 августа 1919 г. Совет уполномоченных постановил просить Башревком «о немедленном слиянии» и рекомендовал ему по возвращении расположиться в Оренбурге или Уфе⁴. Однако члены Башревкома, оставив г. Саранск, еще не знали, где они будут находиться. Лишь 11 августа, по пути продвижения на родину, было принято решение о временном размещении властных структур автономии в г. Стерлитамаке до приведения в порядок с. Темясово, намеченного по тексту «Соглашения» временной столицей Башкирской республики. 20 августа 1919 г. Башревком прибыл в Стерлитамак, входивший в Уфимскую губернию. В дальнейшем неопределенность столицы автономии использовалась Центром в его политике давления и контроля по отношению к «Малой Башкирии». Башревком, располо-

¹ ЦГА ОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 395. Л. 254, 255.

² *Кульшарипов М. М.* Указ. соч. С. 73.

³ Образование Башкирской АССР. С. 286.

⁴ Там же. С. 287.

жившись в г. Стерлитамаке¹, управляемом Уфимскими большевиками, оказался с самого начала своей деятельности в унижительном положении квартиранта.

Учитывая остроту и сложность продовольственного вопроса, уже в день своего прибытия Башревком объявил, что Комиссариат продовольствия республики «приступает к исполнению своих обязанностей». Был запрещен вывоз продуктов и сырья с территории «Малой Башкирии», для чего высылались заградительные отряды². Однако губпродкомы соседних губерний и после возвращения из эвакуации Башревкома продолжали грабить «Малую Башкирию». Передав другие отделы губисполкома Башревкому, они никак не хотели решить вопрос о передаче продовольственных дел в ведение органов власти автономии. Притом Уфимский губком РКП(б) голословно утверждал о том, что якобы «большинство башкирского населения относится к Башревкому отрицательно», всячески дискредитировал и «разоблачал» башкирских деятелей для оправдания своей шовинистической политики³. Не отставали в травле Башревкома и Оренбургские губисполком и губком РКП(б). На закрытом заседании от 20 сентября при обсуждении «башкирского вопроса» огульно говорилось о националистических действиях Башревкома. Было заявлено, что «из Башкирии совершенно запрещен ввоз хлеба в Оренбургскую губернию», и это является «вопиющей несправедливостью». А ведь на деле в Башкортостане, особенно в башкирских волостях, хлеба производилось гораздо меньше, чем в хлебной Оренбургской губернии. Несмотря на это, оренбургские партийные и советские работники, пытающиеся за счет Башкортостана выполнить продразверстку, обирая бедных башкир, вешали ярлыки Башревкому, обвиняя его в национализме⁴.

Важнейшим для Башревкома стало тогда решение административно-территориальных вопросов. 22 августа состоялось заседание Башревкома, которое приняло постановление об образовании кантонных ревкомов, милиции, а также о направлении в башкирские волости своих работников в качестве членов формирующихся кантревкомов⁵. 26 августа Башревком своим приказом № 1 объявил о своем вступлении в непосредственное управление создаваемой автономной республикой, о начале приема уездов и волостей, отходящих к ней от Оренбургской, Уфимской и других губерний. Одна-

¹ ГАРФ Ф. Р-1318. Оп. 3. Д. 1. Л. 60.

² Образование Башкирской АССР. С. 296.

³ Там же. С. 320.

⁴ Там же. С. 322–324.

⁵ Там же. С. 297–298.

ко это дело натолкнулось на серьезное сопротивление и противодействие со стороны властных структур соседних губерний, которые поддержал Центр. Башревком был обвинен в принятии одностороннего акта без соответствующего согласования как с губернскими властями, так и Центральной властью РСФСР. Председатель ВЦИК М. И. Калинин направил телеграмму Башревкому, в которой предлагалось «прислать в Москву трех представителей для срочной выработки плана организации органов Башкирской Республики, порядка и срока передачи им дел. До установления в Москве порядка срока передачи дел и кредитов на местах (передача) должна быть приостановлена...»¹.

Руководящий орган Башкирской республики воспринял эту телеграмму чрезвычайно прохладно и с явным недоумением. В решении заседания Башревкома по поводу телеграммы Калинина было записано, что «Башвоенревкомом уже организована власть на местах, куда посланы кантонные ревкомы», что «неприступление в настоящий момент к непосредственному управлению территорией БСР оттолкнуло бы башкирский народ от власти Советов и бросило бы его в объятия контрреволюционеров...». Исходя из этого, Башревком постановил приказ № 1 о своем вступлении в непосредственное управление территорией БСР не отменять, но издать особое распоряжение в добавление к этому приказу в том смысле, «что приказ этот, до особого распоряжения, не касается продовольственного дела на территории Уфимской губернии, отходящей к БСР согласно договору». В Москву были направлены председатель Башревкома Х. Юмагулов, члены – А. Адигамов и Ф. Тухватуллин.

15 сентября ВЦИК РСФСР принял постановление «О передаче Башкирскому революционному комитету всего аппарата управления и об организации управления на территории Башкирской Советской Республики». По нему приказ № 1 Башревкома оставался в силе, ВЦИК предписывал Оренбургскому, Уфимскому, Пермскому, Екатеринбургскому, Челябинскому и Самарскому губревкомам не распространять в дальнейшем свои действия на территорию Башкирской Советской Республики, причем весь аппарат управления с его имуществом, не исключая продовольственного, который создан губернскими властями на территории БСР, должен был остаться на своих местах с подчинением его Башревкому. В постановлении особо был выделен вопрос о народном комиссаре продовольствия БСР, которого, по существу, должен был назначать Наркомпрод

¹ Раимов Р. М. Указ. соч. С. 287.

РСФСР «по соглашению с Башревкомом»¹. Кстати, на другой же день наркомпродом Башкирской республики по распоряжению наркомпрода РСФСР А. Цюрупы был назначен А. М. Дудник, бывший губпродкомиссар Уфимской губернии².

Центральные власти, мало доверявшие Башревкому, считавшие его националистическим, буржуазным, старались всячески усилить надзор и контроль над его деятельностью. С этой целью в республику был направлен член ЦК РКП(б) Ф. Н. Самойлов в качестве члена Башревкома³. Все свои усилия, будучи в Башкортостане, он направил на борьбу с пресловутым национализмом Башревкома, мало что сделав для нормализации обстановки в республике. Эмиссары Москвы – самойловы, артемы и другие, направленные в Башкортостан Центром, прибывали сюда с заранее поставленной целью: вести борьбу против так называемого «башкирского буржуазного национализма». Они – как правило, профессиональные революционеры, – совершенно не знали Башкортостана, его историю, культуру, обычаи коренного населения, не говоря уже о его языке. Ослепленные идеями классовой борьбы и строительства «светлого будущего», они не были в состоянии понять стремления и чаяния народа, веками подвергавшегося национальному гнету, и ставили перед собой важнейшей целью раздувание классовой борьбы среди башкир, натравливая одну часть против другой. Весьма примечательна в этом отношении установка Артема (Ф. Сергеева), поставленная перед местными коммунистами. Он заявлял, что ближайшей политической задачей коммунистов является закрепление «расхождения между кулацкой и мелкобуржуазной интеллигентской частью (башкир. – *М. К.*). Мы должны изолировать кулака и заставить его выступить в одиночку, и задушить его силами как раз башкирской бедноты»⁴.

Прав был Н. Бердяев, писавший: «Идея класса убила в России идею человека»⁵. О насаждении классовой борьбы среди башкир говорил и другой представитель Центра С. Диманштейн: «Наша задача сводится к тому, чтобы суметь в неподготовленной стране (т. е. в Башкортостане. – *М. К.*) заставить (башкир) проделать некоторые исторические этапы ускоренным темпом, чтобы они могли пойти в ногу с русской революцией». Для этого, по Диманштейну,

¹ Образование Башкирской АССР. С. 325, 326.

² Там же. С. 326. Председатель Башревкома не подписал это распоряжение, поставив лишь пометку: «Нами не подписано».

³ Там же. С. 327.

⁴ Артем (Ф. А. Сергеев). Статьи, речи, письма. М., 1983. С. 248, 252.

⁵ Бердяев Н. Сказка о земном расе // Новое время. 1978. № 5. С. 41.

следует провести башкир через «целую полосу национализма к классовой борьбе внутри своей нации». А следовательно, по его же откровенному заявлению, «Советская Россия не могла больше оставить Башкирию в руках националистов, пришлось суживать их права и концентрировать фактически власть в руках уполномоченных Центра, представителей фронта, укрепрайона. Этого требуют интересы революции». Таким образом, интересами революции оправдывалось все. Надо отдать должное Диманштейну, признавшему, что «на этой почве происходит ряд столкновений представителей Центра с Башкирией. Они (башкиры) нас считают шовинистами, захватчиками, империалистами и проявляют недовольство политикой Москвы». Недаром члены Башревкома в одном из своих писем отмечали, что «со стороны представителей Центра мы видели только бесконечные поползновения к сокращению наших прав»¹.

Пренебрежительно-нигилистическое отношение к Башкирской автономии преобладало и среди представителей высшего эшелона центральных властей. «Всесоюзный староста» М. И. Калинин, выступая 20 сентября 1919 г. на закрытом заседании Оренбургского губкома РКП(б) при обсуждении «башкирского вопроса», стоявшего на повестке дня, так «наставлял» оренбургских большевиков: «Автономия Башкортостана – буфы для восточных народов. Мы башкирам не верим, гоним их солдат под Питер. Попытка Оренбургского губкома РКП(б) создать Башкирский партийный центр крайне важна, и нужно, чтобы она дала реальные результаты. Нам надо играть в их автономию, повсюду пролезать к ним и коммунизмом парализовать корни национализма и остальные вредные стороны автономии»². Подобное циничное толкование идеи национального самоопределения башкирского народа самим председателем ВЦИК РСФСР, естественно, вдохновляло оренбургских большевиков, догматически отстаивающих принцип «пролетарского интернационализма», на усиление борьбы против Башкирской республики.

С другой стороны, большевики-догматики в самой «Малой Башкирии» создавали немало препятствий на пути национально-государственного строительства. Одним из них был Г. Шамигулов, человек, печально прославившийся как противник самоопределения народов, считавший, что если в России происходит пролетар-

¹ ЦГА ОО РБ. Ф. 22. Оп. 4. Д. 23. Л. 18; Д. 10. Л. 52.

² Юлдашбаев Б. Х. Новейшая история Башкортостана. Уфа, 1995. С. 106. В сб. док. «Образование БАССР» опубликован протокол этого заседания с изъятием выступления М. И. Калинина. С. 323.

ская революция и устанавливается единая диктатура пролетариата, то в ней не должно быть никаких автономий, что пролетарская революция не признает никаких национальных границ. Шамигулов и его единомышленники любого человека, ратующего за автономию, автоматически воспринимали как националиста. ЦК партии, партийные организации соседних губерний всячески поощряли деятельность местных большевиков, подобных Шамигулову. Недаром в дальнейшем Оренбургский губком РКП(б) с большой похвалой отзывался о Шамигулове, как о человеке, осознавшем «утопичность автономии Башкирии... и видевшем свою задачу в том, чтобы сотрудничать с окружающими Башкирию частями РСФСР и содействовать безболезненному изживанию башкирами своей национальной исключительности и обособленности»¹.

Курс на централизацию управления и установление жесткого партийного диктата при помощи направленных в Башкортостан «профессиональных революционеров» из партийных организаций соседних губерний вызывал острое недовольство башкирской общественности. Х. Юмагулов, возглавлявший Башревком, и идейный руководитель башкирского движения З. Валиди всячески противились попыткам поставить руководство республики в зависимое положение. Все это порождало бесконечную цепь противостояния и противоборства между автономистами и большевистскими кругами, стремившимися превратить существование Башкирской республики в пустую формальность – «буфф».

Башревкому не удалось установить добрососедские отношения и со Стерлитамакским уездным ревкомом, уездным ЧК, которые при любом удобном случае пытались дискредитировать властные структуры автономной республики. Уже 30 августа председатель губревкома А. Евлампиев, ссылаясь на жалобу уездного ревкома в связи с вопросами размещения комиссариатов Башревкома, напомнил последнему, что «он является в Стерлитамаке гостем», обвиняя его в «противозаконных действиях»².

Усиливали конфликтную ситуацию и действия уездного ЧК, принявшего постановление о регистрации всех лиц, «перешедших на сторону Советской власти от колчаковских банд», о принятии их на работу лишь с «особого разрешения ЧК», о передаче «нарушителей» «суду военно-революционного времени». Совершенно очевидно, что эти шаги уездного ЧК прежде всего были направлены против работников Башревкома, башкирских солдат и служащих,

¹ Образование Башкирской АССР. С. 450.

² ЦГИА РБ. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 27. Л. 124, 125.

большинство которых в свое время находилось в лагере белых¹. В сентябре 1919 г. уездный ЧК арестовал трех сотрудников Башвоенкомата, считая их «контрреволюционерами». Начальник гарнизона Башвоенкомата освободил своих сотрудников «применением вооруженной силы». Этот инцидент наделал много шума. Башревком выразил решительный протест против самовольных действий уездного ЧК, грубо нарушившего одно из положений «Соглашения» (XVI) о недопустимости репрессий «за свою минувшую деятельность» по отношению к «башработникам»².

В этой сложнейшей обстановке З. Валиди и другие лидеры башкирского национального движения прилагали все силы для того, чтобы, приспособившись к условиям советской действительности, сохранить автономию. «В Стерлитамаке наше правительство, — писал З. Валиди, — организовало все государственные учреждения, открыло школы. Больницы обеспечивались соответствующими медикаментами и оборудованием, вывезенными с Украины»³. Башревком свое пребывание в Стерлитамаке считал временным и добивался переезда в Оренбург, где, по замыслу З. Валиди, должны были располагаться два правительства: башкирское и казахское. В дальнейшем предусматривалось создание единой Киргизо-Башкирской республики.

Правительство Башкирской республики, несмотря на все препоны на пути национально-государственного строительства, к концу 1919 г. проделало значительную работу по претворению в жизнь основных положений «Соглашения».

С сентября по декабрь 1919 г. продолжалась организация управления, передача территорий и учреждений Башревкому соседними губерниями. 20 сентября Уфимский губвоенком издал приказ о передаче военных учреждений на территории «Малой Башкирии» Башвоенкомату. В приказе отмечалось, что при проведении мобилизации башкир в местностях, не вошедших в состав «Малой Башкирии», могут участвовать представители Башвоенкомата⁴. Этот приказ имел большое значение для Башревкома, ревностно относившегося к военному строительству в республике.

В октябре-ноябре 1919 г. была осуществлена передача дел и учреждений отделами Уфимского губревкома ревкому Башкирской республики. 14 октября, в соответствии с текстом «Соглашения», из Стерлитамакского, Златоустовского и Уфимского уездов Уфим-

¹ ЦГИА РБ. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 45. Л. 32.

² Там же. Д. 27. Л. 56.

³ Тоган З. В. Указ. соч. С. 314.

⁴ Образование Башкирской АССР. С. 330–332.

ской губернии, а также Верхне-Уральского уезда были переданы «Малой Башкирии» волости, где преимущественно проживали башкиры. При этом в некоторых волостях русские и иные небашкирские населенные пункты оставались в ведении Уфимской губернии. Например, к Башкортостану отошли лишь башкирские селения Иглинской волости, в то время как русские, татарские и другие населенные пункты в административном отношении подчинялись Уфимской губернии¹. Административная чересполосица часто приводила к трениям и недоразумениям между «Малой Башкирией» и Уфимской и Оренбургской губерниями. Так, 1 ноября агент Оренбургского ГубЧК Пельчуков арестовал и обезоружил начальника Ток-Чуранского кантона и сопровождавших его милиционеров, отобрал у них оружие и 19 тысяч рублей казенных денег. Это было грубым вмешательством оренбургских властей во внутренние дела Башкирской автономии, что было признано председателем Оренбургского губревкома А. Коростелевым².

К декабрю 1919 г. в целом завершился процесс административного устройства Башкортостана. Территория «Малой Башкирии» была разделена на 11 кантонов, в них организовались кантонные ревкомы со всеми отделами, во всех волостях создавались волисполкомы³. Председателями кантревкомов стали активные участники башкирского национального движения: К. Идельгужин, М. Карамышев, Г. Мухамедьяров, К. Мухамедеев, А. Абуталипов, Г. Таганов и другие.

20 октября на заседании Башревкома обсуждался вопрос о структуре центральных органов Башкирской республики. Было создано 12 комиссариатов: внутренних дел, военный, здравоохранения, просвещения, социального обеспечения, почт и телеграфов, продовольствия, земледелия, юстиции, государственного контроля и труда. Под руководством председателя Башревкома образовался отдел внешних сношений, а при НКВД – отдел по национальным делам. Сохранялся Башсовнархоз, возник БашЧК, а также центральное управление по делам статистики⁴. 18 декабря 1919 г. было утверждено положение о Башкирском телеграфном агентстве

¹ Образование Башкирской АССР. С. 332, 336.

² Там же. С. 336, 337.

³ Там же. С. 894–896. Тамьян-Катайский кантон – центр д. Серменсево; Бурзян-Тангауровский – с. Темясово; Табынский – д. Зилим-Караново; Дуванский – с. Верхние Киги; Аргаяшский – с. Аргаяш; Кипчак-Джетировский – с. Ермолаевка; Усерганский – д. Зиянчурино; Яланский – с. Тангрикулево; Кудейский – с. Ново-Кубово; Юрматынский – с. Воскресенское; Ток-Чуранский – д. Ахмерово.

⁴ Образование Башкирской АССР. С. 330–332.

(БашТА), ответственным руководителем которого был утвержден К. Ракай, член РКП (б)¹.

Между тем, положение башкирского населения все более ухудшалось. Сказывались прежде всего последствия бесчинств, грабежей и террора красных частей 1-й армии Восточного фронта, преследование белогвардейцами башкирского населения после перехода башкирских войск на сторону Красной Армии, грабительская деятельность продотрядов Уфимской и Оренбургской губерний и т. д. Безусловно, разруха и голод среди башкирского населения прежде всего были связаны с красным террором, хотя в официальных документах речь шла «о башкирах, пострадавших от белогвардейцев».

Центральные власти весьма неохотно отпускали республике денежные средства по линии социального обеспечения. 6 октября военный комиссар Башкирской республики З. Валиди и комиссар по делам соцобеспечения И. Мутин были вынуждены обратиться к В. И. Ленину и наркомнацу И. В. Сталину с сообщением о тяжелом положении семей башкир-красноармейцев, которые «уже девятый месяц ни одной копейки не получают», в то время как «соседнее русское население получает ежедневно все», в том числе «получает за убытки, понесенные от белых»². Такие обращения не были единичными. В августе-сентябре 1919 г. неоднократно извещал Москву о трудном финансовом положении республики председатель Башревкома Х. Юмагулов. Притом он отмечал, что Оренбургский и Уфимский ревкомы «семьям башкир-красноармейцев и башкирским учителям ни копейки не дают, ссылаясь на наличие у них «своего правительства»³.

Еще в мае 1919 г. Башревком вручил В. И. Ленину документы о награбленном красными у башкир имуществе и скоте. Комиссия, созданная для изучения вопроса о помощи башкирам установила, что в обследованных трех кантонах Башкортостана (Тамьян-Катайском, Бурзян-Тангауровском, Кипчак-Джетировском) пострадавшими оказались 100 тыс. дворов, 30 тыс. семей. Совершенно уничтожены были 5377 хозяйств, до основания разрушено 2826 жилищ, 50 тыс. человек не имели хлеба⁴. Тогда же СНК РСФСР

¹ ЦГИА РБ. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 30. Л. 60. Ракай – Рычков К. М. (1878–1922), потомок историка П. И. Рычкова, историк и этнограф. Был направлен из Москвы на работу в Башкортостан.

² ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 3. Д. 12. Л. 18.

³ Там же. Л. 168.; Д. 8. Л. 96^а, 96^б и др.

⁴ Раимов Р. М. Указ. соч. С. 289. Автор всю ответственность за это разорение возлагал на белогвардейцев.

принял постановление «Об оказании помощи башкирам, пострадавшим от белогвардейцев». Первоначально делами так называемой «Башкиропомощи» занимался представитель ВЦИК Т. И. Сидельников. А с середины декабря «Башкиропомощь» возглавил член ЦК РКП(б), профессиональный революционер Артем (Ф. Сергеев).

Деятельность «Башкиропомощи», как видно из его обращения к трудящимся башкирам, не ограничивалась лишь организацией помощи башкирам, о чем шла речь в указанном выше постановлении. Перед ней была поставлена задача содействовать росту «классовой дифференциации среди башкирского населения», чтобы башкирская беднота смогла «понять свои классовые задачи и распознать истинную сущность эксплуататоров башкирских трудящихся масс – байства»: т. е. она была призвана внести раскол в башкирское общество. С этой целью «Башкиропомощь» на местах организовывала комитеты пострадавшей бедноты (компосбеды), которые должны были не только содействовать работе «Башкиропомощи», но и решать «задачи классовой борьбы в башкирской деревне»¹. Подобная деятельность «Башкиропомощи» вызвала острое недовольство Башревкома не столько из-за его защиты «классовых интересов башкирского байства», как писали наши историки, а из-за разрушения единства башкирского общества. С другой стороны члены Башревкома в своем письме, адресованном В. И. Ленину, И. В. Сталину, представителю Башревкома в Москве Бикбавову, указывали, что «Башкиропомощь» превратилась в настоящую национальную организацию русских шовинистов, которая не помогает башкирскому населению, а является органом защиты интересов русского населения. Детские приюты, открытые для русского населения, процветали, приюты же для башкир – наоборот. В качестве примера приводился Кананикольский приют для русских детей, получающий «белье, продовольствие и другие вещи». В то же время Миндегуловскому приюту для башкирских детей того же кантона (Бурзян-Тангауровский) «ничего не отпускалось. От голода умерло 30 детей». «Столовая, открытая в Тамьян-Катайском кантоне для башкир, не получила с 16 февраля (1920 г.) ни одного фунта хлеба и мяса. В Усерганском кантоне «Башкиропомощь» израсходовала 120 тыс. руб. на созыв русского крестьянского съезда, вопреки протестам Башревкома». Поэтому последний просил передать дела «Башкиропомощи» ему, указывая на то, что в составе ее работников нет представителей коренной национальности². Со своей стороны

¹ Раимов Р. М. Указ. соч. С. 294.

² ЦГА ОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 395. Л. 306, 307.

работники «Башкиропомощи», в частности, зам. уполномоченного ВЦИК по «Башкиропомощи» А. Г. Дауге, отмечали, что «власти Башкирии старого состава, где сидели лица, называющие себя «вождями башкирского народа», не только не оказывали содействия, но чинили определенные противодействия. На съезде «Башкиропомощи» 10 марта З. Валидов, Ф. Тухватуллин и И. Алкин выступили с погромными речами против «Башкиропомощи» и контрреволюционными речами против РСФСР, с ругательствами по адресу уполномоченного ВЦИК тов. Артема и т. д.»¹. Несмотря на наличие острых конфликтов, вызванных национальной ограниченностью одних и великодержавными методами других, деятельность «Башкиропомощи», безусловно, имела и положительные результаты в смысле помощи голодающему населению.

Башревком обвинял Артема и в том, что он «набрал в «Башкиропомощь» самых отчаянных врагов Башреспублики (Дауге, Поленова, Сычева, Чистякова) и он же «забрал в свои руки Обком партии» и начал «работу по срыву Башреспублики» и т. д. В этой своей работе, по мнению членов Башревкома, он воспользовался отъездом в Москву для участия в работе VII Всероссийского съезда Советов (который проходил с 5 по 9 декабря 1919 г.) З. Валиди, К. Каспранского и И. Рахматуллина².

ЦК РКП(б), местные коммунисты большое внимание уделяли вопросам обеспечения надлежащего партийно-политического руководства создаваемой Башкирской республики. Тем более, в руководящих органах «Малой Башкирии» партийная прослойка была очень слабой. К тому же созданное в сентябре 1919 г. Центральное бюро коммунистов Советского Башкортостана под председательством Х. Юмагулова не пользовалось поддержкой ЦК и не было им признано. В этих условиях пытавшийся всячески ограничивать автономию Башкортостана Оренбургский губком РКП(б) стал добиваться, чтобы партийно-политическое строительство в Башкортостане шло не иначе, как под его руководством, и даже собирался созвать в Оренбурге межгубернский партийный съезд³.

Готовясь к конференции, коммунисты из Башревкома стремились защитить свои интересы, не допустить, чтобы она встала на антибашкирские позиции. Центральное бюро установило единую норму представительства от кантонных партиячек – по 2 делегата без учета общей численности коммунистов в тех или иных партор-

¹ Образование Башкирской АССР. С. 397–399.

² ЦГА ОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 395. Л. 312.

³ Юлдашбаев Б. Х. Национальный вопрос в Башкирии // Исторические записки. 115. М., 1987. С. 75.

ганизациях. Установление такой квоты было продиктовано тем, что башкир-коммунистов было очень мало. 8 ноября в Стерлитамаке открылась I Башкирская партийная конференция. На ней присутствовало 29 делегатов с решающим голосом и 14 – с совещательным. Они представляли 57 партийных организаций и ячеек, объединявших 840 коммунистов и 1178 сочувствующих. В работе конференции приняли участие представители ЦК РКП(б), Уфимского, Оренбургского, Челябинского губкомов партии, получивших право решающего голоса¹. Тем самым коммунисты, сторонники Башревкома, были лишены возможности защиты своей линии по вопросам партийного строительства. Повестка дня конференции была довольно обширной. Острая борьба на конференции развернулась вокруг организационного вопроса. Коммунисты из башкир, отражающие точку зрения Башревкома, настаивали на том, чтобы в основу строительства парторганизации был положен не классовый, а национальный принцип. В своем выступлении на конференции З. Валидов стоял на позиции создания «особой национальной партии коммунистов Башкирии», руководство которой принадлежало бы национальному пролетариату, а русские коммунисты должны были ограничиться работой «только среди колонистов», подчиняясь партийному органу республики². Конференция отвергла предложение З. Валиди. В резолюции конференции по этому вопросу было записано, что вновь возникшая областная парторганизация будет руководствоваться общепартийным Уставом³.

Конференция также записала, что местные партийные организации «должны играть роль контролирующих и наблюдающих органов, не брать на себя функций административных и добиваться исправления всех ошибок местной власти через высшие советские органы, обращаясь в качестве последней партийной инстанции к обкому партии Башкирии»⁴.

Конференция избрала областной комитет Башкирской парторганизации в составе 7 членов и 3 кандидатов: Ф. Самойлова, М. Тагирова, Г. Шамигулова, А. Ю. Измайлова и активных участников башкирского национального движения Х. Юмагулова, К. Каспранского, И. Рахматуллина. Председателем обкома партии был избран Х. Юмагулов, его заместителем Ф. Самойлов, секретарем – К. Каспранский, составившие президиум обкома партии⁵.

¹ Очерки истории Башкирской организации КПСС. Уфа. 1973. С. 228.

² Там же. С. 229.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Итак, в составе Башкирского обкома КПСС оказались люди, активно выступавшие в свое время против самоопределения башкирского народа и даже участвовавшие в феврале 1918 г. в аресте членов Башкирского правительства – Г. Шамигулов и М. Тагиров, бывшие члены Оренбургского МВРК. На позициях неприятия деятельности Башревкома стояли также Ф. Самойлов и А. Измайлов. Это делало неизбежным в будущем столкновение между членами обкома партии с одной стороны и Башревкомом – с другой. Непримиримые противники Башкирской автономии из обкома партии всю свою дальнейшую деятельность направили на ликвидацию Башревкома, полный захват власти в республике в свои руки. В этом стремлении, используя лозунг борьбы против национализма, они нашли поддержку и в Центре, где было немало партийных и советских функционеров, отрицательно относившихся к Башкирской автономии. Об этом, например, писал в своих воспоминаниях член коммунистической партии, сотрудник Наркомнаца С. Диманштейн: «Мне помнится такой эпизод: как работник Наркомнаца, был я тогда в связи с этим делом в ЦИКе (речь идет о приказе № 1 Башревкома о вступлении его в непосредственное правление Баш-республикой от 26 августа 1919 г.*, со мною были И. Алкин и еще один из башработников (Бикбавов).

Тов. Лутовинов (он был, кажется, тогда секретарем ВЦИК) сказал им такую фразу: «Вам позволяют играть в бирюльки, а вы воображаете, что вы самостоятельная Башреспублика». Я увидел на лицах этих националов невероятное изумление, они не ожидали таких рассуждений со стороны официального лица, считая их противоречащими всей нашей работе среди национальностей. К сожалению, такое суждение было свойственно тогда далеко не одному Лутовинову, но также и части работников, имевших отношение к башкирским делам того времени»¹.

Тогда фактически началась подготовка к разгрому Башревкома.

В конце 1919 г. опять всплыла на поверхность проблема Татаро-Башкирской республики, рассмотрение которой должно было состояться на II съезде коммунистических организаций народов Востока в Москве. В противовес положению о Татаро-Башкирской республике З. Валиди предлагал произвести слияние Башкирской автономии с Киргизской (Казахской) автономией. Были и другие мотивы этой идеи: З. Валиди еще в 1917г. настаивал на образова-

* См.: Образование БАССР. С. 299.

¹ Диманштейн С. Башкирия в 1918–1920 гг. // Пролетарская революция. 1928. № 5. С. 140.

нии совместной государственности тюркских народов Средней Азии, Казахстана и Башкортостана. По мнению лидера башкирского движения, лишь такая мусульманская республика могла бы противостоять нажиму Москвы. По ходатайству Башкирского правительства в декабре 1919 г. было создано Башкиро-Киргизское совещание при ВЦИК. Большинство участников совещания, согласно указанию ЦК РКП(б), отвергло всякие проекты слияния и высказалось за самостоятельное государственное существование башкир¹. В принятии подобного решения, по мнению З. Валиди, немаловажную роль сыграло мнение «коммунистических организаций соседних с Башкортостаном русских губерний», к которым прислушивался И. В. Сталин. Весьма интересным в этом плане является рапорт Г. Бройдо, члена коллегии Наркомнаца, находившегося тогда в Оренбурге. Он писал: «Оренбург превратился в точку объединения мусульман на Востоке России. Валидова нельзя сюда допускать. Следует натравить на него Муртазина. Надо поставить себе обязательной целью испортить отношения между башкирами и казахами. Именно так поступил Неплюев, он действительно был великим политиком. Валидова необходимо изолировать от других тюркских народов»². Надо полагать, что Сталин и его окружение прислушались к совету Г. Бройдо, который в дальнейшем неоднократно занимался «башкирскими делами», изображая из себя «подлинного интернационалиста».

Что касается вопроса о Татаро-Башкирской республике, то он обсуждался на II съезде коммунистических организаций народов Востока, проходившем с 22 ноября по 3 декабря 1919 г. Эту идею активно защищали на съезде М. Султангалиев и его сторонники.

В своем обширном докладе по татаро-башкирскому вопросу М. Султангалиев пытался обосновать необходимость создания Татаро-Башкирской республики при сохранении автономной «Малой Башкирии», предполагая, что в будущем последняя, с учетом волеизъявления «башкирского пролетариата», может объединиться с ТБСР³.

Коснувшись башкирского вопроса, докладчик старался убедить делегатов съезда, что в образовании самостоятельной Башкирской республики заинтересованы прежде всего башкирские буржуазные националисты, стремящиеся «сохранить за собой обширные зе-

¹ Раимов Р. М. Указ. соч. С. 301.

² Тоган З. В. Указ. соч. С. 317. И. И. Неплюев был первым Оренбургским губернатором и при подавлении башкирского восстания 1755 г. действительно сумел настроить один народ против другого.

³ Султангалиев М. Статьи. Выступления. Документы. Казань. 1992. С. 217.

мельные владения»¹. К тому же он подверг критике сторонников создания отдельной Татарской автономной республики, утверждая, что эта идея исходит от З. Валиди и М. Кулаева². Последнего он назвал «русским миссионером» за разработку им в свое время башкирского алфавита на основе русской графики³. При этом он пытался убедить делегатов съезда в том, что башкиры естественным путем ассимилируются с татарами, что у первых нет своего литературного языка, культуры – т. е. отрицал существование самостоятельного башкирского этноса⁴. По мнению М. Султангалиева, в случае образования самостоятельных республик (Башкирской и Татарской) якобы возникнут конфликты во многих населенных пунктах, где татары и башкиры проживают вместе⁵.

Султангалиеву и его единомышленникам удалось получить поддержку своего плана на съезде. Положение о Татаро-Башкирской республике надлежало осуществить без включения в нее автономной Башкирской республики («Малая Башкирия»), т. е. в состав ТБСР должны были войти Уфимская и Казанская губернии, а также прилегающие к ним районы, где большинство населения составляли татары и башкиры. Это решение не удовлетворило делегатов Башкирской республики. Недовольство проявили ЦК РКП(б) и сам В. И. Ленин, опасавшиеся усиления интеграции тюркских народов. В итоге 13 декабря 1919 г. Политбюро ЦК РКП(б) отменило «Положение о Татаро-Башкирской республике»⁶.

Вот как объясняет З. Валиди отмену Положения о Татаро-Башкирской республике и отклонение идеи о Киргизско-Башкирской автономии в своей телеграмме, направленной представителю Башревкома в штабе Туркестанского фронта (Самара) М. Халикову и председателю Башревкома Х. Юмагулову: «Совещание башкирского и киргизского ревкомов происходило 15 и 16 декабря. Слияние Киргизии и Башкирии отвергнуто благодаря настояниям Мартынова* и Эльцина** и татар. Слияние татар и башкир отвергнуто нами, киргизами, туркестанцами и русскими. За Татарскую республику голосовали все, кроме самих татар»⁷.

¹ Султангалиев М. Статьи. Выступления. Документы. Казань. 1992. С. 202.

² Там же. С. 214.

³ Там же. С. 216.

⁴ Там же. С. 214.

⁵ Там же.

⁶ Образование Башкирской АССР. С. 423.

* Мартынов И. Д. – представитель Оренбургского губревкома.

** Эльцин Б. М. – представитель Уфимского губревкома.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 3. Д. 5. Л. 196. Речь идет об отдельной Татарской республике.

В дальнейшем произошло образование самостоятельных Киргизской (22.09.20) и Татарской АССР (27.05.20). Образование этих автономных республик положило конец то и дело возникавшим недоразумениям по вопросу объединения ряда восточных народов в рамках единой государственности.

Заметной вехой на пути образования Башкирской АССР явился тот факт, что в начале декабря 1919 г. она впервые была представлена в качестве политически организованного целого на VII Всероссийском съезде Советов. В состав башкирской делегации VII Всероссийского съезда Советов вошли З. Валиди, А. Адигамов, К. Каспранский, Ф. Сулейманов, А. Бикбавов – всего 5 человек¹, кандидатуры которых были утверждены 12 ноября на внеочередном заседании Башревкома². VII Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов происходил 5–9 декабря 1919 г. в Москве, в здании Большого государственного театра. От имени Башкирской Советской республики с приветствием в адрес съезда выступил З. Валиди. Из его «Воспоминаний» мы узнаем, что его выступление было обсуждено заранее с казахами и узбеками³. Действительно, в своей речи он говорил о совпадении интересов башкир и киргизов. Приветствуя съезд от имени Башкирской республики, «Красной башкирской армии, принимающей горячее участие в защите пролетарской столицы Петрограда», З. Валиди заверил, что «Башкирская красная армия... будет защищать социалистическое отечество и бороться с мировой контрреволюцией до последней капли крови». Далее он продолжал: «Башкирская Советская Республика есть часть большой Российской Советской Республики, являющейся зародышем мировой социалистической республики. Она еще как следует не укреплена, но все больше укрепляется и вместе с другими советскими республиками образуются на востоке России Туркестанская и Киргизская республики. Пусть будет известно Съезду Советов России, что башкиры и киргизы, одни из самых угнетенных народов восточной России, будучи мусульманами, являются менее фанатичными и поэтому могут связать свою судьбу с Советской Россией, с русской Красной Армией не потому, что англичане взяли в свои руки Мекку и Медину. Те из народов Востока, которые связаны с мусульманской, персидской культурой, будут чувствовать свою солидарность с Советской Россией и будут держаться российского проле-

¹ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 6. Д. 66. Л. 3.

² Там же. Д. 79. Л. 118.

³ Тоган З. В. Указ. соч. С. 322.

тариата до конца. У них не будет никакого расчета. Довожу до сведения съезда и этим заканчиваю свое слово, заканчиваю, что башкирский пролетариат, башкирская и киргизская беднота начинают понимать, даже уже поняли, что их богачи являются друзьями Колчака и Деникина, что башкирские и киргизские красноармейцы борются не только за свои национальные идеалы, но и за общие идеи, которые они воспринимают. Да здравствует социализм, чтобы социалистические идеи как следует внедрились, распространились на Востоке»¹. Как видно, речь З. Валиди была выдержана в большевистском духе: мировая революция, борьба с мировой контрреволюцией, киргизы и башкиры, начинающие понимать суть классовой борьбы, и т. д. «Идейно выдержанное» выступление З. Валиди становится вполне понятным на фоне широко развернувшейся кампании по дискредитации лидеров башкирского движения перед Центром, организованной партийными деятелями и чекистами соседних губерний, агентами ЧК в самом Башкортостане. Член коллегии БашЧК А. З. Баталов (кстати, ему доверял З. Валиди) направил секретную информацию в Москву, где охарактеризовал З. Валиди как контрреволюционера, ведущего антисоветскую политику, якобы защищающего интересы генералов, офицеров, помещиков и кулаков².

Председатель Стерлитамакского уездного ЧК в своем секретном письме, адресованном ВЧК, назвал «башдеятелей» из Башревкома националистами, белогвардейцами. О З. Валиди он писал: «... был на стороне белых. Человек энергичный, развитый, честолюбивый. Маскируется под сочувствующего Советской власти. Пытается устранить людей, преданных всей душой Советской власти»³.

Большевистские лидеры были убеждены, что они имеют дело с классово-чуждыми элементами из башкир, буржуазными националистами и ждали лишь удобного случая для отстранения их от власти. В декабре 1919 г. и в начале 1920 г., когда еще шла гражданская война, не были расформированы башкирские национальные войсковые части, Москва не посмела устроить расправу над Валиди и его окружением. Были реальные опасения отпугнуть от себя всех восточных деятелей. Тем более, в резолюции VII Всероссийского съезда Советов было записано: «Приветствуя представителей Советского Туркестана и Советской Башкирии, VII Всероссийский

¹ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 6. Д. 26. Л. 22, 23.

² *Мардамшин Р. Р.* История Башкирской чрезвычайной комиссии (1917–1922 гг.). Рукопись диссертации на поискание ученой степени кандидата исторических наук. 1985. С. 29.

³ *Мардамшин Р. Р.* Указ. соч. С. 33.

съезд Советов... видит в их присутствии не только доказательство проникновения мусульманских трудящихся масс чувством солидарности с трудящимися массами РСФСР, но и еще доказательство проникновения мусульманского Востока убеждением, что РСФСР, поставленная на грань между капиталистической Европой и поработанными империализмом народами Азии, является их опорой в борьбе за освобождение от национального гнета»¹.

Таким образом, в марте 1919 г. Башкирское национальное движение добилось признания Центральной советской властью автономии Башкортостана. Однако на пути национально-государственного строительства возникли большие преграды и трудности, связанные с неприятием местными коммунистами и советскими работниками идеи Башкирской автономии, недоверчивым отношением Центра к руководителям башкирского национального движения как к «мелкобуржуазным деятелям», татаро-башкирскими трениями вокруг «Положения» о ТБСР и т. д. Все это в совокупности предопределило возникновение в Башкирской республике новых трений и конфликтов, приведших в конечном итоге к ликвидации «валидовского» Башревкома.

¹ Образование Башкирской АССР. С. 342, 343.

ГЛАВА V

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И ПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В БАШКОРТОСТАНЕ В 1920–1921 гг.

§ 1. Январский (1920 г.) конфликт и его последствия

В январе 1920 г. обстановка в Башкортостане накалилась до предела. Вокруг реализации национально-территориальной автономии и принципа федерализма, проблемы руководства и управления республикой разгорелась острая борьба не только между Башревкомом и обкомом РКП(б), но и кантревкома и кантками партии на местах. В последних верховодили противники автономии Башкортостана, готовые по любому поводу поднять шум, обвиняя Башревком в стремлении к отделению. Как видно из доклада председателя Бурзян-Тангауровского кантревкома Абдрахманова от 5 января 1920 года, представленного председателю Башревкома, председатель канткома партии Сычев заявлял, что не признает никаких башкирских организаций и хочет иметь дело только с Оренбургом. Тот же Сычев направлял регулярно телеграммы Реввоенсовету Туркфронта, Оренбургскому губкому РКП(б), Центру, очерняющие положение дел в Башкирской республике, где, по его мнению, «верховодят националисты»¹. Об отсутствии взаимопонимания между местными кантревкома, Башревкомом и партийными организациями свидетельствуют и решения I Верхнеуральской конференции РКП(б), которая состоялась в конце декабря 1919 года. В них было записано, что «Валидов возомнил себя царьком» и что он «начинает давить как на коморганизации, так и на трудовое население заводов, которые были присоединены к Башкирии...». Далее речь шла «об укреплении позиций и влияния» в республике «буржуев» и т. д.²

¹ ЦГА ОО РБ. Ф. 9776. Оп. Д. 396. Л. 44, 45.

² Там же.

Острые разногласия вызывали вопросы, касающиеся взаимоотношений Башревкома с такими органами централизованного управления РСФСР, как БашЧК, Башвоенкомат, Башсовнархоз, Башнаркомпрод. Конфликтующим сторонам не хватало терпимости и взаимопонимания, стремления к компромиссу. В январе 1920 года возник громкий конфликт по вопросу о внешних сношениях Башреспублики. Дело в том, что еще в октябре 1919 года при организации комиссариатов намечалось создание отдела внешних сношений. 12 января президиум Башревкома обсудил и утвердил «Положение об отделе внешних сношений при БЦИК (Башвоенревкоме), назначив его заведующим К. Ракая (Рычкова). При этом уполномоченный ВЦИК Ф. Самойлов высказал особое мнение, выступив против создания указанного учреждения, поскольку этот вопрос не был рассмотрен обкомом РКП(б)¹.

Задачи Отдела были определены следующим образом:

«1. Сношение с федеративными советскими республиками, входящими в РСФСР, по всем вопросам взаимоотношений.

2. Выработка политических и деловых инструкций для Представительства БССР (при ВЦИК).

3. Защита правовых и экономических интересов БССР.

4. Защита экономических, правовых и социальных интересов отдельных граждан БССР или их объединений (организаций).

5. Организация и ведение правовых, торговых, промышленных и финансовых сношений со странами и местностями, входящими в состав Российской Федерации и находящимися с БССР в деловых сношениях»².

Хотя функции отдела внешних сношений Башревкома не выходили за рамки вполне допустимых и нормальных контактов «с федеративными советскими республиками, входящими в РСФСР», обком партии на следующий же день заявил, что они якобы «означают первый шаг к полному отделению»³. Здесь опять сработало желание противников Башкирской автономии во что бы то ни стало скомпрометировать Башревком в глазах Центра, накалить обстановку в республике. На том же заседании Башревкома, состоявшемся 12 января, было решено заменить председателя БашЧК С. Мурзабулатова Т. Имаковым. Последний считался человеком более надежным, поскольку в национальном движении участвовал

¹ Образование Башкирской АССР. С. 898.

² Там же. С. 808.

³ Юлдашбаев Б. Х. Национальный вопрос в Башкирии // Исторические записки. 115. М., 1987. С. 77.

с момента его возникновения. В то же время С. Мурзабулатов оставался членом БашЧК*.

Обком партии на своем заседании, отказавшись от своего обещания «не брать на себя функций административных», назначил своего члена А. Измайлова председателем БашЧК¹. По предложению Артема, заседание приняло резолюцию о правах автономии в области экономики: «Ввиду того, что коммунистическое строительство предполагает единство хозяйственной жизни РСФСР, то соглашение об организации автономной республики не предполагает отделения, а наоборот, базируется на принципе единства хозяйственной жизни страны»². Данная резолюция показывает, что партийные функционеры всячески стремились ограничить не только политические, но и экономические права республики, хотя В. И. Ленин, выступая на VII съезде РКП(б), заявил, что «в национальном вопросе нельзя рассуждать так», что «нужно во что бы то ни стало хозяйственное единство». Однако неверно было бы изображать В. И. Ленина сторонником хозяйственной самостоятельности республик, ибо он, в конечном счете, тоже считал необходимым добиваться хозяйственного единства «пропагандой, агитацией, добровольным союзом»³.

В ответ Башревком 14 января провел свое экстренное заседание, которое заявило о существовании в Башкирской республике группы лиц, «действующих против БССР, Башревкома и башкирских деятелей», и о том, что они готовят заговор. В числе заговорщиков были перечислены член коллегии БашЧК А. Измайлов, Г. Шамигулов, С. Мустафин, Ж. Муценек, которые подлежали аресту⁴. В ночь с 15 на 16 января 1920 года они были арестованы. Следует отметить, что этот арест в определенной мере был связан с информацией председателя Ток-Чуранского кантревкома М. Бурангулова о готовящемся свержении Башревкома работниками БашЧК во главе с Г. Шамигуловым, о чем сообщил ему в пьяном угаре сотрудник секретного отдела БашЧК Ж. Муценек. Он же, по словам М. Бурангулова, хвастался, что ему поручено своей «группой расстрелять Валидова». Позднее эту информацию Бурангулова подтвердил М. Халиков, представитель Башревкома при Реввоенсовете Туркфронта, со слов начальника милиции Ток-Чуранского кантона,

* 16 января С. Мурзабулатов тоже был арестован в числе других членов БашЧК.

¹ Образование Башкирской АССР. С. 432; ЦГИА РБ. Ф. 1107, Оп. 1. Д. 103. Л. 5.

² Образование Башкирской АССР. С. 432.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 183, 184.

⁴ Образование Башкирской АССР. С. 433, 434.

присутствовавшего при «угощении» Муценека¹. Однако не удалось выяснить: были ли откровения Муценека фантазией пьяного человека или он действительно выдал достоверную информацию. Важно то, что члены Башревкома не сомневались в достоверности сведений Муценека, заявив о существовании в республике группы лиц, готовивших заговор.

Тогда же Башревком выпустил «воззвание ко всему населению и красноармейцам БССР» о раскрытии заговора, участниками которого являются «давнишний и непримиримый враг башкирского движения и властолюбец Г. Шамигулов, ничем не связанный с башкирской беднотой» и «ценящий интересы башкир за грош казанец Измайлов». В нем же говорилось об извещении властей РСФСР о заговоре². На деле заговора, возможно, не было, хотя нельзя отрицать того факта, что Шамигулов всегда оставался противником автономии и открыто заявлял, что в национальном вопросе «мы придерживаемся бухаринской ориентации», которая означала отрицательное отношение к автономии, идее самоопределения малых народов³. Недаром впоследствии особая комиссия Туркестанского фронта, проводившая расследование этого дела, установила наличие вины за Шамигуловым и Измайловым, против которых давали показания «ответственные партийные советские работники»⁴. Тем не менее Башревком, арестовав Шамигулова, Измайлова и других, совершил необдуманый шаг, приведший к обострению обстановки в Башкортостане, давший повод противникам автономии бить тревогу по поводу «попытки контрреволюционного переворота со стороны Башревкома». В нашей исторической литературе январские события так и преподносились – Шамигулов и его единомышленники полностью оправдывались, а члены Башревкома изображались участниками националистического, контрреволюционного заговора⁵. В данном случае речь можно вести об отсутствии минимума доброй воли и терпимости сторон друг к другу. 16 января состоялось чрезвычайное совещание, созванное уполномоченными центральными органами власти РСФСР Артемом (Ф. Сергеевым), Ф. Самойловым, секретарем обкома Я. Ярославом и другими. В нем участвовали представители партийно-советских органов Уфимской губернии. Совещание приняло решение о передаче пар-

¹ ЦГА ОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 396. Л. 72, 73.

² Там же. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 395. Л. 303, 304. Воззвание среди населения не было распространено.

³ Там же. Ф. 22. Оп. 4. Д. 38. Л. 17.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 122. Л. 5.

⁵ См.: Очерки по истории БАССР. Т. 11. Уфа, 1961. С. 160.

тийному суду Юмагулова и Имакова, с немедленным их отстранением от всех постов. О всех мерах «борьбы с контрреволюцией» в Башкортостане было решено информировать В. Ленина, командующего Туркестанским фронтом М. Фрунзе¹.

В. И. Ленин, центральные органы власти оперативно вмешались в дела, происходящие в Башкортостане. 16 января В. И. Ленин, как председатель Совета обороны и заместитель председателя ВЦИК, направил телеграмму председателю Башревкома Х. Юмагулову, где ему предписывалось «сдать дела заместителю (и) немедленно выехать для дачи объяснения»². В тот же день командующий Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе дал приказ коменданту Оренбургского укрепленного района И. Д. Каширину выслать в Стерлитамак конный отряд в составе 200–300 человек. Одновременно М. В. Фрунзе приказал военному комиссару Башкортостана и коменданту г. Стерлитамака немедленно освободить арестованных³. Туркестанским фронтом были приняты меры, чтобы не допустить выступления бригады под командованием Мусы Муртазина, на которую рассчитывал Башревком. М. Муртазин был вызван в г. Оренбург и изолирован от своей части⁴. 19 января 1920 года арестованные члены обкома партии были освобождены⁵. Безоговорочная и полная поддержка Центром, Реввоенсоветом Туркфронта противников автономии Башкортостана Г. Шамигулова, А. Измайлова вдохновила партийных и советских работников Оренбургской губернии на шаги, направленные на ликвидацию Башкирской автономии. Этим духом проникнут доклад Оренбургского губкома РКП(б), представленный в ЦК РКП(б) 26 января 1920 года. В этом докладе, выдержанном в шовинистическом духе, давалась соответствующая интерпретация январских событий, содержались предложения, требующие ликвидации автономии Башкортостана. Например, в нем утверждалось, что «национальное обособление башкир – величайшая нелепость уже по одному тому, что в созданной Малой Башкирии башкиры составляют меньшинство населения. Русские и татары вместе дают до 52%». По мнению составителей доклада (его, как видно из содержания, составили совместно русские и татарские деятели – противники автономии. – М. К.), «авто-

¹ Образование Башкирской АССР. С. 435, 436, 437.

² Там же. С. 438.

³ Там же. С. 437, 438. Вся территория Башкирской республики тогда находилась в ведении Оренбургского укрепрайона, созданного с целью дополнительного военного надзора над Башкирской автономией.

⁴ Там же. С. 439.

⁵ Там же. С. 445.

номия Башкирии не выдержала испытаний жизни, да и не могла выдержать в силу экономических, политических, национально-культурных условий». Но авторы доклада в снисходительном тоне отметили, что, лишь принимая во внимание восточную политику ЦК, требующую создания автономии, они могут согласиться на сохранение Башкирской автономии при условии устранения Башревкома, замены башкирских деятелей «товарищами из Центра и партийными работниками из татар – Шамигуловым, Измайловым, Мустафиным и другими»¹. Получается, автономию сохранить, а башкир от власти отстранить, ибо, как указывается в докладе, русские и татары «представляют из себя население культурно развитое, располагающее значительными силами, чего про башкирномадов (т. е. кочевников. – М. К.), по преимуществу, не скажешь». Башкиры, мол, народ отсталый и кроме группки полуинтеллигентных людей «ничего не имеют», и эти «полуинтеллигенты» приспосабливаются «то к колчаковскому, то к советскому режиму»².

В то же время составители этого доклада считали З. Валиди популярной фигурой в Башкортостане. Он, как они пишут, «умен», «лоялен», хотя «тоже националист»*. И так, этот доклад ясно показывает, в каких труднейших условиях происходило национально-государственное строительство в Башкортостане.

30 января В. И. Ленин направил телеграмму Башревкому. Он потребовал от него немедленно исполнить соответствующие распоряжения ВЦИК по поводу январского конфликта и указывал, что Артему (Ф. Сергееву) и Самойлову дана директива о необходимости «самого лояльного соблюдения Башконституции» и выражал уверенность, что они «не дадут никаких поводов к осложнениям»³. В тот же день, в соответствии с директивой В. И. Ленина, данной Реввоенсовету Туркестанского фронта, командующий этим фронтом М. В. Фрунзе и член Реввоенсовета И. Любимов обратились с воззванием к башкирскому народу. В нем опровергался распространявшийся слух о том, что советская власть хочет уничтожить башкирскую автономию и желает «всюду посадить комиссаров из русских и других народностей и т. п.», решительно осуждались происки контрреволюционеров⁴.

¹ Образование Башкирской АССР. С. 447–460.

² Там же. С. 451.

* Как писал впоследствии И. Сталин, еще тогда Г. К. Шамигулов советовал Центру «расправиться сразу же с Валидовым». Тем самым еще в те январские дни он хотел обезглавить Башревком. (См. *Сталин И. В.* Соч. Т. 5. С. 304).

³ Образование Башкирской АССР. С. 460, 461.

⁴ Там же. С. 463, 464.

В дальнейшем, 24 февраля, представитель ВЦИК при Башревкоме Артем (Ф. Сергеев) информировал председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского о мерах по ликвидации последствий январского конфликта в Башкортостане, обвинял Уфу в нелояльном отношении к автономии, писал о том, что «особенно вредят уфимские татаро-башкиристы, т. е. деятели, которые по-прежнему продолжают агитацию за создание Татаро-Башкирской республики, выступают с бесконечными нападками и обвинениями против деятелей Башкирии Валидова, Кулаева». По мнению Артема, в этом деле им помогают казанцы, которые «также бесконечно тревожат и раздражают башкирскую интеллигенцию». Он же сообщал о необходимости изоляции от Башревкома Юмагулова и Ракая, исключенных из партии. Как видно из телеграммы Артема, обязанности председателя Башревкома тогда исполнял Ф. Тухватуллин, о котором он дает положительный отзыв¹.

В тот же день З. Валиди прибыл в Стерлитамак, где состоялась его беседа с командующим Туркестанским фронтом. Об этом он сообщил в телеграмме, адресованной ЦК РКП(б) И. Сталину. В ней говорилось, что «дело ареста Шамигулова и Измайлова раздуто до невозможности» и вокруг Башреспублики распространились небывалые интриги шовинистов, как русских, так и татар, в то время, когда «беззащитные башкиры умирают от тифа и голода». Поэтому предлагалось вести разъяснительную, созидательную работу среди «татарских и русских работников, которых в Башкирию стеклось очень много за последнее время»².

По поводу этой информации и в целом о деятельности З. Валиди впоследствии Ф. Н. Самойлов писал: «Мы были уверены, что с приездом Валидова из Москвы (после январских событий. — М. К.) нам удастся установить такие взаимоотношения с Башкирским ревкомом, при которых будет возможна совместная работа. Нам было известно, что среди башкирских «вождей» Валидов был самым умным (!). Поэтому казалось, что, как бы в глубине души он ни относился к авантюре Юмагулова, открыто одобрить ее он все же не может.

Но мы жестоко ошиблись. По приезде в Стерлитамак (24 февраля 1920 г.) Валидов с первых же дней открыто встал на сторону Башревкома, оправдывая без стеснения все его действия»³.

¹ Образование Башкирской АССР. С. 464, 465.

² ЦГА ОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 395. Л. 305.

³ Самойлов Ф. Малая Башкирия в 1918–1920 гг. М., 1933. С. 56.

Конечно, оценка деятельности Валиди Самойловым исходила из его весьма однобокого подхода к январским событиям, он увидел в них лишь контрреволюционный заговор националистов. Ведь и в феврале 1920 года обстановка в Башкирии, как видно из телеграммы не только Валиди, но и Артема, была очень сложной. Нападки на Башреспублику, ее Ревком, теперь уже во главе с З. Валиди, продолжались. Дело в том, что 1 марта 1920 года, в связи с отзывом Х. Юмагулова в Москву, председателем Башревкома был избран З. Валиди, о чем 6 марта были информированы телеграммой ВЦИК, председатель СНК В. И. Ленин и Башпредставительство в Москве¹.

В такой обстановке в конце февраля – начале марта 1920 года развернулась подготовка созыва II областной партконференции. З. Валиди выступил за отсрочку созыва конференции. Свою позицию он объяснял тем, что не может допустить обсуждения январских событий и особенно избрания в обком А. Измайлова и Г. Шамигулова. Артем 27 февраля обратился с телеграфным запросом в ЦК РКП(б), в котором сообщал о сложившемся положении и о готовности, чтобы не обострять отношений обкома, гарантировать, что январские события не будут рассматриваться на конференции².

ЦК партии в своем ответе считал недопустимым отменить или отсрочить назначенную на начало марта конференцию коммунистов Башкортостана. Относительно Шамигулова и Измайлова ЦК заявил, что в «Башкирии или другом районе может решить вопрос о работе коммунистов лишь ЦК партии в порядке распределения партийных сил, а не Башвоенревком»³.

7 марта, заручившись полной поддержкой ЦК партии, местные коммунисты созвали свою конференцию в г. Стерлитамаке. Первое заседание конференции открыл Артем и предоставил слово для приветствия председателю Башревкома З. Валиди. Следует подчеркнуть, что к этому времени, возможно, он состоял в партии коммунистов, ибо в своей речи неоднократно повторял фразу «о нашей партии», «о наших задачах»*. Говоря о национальном дви-

¹ ЦГИА РБ. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 103. Л. 112.

² Очерки истории Башкирской организации КПСС. Уфа, 1978. С. 239.

³ Там же.

* По мнению Б. Юлдашбаева, он был принят членом РКП(б) в мае 1919 г. (См. Агидель. 1989. № 12. С. 105.) Возможно, основанием для такого вывода послужило то, что З. Валиди в мае 1919 г. было заявлено о принятии в партию, хотя партбилет ему не был выдан. В журнале «Известия ЦК КПСС» (1990, № 12. С. 162.) сообщается, что З. Валидов вступил в РКП(б). Эту информацию подтвердил и С. Исхаков в «Послесловии» к московскому изданию «Воспоминаний» З. Валиди. См.: С. 608.

жении башкир, он обратил внимание на то, что оно «вызывает наступательное движение со стороны русского населения, которое иной раз не особенно терпимо относится к нему и вызывает оборонительное движение со стороны башкир»¹.

С длинной речью о работе обкома выступил Артем. Он говорил о трудностях партийной работы, о конфликтах и недоразумениях. В то же время он всячески оправдывал деятельность обкома партии, которая якобы «ни разу не разошлась с интересами массы, а шла навстречу их интересам. В целом линия поведения обкома была удовлетворительна»².

Доклад о подготовке созыва I съезда Советов Башкирской республики на конференции сделал З. Валиди. Он обратил внимание на причины откладывания созыва съезда, среди которых выделил «гражданскую войну, слабую политическую подготовленность башкир и наличие трений на национальной почве на местах». З. Валиди выразил опасение в связи с увеличением заселения башкирских кантонов, в частности Усерганского, русскими переселенцами. Эта тенденция, по его мнению, приведет к тому, что на съезде будут преобладать русские³.

Говоря о парторганизации Башкортостана, З. Валиди подчеркнул, что отказывается от идеи, высказанной на I партконференции о создании особой национальной партии. «Будучи же в Центре, — заявил он, — я убедился, что для башкир должна быть единая компартия. Я теперь против организации особой башкирской партии коммунистов»⁴.

Ш. Худайбердин и другие коммунисты настаивали на ускорении созыва съезда Советов Башкортостана. В принятой резолюции конференция решила отложить созыв I Всебашкирского съезда Советов до мая 1920 года⁵.

В острой полемике проходили выборы в обком партии. З. Валиди и башкирские коммунисты призывали при формировании руководящего органа Башкирской парторганизации учитывать интересы коренной национальности. В состав обкома, избранного II конференцией, наряду с коммунистами, присланными из Центра (Артем, Ф. Самойлов и другие), вошли местные члены партии, находящиеся в оппозиции к Башревкому (Ш. Худайбердин, Ф. Ахме-

¹ ЦГА ОО РБ. Ф. 22. Оп. 4. Д. 10. Л. 21.

² Очерки истории Башкирской организации КПСС. С. 240.

³ ЦГА ОО РБ. Ф. 22. Оп. 4. Д. 10. Л. 21, 22.

⁴ Там же.

⁵ Очерки истории Башкирской организации КПСС. С. 240.

дуллин), а также сторонники Башревкома (К. Каспранский, И. Рахматуллин, Ф. Тухватуллин и др.).

Пленум обкома избрал президиум, политическим секретарем которого стал К. Каспранский¹. Состав обкома партии, а также избрание его секретарем К. Каспранского, единомышленника Валиди, не удовлетворили представителей Центра, стремившихся установить в Башкирской республике свой полный диктат. Это видно из воспоминаний Ф. Самойлова, писавшего о том, что через секретаря обкома Каспранского «Валидов часто диктовал свою волю и Башкирскому Областному Комитету партии»². Все это предопределило возникновение в будущем новых трений и конфликтов в Башкортостане.

Очередной конфликт в Башкирской республике, дошедший до вооруженного противостояния и получивший громкую огласку, был связан с так называемым «Усерганским делом». Как видно из телеграммы Башревкома, адресованной ВЦИК, В. И. Ленину, Л. Д. Троцкому, И. В. Сталину и Башпредставителю в Москве Адигамову, Усерганский кантком партии, опираясь на самочинно «сформированный вооруженный отряд из двухсот человек», созвал кантонный крестьянский земельный съезд. Тот в свою очередь избрал исполком, захвативший ЧК и милицию, организовавший свой Военный комиссариат. Центр кантона из башкирской деревни Зианчурино был перенесен в русское село Чеботаревка. Всеми этими действиями местных коммунистов руководили уполномоченные «Башкиропомощи» Чистяков, Пирожников и председатель канткома партии Поленов*. Им, по мнению Башревкома, покровительствовал сам Артем (Сергеев)³. «Чистяков, призванный помочь вымирающей башкирской бедноте, — писал Х. Юмагулов впоследствии, — агитировал против БАССР на почве того, что Башревком якобы грабит русских крестьян и отбирает у них хлеб»⁴.

Когда для исследования этих действий коммунистов Усерганского кантона прибыла комиссия Башревкома, Чистяков и его отряд оказали ей вооруженное сопротивление.

Иную интерпретацию «Усерганского дела» давал в своих воспоминаниях Ф. Самойлов. Он считал, что комиссия, посланная

¹ Очерки истории Башкирской организации КПСС. С. 240.

² Самойлов Ф. Н. Указ. соч. С. 62.

* Поленов — отец В. Поленова, установившего в конце 1920 года кровавый режим в Бурзян-Тангауровском кантоне.

³ ЦГИА РБ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 19. Л. 54.

⁴ Юмагулов Х. Об одном неудачном опыте изучения национальной политики в Башкирии 1917–1920 гг. // Пролетарская революция. 1928. № 3. С. 186, 187.

Башревкомом в Усерганский кантон, якобы «разгромила всю Усерганскую парторганизацию»¹. Примерно в таком же духе информировали уполномоченных из Центра (Д. Дауге, зам. уполномоченного ВЦИК) непосредственные участники этого конфликта Поленов, Иванов и Шалов (члены Кипчак-Джетировского канткома партии)². Правда заключалась в том, что самовольные действия канткома партии координировались Оренбургским РКП(б), взявшим тогда кантонную парторганизацию «под свое покровительство»³. Наша историография всю вину за «Усерганское дело» возлагала на «валидовцев», которые будто бы «в марте и апреле разгромили несколько партийных ячеек», в том числе в Усерганском кантоне, притом всюю превозносились решения съезда советов кантона, состоявшегося в конце марта 1920 г., в работе которого участвовал Артем (Сергеев). Весьма показательно то, что кантонный съезд советов в бедственном положении башкирского населения, страдающего от голода, обвинил «врагов советской власти», пытающихся «искусственно вызвать голод»⁴. Под врагами подразумевалось башкирское байство, которому якобы покровительствовал Башревком⁵.

Острые разногласия между Башревкомом и обкомом партии, вернее руководителями «Башкиропомощи», возникли в ходе Всебашкирского съезда компосбедов, начавшего свою работу 10 марта в г. Стерлитамаке. Башревком обвинил «Башкиропомощь» и компосбеды в натравливании башкирской бедноты против руководителей республики, изображая последних виновниками их тяжелого положения⁶.

Во время работы съезда, в ночь 10 марта, как об этом пишет З. Валиди, в Стерлитамаке было совершено вооруженное нападение на его дом: «Началась перестрелка, вдребезги разлетелись оконные стекла. Охрана открыла ответный огонь и отогнала налетчиков», – вспоминает он. Этот налет, по его мнению, был делом рук некоторых членов «Коммунистической партии, которым было поручено следить за нами». «Случившееся стало известно самому

¹ Самойлов Ф. Об одной националистической вылазке или неизменных ошибках Х. Юмагулова // Пролетарская революция. 1928. № 3. С. 209.

² ЦГИА РБ. Ф. 1107. Оп. 1 Д. 11. Л. 155, 155 об., 156.

³ ЦГА ОО РБ. Ф. 22. Оп. 4. Д. 12а. Л. 20.

⁴ Раимов Р. М. Указ. соч. С. 317.

⁵ Там же. С. 318.

⁶ Там же. С. 316.

Ленину. Советское правительство направило для расследования инцидента Фрунзе и Троцкого»¹.

Обострение обстановки в Башкирской республике вынудило Башревком предпринять некоторые ответные шаги. 12 марта 1920 г. Башревком обратился во ВЦИК, ЦК РКП(б), лично к В. Ленину, Л. Троцкому и И. Сталину, Цebюро Комвостока и Реввоенсовету Туркфронта с заявлением, которое в партийных документах получило название «ультиматума Валидова»². В этом документе указывалось, что «освободительное движение башкир с первых же дней существования Советской Башкирии встретило противодействие великорусского населения Южного Урала», а партийные и советские органы соседних губерний, внутри самого Башкортостана на своих конференциях, съездах и т. д., «выносили резолюции против Башкирской республики». И в этом деле, по мнению Башревкома, использовались сложные взаимоотношения между башкирами и татарами, последних «травили на башкир». В заявлении говорилось о бесконечных насмешках и издевательствах над Башреспубликой и объяснялись причины январского конфликта. В частности, Башревком обращал внимание Центра на то, что многие партработники постоянно призывают ликвидировать Башреспублику как очаг контрреволюции. Высказывалось недовольство односторонним подходом представителей Центра к Башкирской республике. В качестве примера в заявлении упомянуто имя Артема (Ф. Сергеева), который «забрал в свои руки обком партии». Башревком, обрисовав обстановку в республике, конкретно предлагал реорганизовать обком партии, ставил вопрос об отзыве из учреждений Башкортостана целого ряда лиц, в том числе Артема, Чистякова, Шамигулова, Тагирова, Поленова³. Ставился вопрос о невмешательстве партийных органов в административные дела автономии. Делался акцент на необходимость подчинения БашЧК и «Башкирпомощи» всецело Башревкому. А также говорилось о подчинении башкирских частей Башвоенкомату. В случае невыполнения этих требований Башревком считал бессмысленным дальнейшее существование автономии и просил передать территорию Башкортостана соседним губерниям с возвращением всей полноты власти русским⁴. Однако ЦК партии отрицательно отнесся к этому

¹ *Тоган З. В.* Указ. Соч. С. 354. 355.

² Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 154.

³ ЦГА ОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 395. Л. 315–324.

⁴ Там же.

документу, назвав его ультиматумом, и счел нужным отозвать из Башкортостана его автора – Валиди¹.

Январский конфликт, поступавшие в Москву бесконечные письма и телеграммы противоборствующих сторон в Башкортостане, в том числе указанное заявление Башревкома, обусловили проведение в марте 1920 года совещания в Уфе с участием тогда второго лица в Советской республике Л. Д. Троцкого. 6 марта ЦК РКП(б) телеграфировал в Стерлитамак, что «ЦК поручил находящемуся на Урале Троцкому детально разобраться в создавшихся в Стерлитамаке после январских событий взаимоотношениях и принять все необходимые, по его мнению, решения». ЦК выражал уверенность, что урегулирование всех спорных вопросов пройдет в «атмосфере дружного сотрудничества представителей Центра, местных коммунистов – и башкир, и русских»².

Накануне совещания с участием Л. Д. Троцкого Башревком решил провести съезд представителей кантревкомов. На съезд, который работал с 12 по 15 марта 1920 года были приглашены председатели и члены кантревкомов, наркомы Башреспублики. В повестку дня съезда были включены следующие вопросы: 1) О вооружении и снаряжении милиционеров кантревкомов; 2) О коммунальном хозяйстве; 3) О подводной повинности; 4) О взаимоотношениях между канткomaми партии и кантревкomaми; 5) О национальном языке Башреспублики; 6) О перемещении резиденций кантревкомов в пункты, населенные башкирами, и прочие³. Съезд имел в виду противостояние в кантонах ревкомов и парткомов, а также конфликты, доходящие до вооруженного столкновения. До своего отбытия в Уфу председательствовал на съезде сам З. Валиди, затем эта функция была передана Ш. Худайбердину, избранному в президиум съезда. На съезде был принят «Проект временного положения о кантонных военно-революционных комитетах Башкирской Советской Республики» вплоть до созыва Всебашкирского съезда советов. По этому «Временному положению» права и обязанности кантревкомов были расширены по сравнению с «Инструкцией кантревкomaм», спущенной Башревкомом еще в августе 1919 года. По новой инструкции кантревкомы объявлялись «высшими органами Советской власти в пределах территории кантонов» и «предметом их ведения» являлось в первую очередь «проведение в жизнь всех постановлений Всебашкирского военного ревкома». Во главе кан-

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 154.

² Образование Башкирской АССР. С. 900.

³ ЦГИА РБ. Ф. Р-321. Оп. 1. Д. 8. Л. 3–9.

тона ставился «заведующий, избираемый военным ревкомом кантона». В случае возникновения разногласий по кандидатам вопрос разрешался Башревкомом. В пункте 13 «Проекта» указывалось, что «никакие распоряжения помимо военного ревкома одного отдела военного ревкома другим отделам даваться не могут».

Кантрревкомам было предложено переместить «резиденции кантонных ревкомов в пункты, населенные башкирами»¹. В соответствии с этим решением, 12 апреля 1920 г. Башревком принял даже довольно фантастическое постановление «О закладке городов – кантонных резиденций», по которому городами – центрами кантонов должны были стать: Юрматынский кантон – г. Бериково, устье р. Нугуш; Табынский – г. Бакраково; Усерганский – г. Зианчурино; Бурзян-Тангауровский – г. Темясово; Тамьян-Катайский – г. Белорецк (с оговоркой, – уже есть); Ток-Чуранский – г. Гумерово; Кудейский – г. Новокулево; Яланский – г. Тангрикулово; Кипчак-Джетировский – г. Кызыл Мечеть (ныне с. Мраково). Было дано даже распоряжение о выделении лесосек для заготовки стройматериалов².

Съезд постановил признать башкирский язык государственным, «который по возможности широко проводить в жизнь»³. Однако постановления о городах-центрах кантонов и государственном языке не были претворены в жизнь.

Между тем, 14 марта 1920 г. в Уфе открылось совещание, имевшее принципиально важное значение для Башревкома. В его работе приняли участие представители Башревкома (З. Валиди, А. Дудник), Башкирского обкома партии (Ф. Самойлов, К. Каспранский, И. Рахматуллин), Уфимского губисполкома и губкома партии (Б. Эльцин, Е. Преображенский) и уполномоченные ВЦИК и ЦК РКП(б) Л. Д. Троцкий и Артем (Ф. Сергеев). Совещание сочло необходимым не акцентировать внимание на делах, связанных с арестом Шамигулова и Измайлова, и в этой связи было заявлено, что «весь этот эпизод вычеркивается из истории Башреспублики». Л. Д. Троцкий подверг резкой критике Ф. Самойлова, когда тот пытался поставить вопрос о преследовании Башревкомом организаций коммунистической партии в Башкортостане. В итоге в постановлении совещания было записано положение о том, что «руководители партийных организаций... ни в коем случае не должны вмешиваться в практическую административную работу советских

¹ Образование Башкирской АССР. С. 382, 383.

² ЦГИА РБ. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 32. Л. 48 об.

³ Там же. Л. 5 об.

учреждений, а должны оставаться руководящими политическими организациями трудящихся масс».

Совещание решило сохранить Башревком в прежнем составе в главе с З. Валиди. Оно же обратило внимание ЦК РКП(б) на статьи «татарских органов по отношению к Башреспублике, нетоварищеском тоне, и на статьи советской печати соседних губерний, которые пишутся без учета того, какое впечатление они должны произвести на башкир». Говорилось о полной недопустимости оценивать Башревком «как контрреволюционное учреждение и ограничиваться деловой критикой». В постановлении совещания разъяснялся вопрос о башкирских кадрах, о широком их привлечении к работе в партийных органах, давалась инструкция по земельному вопросу и другим проблемам¹.

Решения совещания были встречены с одобрением Башревкомом, башкирскими массами, в то время как его противники считали их предвзятыми. В нашей исторической литературе господствовал довольно тенденциозный подход к этому совещанию, связанному с именем Л. Д. Троцкого. Исследователи с осуждением писали о поддержке Троцким на этом совещании башкирских буржуазных националистов-валидовцев². По их мнению, совещание должно было решительно осудить деятельность Башревкома вплоть до его ликвидации. Трудно согласиться с такой оценкой итогов совещания, признавшего необоснованность бесконечных нападок на Башревком.

К сожалению, решения Уфимского совещания не были реализованы из-за нежелания и непонимания местным партруководством стремления башкирского народа к подлинному самоопределению. Обком партии вместо выполнения установок совещания по-прежнему занимался интригами, стремился скомпрометировать Башревком перед лицом Центра. Обращения в ЦК РКП(б) о «националистических действиях Башревкома» не прекратились³.

Деструктивную политику по отношению к Башкирской автономии продолжали проводить партийные и советские органы соседних губерний. Г. Шамигулов, по началу удаленный из Башкортостана, но потом все же занявший в Уфимском губкоме партии пост председателя татаро-башкирской коллегии, откровенно притеснял башкирских работников, активно пропагандировал идею

¹ Образование Башкирской АССР. С. 466–470.

² Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 2. С. 162.

³ Самойлов Ф. Малая Башкирия в 1918–1920 гг. М., 1933. С. 78.

возрождения Татаро-Башкирской республики, о чем говорится в телеграмме Цебюро Коммунистов Востока от 21 марта 1920 г.¹

Как видно из воспоминаний представителя Центра П. Мостовенко, Г. Шамигулов, впоследствии рассказывая ему об январском конфликте, «раза два высказывал сожаления, что, если бы не сомнение в настроении на этот счет Центра, то, в сущности, все было готово, и ребята, что называется, рвались арестовать башревкомовцев и тем покончить с игрой в автономную республику»².

Очень остро стоял в Башкортостане земельный вопрос, который также создавал обстановку напряженности в республике. В «Соглашении» от 20 марта 1919 г., как известно, было указано (§ 8), что «власть в автономной Башкирской Советской Республике организуется на точном основании Советской Конституции...». Отсюда вытекало, что Башревком должен был проводить в жизнь основные положения «Декрета о земле» и другие законы, изданные для урегулирования земельных отношений в РСФСР, в них говорилось о необходимости учета местных и национальных особенностей. Следует подчеркнуть, что «Декрет о земле» не совсем совпадал с резолюциями башкирских съездов 1917 г. по земельному вопросу, в которых шла речь о возвращении расхищенных башкирских земель законным владельцам, об объявлении всех земель, находящихся во владении башкир, «достоянием всего народа» и даже о выселении поздних (столыпинских) переселенцев.

В решении земельного вопроса столкнулись интересы башкирского населения, стремившегося сохранить прежние вотчинные угодья за собой, и переселенцев, требующих «справедливого распределения» всех земель, в том числе принадлежавших башкирам, как свободных³.

Еще будучи в Саранске, Башревком обратился во ВЦИК с требованием разрешения земельного вопроса в духе решений башкирских съездов 1917 г., заявив, что он не может «допустить переселенцев, водворившихся после столыпинских законов». Подобное решение земельного вопроса грозило дальнейшим усилением земельных неурядиц в Башкортостане. Но, вернувшись в Стерлитамак, Башревком по существу отказался от попыток изъятия земель «поздних переселенцев», хотя всячески стремился сохранить за башкирами их прежние земельные владения. Так, после появления «Декрета о земле» Стерлитамакский уездный земотдел провел

¹ ЦГАОО РБ. Ф. 22. Оп. 4. Д. 38. Л. 17.

² Мостовенко П. О больших ошибках в «Малой Башкирии» // Пролетарская революция. 1928. № 5. С. 105.

³ Рашимов Р. М. Указ. соч. С. 306.

уравнительное распределение земель, включая и земли башкирских деревень. Башнаркомзем в апреле 1920 г. распорядился аннулировать все постановления уездного земельного отдела и вернуть башкирам их земли, отрезанные в пользу русских крестьян. На этой основе разразилось вооруженное столкновение между жителями дер. Дмитриевка и башкирского с. Давлеткулово. Аналогичные земельные конфликты происходили и в других волостях Башкортостана¹.

На почве земельного вопроса возникали всякого рода недоразумения не только между башкирами и русскими крестьянами, но и чувашами. Крестьяне-чувашы Табынского кантона в конце марта в с. Нагадак провели свою конференцию, и на ней делегаты из чувашей потребовали принять «соответствующие и решительные меры» по наделению их землей на основе «закона о социализации земли» за счет башкирских земель, которые, по их мнению, останутся незаселенными». Притом, как видно из выступления основного докладчика, среди чувашей распространялись провокационные слухи о том, что «раз республика – Башкирия, то на ее территории не должны жить люди других наций, потому башкиры прогонят всех не татаро-башкир, в том числе чувашей»².

Пытаясь как-то регулировать земельные отношения в республике, Башревком в 1919 г. разработал «Временные правила» землепользования, где были перечислены общие положения о национализации земель. При этом решение всех вопросов распределения земли, установление основ трудовых норм и т. д. предоставлялось волостным и кантонным земельным отделам, которые имели право издавать свои инструкции и руководства по вопросам землепользования, исходя из местных условий³.

Земельный вопрос использовался властями соседних губерний для нападок на Башревком. Так, секретарь Оренбургского губкома РКП(б) И. А. Акулов, выступая на закрытом заседании президиума Оренбургского губисполкома и губкома РКП(б) (сентябрь, 1919 г.), утверждал, что в Башкирской республике «в земельном отношении не проведена социализация, и русских давят из-за земли, давая таковую только на арендных, тяжелых условиях»⁴. В свою очередь Башревком неоднократно обращался к Центральным властям с вопросом о нарастающем захвате башкирских земель переселенцами, поток которых все более усиливался. По данным Башревкома,

¹ Раимов Р. М. Указ. соч. С. 306.

² ЦГИА РБ. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 109. Л. 13.

³ Раимов Р. М. Указ. соч. С. 307.

⁴ Образование Башкирской АССР. С. 322.

с октября 1917 г. по октябрь 1918 г. в центральных районах Башкортостана переселенческое население увеличилось на 19,3%¹. О захвате и колонизации башкирских земель уже после Октябрьской революции, прикрываясь революционными требованиями уравнительности, говорилось, например, в приказе № 5 БашЦИК «О земельных захватах» от 2 марта 1922 г.²

Дальнейшая дестабилизация обстановки в Башкортостане, рост недоверия Центра к Башревкому в значительной степени были связаны с крестьянским движением, получившим название «Черного орла». Восстание началось 7 февраля в Мензелинском уезде и вскоре охватило Белебеевский, Бирский, Уфимский уезды Уфимской губернии. В этом движении, направленном прежде всего против политики продразверстки, бесчинств и грабежей продотрядов, участвовало немало башкир. Хотя это движение не носило национального характера и в нем участвовали крестьяне всех национальностей, губернские власти решили возложить всю вину за него на башкирских крестьян. Так, Бирский уком партии 1 марта 1920 г. выпустил воззвание, в котором основными виновниками этого волнения были объявлены башкиры, названные «невежественными ордами», «стадом баранов, не отдающих отчета в своих действиях»³. Уфимский губком партии не упустил возможности воспользоваться этим крестьянским восстанием для обвинения Башревкома, его руководителя З. Валиди в контрреволюционной агитации среди башкирского населения губернии⁴. Но Башревком был здесь ни при чем. 2 марта он направил телеграмму Уфимскому губкому РКП(б), где резко осуждались повстанцы и выражалась готовность направить отряд «красных башкир» для «беспощадного подавления» кулацкого мятежа⁵. Но эта телеграмма была названа впоследствии провокационной. В дальнейшем на заседании ЦК РКП(б) от 8 апреля 1920 г., где рассматривался башкирский вопрос, восстание «Черный орел» было преподнесено как чисто национальное выступление, инспирированное валидовским Башревкомом⁶. Этот вывод абсолютно не соответствовал действительности. Само движение началось в русском селе Н. Елань Мензелинского уезда Уфимской

¹ Кульшарипов М. М. Указ. соч. С. 137.

² Образование Башкирской АССР. С. 661–663. Недаром впоследствии П. Мостовенко писал: «Мы просто возглавляли кулацкий напор на башкирские земли», имея в виду позиции уполномоченных центра по земельному вопросу.

³ Кульшарипов М. М. Восстание «Черный орел» в Башкирии // Актуальные проблемы социально-политической истории советского общества. Уфа, 1991. С. 50.

⁴ Там же. С. 50.

⁵ ЦГИА РБ. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 103. Л. 82.

⁶ Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 161.

губернии, и командирами повстанческих отрядов, начальниками штабов были в основном бывшие русские белые офицеры. Весьма показательна в этом плане телеграмма Л. Д. Троцкого в связи с распоряжением ЦК РКП(б) взять на себя наблюдение за военными мерами подавления восстания мусульман-крестьян Уфимской и Казанской губерний. Наркомвоенмор, находившийся тогда в Екатеринбурге, информировал Центр о том, что «башкиры в восстании не участвуют. Башкирские части держатся хорошо», что Валидов предупрежден относительно башкирских частей, «которых может увлечь мусульманское восстание». Сам Валиди, как сообщает Л. Троцкий, обещал, «что ни один башкир не выступит против советской власти»¹. В данном случае Л. Троцкий, говоря о башкирах, вероятно, имел в виду положение дел в «Малой Башкирии», где сохранялось относительное спокойствие. Что касается башкир Уфимской губернии, то они приняли самое активное участие в крестьянском движении «Черный орел». Однако это восстание никак нельзя считать «мусульманским», о чем уже было сказано выше.

Таким образом, в автономном Башкортостане весной 1920 г. сложилась весьма тревожная обстановка, заставившая Центр вплотную заняться «башкирским вопросом». При этом ЦК РКП(б) исходил из того, что имеет дело с «сепаратистским, мелкобуржуазно-националистическим» Башревкомом, с которым был вынужден считаться лишь из тактических соображений «осторожного обращения с ранее угнетенными восточными народами». К тому же признание большевиками автономного Башкортостана получило международную огласку, о чем свидетельствует прибытие в г. Стерлитамак в начале марта 1920 года известных индийских панисламистов, видных общественно-политических деятелей, охваченных идеей освобождения народов Востока от колониального господства западных держав Мавляви Баракатуллы и Мавляви Габдельбера. З. Валиди подробно описал в «Воспоминаниях» пребывание индийских гостей в Стерлитамаке². Еще в июне 1919 г. М. Баракатулла посетил Советскую Россию, беседовал с В. И. Лениным и вручил ему записку под названием «Соображения о необходимых реформах в Туркестане с целью привлечения широких мусульманских масс на сторону Советской власти», состоящую из 7 пунктов.

По мнению М. Баракатуллы, введение в Туркестане «действительной автономии» произведет «огромное впечатление и положит раз и навсегда конец империалистическим интригам, пугающим

¹ Башкирский край. Уфа, 1991. Вып. 1. С. 72.

² *Тоган З. В.* Указ. соч. С. 343, 344.

мусульман и сеюшим в них недоверие к искренности Советской политики»¹.

В. И. Ленин попросил тогда находившегося в Москве З. Валиди прокомментировать предложения М. Баракатуллы. Лидер башкирского национального движения отметил, что предложения иностранца «являются плодом его искреннего желания сблизить Среднеазиатский Восток с Советской властью», «результатом тех наблюдений, которые он лично произвел среди самой толщи Туркестанского мусульманского общества» и, изложив свою оценку политики Запада и России по отношению к Туркестану, рекомендовал положить конец злоупотреблению интернациональными лозунгами и «Вашим Высоким учением для империалистических целей русских шовинистов». З. Валиди не только поддержал предложения М. Баракатуллы о равном представительстве мусульман и русских в властных структурах Туркестана, но развил и дополнил их, ставя вопросы об армии, развитии взаимодействия регионов².

Относительно пребывания индийских гостей в Башкортостане З. Валиди писал: «Эти индийские либералы и панисламисты гостили у нас несколько дней. Они же интересовались социализмом, но, озабоченные тем, как защитить исламский мир от империалистов Европы, были готовы сотрудничать с коммунистами. Радуюсь тому, что среди Уральских гор создается исламское государство, они думали, что Башкортостан может стать центром всей великой мусульманской державы на территории Туркестана»³. «Разумеется, — продолжает он, — они не знали, в каком состоянии находится «Центр великой исламской державы», а я не мог откровенно рассказать о наших делах. Тем не менее я им посоветовал: «Все, что вы говорите, — плод ваших мечтаний. Соединение ислама и Корана с коммунизмом само по себе грешно, и на переговорах с Советами вам не следует впутывать религию»⁴. З. Валиди, говоря о состоянии «Центра великой исламской державы», разумеется, имел в виду плачевность положения Башкирской автономии и ее руководящего органа — Башревкома.

¹ Хусаинова Г. Т. Баракатулла и А. З. Валиди // Ядкар. Вестник гуманитарных наук. Уфа, 1995. № 1. С. 176, 177.

² Тоған З. В. Указ. соч. С. 178.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 343, 344.

§ 2. Майский (1920 г.) декрет о государственном устройстве Башкирской АССР и ликвидация Башревкома

Неопределенность вопросов конституционно-правового положения автономных республик в составе РСФСР также накаляла обстановку в Башкортостане. Поэтому 7 февраля 1920 г. ВЦИК образовал комиссию по разработке вопросов федеративного устройства РСФСР. Она должна была заниматься определением взаимоотношений общероссийской федерации и автономных республик, их конституционно-правового положения в составе РСФСР¹. Также 15 февраля ВЦИК создал комиссию по определению взаимоотношений между РСФСР и входящими в нее автономными государственными образованиями². Вскоре ЦК РКП(б) предложил ВЦИК «точно и безоговорочно» определить права автономного Башкортостана, нормы его отношения с РСФСР и учредил специальную комиссию по башкирскому вопросу, куда входили Сталин, Каменев и Троцкий.

8 апреля 1920 г. состоялось заседание пленума ЦК РКП(б), где с сообщением по башкирскому вопросу выступил И. Сталин как председатель комиссии по башкирским делам. В принятых пленумом решениях говорилось о контрреволюционной опасности в Башкортостане, об усилении коммунистами состава руководящих работников в республике. Ф. Держинский предложил предать суду Юмагулова и Ракая (Рычков) и других виновных в аресте членов Башкирского обкома партии и, наконец, ЦК постановил отозвать Валиди для дачи объяснений в связи с «присланным ультиматумом»³.

В дальнейшем комиссия по башкирскому вопросу, изучив положение дел в Башкортостане, разработала рекомендации, с учетом которых Политбюро ЦК 14 апреля приняло специальное решение о конституционно-правовом положении башкирской автономии, которое в дальнейшем легло в основу майского декрета ВЦИК и СНК о государственном устройстве Башкирской республики.

В начале апреля 1920 г. Башревком начал подготовку к созыву Всебашкирского съезда Советов, на котором предусматривалось принятие Конституции БССР. 9 апреля 1920 г. на заседании Баш-

¹ Юлдашбаев Б. Х. Национальный вопрос в Башкирии... // Исторические записки. Т. 115. 1987. С. 79.

² Образование Башкирской АССР. С. 483. 484.

³ Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 154. Речь идет о заявлении Башревкома от 12 марта 1920 г.

ревкома была образована комиссия по разработке Конституции БССР на предмет ее представления съезду Советов БССР. В состав комиссии вошли З. Валиди, И. Алкин, К. Каспранский, И. Мутин, Р. Петров, Ф. Тухватуллин, Ласточкин, Гест¹.

12 апреля 1920 г. Башревкомом была утверждена комиссия по созыву Всебашкирского съезда Советов под председательством З. Валиди, ее членами стали Ф. Самойлов, К. Каспранский, Ф. Тухватуллин, И. Рахматуллин. Комиссии было поручено организовать выборы делегатов на кантонных съездах, строго соблюдая «принцип этнической пропорциональности»².

Однако комиссия по разработке Конституции БАССР не сумела довести до конца порученное дело, поскольку ее председатель З. Валиди в конце апреля был вызван в Москву. Более того, Центр взял в свои руки дело определения конституционно-правовых норм взаимоотношений федеральных властей с автономной республикой.

В ходе разработки вопросов о правовом положении автономной Башкирии 20 апреля И. Сталин отправил телеграмму в Стерлитамак о вызове Ф. Самойлова и З. Валиди в Москву, мотивируя это тем, что комиссия при ЦК РКП(б) убедилась в необходимости их личного присутствия при разработке дел, связанных с конфликтной ситуацией в «Малой Башкирии»³. З. Валиди о своей поездке в Москву в «Воспоминаниях» сообщал: «28 апреля Сталин вызвал меня к телеграфу и сказал: «Товарищ Валидов, надо посоветоваться по нескольким важным вопросам, касающимся башкирских войск, приезжайте в Москву. С вами прибудет и Самойлов». Сразу же стало понятно, что ищут повод для отрыва меня от Башкортостана. Я собрал членов правительства, чтобы посоветоваться. Некоторые предложили не подчиняться приказу Сталина и обратиться с этим вопросом к Фрунзе. «В таких вопросах у Фрунзе не может быть отдельной от партии политики, — сказал я. — Это бесполезно. Придется подчиниться. Потом сами сумеете разобраться, что к чему». Далее З. Валиди, понимая, что его вызов обусловлен не столько желанием выслушать его мнение о будущей судьбе Башреспублики, сколько стремлением изолировать его от Башревкома, народа, своим самым близким единомышленникам заявил, что «если задержат в Москве, объясните

¹ ЦГИА РБ. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 32. Л. 46. Петров – сотрудник Наркомата внут. дел, Ласточкин и Гест – работники Наркомюста БССР.

² Там же. Л. 46 об. После ликвидации валидовского Башревкома была создана новая, особая комиссия по созыву съезда. И. Рахматуллин вошел в состав комиссии в качестве второго представителя ВЦИК.

³ Образование Башкирской АССР. С. 471.

людям, что уедем в Туркестан и присоединимся там к освободительной борьбе»¹.

По прибытии в Москву З. Валиди встретился с Лениным и Сталиным, которые стали уверять его заняться делами, охватывающими масштабы России. «Я, конечно, понимал, — пишет З. Валиди, — говорится это, чтобы польстить мне, но сделал вид, что принимаю его (Ленина. — М. К.) слова за чистую монету»². Ему конкретно было поручено заняться формированием на Украине мусульманских войсковых частей, а в Москве — участвовать в подготовке конституций Советских мусульманских республик³.

14 мая 1920 г. И. Сталин принял Валидова и заявил ему о том, что некоторые группы башкирских деятелей считают Башкирскую республику почти независимой от РСФСР, хотя есть и другая крайность: некоторые русские работники сводят на нет автономию Башкирии, ущемляют ее национально-государственный суверенитет. Поэтому, как было сказано З. Валиди, ЦК РКП(б) нашел нужным определить в принципе конституционно-правовые нормы устройства автономной Башкирской республики, учитывая необходимость укрепления ее федеративных связей с РСФСР⁴. На это З. Валиди ответил, что ни один из деятелей Башкирии в Центре и на месте не считал и не считает Башкирскую республику почти независимой от РСФСР. «Каждый из нас, — продолжал он, — придерживается основ Конституции РСФСР, где в параграфе 8 записано о предоставлении рабочим и трудящимся каждой нации принять самостоятельно решение на своем собственном полномочном Советском съезде, и мы непременно стараемся провести в жизнь основные положения Конституции РСФСР, Соглашения от 20 марта 1919 г., а не оставлять их только на бумаге»⁵.

¹ *Тоган З. В.* Указ. соч. С. 362. На деле так и случилось: впоследствии З. Валиди и некоторые его единомышленники примкнули к басмаческому движению в Туркестане.

² *Тоган З. В.* Указ. соч. С. 364.

³ Там же. С. 364.

⁴ *Юлдашбаев Б. Х.* Национальный вопрос в Башкирии... // Исторические записки. 115. М., 1987. С. 79.

⁵ ЦГАОО РБ. Ф. 22. Оп. 4. Д. 98. Л. 51. З. Валиди имел в виду § 8 главы IV Конституции РСФСР 1918 г., который гласил: 8. Вместе с тем, стремясь создать действительно свободный и добровольный, а, следовательно, тем более полный и прочный, союз трудящихся классов всех наций России, III Всероссийский съезд Советов ограничивается установлением коренных начал федерации Советских Республик России, предоставляя рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельные решения на своем собственном полномочном Советском съезде: желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в

Как видно, З. Валиди пытался убедить И. Сталина в соблюдении Башревкомом основных положений Конституции, которая для большевиков всегда являлась пустой бумагой, ширмой для прикрытия своих далеко идущих целей и задач. Центр лишь в одном вопросе поддержал просьбу З. Валиди: Артем (Сергеев) и Ф. Самойлов, не сумевшие что-либо сделать для оздоровления обстановки в «Малой Башкирии», были отозваны из республики. Туда были направлены П. Викман и П. Мостовенко, опытные революционеры, тем не менее, последний не был твердолобым большевиком и пытался вникнуть в суть событий, происходящих в Башкортостане.

Необходимо отметить, что Артем (Сергеев), Ф. Самойлов, зашоренные идеями классовой борьбы, проводили слишком прямолинейную политику, направленную на ограничение прав автономии, которая привела ко многим конфликтам. Лидеры башкирского движения всячески дискредитировались ими, налицо было их стремление вытеснить «мелкобуржуазных националистов» из сферы активной политической жизни. Недаром К. М. Ракай (Рычков), представитель демократической русской интеллигенции, тоже направленный в Башкортостан из Центра, докладывая о январских собраниях в ЦК РКП(б), подверг острой критике деятельность в Башкирской республике большевиков типа Самойлова: «Многие из наших товарищей совершенно убежденно трактуют о том, что мы должны твердо стоять на пути строгой пролетарской диктатуры, ... многие товарищи полагают, что пресловутые «самоопределение», автономии и т. п. не стоят выеденного яйца, понимая это как дипломатическую игру... Многие из наших товарищей, находясь в настоящее время в Башкирии, стремясь только выслужиться, не брезгают никакими средствами пускают в ход полное принуждение... если подобным образом действовать по отношению к инородцам, как действовали по отношению к Башкирии тов. Артем и компания, и если к тому же еще, чего я лично не допускаю, действия товарища Артема и др. санкционировались высшим партийным органом ЦК РКП ВЦИК, то это было таким идиотизмом, таким тугоумием и такой гибелью дела, что сознательно так работать могут провокаторы»¹.

Исходя из вышеизложенного К. Ракай предлагал отозвать из Башкирии Артема и его группу, стремящихся к власти. «Власть в Башкирии может быть жизненной только тогда, — продолжал он, — когда имеет корни в правосознании башкирского народа. К сожалению

остальных федеральных советских учреждениях. См.: Первая Советская Конституция (Конституция РСФСР 1918 года). Сб. док. М., 1938. С. 425.

¹ Наше отечество: опыт политической истории. Уч. пособие. Т. 2. М., 1991. С. 143–144.

нию, и старый режим, и товарищ Артем сделали все, чтобы возбудить среди башкир ненависть вообще к власти, да притом еще возглавляемой русскими»¹.

Весьма примечательным является тот настрой, с которым Ф. Самойлов прибыл в «Малую Башкирию». Первые сведения о башкирах и Башревкоме он получил в Уфимском губкоме партии, где его предупредили о том, что «Башревком находится в постоянной борьбе с органами советской власти соседних губерний»². По меткому замечанию П. Мостовенко, Ф. Самойлов, «судя по его статье в целом, последующие личные впечатления не внесли никаких поправок и решительно ничем не пополнили эту информацию и связанную с ней оценку»³.

Настроение Москвы, взявшей курс на создание сверхцентрализованного, тоталитарного государства и не желавшей по-прежнему заигрывать с «мелкобуржуазными националистами», вдохновило местных партийных функционеров, противников Башревкома, на более активные действия, о чем свидетельствуют решения пленума обкома партии от 16–18 мая 1920 г. На пленуме был переизбран президиум обкома: К. Каспранский снят с поста политического секретаря обкома как человек, связанный с Башревкомом. Под предлогом борьбы с самоуправством «националистов», с целью оправдания своих противоправных действий, пленум постановил: любое дело по обвинению коммуниста передавать в партийный суд при комитете партии; о каждом случае ареста коммуниста парткомы обязаны сообщить областному комитету⁴. В итоге постепенно складывалась партийная диктатура как в стране в целом, так и в Башкирской республике.

Отзыв Валиди в Москву, превращение его практически в заложника вызвали острое недовольство членов Башревкома, где он пользовался громадным авторитетом. Находясь в труднейшем положении, лидер башкирского движения искал каналы для информирования Башревкома о ходе подготовки целого ряда мер в отношении Башреспублики. 12 мая он сумел направить записку членам Башревкома, где в общих чертах сообщил о том, что его пригласил Сталин и

¹ Юлдашбаев А. М. Ахмедзаки Валиди Тоган // Судьба и наследие башкирских ученых-эмигрантов. Уфа, 1995. С. 17.

² Самойлов Ф. Малая Башкирия в 1918–1920 гг. М., 1933. С. 24.

³ Мостовенко П. О больших ошибках в «Малой Башкирии» // Пролетарская революция. 1928. № 5. С. 120. П. Мостовенко – чрезвычайный уполномоченный ВЦИК и ЦК РКП(б) в Башкирской республике в 1920 г. его статья появилась на страницах указанного журнала как ответ на воспоминания Ф. Самойлова, опубликованные там же.

⁴ Очерки истории Башкирской организации КПСС. Уфа, 1973. С. 242.

в «присутствии Каменева* и Владимирского** заявил о ранее принятом решении Центра по башкирскому вопросу». Это решение, по мнению З. Валиди, сводилось к созданию нового состава Совнаркома Башкирской республики, чтобы «в корне пресечь национальную рознь, который должен провести съезд Советов БССР». В записке говорилось о создании Татарской республики при сохранении Уфимской губернии¹. 14 мая по телеграфу З. Валиди дал полную информацию о решениях центра по башкирскому вопросу: о подчинении отдельных наркоматов БССР центральным наркоматам и ведомствам, направлении в Башкирскую республику комиссии «для разрешения земельных конфликтов», о передаче полномочий Башпредставительства в Москве Наркомнацу, обратился с просьбой направить его для лечения «в одну из южных губерний». З. Валиди советовал членам Башревкома активно участвовать в проведении кантонных съездов².

15 мая Башревком в ответ на телеграмму З. Валиди направил в Москву записку, в которой выражал недоумение по поводу значительного ущемления прав Башреспублики по сравнению с правами, установленными Конституцией РСФСР и Соглашением от 20 марта 1919 г. Осуждались в ней решение Центра об отзыве Валиди и Юмагулова из Башкортостана, а также негласное запрещение башкирскому народу выбирать их на Всебашкирский съезд Советов и в будущей Совнарком БССР. Башревком требовал возвращения Валиди в Стерлитамак, заявив: «... Ленин является вождем мирового пролетариата, так и Валидов является вождем башкирского пролетариата, и его работа у себя в республике необходима, так как он «знаток Востока». Здесь имеется в виду, что уже к 1917 г. Валиди был известным историком-ориенталистом. В записке особо подчеркивалось, что Башревком «не намерен принимать какой-либо отставки З. Валидова»³. Эту записку подписали 49 человек, в их числе были такие видные деятели башкирского национального движения, как Тухватуллин, Магазов, Имаков, Алкин, Ягафаров, Мутин, Бурангулов, Бишев, Куватов, Мрясов, Халиков, Каспранский, Ишмурзин и другие.

* Л. Б. Каменев возглавлял тогда рабочую комиссию по вопросу о конкретных формах объединения РСФСР и советских республик.

** М. Ф. Владимирский – член Президиума ВЦИК, зам. наркома внутренних дел РСФСР.

¹ ЦГИА РБ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 19. Л. 56.

² Там же. Л. 58.

³ ЦГАОО РБ. Ф. 22. Оп. 4. Д. 98. Л. 55.

Однако ЦК РКП(б), СНК и ВЦИК не пожелали прислушаться к голосу Башревкома, стремившегося следовать основным положениям Соглашения, Конституции РСФСР, предусматривающих «каждой нации принять самостоятельные решения по определению норм взаимоотношений с федеральными органами власти»¹. Об этом свидетельствовало отсутствие подписей членов Башревкома в подготовленном комиссией Сталина документе, хотя речь шла о дополнении к Соглашению 20 марта 1919 г. Итак, без согласования с правительством Башкирской республики, 19 мая 1920 г. ЦИК и СНК РСФСР за подписью В. И. Ленина и М. И. Калинина приняли декрет «Об отношениях Автономной Советской Башкирской Республики к Российской Советской Республике». В «Известиях ВЦИК» документ был назван постановлением «О государственном устройстве Автономной Советской Башкирской Республики». В декрете указывалось, что, согласно Конституции РСФСР, аппарат государственной власти Автономной Советской Башкирской Республики складывается «из местных Советов депутатов, Центрального исполнительного комитета... и Совета народных комиссаров Башкирской республики». Постановление определяло перечень учреждаемых в республике народных комиссариатов: 1) внутренних дел с управлением почт и телеграфов, 2) юстиции, 3) просвещения, 4) здравоохранения, 5) социального обеспечения, 6) земледелия, 7) продовольствия, 8) финансов, 9) Совета народного хозяйства с отделами труда и путей сообщения, 10) рабоче-крестьянской инспекции.

В примечании к постановлению было указано, что иностранные дела и внешняя торговля остаются целиком в ведении центральных органов РСФСР. Военные дела отдавались в ведение Башкирского военного комиссариата, непосредственно подчиненного ближайшему (Заволжскому) окружному военному комиссариату. Борьба с контрреволюцией оставалась в ведении органов ВЧК, образуемых Всероссийской чрезвычайной комиссией по соглашению с Башкирским советом народных комиссаров. Подчинение Башвоенкомата Заволжскому окружному военному комиссариату снизило его статус, ибо по положению о Башвоенкомате, утвержденному Реввоенсоветом РСФСР 5 апреля 1919 г., он в отношении военно-административного управления пользовался правами окружного военного комиссариата, подчиняясь только Всероссийскому главному штабу². Что касается БашЧК, то, по положению от 3 марта 1919 г., она дей-

¹ Первая Советская Конституция (Конституция РСФСР 1918 года). Сборник документов. М., 1938. С. 425.

² См.: Образование Башкирской АССР. С. 233.

ствовала по инструкциям ВЧК, являясь при этом самостоятельной и подчиняясь только Башревкому¹.

Декрет предоставлял автономию в действиях и ответственность за свои действия перед БашЦИК следующим народным комиссариатам: внутренних дел (без управления почтой и телеграфом), юстиции, просвещения, здравоохранения, социального обеспечения и земледелия. А наиболее важные народные комиссариаты, связанные с хозяйственными и финансовыми делами «в целях сохранения единства финансовой и хозяйственной политики РСФСР по всей территории республики», как это было сформулировано в декрете, переходили в непосредственное подчинение соответствующим народным комиссариатам РСФСР с обязательством «исполнения инструкций и распоряжений последних». К числу таких комиссариатов были отнесены: комиссариат продовольствия, финансов, Совет народного хозяйства с отделами труда и путей сообщения, рабоче-крестьянской инспекции и управление почт и телеграфов при Народном комиссариате внутренних дел². Было централизовано снабжение Башкирской АССР «необходимыми финансовыми и техническими средствами»³.

Декрет о государственном устройстве БАССР от 19 мая 1920 г. был показателем идущего в стране процесса бюрократической централизации управления. Башреспублика этим декретом практически лишалась как политических, так и экономических прав, гарантированных соглашением. Таким образом, все более или менее значительные экономические, политические и финансовые органы перешли в ведение центральных ведомств и учреждений, а за Башревкомом сохранялись лишь второстепенные административные функции, которые также должны были находиться под неусыпным надзором и контролем обкома партии, БашЧК и РКИ.

Интересно отметить, что майский декрет, за которым стояла злобующая фигура Сталина, коснулся не только Башкирской автономии. Вскоре по образцу и подобию усеченной Башкирской автономной республики были созданы Татарская, Киргизская (Казахская) и другие автономные образования. Несколько позже Сталин в изобретенное им ложе «советской автономии» попытался втиснуть Украину, Белоруссию, Закавказские республики. Можно предположить, что горький опыт «Малой Башкирии» напомнит Ленину опасность этого шага и он отвергнет сталинский план «автономизации».

¹ Мардамышев Р. Р. История Башкирской ЧК (1917–1922 гг.). Автореферат дисс. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. Уфа, 1995. С. 18.

² Образование Башкирской АССР. С. 487, 488.

³ Там же. С. 488.

Как и следовало ожидать, декрет ВЦИК и СНК РСФСР вызвал острое недовольство у лидера башкирского движения и членов Башревкома. Как пишет З. Валиди, на другой же день после подписания этого постановления он был на приеме у вождя революции и сказал ему: «В марте 1919 года мы приняли соглашение. Оба поставили под ним свои подписи. Права одной угнетенной нации востока, хотя и не в полной мере, были признаны. Через четырнадцать месяцев они превратились в прах». В. И. Ленин ему ответил: «На каком основании Вы поднимаете такие нравственные проблемы? Какой вы революционер? Чего ради цепляетесь за эти соглашения? Наше с вами соглашение — лишь клочок бумаги, который никого и ни к чему не обязывает». З. Валиди возразил ему: «Мы видели, что люди в своих отношениях должны опираться на уважение к такого рода бумажным клочкам». Весьма интересным является ответ В. Ленина: «Ошиблись. В нашей среде Вы заметите и другие особенности. Я серьезно и искренне желаю вашего сотрудничества с нами в общероссийском и мировом масштабе. Вам не к лицу поднимать такой спор из-за подписи, которая в другое время и при иных обстоятельствах вынужденно была поставлена на клочке бумаги. Сами увидите, предстоят очень важные дела»¹. Эта беседа убедила З. Валиди в том, что Ленин и большевики для достижения своей цели готовы прибегнуть к любым средствам. В ответах Ленина на вопрос З. Валиди ясно прослеживается, что действие Центра и его представителей в Башкирской республике, направленные против «мелкобуржуазно-националистического Башревкома», со всеми уступками и наступлениями проводились не только с точки зрения интересов «пролетарской революции» в России, но и с их попыткой в 1919–1920 гг. раздуть пожар мировой революции. В этих условиях В. Ленин и большевики не хотели допустить, чтобы в недрах Советской Российской республики появился островок без диктатуры пролетариата. При этом, безусловно, не следует сбрасывать со счетов и то, что значительная часть большевиков и советских работников, особенно на местах, были заражены идеями великодержавного шовинизма и никак не хотели примириться с фактом предоставления «отсталым нациям» права на самоопределение.

В Башкортостане постановление о государственном устройстве автономии было воспринято неоднозначно. Башревком выразил свое отношение к готовящемуся в Москве документу еще до его обнародования, о чем речь шла выше. После опубликования этого документа группа башкир-коммунистов из семи человек выступила с заявле-

¹ *Тоган З. В.* Указ. соч. С. 365.

нием о принципиальном несогласии с декретом правительства и поставила вопрос о пребывании в рядах партии большевиков. При этом авторы заявления во главе с К. Каспранским ссылались на наличие у Башкортостана своих социально-экономических особенностей, на отсутствие у башкир глубоких социальных противоречий, и отсюда делали упор на необходимость осуществления советского строительства собственными силами¹.

В то же время обком РКП(б) восторженно встретил это постановление. Сразу же, 19 мая 1920 г., состоялось заседание президиума Башкирского обкома партии, на котором было заявлено, что он находит декрет «абсолютно соответствующим тактике РКП(б) и интересам целесообразности в местных условиях» и постановило принять его «к точному и неукоснительному проведению в жизнь»². 7 июня обком РКП(б) дал свое разъяснение в связи с заявлением группы башкирских коммунистов. В нем отстаивался майский декрет, утверждалось, что партия является «могучим защитником классовых интересов» башкирской бедноты, в то время как «подавшие заявление не пролетарии, у них нет классового инстинкта, который является «фундаментом коммунистического мировоззрения». Обком в своем разъяснении снисходительно разрешал заявителям оставаться в партии, указав, что коммунисты обязаны «проводить везде и всюду общепартийную линию»³.

Партийная организация Башкирской республики не ограничилась лишь внедрением башкирской бедноте «коммунистического мировоззрения». В дальнейшем она стала проводить политику репрессий и преследований по отношению к лидерам башкирского национального движения.

Майское постановление центральных властей, изоляция от Башкортостана З. Валиди и Х. Юмагулова подверглись резкому осуждению и со стороны башкирского населения. Так, на заседании Тамьян-Катайского кантревкома, состоявшемся 24 мая 1920 г., с информационным докладом о политике Советского правительства по башкирскому вопросу выступил член Башревкома, один из активнейших участников башкирского движения М. Халиков, о котором З. Валиди писал: «Этот человек стал одной из главных фигур в борьбе Башкортостана за автономию»⁴. Заслушав его доклад, кантревком отметил

¹ ЦГА ОО РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 255. Л. 1–6 об.

² Образование Башкирской АССР. С. 489, 440.

³ Там же. С. 491–493.

⁴ *Тоган З. В.* Указ. соч. С. 237. М. Халиков в свое время вел переговоры об условиях перехода башкирских войск на сторону Красной Армии, был членом башкирской делегации, подписавшей Соглашение. В октябре 1920 г. он обратился с

изменение «восточной политики РСФСР и как следствие этого отозвание Валидова и Юмагулова – есть не только уничтожение Соглашения 20 марта 1920г., но и принципов Российской Конституции в части, касающейся вопроса о самоопределении наций». Заседание кантревкома в своем решении записало, что «устранение т. Валидова – вождя башкирского пролетариата – есть крушение всех надежд и чаяний революционной части башкир». В случае отказа РСФСР признать БССР и невозвращения Валиди, говорилось на заседании, апеллировать к «международному пролетариату всего мира и к III Интернационалу, всеми имеющимися в распоряжении Башревкома средствами»¹.

Действительно, группа башкирских коммунистов из 45 человек, куда входили М. Халиков, С. Мрясов, М. Бурангулов, А. Бишев и другие известные участники башкирского национального движения, в июне 1920 г. направила в адрес Исполнительного комитета III Интернационала обращение любопытного содержания: «Мы констатируем, – говорилось в нем, – что у РКП(б) дело расходитя со словами, что ЦК РКП(б) нарушил программу партии о праве нации на самоопределение. Поэтому мы не можем более оставаться в составе той партии, неправильные действия которой мы не можем принять на себя и заявляем, что мы, нижеподписавшиеся коммунисты-башкиры, выходим из состава РКП(б) и образуем самостоятельную коммунистическую партию. Желаем войти в состав III Интернационала»². Данная апелляция, как видим, носила чисто формальный характер, ибо ее авторы не могли не знать, что III Интернационал создан самим РКП(б) и, естественно, не могло быть и речи об образовании «башкирской компартии» с ее вхождением в III Интернационал.

На события, происходящие в Башкирской республике, откликнулись башкиры Уфимской губернии. Жители Ильчегуловской волости, Белебеевского уезда 3 июня обратились с заявлением в адрес Башревкома. В первом пункте заявления содержалась просьба – «объединить их в Башкортостан», во втором – требование вернуть Валиди «обратно в свою должность по Башкирии, так как Валидов единственный работник и дух всей Башкирии». «Заявление народа», как пишется в конце этого документа, от имени башкир указанной волости подписали М. Бахтияров и А. Имашев³.

заявлением в адрес ЦК РКП(б), в котором осудил политику Центра в Башкирской республике.

¹ ЦГАОО РБ. Ф. 22. Оп. 4. Д. 5. Л. 20.

² Там же. Ф. 9776, Оп. 2. Д. 50. Л. 30.

³ ЦГИА РБ. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 125. Л. 28.

Такие же собрания и митинги в июне 1920 г. прошли во многих кантонах и населенных пунктах Башкортостана. Так, 11 июня в г. Стерлитамаке состоялся митинг красноармейцев башкирских частей, участники которого заявили: «Мы, красноармейцы Башсоветреспублики, являемся вооруженной силой против посягателей Башреспублики, опорой башкирского пролетариата и Башревкома». Далее в резолюции митинга говорилось: «... до нас дошли сведения о том, что основатель башкирской Красной Армии, воспитатель башкирского пролетариата в революционном духе, вожди башкирского пролетариата гг. Валидов и Юмагулов оставлены в Москве. Это для нас, сынов революции, является неожиданностью и печальным известием. Мы категорически требуем возвращения гг. Валидова и Юмагулова и работы их среди башкирского народа»¹. Такие резолюции собраний и митингов, телеграммы поступали со всех кантонов, в которых защищалась позиция Башревкома по отношению к майскому декрету и содержалось требование о возвращении в Башкортостан З. Валиди и Х. Юмагулова, воспринимавшихся башкирами как «вожди народа»².

Однако Москва, сумевшая к этому времени значительно укрепить свои позиции в Башкортостане, изолировать от него башкирские части, которые сражались на полях Украины или были уже расформированы, не проявила склонности прислушаться к мнению Башревкома и башкирского населения, поддерживавшего его политику.

Эта позиция Центра нашла свое отражение в постановлении заседания Президиума ВЦИК, состоявшегося 7 июня 1920 г. по вопросу о Башревкоме, на котором присутствовали Бухарин, Калинин, Каменев, Томский, Енукидзе и другие. По данному постановлению Х. Юмагулов, З. Валиди, а также представители ВЦИК Артем, Ф. Самойлов, как оказавшиеся неспособными примирить борющиеся в Башкортостане группы, подлежали отзыву. Юмагулова было решено устранить из состава ВЦИК и предать суду «за арест ответственных коммунистов, членов обкома Башкирии и за другие, связанные с этим актом правонарушения». Как видно, в Москве не забыли про январские события. Представитель ВЦИК Малютин вводился в президиум Башревкома, а в комиссию по созыву съезда Советов БАССР

¹ ЦГИА РБ. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 10. Л. 30.

² Там же. Д. 65а. Л. 169. Выдвижение своих «вождей башкирского пролетариата» делалось, безусловно, по аналогии с тем, что происходило в стране в целом вокруг имен В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого.

включались Мостовенко и Викман, которые могли действовать в ней как представители ВЦИК¹.

Итак, майский декрет 1920 г. стал шагом на пути ограничения прав автономной республики. На очереди стояла задача ликвидации Башревкома, добившегося в упорной борьбе признания Центром объявленной еще 16 ноября 1917 г. автономии Башкортостана. Майский декрет означал, что дни Башревкома сочтены. В тоталитарно-бюрократическом государстве с неограниченной диктатурой одной партии не было места органу, созданному демократическим путем, в процессе национально-освободительного движения. Падение Башревкома было неизбежно в условиях жесткой централизации, когда сам В. И. Ленин дал установку осуществлять «железную, беспощадную, твердую власть рабочих, которая ни перед чем не останавливается и которая говорит: «Кто не с нами – тот против нас»². Эта установка особенно ярко проявилась в действиях обкома партии и БашЧК. 15 июня 1920 г. председатель БашЧК С. С. Лобов направил всем канткамам БССР циркулярное письмо с требованием, чтобы каждый коммунист в башкирских кантонах приложил «свои силы, дабы везде на улицах и площадях, в базарах и очередях, на фабриках и заводах были свои уши и глаза», обязанные «осведомлять ЧК обо всем, что замечено ими контрреволюционного». Председатель ЧК БССР выражал уверенность, что «только при самой широкой поддержке всех коммунистов и при самом усиленном наблюдении со стороны партии коммунистов, ЧК сможет справиться с тяжелой работой»³.

Центральные власти и местные парторганизации, интересующиеся в первую очередь политической благонадежностью населения, свою основную задачу в Башкортостане видевшие в борьбе с национализмом, мало что сделали для облегчения положения башкирского народа. Недаром впоследствии С. Диманштейн, член Наркомнаца, направленный в «Малую Башкирию», в своем докладе о работе в Башреспублике откровенно писал, что «от революции башкир ничего особого материального не получил. Бывшие помещичьи земли и значительные вотчинные угодья башкир попали главным образом более сильным элементам переселенцев или совхозам, где работают более способные к земельному производству русские. От фабрик и заводов ничего не попало башкирам, не имеющим в своей среде рабочих»⁴.

¹ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 37. Д. 5. Л. 130.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 295.

³ ЦГАОО РБ. Ф. 22. Оп. 4. Д. 23. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 18, 18 об.

К тому же, деятельность «Башкиропомощи» сводилась на нет действиями продотрядов, вывозивших из Башкортостана и Уфимской губернии продукты питания в большом объеме, выполняя план продразверстки. Например, на заготовительные пункты Уфимского губпродкома в 1919–1920 гг. поступило 14 млн. 323 тыс. пудов хлеба, что составляло 9,5 % от всего хлеба, заготовленного наркомпродом в губерниях РСФСР. Башкортостан тогда дал стране столько хлеба, сколько дали шесть губерний РСФСР, вместе взятые: Воронежская, Орловская, Пензенская, Пермская, Уральская и Царицынская¹. Даже в неурожайном 1920/21 хозяйственном году из Уфимской губернии и «Малой Башкирии» по продразверстке было вывезено 13 млн. пудов хлеба, более миллиона пудов мяса и жиров, а также сотни тысяч пудов других видов продовольствия и сырья². Поэтому неудивительно, что в 1921 г. население Башкортостана голодало, и за два голодных года погибло, по далеко не полным данным, 650 тыс. человек³. Особенно сильно сократилась численность башкир: если по данным переписи 1920 г. в Башкортостане коренных жителей насчитывалось около одного миллиона человек, то к 1926 г. их осталось лишь 625 тыс.⁴ Это объясняется тем, что продотряды особенно безжалостно обирали башкирское население, огульно объявленное ими контрреволюционным. Об этом говорилось, например, в обращении Башревкома Советскому правительству от 15 мая 1920 г. Уже тогда Башревком писал, что башкиры умирают с голоду⁵. Так, военком Яланского кантона Ш. Шарипов в 1920 г. сообщал Башкирскому обкому партии и Башвоенкомату о бедственном положении башкирского населения из-за того, что «Яланский кантон безропотно отдавал сотни тысяч пудов хлеба по разверстке, хотя последняя проводилась с явным пристрастием. Бывший продкомиссар т. Жижин недвусмысленно выражался, что башкир нечего жалеть»⁶.

¹ Гужвенко Г. И. Народное хозяйство Башкирии в период перехода к НЭПу // Социалистическое хозяйство Башкирии. 1940. № 11, 12. С. 24.

² Сираев З. И. Продовольственная помощь трудящихся Башкирии фронту и пролетарским центрам Советской России в 1918–1920 гг. // Из истории Башкирской АССР. Сб. статей. Уфа, 1959. С. 65.

³ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 2. Уфа, 1961. С. 198.

⁴ Кузеев Р. Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978. С. 239.

⁵ ЦГАОО РБ. Ф. 1032. Оп. 2. Д. 98. Л. 53.

⁶ Там же. Ф. 22. Оп. 5. Д. 80. Л. 28. Кстати, за это сообщение Ш. Шарипов был обвинен в национализме и в 1921 г. во время чистки членов РКП(б) был исключен из рядов партии. Он же указал, что комиссия по чистке партии, находящаяся в Яланском кантоне под председательством Михеева, «охотно принимала и разбираала все заявления граждан на ответработников коммунистов-башкир, замалчивала грехи русских членов РКП(б)».

Между тем положение Башревкома к июню 1920 г. стало критическим. На его неоднократные обращения с требованием возвращения З. Валиди в Стерлитамак Центр никак не реагировал. Фактически к этому времени всеми делами Башкирской республики управлял обком партии, который вообще перестал считаться с Башревкомом, о чем свидетельствуют материалы его заседаний, письма и обращения¹.

План дальнейших действий для членов Башревкома в сложившейся обстановке был очерчен в письме З. Валиди к ним от 15 июня 1920 г. В нем говорилось о мерах, выработанных для защиты Башкортостана и достижения полной автономии совместно с представителями Туркестана, Татарстана, Киргизстана. Прежде всего, подчеркивалось, что «Центр отнимает все экономические богатства Башкортостана, а также политические органы, но оставляет нечто вроде культурно-национальной автономии». В этой связи Валиди советовал своим единомышленникам «захватить в свои руки богатства Башкортостана», выбирать его и Юмагулова в органы, которые ведали продовольственными делами. Он же предлагал немедленно созвать кантонные съезды и провести выборы местных властей, усилить требования по возвращении в Башкортостан его и Юмагулова. В случае отказа Центра выполнить эти требования, Валиди рекомендовал образовать независимую от РКП(б) «восточную коммунистическую партию Азии» с конъюнктурным лозунгом «освобождения всех бедных народов Востока». З. Валиди предлагал членам Башревкома разъехаться по Востоку и не оставлять в Стерлитамаке башкир, готовых служить «русским шовинистам», которые могли бы своим влиянием привлечь башкирский народ на их сторону. Предлагалось распустить с оружием башкир-красноармейцев по домам, но оставлять для поддержания связей с кантонами, с центром Башкортостана надежных людей в Орске, Оренбурге².

Башревком обсудил письмо З. Валиди на своем конспиративном совещании, в работе которого участвовали около 50 человек, «исключительно башработники», т. е. люди, которые с 1917 г. находились в рядах башкирского движения. В ходе работы совещания выделились две группы башкирских деятелей, одна из которых, представленная И. Мутиным, И. Алкиным, А. Ишмурзиным, А. Ягафаровым, Т. Имаковым, полностью разделяла план действий, очерченных З. Валиди. Другая группа, куда входили А. Бишев, М. Халиков, К. Идельгужин, Ф. Ахмедуллин, занимала более умеренную пози-

¹ Образование Башкирской АССР. С. 489, 491, 492.

² Там же. С. 494, 495.

цию и выступила за продолжение сотрудничества с советской властью. Однако большинство участников совещания поддержало взгляды З. Валиди на возникшую ситуацию¹.

Члены Башревкома, увидев бесполезность дальнейшего сопротивления наступлению шовинистических сил, следуя установке З. Валиди, уже 16 июня один за другим стали уезжать на «охоту», «на кумыс», «на праздник» (в это время наступали религиозные празднества «уразабайрам»). В Стерлитамаке остался лишь один А. Ягафаров, член Башревкома и комиссар госконтроля Башкирской республики².

17 июня покинувшие Стерлитамак члены Башревкома созвали в д. Ново-Усманово Бурзян-Тангауровского кантона совещание, которое признало положение безнадежным и решило разъехаться всем «по горам и степям Башкирии и Киргизии»³. Ими же 20 июня была принята декларация, которая гласила: «Ввиду великодержавных русских тенденций, всячески тормозящих развитие нацменьшинств, недоверия Центра к башкирским коммунистам башкирские ответственные работники покидают Башкирию, уходят в Туркестан для создания там самостоятельной восточной коммунистической партии... Цель ухода – ни в коем случае не поднимать народные массы против Советской власти, а лишь оставлением постов протестовать против русского шовинизма»⁴. 21 июня 1920 г. состоялось расширенное экс-

¹ ЦГА ОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 399. Л. 103.

² Образование Башкирской АССР. С. 903.

³ Там же. С. 506.

⁴ Муртазин М. Л. Башкирия и башкирские войска в гражданскую войну. М.; Л., 1927. С. 187. В этих условиях З. Валиди считал бессмысленным находиться во главе республики. Это была позиция человека честного, целеустремленного и принципиального, т. е. он не мог поступиться своими принципами и дальше сотрудничать с большевиками, нарушающими свои слова. В нашей историко-публицистической литературе бытует мнение, осуждающее членов Башревкома, в том числе З. Валиди, за уход со своих постов и бегство. По их представлению (Г. Шафиков, например), З. Валиди и другие члены Башревкома должны были вести борьбу и дальше. Но подобный подход к данной проблеме несколько прямолинеен. Во-первых, уход лидеров башкирского движения со своих постов был своего рода формой протеста против действий центральных властей. Во-вторых, не все члены Башревкома были сторонниками этой тактики и затем они вернулись, так сказать, на свои рабочие места. В-третьих, и это самое главное, З. Валиди, находясь в Москве и общаясь с вождем революции, прекрасно понял, что дни Башревкома сочтены, что Центр терпит его и Юмагулова у власти до поры до времени, что в ближайшем будущем на них обрушится топор репрессий и, как дальновидный политик, решил вести борьбу против большевистского режима вне пределов Башкортостана и Центральной России. К тому же общеизвестно, что З. Валиди выступал за реальные автономные права, за экономическую самостоятельность республики, за сохранение национальных вооруженных сил. От них к весне 1920 г. ничего не осталось. См.: Советская Башкирия. 23.09.97. Интервью Г. Шафикова.

тренное заседание Башкирского обкома партии в связи с уходом членов Башревкома со своих постов. На этом совещании единственный представитель Башревкома А. Ягафаров официально заявил о травле обкомом партии башкирских деятелей. Он же высказался о том, что «Положение о БССР от 22 (19) мая 1920 г. произвело на наших ответственных работников убийственное впечатление. Мы создали автономную республику, теперь Центр ее не дает. Нам стало ясно, что мы работаем в пустом пространстве»¹. Его заявление было воспринято членами обкома партии как очередное проявление «буржуазного национализма». 23 июня состоялось очередное заседание Башкирского обкома РКП(б), где обсуждался вопрос о создании нового Ревкома в связи с прекращением существования Башревкома старого состава. В постановлении заседания речь шла о подготовке кандидатов в новый высший орган власти республики. И, наконец, 26 июня был создан Ревком, который взял в свои руки всю полноту власти в «Малой Башкирии» до созыва Всебашкирского съезда Советов. Он состоял из следующих лиц: председателем Башревкома стал Ф. Мансырев, бывший питерский рабочий, его заместителем — П. Викман, секретарем — Г. Уразов, членами — П. Зудов, С. Лобов, А. Семякин, Х. Хуснутдинов и А. Баталов. А. Ягафаров не вошел в состав Башревкома и передал свои полномочия и печать новому Ревкому². Интересно отметить, что в новом Ревкоме Башкирской республики не было ни одного известного представителя башкирского народа, и это достаточно ярко показывает позицию Башкирского обкома партии по национальному вопросу. Наглядное представление о новом Башревкоме и его председателе Мансыреве дает письмо видного деятеля башкирского национального движения М. Халикова. Обращаясь к председателю Исполкома Коминтерна Г. Е. Зиновьеву и В. И. Ленину в октябре 1920 г., он писал: «Мне как очевидцу всех событий в Башкирии, стало невозможным умолчать о творящихся здесь безобразиях и я решил... обратить ваше внимание на создавшееся в Башкирии за последнее время положение; при том я задаюсь целью осветить положение совершенно беспристрастно, основываясь только на очевидных фактах.

Образовавшийся после бегства старого Башревкома новый во главе с Мансыревым Михаилом, появившимся первый раз на территории Башкирии, некомпетентным в башкирских делах и ничего особенного из себя не представляющим, не был признан башкирами как вождь, глава пролетарской массы...

¹ Образование Башкирской АССР. С. 497.

² Там же. С. 500, 501.

Башревком Мансырева, состоявший, как и он сам, из самых темных и неизвестных для башкир лиц, которые тотчас же, как заняли свои посты, не будучи даже в курсе о положении дел в Башкирии, начали стягивать войска в район Темясово из Оренбурга и из разных других укрепунктов, предполагая, что бежавшие собрались там и собирают силы для борьбы с кем-то. Однако в районе Темясово никого не оказалось и ничего не было, а между тем прибывшие туда войска занимались только грабежом и избиением ни в чем не повинных башкир».

По мнению Халикова, «население окончательно запугано... Никто не уверен, что завтра еще он будет жив... Все это вызывает недовольство народа, недоверие его к существующей власти и способствует дезертирству, которое приняло за последнее время массовый характер...»

Также М. Халиков в своем письме сделал попытку раскрыть причины всеобщего кризиса в Башкортостане, обусловившего бегство Башрревкома. Он доказывал, что, «во-первых, Центр не обратил внимания на действия от имени партии всяких местных проходимцев вроде Поленова, Чистякова, Иштимерова и прочих, несмотря на то, что все это было доведено до Центра в многочисленных телеграммах Башрревкома на имя Центрального правительства; во-вторых, изъятие экономическо-хозяйственных органов из ведения Башреспублики, что отняло возможность развернуть культурное строительство в этой бедной стране (имеется в виду майский, 1920 г., декрет ВЦИК); в-третьих, институты уполномоченных Центра в Башкирии, которые только тормозили и тормозят в работе; в-четвертых, отозвание Валидова и Юмагулова, как самых авторитетных лиц в Башкирии... у власти в Башкирии, так и на местах стоят карьеристы, самые неспособные в управлении страной и самые некомпетентные в башкирских делах люди, люди с убеждением, что всякая республика временное зло, с которым надо бороться». В то же время М. Халиков полагал, что «появление авторитетной власти в Башкирии, состоящей из известных башкирам коммунистов-башкир, несомненно, моментально ликвидирует всякие недоразумения и дезертирские восстания и восстановит полное спокойствие в стране»¹. Дело в том, что Центр не был склонен предоставлять самим башкирам право, хотя бы автономно, управлять своей республикой. Центральные власти, как об этом откровенно говорил их представитель в Башкортостане С. Диманштейн, предлагали лишь «особенно усиленно выдвигать башкир на посты, имеющие декоративный

¹ Давлетшин Р. А. «... Предлагаем не отталкивать Халикова» // Возвращенные имена. Уфа, 1991. С. 257, 258.

характер: в президиум БашЦИК (отделив пост его председателя от поста председателя БашСНК). Выбирать башкир во всякие Пленумы, которые самостоятельно ничего не выполняют». Касаясь партийного строительства в Башкортостане, С. Диманштейн также указывал: «Для того, чтобы башкир не смотрел на компартию как на русскую и на вступающих в нее как на продавшихся русским, следует иметь хоть какую-то видимость башкирского в парторганизации». Вот так – откровенно и цинично! А что касается бежавших членов Башревкома, то по предложению С. Диманштейна, массам «отнюдь не следует объяснять, что они бежали потому, что были националистами-шовинистами, этим только увеличим симпатии башкир к ним, а следует указать на то, что они слишком мало делали для Башкирии, ругаясь с Центром, чтобы только усилить личную власть и недостаточно старались доставать отсюда все, что нужно для населения. Боявшись ответственности перед съездом, взяли да сбежали». Более того, С. Диманштейн с целью дискредитации сбежавших членов Башревкома, предлагал обвинить их в совершении различных уголовных деяний (захват государственных сумм, подделка документов и т. п.). Притом, по его мнению, «больше всего надо обрушиться на Валидова и Алкина»¹. Все эти «ценные предложения» С. Диманштейна были взяты на вооружение ЦК и обкомом партии при проведении своей политики в Башкирской республике.

Об отсутствии какой-либо поддержки и доверия к новому Ревкому, созданному коммунистами из русских и татар, писал М. Муртазин в своей книге «Башкирия и башкирские войска в гражданскую войну» (М.; Л., 1927). По его мнению, новый Ревком не только не пользовался авторитетом у башкирского населения, а, скорее всего, его создание было воспринято башкирами как победа более сильных и многочисленных наций над ослабленной и малочисленной. В итоге все это «породило в Малой Башкирии обстановку резкого обострения межнационального антагонизма»².

Действительно, в кантонах Башкирской республики в знак протеста против ликвидации валидовского и действий нового Башревкома началось брожение, доходящее в некоторых волостях до открытого вооруженного столкновения. В конце июня А. Измайлов, член обкома РКП(б), побывал в Кунашакской волости Аргаяшского кантона. «На базарной площади, – писал он в своем отчете, – толпа башкир избивала милиционеров, раздались выстрелы». Все это он объяснял «контрреволюционной деятельностью» бывших членов Башревкома. Как

¹ ЦГА ОО РБ. Ф. 22. Оп. 22. Д. 23. Л. 19.

² Муртазин М. Л. Указ. соч. С. 17.

видно из его отчета, он провел митинг с участием местного населения и «рассказал» темной массе «о бегстве Башревкомовцев и их прихвостников». В Аргаяшском кантоне налицо противостояние населения с одной стороны, коммунистов и милиционеров – с другой¹. Аналогичные сведения поступали и из других кантонов, в частности Юрматынского². А в Тамьян-Катайском кантоне 12 июля было объявлено военное положение из-за слухов о действиях там «хорошо вооруженного башкирского формирования, численность которого не выяснена»³.

В этих условиях обком РКП(б) направил телеграмму канткамам партии с указанием необходимости разоблачения бежавших членов Башревкома и развертывания агитации в поддержку нового состава Башревкома. В ней говорилось, что новый состав Башревкома «пользуется полным доверием и поддержкой Обкома». В телеграмме давалось указание рассматривать членов переставшего существовать Ревкома как «преступников перед партией, центральной властью... башкирской беднотой». Канткамы и кантревкомы должны были пополнить свои составы в случае «бегства их членов» и вести агитацию под лозунгом «Борьба с национальной травлей и поддержка нового Башревкома»⁴. Обком партии также выпустил воззвание «Ко всем трудящимся Советской Башкирии, ко всем башкирским войскам, к доблестным башкирским полкам, сражающимся против панской Польши». В нем члены разгромленного Башревкома были объявлены «национал-шовинистами, выразителями интересов кулачества». В то же время утверждалось, что якобы новый Ревком будет защищать интересы башкирской бедноты⁵. Центр, как и следовало ожидать, поддержал создание нового Башревкома, и все шаги обкома партии по ликвидации старого Ревкома БАССР. В тот же день член президиума Башкирского обкома РКП(б) П. Викман связался с секретарем ЦК РКП(б) Н. Крестинским. Последний заявил, что президиум ВЦИК признает новый состав Башревкома и поручает ему и Мостовенко быть «представителями от ВЦИК в Башревкоме до созыва съезда Советов Башкирии»⁶. 2 июля 1920 г. ВЦИК РСФСР окончательно утвердил Башревком нового состава⁷.

¹ ЦГИА РБ. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 23. Л. 52.

² ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 396. Л. 1.

³ Там же. Л. 5–6.

⁴ Образование Башкирской АССР. С. 503.

⁵ Там же. С. 504–506. Эта «защита» в дальнейшем обернулась целой трагедией для башкир – расстрелами, насилиями, грабежами отряда чекистов Поленова в юго-восточных башкирских районах в августе–декабре 1920 г. (См.: Образование Башкирской АССР. С. 570–574).

⁶ Образование Башкирской АССР. С. 507.

⁷ Там же. С. 508.

5 июля на заседании нового Башревкома были избраны руководители народных комиссариатов: финансов – Озоль, рабоче-крестьянской инспекции – Войцехович, земледелия – Хасанов, юстиции – Дмитриев, продовольствия – Малютин, просвещения – Айдаров, здравоохранения – временно оставлен прежний нарком Куватов, соцобеспечения – тоже временно – Фахретдинов, по военным делам – Ахлов, труда – Бишев (временно), начальником статуправления – Мухин, связи – Максимов. Управделами Башвоенревкома был назначен Таиров, зав. центром печати – Тимонкин¹. Итак, лишь три человека из прежнего Башревкома – Куватов, Фахретдинов и Бишев – временно сохранили свои посты.

7 июля из Москвы были отозваны в Стерлитамак Бикбавов и Адигапов, возглавлявшие Башпредставительство при ВЦИК и Наркомнаце. Вместо них туда был направлен Ш. Н. Ибрагимов².

В кантрревкомах также произошли соответствующие изменения. Более того, по решению НКВД БАССР были определены новые центры кантонов: из башкирских сел они переводились в населенные пункты, где в основном проживали русские или татары. Так, центр Табынского кантона из Зилим-Караново переехало в с. Кармаскалы, Бурзян-Тангауровского – из с. Темясово в Баймак и т. д.³

Новый Башревком 5 июля вынес постановление о принятии мер «к задержанию прежних бежавших членов Ревкома с целью истребования от них отчетов и пресечения контрреволюционной агитации»⁴. Еще раньше (27 июня) в адрес ЦК РКП(б), ВЧК была направлена телеграмма, подписанная членом Наркомнац, находившимся тогда в Стерлитамаке С. Диманштейном и членом обкома партии Г. Шамигуловым, о том, что «Валидов организует правых элементов Востока против Советской России. Необходимо принять меры против них, как контрреволюционеров»⁵.

Серьезные противоречия выявились и в ходе кантонных съездов советов, проводившихся накануне созыва Всебашкирского съезда Советов. Обком партии и новый Башревком возлагали большие надежды на эти съезды, призванные укрепить их положение и разоблачить деятельность валидовского Башревкома.

¹ ЦГИА РБ. Ф. Р-933. Оп. 1. Д. 22. Л. 4.

² Там же. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 55а 3. Л. 119.

³ Там же. Ф. Р-933. Оп. 1. Д. 22. Л. 11, 34.

⁴ Там же. Л. 4.

⁵ Там же. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 11. Л. 8.

§ 3. I Всебашкирский съезд Советов и его решения

Логическим завершением всех конфликтов и интриг, возникших вокруг Башкирской автономии и ее руководящего органа — Башревкома, стал Всебашкирский съезд Советов, давший всю полноту власти в республике в руки человека, который вообще не признавал права народов на самоопределение и являлся ярким противником башкирского национального движения с момента его зарождения. Речь идет о члене партии с 1910 года, бывшем приказчике Г. Шамигулове, упрекавшем даже самого И. Сталина в проявлении мягкотелости по отношению к З. Валиди. По этому поводу И. Сталин, выступая на секретном IV совещании ЦК РКП(б) (1923 г.), где рассматривался вопрос о «султангалиевщине», говорил: «Меня упрекали левые товарищи еще в начале 1919-го года, что я поддерживаю Султан-Галиева, берегу его для партии, в надежде, что он перестанет быть националистом, сделается марксистом... Я слышал такой же упрек со стороны т. Шамигулова, что я, вопреки... настояниям покончить одним ударом с Валидовым, защищал Валидова, стараясь сохранить его для партии. Я, действительно, защищал, надеясь, что Валидов может исправиться. Не такие люди исправлялись, об этом мы знаем из истории политических партий. Я решил, что Шамигулов слишком просто решает вопрос. Я его совету не последовал. Правда, предсказание Шамигулова оправдалось через год. Валидов не исправился, он ушел к басмачам. Но все-таки партия выиграла оттого, что мы на год задержали уход Валидова из партии. Если бы мы в 1918 году расправились с Валидовым*, я убежден, что такие товарищи как Муртазин, Адигамов, Халиков** и другие не остались бы в наших рядах»¹.

Созыву Всебашкирского съезда Советов предшествовали кантонные съезды Советов, рассматривавшие вопросы о делегатах предстоящего съезда в Стерлитамаке, о поддержке нового Башревкома, бегстве «валидовцев», а также земельную и другие проблемы. Кантонные съезды советов, прошедшие еще до образования нового Башревкома, в основном принимали решения о полной поддержке старого Башревкома, осуждали «враждебные выступления по от-

* Здесь имеется в виду арест в феврале 1918 г. членов Башкирского правительства во главе с З. Валиди, которые затем содержались в Оренбургской тюрьме.

** Все перечисленные «оставшиеся в рядах партии товарищи» были репрессированы, подверглись расстрелу как «валидовцы».

¹ Тайны национальной политики ЦК РКП(б). Стенографический отчет секретного IV совещания ЦК РКП(б), 1923 г. М., 1992. С. 81.

ношению к Башреспублике соседних губерний», призывали центральные власти не верить «ложным доносам врагов республики» и отказаться от «неопределенной тактики» в своей политике по башкирскому вопросу. Такие пункты имелись, например, в резолюциях Аргаяшского кантонного съезда советов, состоявшегося в середине мая 1920 года¹.

В дальнейшем кантонные съезды проходили в атмосфере напряженности: новый Башревком прилагал все усилия, вплоть до применения вооруженной силы, массовых арестов, для осуществления своих замыслов. Наиболее показательным в этом отношении является работа I съезда Советов Бурзян-Тангауровского кантона, начавшегося 25-го июня под председательством Ш. Худайбердина, известного башкирского большевика, возглавлявшего оргкомиссию по созыву этого съезда. В своей докладной записке, представленной новому Башревкому, он отметил, что среди делегатов съезда «настроение стало повышаться: произносились горячие речи, указывалось, что ЦК РКП(б) изменяет свою политику в восточном вопросе, что Соглашение РСФСР с БССР стало не больше, чем (пустым) звуком, что Московское правительство играет башкирским народом». Вносились предложения «о непризнании нового состава правительства», т. е. нового Башревкома. Но, как пишет Ш. Худайбердин, благоразумие взяло верх. Была создана комиссия для выяснения поднятых вопросов. Тем временем в село Темясово стали прибывать воинские части, направленные сюда новым Башревкомом из Стерлитамака, Преображенска. Появился здесь и отряд особого назначения из Оренбурга. Эти части, по сообщению Худайбердина, вели себя «как во вновь завоеванной стране». Делегаты съезда были арестованы, производились обыски. Вся эта военная акция, проводимая с целью разгона съезда Советов Бурзян-Тангауровского кантона, была организована со ссылкой на фантастические слухи о действующих здесь мифических «башкирских белогвардейских бандах» численностью до 2–3 тыс. человек². На самом деле в кантоне, в частности в Темясово, не было никаких «башкирских банд». Наряду с вооруженным подавлением мирных выступлений делегатов кантонных съездов новый Башревком направил своих членов в кантоны для непосредственного руководства работой местных съездов Советов. Так, I Табынский кантонный съезд Советов, открывшийся 2-го июля 1920 года, прошел при участии двух членов Башревкома: П. Зудова и Х. Хуснутдинова,

¹ ЦГИА РБ. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 23. Л. 27, 28.

² Образование Башкирской АССР. С. 508–512.

которые задавали тон всем выступлениям и принятым решениям. Зудов и Хуснутдинов, как основные докладчики, добились принятия постановления, осуждающего «действия старого Революционного комитета, который покинул свои революционные посты» и полностью одобряющего «действия Областного комитета о назначении нового Ревкома»¹.

После разгрома валидовского Ревкома была создана новая, так называемая особая комиссия по подготовке съезда Советов Башкирской республики, в состав которой вошли два представителя от Башкирской АССР (Ф. Мансырев и Г. Шамигулов), два от Российской Федерации, (П. Мостовенко и П. Викман) и один – по соглашению сторон (Д. Малютин). Последний, занимавший пост наркомпрода республики, стал председателем этой комиссии². В июле 1920 года особая комиссия обнародовала «Манифест о созыве Всебашкирского съезда Советов». В нем говорилось о решении земельного вопроса в пользу бедняков, о стремлении к «действительной свободе», «о священной борьбе за коммунизм», против которого выступает международный капитал. В «Манифесте» разоблачались представители башкирской мелкобуржуазной интеллигенции как «честолюбивые фразеры-карьеристы, жадные в своей погоне только за личными удобствами авантюристы и прочий социальный хлам», что якобы их подкупила «богатая тогда капиталом контрреволюционная буржуазия». Посему-де «старый Башревком, предусмотрительно убоявшись заслуженного и справедливого гнева башкирского трудового народа, позорно, трусливо бежал как раз накануне созыва I Всебашкирского съезда Советов». Дальше шел целый набор ярлыков, которые навешивались на членов Башревкома: бандиты, бродячая шайка дезертиров-шкурников, отбросы трудового народа Башкирии и т. д. «Манифест» основной задачей съезда Советов определил «единение всех трудящихся» для решения сложных задач, стоящих «перед трудовой Башкирией». В этом документе был даже выделен особый раздел об освобождении «угнетенного башкирского народа» как о деле всех трудящихся, где лидеры башкирского национального движения были названы «предателями башкирского трудового народа».

Члены нового Башревкома, обкома РКП(б) делали все, чтобы свести до минимума участие в работе предстоящего съезда делегатов из башкир. О том, как работала комиссия по подготовке съезда, ярко свидетельствуют воспоминания П. Мостовенко. Вот что он

¹ Образование Башкирской АССР. С. 517, 518.

² Там же. С. 541.

писал о ходе выборов в «Малой Башкирии» делегатов съезда: «... Я приехал в Стерлитамак как раз ко времени открытия I Всебашкирского съезда Советов... Тов. Шамигулов тут же кратко ознакомил меня с положением дел. По его информации, оно представлялось блестящим – состоял почти исключительно из коммунистов. Я прежде всего, однако, обратил внимание на совершенно микроскопическое количество делегатов-башкир и выразил сомнение, чтобы было удобно и соответствовало директиве Центра организовать Башреспублику при полном почти отсутствии в рядах учредительного съезда представителей ее основной национальности. На это Шамигулов сообщил мне, что в создавшейся обстановке виноваты сами башкиры, что их представители были избраны чуть ли не в большинстве, «но кое-кого из выбранных мы арестовали как националистов, остальные после этого поддались панике и разбежались кто куда, и их место заняли кандидаты почти сплошь русские и татары»¹. Притом и это «микроскопическое количество» башкирских делегатов не было подготовлено к политической деятельности. Наиболее авторитетные и уважаемые башкирские деятели были либо арестованы, либо покинули пределы Башкортостана. Поэтому Башревком, обком партии, сумели подобрать такой состав делегатов, который по всем вопросам безоговорочно поддержал на съезде их политическую линию. Это отразилось и при выборах руководящего состава Башкирской республики: противники автономии заняли все ответственные посты и диктовали делегатам свою волю.

19–22 июля 1920 года, накануне созыва съезда Советов БАССР, состоялась III Башкирская областная партконференция, призванная, по мнению наших историков партии, «закрепить победу над валидовцами»². В соответствии с установкой на борьбу против национализма конференция предлагала новому составу обкома очистить от «валидовцев» партийные организации и «уничтожить их влияние в массах». Члены старого Башревкома, добившиеся образования Башкирской автономной республики, были заклеены как интеллигенты-националисты, защищающие кулацкое дело, которых «внутренняя механика революции вышвырнула... из революционного башкирского движения»³. События, развернувшиеся в «Малой Башкирии» после ее объявления автономной республикой, воочию раскрывают сущность этой «внутренней механики револю-

¹ Мостовенко П. О больших ошибках в «Малой Башкирии» // Пролетарская революция. 1928. № 5. С. 106.

² Очерки истории Башкирской организации КПСС. С. 245.

³ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 2. С. 167.

ции» с ее нетерпимым отношением к проявлению элементарной самостоятельности, неприятию народами навязываемого сверху «опыта пролетарской диктатуры».

Конференция, естественно, полностью одобрила деятельность «Башкирпомощи», которая «пробуждала классовое сознание бедноты» и признала желательным ее сохранение¹.

III Всебашкирская конференция, как и следовало ожидать, одобрила деятельность нового Башревкома по подготовке созыва I Всебашкирского съезда Советов².

В состав вновь избранного обкома партии вошли П. Викман, Ф. Мансырев, С. Лобов, П. Зудов, Г. Шамигулов и М. Тагиров. Секретарем Башкирского обкома РКП(б) стал П. Викман³.

В составе нового обкома партии не оказалось ни одного большевика из башкир, притом его членами стали лица, активно борющиеся против самоопределения башкирского народа, – Г. Шамигулов и М. Тагиров.

Решения III областной партконференции явились директивой для коммунистов, делегатов I съезда Советов Башкирской республики и поэтому заранее предопределили характер итогов его работы, если иметь в виду, что из 103 делегатов 94 были членами РКП(б)⁴. Следует подчеркнуть, что в работе съезда не участвовали 24 делегата, объявленные «бежавшими валидовцами»⁵.

I Всебашкирский съезд Советов открылся 25 июля 1920 г. в г. Стерлитамаке. Повестка дня съезда включала 8 вопросов, среди которых были: доклад пятерки (особой комиссии) по созыву съезда; доклад по текущему моменту; доклад Башревкома; доклады комиссариатов; выборы БЦИК и другие. Съезд, как и следовало ожидать, осудил «националистов-валидовцев»*, заклеймив старый Башревком как «противонародный» и заявил, что «вождями проснувшейся к новой жизни башкирской бедноты не могут быть люди, отлично уживавшиеся с царским правительством и опирающиеся, главным образом, на кулацкие элементы деревни...». Конечно, попытка съезда причислить к друзьям царского правительства руководителей башкирского национального движения не имела ниче-

¹ Очерки истории Башкирской организации КПСС. С. 247.

² Образование Башкирской АССР. С. 551.

³ Очерки истории Башкирской организации КПСС. С. 247.

⁴ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 2. С. 168.

⁵ Раимов Р. М. Указ. соч. С. 335.

* Понятие «националист-валидовец» было изобретением I Всебашкирского съезда, взятое затем на вооружение.

го общего с реальной действительностью. Но подобная манипуляция фактами уже давно практиковалась большевиками.

Съезд заслушал доклад нового Башревкома и признал его действия правильными и поручил будущему руководящему органу республики «немедленно приступить к реорганизации всех комиссариатов, выметая из них нежелательный элемент, который только тормозит работу»¹. В данном случае имелись в виду оставшиеся в составе нового Башревкома башкирские деятели, связанные с валидовским Ревкомом.

Съезд полностью поддержал декрет ВЦИК от 19 мая 1920 г., «объединяющий хозяйственные органы Советской Башкирии с мощным экономическим аппаратом РСФСР». Делегаты съезда дружно критиковали аграрную политику старого Башревкома, названную ими «кулацко-байской». Говорилось на съезде и о попытках «буржуазных националистов» преступно нарушить «основы советской продовольственной политики». Во всю превозносили делегаты съезда деятельность «Башкирпомощи», которая якобы оказала большую помощь башкирской бедноте. В целом съезд проходил по сценарию, подготовленному обкомом РКП(б) и новым Башревкомом. Особенно ярко это проявилось во время выборов руководящих органов Башкирской республики. В состав ЦИК и СНК БАССР вошли: Г. Шамигулов, Ф. Мансырев, П. Зудов, Ш. Сакаев и другие. Наркомами были назначены Д. Малютин, П. Зудов, С. Лобов, А. Ахлов, А. Айдаров, Н. Сайдбурханов, М. Тагиров, А. Бишев и др. Среди руководящих работников, как видим, был лишь один активный участник башкирского национального движения – А. Бишев.

Но самым прискорбным был факт избрания на пост председателя не только БашЦИКа, но и СНК Г. Шамигулова². Избрание этого ярого противника самоопределения башкирского народа на самую ответственную должность Башкирской республики привело в дальнейшем к печальным последствиям, еще более обострив обстановку в Башкортостане, где, по существу, началось вооруженное сопротивление новым властям. Даже Р. М. Раимов, рисующий башкирское национальное движение лишь в черных тонах, признавал, что «избрание председателем БЦИК известного противника национальной автономии Шамигулова» было ошибкой³.

¹ Раимов Р. М. Указ. соч. С. 337, 338.

² Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 2. С. 169.

³ Раимов Р. М. Указ. соч. С. 348.

Итак, I Всебашкирский съезд Советов как бы подвел черту под противостоянием между башкирским национальным движением, Башревкомом и ортодоксально настроенными большевиками, не признающими права народов на самоопределение, выступающими за максимальную централизацию власти в стране в интересах, как они думали, не только российского, но мирового пролетариата, а также под противоборством руководителей башкирского национального движения с русскими и татарскими партийными и советскими функционерами, зараженными великодержавным шовинизмом. Если первые считали башкир сверхотсталым народом, недостойным иметь свою государственность даже в форме автономии, то последние ставили под сомнение самостоятельное этническое существование башкир, стремясь создать единую Татаро-Башкирскую республику. Как видно из решений I Всебашкирского съезда, это противоборство, благодаря активной поддержке Центра, не желающего иметь дело с «мелкобуржуазными националистами», окончилось летом 1920 г. в пользу противников Башревкома. В итоге в Башкортостане поднялась новая волна башкирского национального движения, получившая в нашей историографии название «движения бандитизма». В этом плане весьма интересны наблюдения П. Мостовенко, писавшего, что «наш круг работников, борясь с башкирским национализмом, независимо от воли и сознания крестьян, представлял собой, по существу, не менее националистически искривленный блок русских и татар»¹.

Конечно, было бы в корне неправильным изображать всех русских и татарских деятелей шовинистами и противниками Башкирской автономии. Среди руководящих работников Башкирской республики были, например, и представители татарского народа, искренне болевшие за судьбу башкир, защищавшие их право на самоопределение. В их числе следует назвать имена К. Каспранского, И. Алкина, И. Рахматуллина, Х. Терегулова и др. Хорошо поняли сущность башкирского вопроса представители Центра Т. И. Сидельников, К. М. Ракай (Рычков), П. Н. Мостовенко. Последний вел в Башкортостане по мере своих возможностей борьбу против проявлений великодержавного шовинизма в отношении башкир, выступая с защитой интересов бедствующего башкирского населения.

¹ Мостовенко П. О больших ошибках в Малой Башкирии // Пролетарская революция. 1928. № 5. С. 107.

Судьба лидеров башкирского национального движения после ликвидации Башревкома и I Всебашкирского съезда Советов сложилась по-разному. Одни, например: З. Валиди, А. Ишмурзин I, Ф. Сулейман, перебрались в Среднюю Азию и примкнули к басмаческому движению, другие – М. Халиков, М. Муртазин, А. Бишев, Г. Карамышев, Ф. Тухватуллин – в дальнейшем были привлечены к работе в руководящих органах Башкирской республики, третьи, в частности Г. Таган, Г. Курбангалеев, вместе с белыми частями ушли в Сибирь, далее на Дальний Восток и организовали там под покровительством атамана Семенова белое башкирское движение. И, наконец, некоторые башкирские деятели, а именно Ишмурзин II, А. Адигамов, С. Мурзабулатов, Т. Имаков были репрессированы уже в 20-е годы. Им было предъявлено обвинение в создании «националистической повстанческой организации», связанной с Султангалиевым¹.

Между тем З. Валиди, находясь в Москве, окончательно разочаровался, как он сам пишет, в «нравственных понятиях» большевиков, в том числе В. Ленина. В этой связи большой интерес представляет содержание беседы З. Валиди с известным украинским большевиком Г. Петровским о нравственных основах политического мышления В. И. Ленина. З. Валиди в шутовском тоне спросил у Петровского: «Для достижения своей цели Ленин готов прибегнуть к любым средствам. А раз так, если сказать ему, что завтра произойдет мировая революция, но для этого нужно сегодня вечером обвенчаться с собственной матерью, пошел бы он на это?» Петровский ответил, ничуть не сомневаясь: «Разумеется. Ленин на все смотрит с точки зрения тактики... Он подчиняет нравственность интересам классовой борьбы пролетариата. Многие союзники большевиков – лишь временные попутчики... Соглашения, о которых вы мне рассказывали, в свое время были необходимы, и потому имели некоторое значение». Далее Г. Петровский, отвечая на вопрос З. Валиди, защищает ли Ленин национальные интересы великороссов, говорит: «Интересы великороссов Ленин защищает в большем объеме, чем Петр Великий. Освободив великоросскую нацию от пут капитализма, преобразовав ее в великое социалистическое общество, он надеется превратить ее в образец для других народов. Интересы русского Ленин ставит выше интересов других подвластных России народов, то есть он, не будучи великоросским

¹ ЦГА ОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 50. Л. 54. Судьба указанных лиц сложилась по-разному. А. Адигамов, например, дожил до 1968 г.

шовинистом, всю политику, однако, ведет в пользу великорос-сов»¹. Как видим, Г. Петровский считал, что сам вождь марксистскую теорию целенаправленно приспособливает к традициям империализма России. З. Валиди, в свою очередь, из национальной политики В. И. Ленина и большевиков, из их понятий о чести и нравственности сделал вывод о крушении своих надежд на создание самостоятельного автономного Башкортостана (в обычном демократическом смысле). Майское постановление он считал грозным предупреждением всему тюркскому миру, и тогда у него созрел план об организации вооруженного сопротивления против наступления большевизма прежде всего в Туркестане, где уже началось басмаческое движение. Поэтому З. Валиди, как указано в его «Воспоминаниях», в июне 1920 г. начал искать пути для поездки в Среднюю Азию. В ходе поездки на Украину с целью организации мусульманских частей он встретился со Сталиным и попросил его дать разрешение уехать в Астраханскую губернию на отдых. Но Сталин не удовлетворил эту просьбу, ограничившись отправкой его обратно в Москву. Там З. Валиди встретился с Лениным, который предложил ему посмотреть подготовленные для II съезда Коминтерна «Тезисы по национальному и колониальному вопросам». Валиди пишет, что через два дня (это происходило в начале июня 1920 г.) он вручил Ленину свои соображения, изложенные в виде самостоятельных тезисов. Но ни одно из предложений Валиди по национальному вопросу не было принято Лениным. По словам лидера башкирского движения, В. И. Ленин заявил ему о том, что «центр будет и впредь опираться в прежних колониях на представителей русского пролетариата» и «во всем мире народы бывших восточных колоний не обойдутся без руководства со стороны рабочих европейских метрополий». «Это открытие, — пишет З. Валиди, — поставило нас перед необходимостью начать против Советов серьезную и открытую борьбу»².

29 июня З. Валиди добился разрешения на выезд в Астраханскую губернию «для отдыха»³. Фактически он прибыл в Среднюю

¹ Тоган З. В. Указ. соч. С. 365, 366.

² Там же. С. 373, 374. В 11 пункте «Тезисов» В. И. Ленина речь действительно идет о необходимости «помощи всех коммунистических партий буржуазно-демократическому освободительному движению отсталых государств и наций». И эта обязанность, по мнению Ленина, «ложится на рабочих той страны, от которой отсталая нация зависит в колониальном или финансовом отношениях». См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. С. 162–168.

³ Там же. С. 374.

Азию и в Ашхабаде дожидался начала I съезда народов Востока в г. Баку. Идею проведения этого Бакинского съезда, по словам З. Валиди, впервые поднял именно он, когда в Москве в конце мая 1920 г. шли переговоры с прибывшими по приглашению Советского правительства турецкими государственными деятелями Джемаль-пашой, Халил-пашой и Хаджи Сами¹. В конце августа 1920 г. З. Валиди оказался в Баку и участвовал, почти нелегально, в работе съезда народов Востока, открывшегося 1 сентября 1920 г.

Следует обратить внимание на такой факт: М. Х. Тагиров, участник февральского (1918 г.) ареста членов Башкирского правительства (в том числе З. Валиди), ставший в 1920 г. представителем БашЦИК при ВЦИК, направил телеграмму Башкирскому обкому партии, чтобы тот добивался ареста Валиди, выехавшего из Москвы в Баку. В телеграмме сообщалось, что «Валидов уехал в отпуск, в Астраханскую губернию с ведома ЦК. Он будет на Бакинском съезде. Протестуйте против этого и требуйте (распоряжения) ЧК об аресте Валидова»². Естественно предположить, что Башкирский обком РКП(б) не заставил долго себя упрашивать и предпринял соответствующие шаги для расправы над лидером башкирского национального движения. Ход Бакинского съезда не удовлетворил З. Валиди, и об этом он сообщает в своем письме, отправленном на имя В. И. Ленина в сентябре 1920 г.: «Конгресс восточных народов в Баку ясно продемонстрировал нашим землякам, участвовавшим на этом Конгрессе, что посягательство на права туркестанцев – не дело отдельных местных коммунистов, а собственная политика ЦК. Поведение членов ЦК Зиновьева и Радека перед участниками Конгресса с Востока напоминало поведение комиссаров, вышедших на встречу невежественных крестьян на крестьянских съездах, созванных в 1917 г. непосредственно после революции. Были запрещены выступления делегатов по подготовленным на родине текстам, с помощью охраняющих красных частей заставили молчать и принять решения, заранее подготовленные и присланные из Москвы»³.

В этом же письме, обращаясь к Ленину, З. Валидов выразил острое недовольство политикой ЦК РКП(б) в Башкирии и заявил: «Исходя из начатой ЦК партии политики, становится ясно, что и Вы, как Артем с товарищами, в политике по отношению к восточным нациям хотите принять за основу идеи настоящих русских шо-

¹ *Тоган З. В.* Указ. соч. С. 371.

² Образование Башкирской АССР. С. 512–513.

³ *Тоган З. В.* Воспоминания. Уфа, 1996. С. 364 (на башк. яз.).

винистов. Товарищ Троцкий, проанализировав в Уфе все эти вопросы, понял, что все эти события представляют собой цепь провокаций. Вне всякого сомнения, он все вопросы в ЦК осветил правильно, тем не менее, новая империалистическая политика оставалась господствующей»¹.

В середине сентября З. Валиди вернулся в Туркестан. Как видно из прощального письма З. Валиди башкирскому народу от 20 февраля 1923 г., будучи в Туркестане, он принимал активное участие в басмаческом движении². В феврале 1923 г. он со своим другом Фатхелкадиром Сулейманом, участником башкирского национального движения, впоследствии ставшим видным ученым-востоковедом в Анкаре под именем Абдулкадира Инана, перешли иранскую границу и 12 марта 1923 г. достигли Мешхеда. В декабре 1923 г. оттуда они перебрались в Западную Европу, а 3 июня 1925 г. Валидов получил турецкое гражданство. До последних дней своей жизни, т. е. до 26 июля 1970 г., он работал профессором Стамбульского университета. З. Валиди получил мировую известность как ученый-востоковед. Его имя долгое время, вплоть до 1990 г., находилось под запретом в Башкортостане. Лишь в декабре 1990 г., в связи со 100-летием со дня рождения З. Валиди, на страницах газет и журналов Башкортостана появились статьи о нем, и общественность республики торжественно отметила юбилей замечательного ученого и общественного деятеля*.

¹ *Тоган З. В.* Указ. соч. С. 363, 364.

² *Кульшарипов М. М.* Указ. соч. С. 152.

* Автор «Послесловия» к московскому изданию «Воспоминаний» З. Валиди С. Исаков считает ошибочным взгляд зарубежных историков (Д. Боффа, например) на то, что «группа Валидова порвала с большевиками и укрылась в Туркестане». Далее Исаков утверждает, что «Валидов по-иному представляет события» в своих мемуарах, что «в действительности он не оставлял надежды на сотрудничество с коммунистами». При этом С. Исаков ссылается на телеграмму З. Валиди, направленную им из Астрахани Ленину, Сталину, Троцкому и Зиновьеву, в которой он сообщал, что не получил ответа на просьбы по поводу продления своего отпуска и разрешения на участие в съезде народов Востока в Баку, а поскольку началось преследование бывших руководителей Башкортостана, он вынужден скрываться. Валиди просил прекратить гонения, и в случае изменения политики Москвы башкирские политики согласны были бы работать, если не в Башкортостане, то в Средней Азии (См.: *Тоган З. Валиди.* Воспоминания. М., 1997. С. 609). С. Исаков, критикуя зарубежных историков и упрекая З. Валиди в «ином представлении событий», не учел ряд обстоятельств. Во-первых, телеграмма З. Валиди большевистским лидером была направлена в тот период, когда он еще не принял окончательного решения о переходе в лагерь противников советской власти и надеялся, как об этом сообщается в телеграмме, на «изменение политики Москвы» в отношении башкирских деятелей. Во-вторых, С. Исаков не обратил внимания на известное письмо З. Валиди от 12 сентября 1920 г., адресованное В. Ленину, И. Сталину, Л. Троцкому и другим, в котором осудил национальную политику ЦК в отношении восточных народов.

Следует отметить, что обком партии, БашЧК не ограничились лишь созданием нового Башревкома, проведением съездов и собраний, выпуском обращений и воззваний. По указанию Центра многие члены Башревкома, оставившие свои посты, после того, как стало известно в сентябре о бегстве Валиди, были арестованы. Среди них были Х. Юмагулов, Ю. Бикбов, А. Адигамов, Т. Имаков, И. Мусин, И. Рахматуллин, К. Каспранский, Ф. Тухватуллин, И. Алкин, У. Ходжаев* (всего 10 человек). 14 сентября по предло-

И наконец, самое главное, не найдя общего языка с лидерами большевиков, З. Валиди стал одним из руководителей басмаческого движения в Туркестане, что нашло свое отражение в материалах IV Секретного совещания ЦК РКП(б) от 1923 г., где он назван «вождем бухарско-туркестанского басмачества» (См.: Тайны национальной политики ЦК РКП(б). С. 280).

Все это дает основание говорить о беспочвенности выводов С. Исакова об ошибках зарубежной историографии и о превратном представлении событий З. Валиди. Конечно, для З. Валиди был не легким делом окончательный разрыв связей прежде всего с Башкортостаном; он, как любой нормальный человек, тяжело переживал крушение своих надежд и планов по созданию автономной республики и отсюда, действительно, «не оставлял надежды» найти общий язык с большевиками даже в 1922 г. Об этом свидетельствует его обращение к Среднеазиатскому бюро ЦК РКП(б) с заявлением о том, что он ошибся, что теперь политика центра пошла по правильному руслу и просил его простить. 25 октября 1922 г. это заявление было рассмотрено на заседании Среднеазиатского бюро ЦК РКП и было решено: «Считать возможным амнистировать Валидова при условии чистосердечного публичного раскаяния, посредством декларации, согласованной со Среднеазиатским бюро ЦК РКП, в которую должны быть включены следующие пункты: 1. Роспуск контрреволюционных и националистических организаций, объединенных Валидовым; 2. Чистосердечное раскаяние в том, что дело контрреволюции, задуманное им для блага народов Востока, было ошибочным, и никто не может дать действительного освобождения народам Востока, кроме Советской власти; 3. Местожительство Валидова должно быть определено по решению Москвы. До получения ответа из Москвы вопрос с письмом Валидова отложить» (См.: «Послесловие» к московскому изданию «Воспоминаний» З. Валиди. С. 577). Однако, как видно из выступления председателя Средазбюро ЦК РКП(б) Я. Э. Рудзутака на совещании ЦК РКП(б) (1923г.), амнистии «никакой не было, а было только постановление, что при этих условиях амнистия была бы возможной. Он после этого сведений никаких о себе не подал, а оказалось, что он в Восточной Бухаре начал свою работу дальше». (См.: Тайны национальной политики ЦК РКП(б). С. 93). Очевидно, что условия, выдвинутые Средазбюро для амнистии, не удовлетворяли З. Валиди и он решил продолжать борьбу против Советов. Как пишет сам З. Валиди в своих «Воспоминаниях», после решения «партийного центра» (имеется в виду решение Средазбюро ЦК РКП(б) об амнистии) он получил письмо от Рудзутака о возможном содействии его выезду в удобную страну, в случае отказа вернуться. В ответном письме З. Валиди выразил недоверие большевистским руководителям, которые, по его мнению, вернулись «к традициям русского империализма», и отсюда он сообщил о своем желании остаться верным «своему решению быть свободным и свободно дышать, пусть даже нелегально». (См.: *Тоган З. В. Воспоминания. М., 1997. С. 363, 364.*)

* Известный общественно-политический деятель Туркестана У. Ходжаев в 1920 г. работал секретарем Ток-Чуранского ревкома. Он был арестован вместе с И. Алкиным.

жению Сталина, поддержанному Лениным, было принято решение о переводе всех арестованных в Москву, где они находились в Бутырской тюрьме. Лишь в конце декабря 1920 года арестованные были освобождены¹. Все они, в конечном счете, стали жертвами сталинских репрессий 1937 года.

§ 4. Повстанческое движение в Башкортостане в 1920–1921 гг.

Во второй половине 1920 г. и на протяжении всего 1921 г. Башкирская республика переживала острейший кризис, охвативший все сферы жизни. Народное хозяйство было разрушено, везде и всюду наблюдалась страшная картина опустошения, разрухи, безысходности. Достаточно сказать, что в 5 кантонах центральной части автономного Башкортостана и Белебеевском уезде было сожжено и разорено 600 деревень, разрушено свыше 8 тыс. крестьянских дворов. В кантонах Башкирской республики по переписи 1920 г. на каждое хозяйство приходилось по 1 лошади и 0,9 коровы, что составляло лишь 50% довоенного показателя. Посевные площади сократились тоже наполовину. В 1920 г. производство промышленной продукции составило лишь 13,8% от довоенного уровня². Ко всему этому добавились в 1921 г. страшная засуха и неурожай. Над населением Башкортостана нависла угроза голодной смерти.

Не было стабильности и в общественно-политическом положении республики. После гражданской войны росло недовольство населения политикой продразверстки, бесчинствами продотрядов.

Майский декрет, ликвидация Башревкома, решения I Всебашкирского съезда Советов вызвали острое недовольство у башкирского населения, оказавшегося в труднейшем положении из-за гражданской войны, бесчинств и грабежей как красных, так и белых продотрядов и карательных отрядов уже в мирное, казалось бы, время. Все это привело к обострению национального вопроса в республике, и национальное движение башкир в указанное время приобрело форму вооруженной повстанческой борьбы.

Не способствовала стабилизации обстановки в республике и политика ее властей во главе с Г. Шамигуловым, что особенно ярко проявилось в деятельности Башнаркомзема. В соответствии с реше-

¹ Султанбеков Б. Ф. Сталин и татарский след. Казань, 1995. С. 45.

² Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 2. С. 187, 188; Раимов Р. М. Указ. соч. С. 361.

нием I Всебашкирского съезда Советов по земельному вопросу Наркомзем 26 августа 1920 г. издал циркуляр № 17 об урегулировании взаимоотношений по земельному вопросу между коренным населением и арендаторами. По нему передаче малоземельному и безземельному населению надлежали так называемые «пустующие», т. е. на деле башкирские, земли. Циркуляр предписывал проведение уравнительного землепользования без учета особенностей хозяйственной жизни башкир. Во многих кантонах земли башкирского населения перешли переселенцам. Так, русские переселенцы пяти волостей Усерганского и Бурзян-Тангауровского кантонов созвали свою конференцию и потребовали «свободного выхода на свободные земельные участки», что означало призыв к захвату башкирских земель¹. Очередное, уже советское, расхищение башкирских земель, санкционированное самим правительством республики, вызвало возмущение башкир и предопределило их активное участие в повстанческом движении.

Росту вооруженного сопротивления башкирского народа способствовали возмутительные действия отдельных партийных и советских работников, поддерживаемых правительством Г. Шамигулова.

Летом и осенью 1920 г. юго-восточный Башкортостан, прежде всего Бурзян-Тангауровский кантон, стал центром вооруженного восстания. Начало движения было связано с I съездом Советов указанного кантона, на котором делегаты, как уже об этом было сказано выше, выразили свое несогласие с ликвидацией Башревкома, с майским декретом и созданием нового Башревкома. На кантонном съезде во время оглашения приказа нового Башревкома «поднялся страшный скандал» и делегатами вносились предложения не подчиняться вновь образованному Башревкому, а создать в Темясово свое, башкирское, правительство. 28 июня сюда прибыли карательные отряды из Преображенска, Стерлитамака, Оренбурга². Часть делегатов съезда была арестована. Все это послужило поводом для начала формирования в пределах кантона отдельных, разрозненных, повстанческих отрядов.

В этих условиях в конце июня Башкирский обком партии, БашЦИК направили туда уполномоченного БашЧК В. Поленова, поручив ему взять в свои руки борьбу против «бандитского движения». Прибыв в Бурзян-Тангауровский кантон, В. Поленов объявил военное положение приказом № 1 от 1 августа 1920 г., хотя там тогда

¹ Раимов Р. М. Указ. соч. С. 362, 363.

² Худайбердин Ш. На ветрах революции. Публицистика, воспоминания. Уфа, 1986. С. 184.

было относительно спокойно. Основное содержание приказа сводилось к немедленному расстрелу всякого, «кто окажет какое либо содействие бандитам» и т. д.¹

Ш. Худайбердин, занимавший тогда пост председателя кантревкома и позже освобожденный от этой должности по обвинению в причастности к выступлениям против новых властей республики, по поводу событий, происходящих в кантоне, писал: «Военный совет, созданный Поленовым, становится во главе кантона и открывает беспощадную резню башкир»². Позже член следственной комиссии по делу Поленова Н. Бикбаев нарисовал «страшную картину бесчинств, жестоких расстрелов и казней, учиненных уполномоченными Башкирского обкома РКП(б) и БашЧК Поленовым, Руденко и Курочкиным». Он сообщает, что «в каждой деревне расстреляны по 12 и, в крайнем случае, 5–6 человек совершенно безвинных жителей», «из деревень уводились десятки голов лошадей и раздавались русским хуторянам или угонялись за пределы Башкирии и там раздавались казакам», «при пытках заключенным грызли уши, кололи штыками, разрубали шашками и бросали трупы в шахты». У населения изымались все продукты питания и даже домашний скarb. Так, в дер. Юсупово отряд Руденко реквизировал 10 пудов овса, изъяс у населения верхнюю одежду и даже подушки³. Ежедневно поленовцы в деревнях Бурзян-Тангауровского кантона, прибегая к различным коварным и жестоким уловкам, расстреливали сотни человек. Дело доходило до того, что Поленов и его подручные собирали башкир из близлежащих аулов якобы на митинг. Заранее устанавливали пулеметы и затем в упор расстреливали собравшихся людей⁴. Чаще всего они арестовывали мужчин, способных носить оружие, обвиняя в дезертирстве, уводили их под конвоем, а затем по пути продвижения устраивали кровавую бойню⁵. Эти зверства поленовцев вынудили башкир взяться за оружие, и в августе-сентябре восстаниями были охвачены и соседние – Тамьян-Катайский, Усерганский, Юрматынский и другие – кантоны Башкирской АССР. Г. Шамигулов, вместо того, чтобы искать пути для мирного выхода из создавшейся ситуации, обратился в Уральский сектор войск внутренней охраны, Уфимский ВОХР, с просьбой разместить штаб бригады ВОХР в Стерлитамаке, выделить три батальона БЦИК для подавления повстанческого

¹ Образование Башкирской АССР. С. 554, 555.

² Там же. С. 571.

³ ЦГАОО РБ. Ф. 22. Оп. 4. Д. 211. Л. 4 об., 15, 25, 27.

⁴ Советская Башкирия. 1997. 23 сентября. Статья Г. Шафикова «Затерянные во времени».

⁵ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 3. Л. 77.

движения и назначить на должность комбрига И. Каширина. Происходящие в Башкортостане события он называет «гражданской войной»¹.

Действиями повстанческих отрядов с августа по ноябрь 1920 г. руководил Хажирахмет Унасов, объявленный официальной пропагандой типичным бандитом-конократом*. Основной костяк отряда повстанцев составляли демобилизованные солдаты бывших башкирских полков, которые Поленовым были объявлены дезертирами и подлежали расстрелу. Идейным вдохновителем повстанческого движения выступил активный участник башкирского национального движения, член РКИ Башкирской АССР Сулейман Мурзабулатов. Вот как описывает он мотивы, побудившие его возглавить повстанческое движение, в своем докладе, написанном в январе 1921 г.: «Вследствие одностороннего и ложного освещения (положения в Башреспублике. — М. К.) Шамигуловым и другими Центральная власть выразила доверие им. Последствия последнего выразились июльскими политическими событиями: башдеятели выражают свой протест снятием со своих постов и переводом в нелегальное положение. Власть переходит шамигуловцам. Я во время этих событий находился в Тамьян-Катайском кантоне в качестве уполномоченного Башревкома и БашЧК. Вследствие неодобрения тактики Шамигулова не нашел нужным работать под его диктатурой, с другой стороны, и при желании нельзя было вернуться в Стерлитамак, ибо по всей Башкирии царствовал произвол: арестовывали, расстреливали сторонников прежнего правительства... У меня была возможность оставить Башкирию вместе с бежавшими, но не позволил мне этого революционный долг. Будучи уверенным в кратковременности царствования Шамигулова, я остался в Башкирии... Поленов, Руденко и другие, укрываясь под флагом коммунизма, начали терроризировать угнетенных башкир, и теперь они, смотрящие с недоверием к русским,

¹ ЦГАОО РБ. Ф. Р-933. Оп. 1. Д. 92. Л. 3.

* Х. Унасов, уроженец деревни Баишево Бурзян-Тангауровского кантона (ныне Баймакский район РБ) не был конократом. Он в свое время служил каптенармусом в башкирском корпусе 3. Валиди. «Конократство» Унасова было связано с земельным конфликтом, возникшим между двумя деревнями. Жители русской деревни Сарыбельской, пользуясь аграрной политикой новых властей республики, летом 1920 г. захватили явочным порядком часть пастбищ башкир деревни Баишево. Последние не согласились с потерей своих земель и продолжали пасти на них свой скот. В свою очередь сарыбельцы угнали табун лошадей баишевцев и заперли в сарай. Возмущенный этими действиями переселенцев Х. Унасов отогнал лошадей и обратно вернул их хозяевам. Но, по ложному доносу жителей Сарыбельской, Унасов был арестован кантонными милиционерами. Он, обвиненный в конократстве, был посажен в тюрьму. Накануне восстания Унасов бежал из тюрьмы. См.: Султанов З. Повстанец Унасов // Башкортостан. 1996. 5 янв.

окончательно были оттолкнуты от советской власти. Народ в лице власти стал видеть своего угнетателя и грабителя.

Свободолюбивый башкирский народ не мог перенести спокойно такую жестокую диктатуру... и народ восстал. Это отнюдь не было контрреволюционным выступлением, а было вооруженной демонстрацией против власти, относящейся к народу недоверчиво, было демонстрацией голодного народа против диктатуры шамигуловцев. Трудовая масса, учитывая гибельность восстания для него же самого, решила умереть, чем жить презренными в осуществлении коммунизма... Предвидя то, что народ идет на верную гибель, я, желая уберечь народ от нее, явился к партизанам, ибо если не я, то нашлись бы авантюристы, желающие использовать массу в контрреволюционных замыслах, потому то я и пошел к ним для устранения этого преступления»¹.

Г. Шамигулов и его окружение, во всем видевшие лишь происки контрреволюционных валидовцев, с одобрением отнеслись к деятельности Поленова, взявшего курс на массовое физическое истребление башкир.

13 августа в Бурзян-Тангауровский кантон прибыл заместитель председателя БашЦИК и БашСНК Ф. Мансырев, который вместо того, чтобы разобраться в сути происходящих здесь событий, еще более укрепил позицию Поленова. По его указанию волевым методом была распущена кантонная администрация, возглавляемая Ш. Худайбердиным. Вся полнота власти в кантоне от имени БашЦИК была передана в руки В. Поленова. Также обком РКП(б) и БашЦИК направили в юго-восточные районы Башкортостана дополнительные карательные отряды, которые с наименьшей жестокостью и коварством действовали против не только повстанцев, но и мирного населения, военнопленных. Наглядный пример сказанного – воспоминания так называемых «чеверецев» Карасева, Мельникова, Чиркова и Напалкова о своих «подвигах» при проведении карательных акций. «Нам было предложено БашЦИКом, – пишут они, – взять исключительно башкир. БашЦИК, посылая башкир против башкир, имел свою политическую подкладку. Председателем БашЦИК в то время был т. Шамигулов – истинный революционер и коммунист...»². По пути следования из Стерлитамака в Баймак «чеверецы», останавливаясь в башкирских деревнях, как видно из их воспоминаний, «называли себя, что, дескать, мы из валидовской армии». Тогда картина уже

¹ ЦГИА РБ. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 144. Л. 7, 8, 9.

² Кульшарипов М. М. Жертва революции // Агидель. 1996. № 10. С. 175.

менялась, «обращение населения было с нами уже приветливым и даже чуть на руках нас не носили, тут на стол все являлось: кумыс, масло, баранина – и говорили: вы ведь наши и для вас мы готовы пожертвовать всем имуществом, а вот скоро пойдут из Стерлитамака красные черти, ... которых мы и в избу не пустим, ведь они идут против нас, это коммунисты. Вы нам скажите, где будете находиться, а мы вам сообщим, когда они придут». Затем «чевереvцы» признавались башкирам, кем они на самом деле являются и устраивали расправу над сельчанами, попавшимися на удочку красных карателей. По прибытии в Баймак они участвовали в карательных операциях против повстанцев. Их командиру Чиркову в Темясово было поручено сопровождать до Стерлитамака 17 пленных повстанцев. Конвойный отряд Чиркова, добравшись до ближайшего леса, расстрелял всех пленных, обвинив их в попытке к бегству. Когда этот расстрел получил огласку и вызвал возмущение населения, Чирков был арестован лишь для отвода глаз. По приказу комбрига Симонова была устроена инсценировка его расстрела. Затем председатель БашЧК Каширин отправил Чиркова «в Москву на лечение» с обещанием представить его к награде орденом Красного Знамени¹.

В этих условиях С. Мурзабулатов предпринял шаги по упорядочению повстанческого движения и формированию отдельных отрядов. 27 сентября он образовал так называемый Реввоенсовет повстанческих частей и назначил их политкомиссаром М. Сагитова, бывшего военкома Бурзян-Тангауровского кантона. Отдельными отрядами командовали М. Расулев, Г. Аитбаев, Ф. Юламанов, М. Мустафин, Ф. Магасумов, З. Галин и другие. В рядах повстанцев оказался и С. Мрясов, один из зачинателей башкирского национального движения в 1917 г. Среди командиров числился и Х. Унасов, с декабря 1920 г. самостоятельно возглавивший повстанческое движение². Следует отметить, что восставших башкир поддержали и отдельные отряды, состоящие из русских крестьян, казаков, недовольных прежде всего политикой продразверстки. Таковы были отряды Выдрина, Ланина, Косырева, Сухова и других³. Основными требованиями повстанцев были: 1) советская власть без коммунистов*; 2) отмена продразверстки; 3) возвращение валидовского Ревкома; 4) сохранение за башкирами их земель; 5) выдворение из центра

¹ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 3. Л. 75–78.

² ЦГИА РБ. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 144. Л. 10.

³ Там же. Д. 11. Л. 87, 88.

* Данный пункт совпадал с лозунгами развернувшегося повсеместно в стране восстания крестьян против политики продразверстки.

Башкортостана русских и татарских коммунистов¹. Численность повстанческих отрядов, которые делились на полки и даже были сведены в дивизию, под командованием Х. Унасова, доходила до 3000 человек². У повстанцев оружия было мало, поэтому они были вооружены чем попало: самодельными копьями, вилами, топорами, дубинами и т. д.³

Среди представителей властных структур Башкирской республики не было единого мнения о путях борьбы с повстанческим движением. Шамигулов, Мансырев, опираясь преимущественно на информацию о положении дел в юго-восточных районах Башкортостана, представленную Поленовым и Руденко, настаивали на вооруженном подавлении восстания. В то же время П. Мостовенко и председатель БашЧК С. Лобов склонялись к мысли о необходимости выхода из возникшей ситуации путем мирных переговоров, подключив к этому делу центральные власти⁴. Но время было упущено, и в сентябре-октябре 1920 г. развернулись тяжелые бои с повстанческими отрядами. В начале сентября для борьбы с повстанческим движением был направлен в Тамъян-Катайский кантон М. Муртазин, вернувшийся с польского фронта на кратковременный отдых. 10 сентября он созвал в своей родной деревне Кучуково совещание, где были обсуждены меры для быстреего приостановления восстания. В частности, было предложено: 1) с целью преодоления межнационального антагонизма использовать в операциях против повстанцев башкирские части и вывести за пределы восставших кантонов русские карательные отряды. 2) объявить амнистию башкирам, примкнувшим к повстанческим отрядам в силу обстоятельств и не участвовавшим в их преступных действиях. Годных к мобилизации направлять без разоружения для пополнения башкирской кавбригады на польский фронт; 3) для преодоления национального антагонизма добиться, чтобы во всех партийных и советских органах были башкирские работники; 4) создать специальную комиссию для проверки причин и предпосылок восстания с привлечением виновных к судебной ответственности, не взирая на национальное происхождение. Распространить воззвание* к народу Башкортостана с призывом к

¹ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 349. Л. 114.

² ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 349. Л. 118.

³ Башкортостан. 1996. 10 янв.

⁴ Муртазин М. Башкирия и башкирские войска в гражданскую войну // Агидель. 1989. № 11. С. 122.

* Такое воззвание действительно было обнародовано. В нем содержался призыв уничтожить «подстрекателей к войне» против советской власти. См. Образование Башкирской АССР. С. 556, 557.

миру и взаимопониманию; 5) данное предложение довести до Стерлитамака – обкома партии – и добиться его утверждения¹.

Тогда же М. Муртазин сформировал особый отряд, преимущественно состоящий из башкирских солдат, воевавших раньше на польском фронте. Этот отряд, совместно с другими красными карательными частями 24 сентября участвовал в кровопролитном сражении с повстанцами у деревни Кутуево. В конце сентября бои с повстанческими отрядами Выдрина и Ф. Магасумова шли в 40 км от Златоуста. В октябре не менее кровопролитные столкновения произошли у деревень Муракаево, Аюсазово, Коновки, Смелый, Кусимово (ныне Абзелиловский район) и Юламаново, где действовал отряд Х. Унасова². Естественно, слабо вооруженным отрядам повстанцев трудно было противостоять хорошо вооруженным регулярным частям. В большинстве случаев повстанческие отряды, неся тяжелые потери, отступали в горы и леса.

Вспыхнувшее в Башкортостане восстание вызвало серьезную тревогу у Москвы. Ее информировали о происходящих в республике событиях не только шамигуловцы, но и противники их политики, проводимой в Башкортостане. Так, начальник политуправления Башкирской республики К. И. Голодович, довольно объективно излагая политическое положение автономии в октябре 1920 г., писал: «... анализируя все данные, пришел к заключению, что поводом Башкирской махновщины является фактически наш Башкирский политический центр, который после Валидовщины не сумел энергично повести в широком масштабе агитацию и пропаганду и очень нетактично поступал вообще в своей работе. Например, ко мне приезжают с докладом с Бурзян-Тангауровского кантона и доносят, что в селе Баймак есть уполномоченный Обкома и БашЧК некий Поленов, который без суда и следствия расстреливает людей налево и направо, очень грубый и очень нетактичный малый». Он же отмечал просчеты в работе Башнаркомпрода Малютина, который без учета «динамики жизни и психологии башкир» производил у них изъятие излишков хлеба³.

Острой критике политику не только местных властей, но и Центра в отношении Башкортостана, башкирских деятелей подверг М. Д. Халиков в своем заявлении, поданном в Центральную комис-

¹ Муртазин М. Л. Башкирия и башкирские войска в гражданскую войну // Агидель. 1989. № 11. С. 122–123.

² Ход этих сражений довольно подробно описан в работе: Муртазин М. Л. Башкирия и башкирские войска в гражданскую войну // Агидель. 1989. № 11. С. 124, 125. См. также: ЦГИА РБ. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 11. Л. 87, 88.

³ ЦГИА РБ. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 11. Л. 75, 75 об., 76.

сию по перерегистрации членов РКП(б) в октябре 1920 г. В нем он писал о преследовании коммунистов-башкир, об отстранении их от политических дел после июньских событий. «Политическая и административная власть в Башкирии, – считал он, – заменена товарищами небашкирского происхождения (в составе обкома и президиума Б. Ц. И. К. нет ни одного башкирина. Посмотрите состав наркоматов и местных исполкомов). Голодный и голый башкирский пролетариат не только забывается, но и уничтожается гораздо больше, чем когда-либо (по словам представителей с мест в районе Темясово число вырезанных башкир уполномоченными Башобкома и БашЦИК Полевым и Руденко и прочими достигает до 3000 человек). Башкирская масса несет гнет на себе гораздо больше, чем она несла при царском режиме».

«Все эти факты, – продолжает М. Халиков, – царствующие в настоящее время в Башкирии, противоречат соглашению Рабочекрестьянского Правительства с Башкирским Правительством о Советской автономии Башкирии (которое подписано и мною), совещанию по башкирскому вопросу от 14 марта 1920 г. во главе с уполномоченным ЦК РКП(б) тов. Троцким.

Все эти факты говорят за то, что Башкирская республика существует только на бумаге...».

Исходя из всего этого, М. Халиков указывает на следующий момент: «По моему мнению, политическая тактика в Башкирии в промежутке времени от бегства Башвоенревкома до настоящего времени не согласуется со ст. 9 § 2 и 4 по национальному вопросу программы РКП(б)»*.

Далее М. Халиков заключает, что он твердо придерживается этих убеждений и при перерегистрации его как члена партии, просит учесть этот момент¹.

* В Программе РКП(б), принятой на VIII съезде (март 1919), в разделе «В области национальных отношений», ст. 9, п. 2, было записано: «В целях преодоления недоверия со стороны трудящихся масс угнетенных стран к пролетариату государств, угнетавших эти страны, необходимо уничтожение всех и всяких привилегий какой бы то ни было национальной группы, полное равноправие наций, признание за колониями и неравноправными нациями права на государственное отделение». П. 4 гласил: «В вопросе о том, что является носителем воли нации к отделению, РКП стоит на исторически-классовой точке зрения, считаясь с тем, на какой ступени ее исторического развития стоит данная нация: на пути от средневековья к буржуазной демократии или пролетарской демократии и т. п. Во всяком случае, со стороны пролетариата тех наций, которые являлись нациями угнетающими, необходима особая осторожность и особое внимание к пережиткам национальных чувств у трудящихся масс наций угнетенных или неполноправных». См.: КПСС в резолюциях... Изд. 8. Т. 2. М., 1970.

¹ ЦГА ОО РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 257. Л. 14–15 об. Е. 45–46.

Еще раньше, в начале сентября 1920 г., с отчетом о положении дел в Башкирской республике выступил в Москве П. Мостовенко, указав на левацкие «националистические искривления» в политике БашЦИК, возглавляемого Г. Шамигуловым¹.

ЦК РКП(б), обобщив всю эту информацию, в октябре 1920 г. принял решение отозвать из Башкортостана несколько лиц во главе с Г. Шамигуловым.

Шаткость своего положения Г. Шамигулов почувствовал еще в сентябре 1920 г. Так, 17 сентября на пленуме обкома РКП(б) он сообщил о том, что ЦК РКП(б) располагает резолюциями всех кантонов, не признающих нового центра (БашЦИК и БашСНК. — М. К.), требующих восстановить прежнее правительство во главе с З. Валиди и Х. Юмагуловым. Исходя из этого, Шамигулов требовал установить контроль и «жесткую диктатуру» над националистами².

Наконец, 12 октября 1920 г. состоялось заседание БашЦИК, где рассматривался вопрос об отзыве ЦК РКП(б) Г. Шамигулова и освобождении его «по собственному желанию» от занимаемой должности председателя БашЦИК и БашСНК. Однако заседание не приняло кардинальных решений относительно новой вакансии. Председателем БашЦИК и БашСНК был избран бывший заместитель Шамигулова, человек его же ориентации М. С. Мансырев³. Но все же отзыв Шамигулова подействовал отрезвляюще на руководящих деятелей Башреспублики, которые стали искать пути к соглашению с повстанцами. Становилось ясно, что с повстанческим движением, получившим большой размах, нельзя бороться как с бандитизмом. К этой мысли склонялся П. Мостовенко, возглавивший в тот трудный период политическую деятельность Башкирского обкома партии.

8 ноября 1920 г. состоялось совместное заседание Башкирского обкома РКП(б) и БашЦИК, посвященное национальному вопросу в Башкортостане, обострившемуся в связи с повстанческим движением. Заседание приняло тезисы «Национальный вопрос и очередные задачи советского строительства в Башкирии». В этом документе указывалось, что все «партийные и советские работники» должны руководствоваться в национальном вопросе признанием

¹ Мостовенко П. О больших ошибках в «Малой Башкирии» // Пролетарская революция. 1928. № 5. С. 110.

² Султанов З. Сулейман Мурзабулатов. Эпоха и борьба // Агидель. 1995. № 10. С. 87.

³ ЦГИА РБ. Ф. Р-394. Оп. 5. Д. 3. Л. 1. Михаил Савельевич Мансырев — крещеный татарин, в свое время работал вместе с М. И. Калининым на одном из заводов Петрограда. Р. М. Раимов пишет, что Шамигулов был отстранен от власти в ноябре (С. 365).

«права каждой национальности на самоопределение», говорилось о необходимости терпимого отношения «к националистическим заблуждениям масс», недопустимости притеснений «башкирских масс» со стороны представителей «более сильных национальностей», осуждались партизанщина и анархизм, имеющие место в практике отдельных ответственных работников, которые, «считая себя вправе судить, преследовать и карать», чинили беззакония¹. По решению ноябрьского заседания обкома РКП(б) и БашЦИК к повстанцам было направлено обращение с предложением «разойтись в мире»². Для ведения переговоров с повстанцами была образована делегация в составе П. Мостовенко, Г. Карамышева, К. Идельгужина, А. Насырова, Н. Бикбаева, которая выехала в район, охваченный восстанием, 15 ноября 1920 г.³

Однако некоторые местные партийные и советские работники, сторонники курса Г. Шамигулова, не согласились с отзывом своего идеолога и решениями обкома партии и БашЦИК. 18 ноября они (Малютин, Сакаев, Саидбурханов, Степанов и другие) направили письмо в ЦК РКП(б) о несогласии с линией Башкирского обкома партии и о необходимости вернуть в Башкортостан Г. Шамигулова. Группа обвиняла П. Мостовенку в «поверхностном знакомстве с условиями работы в Башкирии», попустительстве башкирскому национализму, «которым пропитана лишь интеллигенция» и т. д. «Поэтому мы считаем, – писали члены этой группы, – что тов. Мостовенко своими тезисами не разрешает национального вопроса и советского строительства в Башкирии, а лишь спутывает его». В этой связи они просили «немедленно отозвать тов. Мостовенку как неспособного политического руководителя и откомандировать обратно для работы в Башкирии тов. Шамигулова»⁴. Но ЦК РКП(б) не удовлетворил просьбу шамигуловцев, о чем свидетельствует подписание 26 ноября соглашения БашЦИК и Башкирского обкома партии с повстанцами о прекращении вооруженного восстания.

В подписании соглашения с одной стороны участвовали представители БашЦИК Мостовенко, Карамышев, Насыров и Идельгужин, с другой – руководители повстанческого движения Мурзабулатов, Аитбаев, Сафаргалин, Расулев, Юламанов, Нурбахтин. Участникам восстания, сложившим оружие, гарантировалась полная амни-

¹ Образование Башкирской АССР. С. 559–562.

² ЦГАОО РБ. Ф. 22. Оп. 4. Д. 24. Л. 2.

³ Султанов З. Сулейман Мурзабулатов. Эпоха и борьба // Агидель. 1995. № 10. С. 114.

⁴ Образование Башкирской АССР. С. 562–564. Шамигулов был отозван в Москву.

ствия. Более того, амнистированные руководители восстания могли занимать различные должности. Что касается требования повстанцев о возвращении членов старого Башревкома, то обком партии постановил: «Возвращению работников-башкир старого Ревкома, за исключением Валидова, Алкина, Юмагулова, препятствий не чинить»¹. Поленова, Руденко и других лиц, допустивших жестокость по отношению к башкирскому населению, было решено привлечь к уголовной ответственности»². Договаривающиеся стороны 26 ноября обнародовали воззвание «Ко всем гражданам республики» по поводу соглашения с повстанцами. Оно состояло из 11 пунктов, и основное их содержание сводилось к осуждению партизанщины, проявлений шовинизма со стороны лиц, «не желающих мириться с признанной всем трудовым народом РСФСР автономией Башкирской республики». В нем одобрялись шаги БашЦИК по мирному решению вооруженного конфликта и меры по наказанию лиц, «выступающих и действующих против Башреспублики». Создавалась специальная комиссия в составе М. Халикова, М. Расулева и еще одного человека, назначенного БашЦИК, для рассмотрения дел лиц, вовлеченных в повстанческое движение³. Амнистированные руководители были допущены к различным должностям. Например, С. Мурзабулатов 6 декабря 1920 г. был назначен заместителем Наркомвоенкома республики⁴. Бывший член валидовского Ревкома Т. Имаков стал председателем Ревтрибунала, различные руководящие посты заняли Г. Карамышев, М. Халиков и другие известные деятели башкирского национального движения.

Хотя основные очаги повстанческого движения были потушены, сопротивление крестьян продрозверстке, разрозненные вооруженные выступления мелких отрядов имели место и в декабре 1920 г. К тому же тогда начались волнения среди русских крестьян Кананикольской волости Бурзян-Тангауровского кантона, также недовольных политикой продрозверстки. Русские крестьянские отряды, возглавляемые местными крестьянами Косыревым, Суховым и Лазаревым, искали пути к объединению с башкирскими повстанцами⁵.

¹ ЦГА ОО РБ. Ф. 22. Оп. 4. Д. 19. Л. 94.

² Там же. Д. 21. Л. 104. Р. М. Раимов пишет, что «Поленов был расстрелян за превышение власти и массовые расстрелы мирного населения (См.: «Образование БАССР». М., 1952. С. 365.). Но никакого расстрела Поленова не было. Он был отозван из Башкортостана и в 1921 г. направлен в г. Ташкент, где работал сотрудником ТурЧК. См.: Агидель, 1995. № 10. С. 122, 123.

³ Образование Башкирской АССР. С. 564–567.

⁴ ЦГА ОО РБ. Ф. 22. Оп. 4. Д. 23. Л. 7.

⁵ ЦГИА РБ. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 145. Л. 123.

Повстанческое движение среди башкир Бурзян-Тангауровского кантона возглавил Х. Унасов. Свое нежелание сложить оружие после подписания ноябрьского соглашения повстанцы пытались обосновать отказом властей выполнить их требования: 1) Возвращение З. Валиди в Башкортостан. 2) Высылка из Башкортостана ряда высокопоставленных лиц, несущих ответственность за массовый расстрел башкир. 3) Приостановка продразверстки и оказание продовольственной помощи голодающему населению¹.

На этот раз с самого начала было решено уладить продолжавшийся вооруженный конфликт мирным путем. Тем не менее обком РКП(б) на своем заседании решил перебросить в южные районы республики 68-ю бригаду «для принятия мер»². БашЧК, которому везде мерещились агенты З. Валиди, не преминула поставить ВЧК в известность о том, что «поднятое восстание на национальной почве», инсценированное «членами Башкирского правительства валидовского толка»³.

Но все же обком РКП(б) и БашЦИК склонялись к мирному пути решения конфликта. Исходя из этой тактики выхода из кризисной ситуации, для ведения переговоров с Унасовым в Бурзян-Тангауровский кантон они командировали Ш. Худайбердина, А. Насырова, а также С. Мурзабулатова. Как видно из воспоминаний Ш. Худайбердина, в дер. Баишево они встретились с Х. Унасовым, объяснили ему цель своего приезда и затем в дер. Юлуково организовали сходку местного населения, куда были приглашены и «полевые командиры». «Я рассказал, – пишет Ш. Худайбердин, – к чему могут привести события, происходящие в данный момент в Бурзян-Тангауровском кантоне, призывал к порядку. Меня слушали хорошо. После выступления дал обстоятельные ответы на вопросы о разверстке, о торговле, но народ продолжал твердить свое, выражал недовольство, несогласие с существующим порядком. Выслушав после меня еще многих, сход разошелся»⁴. Тогда же начались переговоры с восставшими крестьянами Кананикольской и Преображенской волостей. С. Мурзабулатову и Ш. Худайбердину в целом удалось остановить вооруженное движение мирным путем. Х. Унасов и несколько ко-

¹ Башкортостан. 1996. 1 янв. Повстанцы требовали выслать из Башкортостана П. Викмана, А. Юзефовича, М. Мансырева и других.

² ЦГА ОО РБ. Ф. 22. Оп. 4. Д. 23. Л. 16.

³ Там же. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 118. Л. 9. В данном случае имелись в виду М. Муртазин и М. Халиков, которых еще в августе председатель БашЧК П. Гузаков обвинил без каких-либо на то оснований в организации «белогвардейских банд». ЦГА ОО РБ. Ф. 22. Оп. 4. Д. 22а. Л. 20.

⁴ Худайбердин Ш. Избранное. Уфа, 1968. С. 146, 147.

мандиров повстанческих отрядов должны были прибыть в г. Стерлитамак в сопровождении батальона охраны. Однако по пути продвижения все они (всего семь человек) были расстреляны без суда и следствия¹. 11 декабря Нарком внутренних дел республики и БашЧК издали приказ о пресечении самоуправства и бесчинства отдельных должностных лиц на местах, вызвавших недовольство населения и мятежи².

К концу 1920 – началу 1921 гг. в юго-восточных районах Башкирской республики наступило относительное затишье. Обескровленное башкирское население с тревогой встретило голодный 1921 г. Успокоить население, объяснить ему причины и последствия вооруженного восстания был призван II съезд Советов Бурзян-Тангауровского кантона, состоявшийся 12 января 1921 г. С основным докладом о деятельности канткома выступил его председатель Ш. Худайбердин, который начало брожения «среди недовольного башкирского населения», выразившееся сначала в дезертирстве и бандитизме, связал с «ненормальной политической жизнью центра», имея в виду бегство валидовского Ревкома, говорил о зверствах Поленова, приведших к вооруженному повстанческому движению. Он закончил свое выступление предложением «создать авторитетную власть для управления Башреспубликой» и всех лиц, не способных понять психологию и бытовые условия жизни башкирского народа, немедленно убрать из Башкортостана, подчинить «Башцентру все организации, как военные, так и гражданские».

Съезд приветствовал основные положения тезисов «Национальный вопрос и очередные задачи советского строительства в Башкортостане». В резолюции съезда была определена основная задача кантисполкома: «уничтожение национальной розни, борьба с дезертирством и бандитизмом»³.

Тактику Башкирского обкома РКП(б) и БашЦИК по ликвидации повстанческого движения и урегулирования национальных взаимоотношений поддержали не все члены обкома партии, коммунисты на местах, считая ее попустительством националистам и кулакам⁴. 8 февраля 1921 г. обком партии разослал по канткамам РКП(б) и коммунистическим ячейкам республики разъяснительное письмо по поводу этих разногласий. Башкирский обком РКП(б) настаивал на

¹ ЦГА ОО РБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 116. Л. 3, 4. См.: также Башкортостан. 1996. 12 янв. По мнению писателя З. Султанова, Х. Унасов был коварно убит по личному приказу командира карательной бригады Г. И. Симонова.

² Образование Башкирской АССР. С. 568–570.

³ Там же. С. 570–574.

⁴ ЦГА ОО РБ. Ф. 1832. Оп. 2. Д. 38. Л. 16, 55–56.

терпеливой и планомерной работе для изжития национализма, подтвердил правильность тезисов от 8 ноября 1920 г., признал, что в состав избранного I съездом Советов БАССР БашЦИК не вошли «авторитетные представители башкирского населения, и, естественно, поэтому он не мог быть вполне авторитетным для всего населения, особенно для башкир»¹.

Состоявшаяся в феврале 1921 г. IV Всебашкирская партконференция одобрила действия обкома РКП(б) и БашЦИК и приняла по национальному вопросу резолюцию – тезисы, соответствовавшие по духу и содержанию проекта доклада И. В. Сталина по национальному вопросу, с которым он должен был выступить на предстоящем X съезде партии. Эти тезисы были разосланы накануне съезда всем местным парторганизациям. В резолюции конференции говорилось об особом характере национального вопроса в Башкортостане в силу «темноты и отсталости башкирского народа, что являлось коварным наследием царизма». В ней же утверждалось, что «Советская автономия не есть нечто абстрактное и надуманное... Советская автономия есть самая реальная, самая конкретная форма объединения окраины с Центральной Россией». В качестве примера перечислялись наряду с Украиной, Азербайджаном «Киргизия, Башкирия и Татария и др. окраины», что вполне соответствовало сталинской позиции объединения республик вокруг Советской России. Конференция указала на необходимость «на деле упразднить, а не на словах, все привилегии колонизаторских элементов, ... дать башкирской массе вкусить от материальных благ революции»². В то же время конференция утверждала, что «идейным вдохновителем» движения повстанцев был и остался «вождь Башкирии» Валидов... С докладом о национальном вопросе и башкирском национальном движении выступил М. Халиков*, нарком просвещения Башкирской республики, сделав попытку показать исторические корни «взаимного непонимания между башкирским движением и властями РСФСР». А. П. Львов, зав. секретариатом БашЦИК, не согласился с некоторыми выводами

¹ Образование Башкирской АССР. С. 575–583.

² Там же. С. 584–593.

* С полным основанием можно сказать, что с момента ухода З. Валиди с политической арены Башкортостана (не по своей воле), т. е. с июля 1920 г., главным идеологом башкирского движения, активнейшим борцом за интересы башкирского народа, автономии стал Муллаян Давлетшинович Халиков. Об этом свидетельствуют его выступления, обращения, заявления, письма, вся его общественно-политическая деятельность. Недаром с июля 1921 г. он занял пост председателя СНК БАССР. К тому же он был тем башкирским политическим деятелем, к голосу которого прислушивалась Москва. Участь его печальна: был репрессирован в 1937 г. Реабилитирован в 1958 г.

М. Халикова о башкирском движении, в частности с его тезисом о том, что в 1917 г. в Оренбурге, «где находилось Башкирское правительство, был атаман Дутов и грозил разогнать его за большевизм... Враги башкирского народа сумели оклеветать его, правительство, перед вступившей в Оренбург Красной гвардией, результатом этого явилось непонимание, вызвавшее войну между Башкирией и РСФСР...» Львов по этому поводу заявил, что он был комиссаром одного из отрядов Красной гвардии и видел, что «пролетарское правительство (башкир. – *М. К.*) состояло из мулл и кулаков, которые созвали не съезд, а учредилку... Это было похуже керенщины...». Отсюда выступающий сделал вывод: «Мы идем по классовой дороге и не дадим башкира повести по иному пути»¹. В данном случае ясно видно, что еще в начале 20-х гг. появились разночтения в оценке характера башкирского движения.

Важным следует считать то, что партийная конференция признала официальными языками на территории Башкортостана русский и башкирский².

Но обстановка в Башкирской республике, как во всей стране в целом (особенно в Урало-Поволжском регионе), была чрезвычайно тяжелой. Сказывались последствия войны, неурожаев, грабительских действий продотрядов и карательных отрядов в ходе подавления повстанческого движения, которые в совокупности вызвали страшный голод – отсюда недовольство населения большевистскими порядками. Весной 1921 г. возникло в Башкирской республике новое антисоветское движение, которое охватило и часть башкирского населения, что придало ему национальный характер. Во главе его стал Охранюк-Черский, бывший командир отряда регулярных частей Красной Армии, направленный в 1921 г. для подавления крестьянских волнений в Самарскую губернию. Однако Черский, поняв суть крестьянских выступлений, совершил переворот в своем отряде: застрелил комиссара и обратился к красноармейцам со следующими словами: «Нас направили сражаться против бандитов, но против нас воюют не бандиты, а наши отцы и матери, голодающие от грабежей коммунистов. У кого поднимется рука против них?» Затем Охранюк увел свой отряд в пределы Башкортостана, где к нему присоединились и башкиры, возглавляемые Г. Амантаевым и Ф. Магасумовым*.

¹ Образование Башкирской АССР. С. 593.

² Там же. С. 593.

* Габбас Амантаев родился в 1888 г. в дер. Верхне-Кунакбаево Оренбургской губернии. Окончил медресе, художественное училище, получил профессию учителя рисования и картографии. По его словам, владел семью языками. До 1917 г. жил в Казахстане. В 1919 г. вернулся в Башкортостан, работал начальником политпросвета

К апрелю 1921 г. его повстанческий отряд насчитывал около 3 тысяч человек.

О требованиях повстанцев можно судить по содержанию их «Декларации», которая распространялась среди населения в мае 1921 г. Она гласила, что власть должна принадлежать трудящимся и она обязана вести борьбу против насилия коммунистов. Россию надлежит объявить республикой, во главе которой должен быть всенародно избранный президент. Башкортостан, Украина, Польские и другие княжества в форме соединенных штатов должны подчиняться Российскому президенту. В республиках объявляется полное внутреннее самоуправление, каждая автономия в вопросах внутреннего управления остается в прежнем положении. В республиках обеспечивается свобода торговли и неприкосновенность частной собственности, и в них не допускается пропаганда идей коммунизма. Центром Башкирского княжества становился Преображенский завод, все военные отделы и все органы управления Башкирским княжеством должны быть сосредоточены там.

После освобождения башкир подлежат освобождению киргизы (казахи). Освобожденные башкиры и киргизы должны объединяться и вести борьбу за Россию, свободную от коммунизма, и за созыв Всероссийского учредительного собрания. Выражалась надежда, что Стерлитамак перейдет в руки повстанцев. Декларация заканчивалась лозунгами: «Да здравствует Башкирское княжество и все национальности России! Да здравствует крепкая, сильная и мощная Россия!

Командующий народными вооруженными силами, комкор – Черский.

Представитель Башкортостана – Амантаев»¹.

Итак, «Декларация» носила антикоммунистический характер, в ней были и противоречивые положения. Например, попытка совмещения понятий «княжество» и «республика». Что касается идеи объединения башкир и казахов, то она восходит к З. Валиди. Это говорит о том, что Амантаев хорошо знал программные документы башкирского национального движения.

Ф. Магасумов, участник повстанческого движения в Башкортостане 1920 г., был назначен «командующим вооруженными силами башкир», Г. Амантаев – начальником штаба¹.

Ток-Чуранского кантона. В дальнейшем причину своего участия в восстании пытался объяснить «насильственными действиями Охранюка-Черского». Подобного действия со стороны Черского, конечно, не было. (См.: Башкортостан. 1997. 6 июня.)

¹ Султанов З. Сулейман Мурзабулатов. Эпоха и борьба // Агидель. 1995. № 11. С. 65–66; ЦГА ОО РБ. Ф. 1832. Оп. 2. Д. 166. Л. 165.

Однако среди повстанцев не было единого взгляда на тактику борьбы. Уже в ходе первых столкновений с частями Красной Армии, повстанцы Охранюка-Черского перешли на сторону советской власти. Сам Охранюк-Черский решил скрыться в Туркестане, однако башкиры отказались от этого плана.

Ф. Магасумов и Г. Амантаев из Преображенска перебрались в глубь Бурзян-Тангауровского кантона. У башкир-повстанцев не было ясного плана дальнейших действий, каждый отряд вел борьбу на свой страх и риск.

Первоначально обком РКП(б) отверг идею мирного соглашения с повстанцами, но не принял конкретных мер к подавлению восстания. Поэтому в конце июня был переизбран состав президиума обкома партии, который призвал вести решительную борьбу «с партизанщиной и бандитизмом». БашЦИК и Башвоенкомат призвали не отказываться от мирного выхода из создавшегося положения. В районы, охваченные повстанческим действием, были направлены представители БашЦИК и Башвоенкомата К. Идельгужин и Ишкуватов, которые начали в Бурзян-Тангауровском кантисполкоме переговоры с повстанцами. Г. Амантаев и Ф. Магасумов выдвинули согласованные с участниками восстания условия разоружения и перехода на сторону советской власти:

1. Полная амнистия всем участникам восстания.
2. Возвращение Валиди в Башкортостан.
3. Высылка из республики «всех для ее существования вредных ... элементов»².

Дальнейшие переговоры было решено вести в Стерлитамаке, куда отправилась делегация повстанцев во главе с Г. Амантаевым. Однако Амантаев, находившийся под неусыпным надзором чекистов, 15 июня был арестован по распоряжению председателя БашЧК П. Гузакова без согласования с БашЦИК и БашСНК. Об этом свидетельствует телеграмма БашЧК, адресованная одному из руководителей ВЧК Уншлихту. В ней говорится, что арестованного по согласованию с обкомом партии начальника штаба бандитов Амантаева защищают некоторые члены правительства и хотят все дело взять в свои руки. В конце содержалась просьба отклонить их требование³.

Амантаев по этапу был отправлен в Москву. В связи с его болезнью в 1922 г. он был возвращен в Башкортостан, и дальнейшая судьба его неизвестна⁴.

¹ Султанов З. Указ. соч. С. 66.

² Там же.

³ Башкортостан. 1997. 6 июня.

⁴ Там же.

Подобные действия БашЧК не способствовали установлению мира в Башкортостане. Отдельные выступления небольших повстанческих отрядов продолжались до конца июня 1921 г.

II Всебашкирский съезд Советов, состоявшийся 1–4 июля 1921 г. осудил так называемую «партизанщину» и причины, способствующие возникновению недовольства масс и мятежей. Съезд рекомендовал «проявлять осторожность в борьбе с бандитизмом и движением националистов», «тщательно изучать причины их появления в том или ином районе». В целях успокоения башкирского населения съезд Советов признал башкирский язык, наравне с русским, государственным. Съезд Советов Башкирской АССР счел необходимым внести некоторые изменения в декрет ВЦИК от 19 мая 1920 г. и разработал свое положение о государственном устройстве БАССР, которое более расширенно толковало права автономии¹. Однако Декрет «О государственном устройстве Автономной Советской Башкирской республики», принятый ВЦИК и СНК РСФСР 19 мая 1920 г., пересмотру не подвергся и продолжал существовать как основной конституционный документ, определяющий взаимоотношения органов РСФСР и БАССР. Наконец, Конституция РСФСР 1925 г., в которой имелся раздел об автономных республиках, закрепила и законодательно оформила сложившиеся федеративные отношения Башкирской республики с РСФСР².

Таким образом, повстанческое движение 1920–1921 гг. не сумело внести существенные коррективы в государственно-правовое положение Башкирской Автономии, хотя некоторые уступки со стороны центральных властей имели место. Определенное смягчение было сделано в кадровом вопросе, положительными следует отметить признание башкирского языка государственным, приостановление расхищения башкирских земель и т. д. Но в дальнейшем в Башкирской республике вся полнота власти перешла в руки партийных организаций, которые были обязаны неукоснительно выполнять все директивы ЦК партии и вести народ к «светлому будущему».

Партийные организации республики выступили с осуждением так называемой «валидовщины» и, в связи с этим, всего башкирского движения, добившегося создания автономной республики. Все это нашло яркое отражение в воззвании V Всебашкирской партконференции «Ко всем членам РКП(б) БАССР о национальной борьбе и Валидове» от 24 января 1922 г.³ После появления этого воззвания понятие

¹ Образование Башкирской АССР. С. 603–605.

² Там же. С. 815, 816. (Извлечения из Конституции РСФСР 1925 г.).

³ Там же. 628–630.

«валидовщина» в смысле контрреволюционного, реакционного национализма прочно утвердилось не только в исторической литературе, официальных партийных и советских документах, но и в сознании общественности. Репрессивные действия советских карательных органов в отношении лиц башкирской национальности проходили именно под видом разоблачения валидовцев. Инспирированные сверху процессы по обвинению отдельных личностей, целых групп людей в причастности к «валидовщине» начались уже в 20-х гг. В своей справке «О контрреволюционном валидовском движении в Башкирии», подготовленной в 1948 г., МГБ БАССР писало: «Нашими органами систематически наносились удары по контрреволюционным националистическим формированиям валидовцев и султангалиевцев»¹. Далее перечислялись отдельные процессы по делам валидовцев и султангалиевцев: «1. В 1929–1933 гг. в Уфе и в Зилаирском районе БАССР вскрыта и ликвидирована контрреволюционная и националистическая повстанческая организация с арестом 58 человек, которая возглавлялась валидовцами Адигамовым Абдуллой, Мутиным Ильдарханом, Мурзабулатовым Сулейманом, Бикбаевым Рашидом, Тляубердиным, Имаковым, Муллабаевым и другими»². «2. В 1930–1933 гг. вскрыта и ликвидирована с арестом 150 человек контрреволюционная, националистическая организация, созданная и руководимая бывшими валидовцами»³. Подобные процессы продолжались, как видно из справки МГБ БАССР, до 1942 г. Разумеется, самые значительные «разоблачения» валидовцев были сделаны в 1937 г. Чекисты Башкирской АССР «раскрыли» тогда два центра националистического движения, организованных якобы еще в 1929 г. по «директиве Валидова»: один в Уфе и второй в Москве. «В Московский центр входили: Бишев, Кушаев, Муртазин М., Юмагулов Х., Халиков Муллаян, Тагиров Авзал, Булашев З». «Членами Уфимского центра являлись: Исанчурин, Даутов, Ишмухаметов, Асадуллин, Зиянчурин». Все перечисленные лица будто бы создали в Уфе штаб повстанческого движения, готовивший крупномасштабный заговор, в который вошли: Даутов Шаяхмет – председатель Госплана БАССР, Асадуллин Ахмет – Наркомзем БАССР, Ишмухаметов Кинжа – Наркомздрав БАССР, Зиянчурин Гадельша – Наркомхоз БАССР, Кальметьев Харис – председатель комитета по делам физкультуры и спорта, Шарипов Рамазан – райвоенком в г. Стерлитамаке.

Помимо двух центров и штаба, оказывается, «валидовцы» образовали «террористические группы», в которых состояли Тухватуллин

¹ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 50. Л. 54.

² Там же.

³ Там же.

Фатих, Юмагужин Ахтям, Кальметьев Якуп, Гумеров Ахмет, Абзанов Шамси, Закиров Харис, Идельгужин Карим, Терегулов Халил и другие¹. Как говорится, дальше – больше. По мнению МГБ БАСССР, в 1934–1935 гг. одним из руководителей организации башкирских националистов был второй секретарь Башобкома ВКП(б) Исанчурин, организовавший контрреволюционный блок с правотроцкистской организацией, которую возглавлял первый секретарь Башобкома партии Быкин².

Руководители и члены этих надуманных «центров», «штабов» и «террористических групп», по определению МГБ БАСССР «... ставили своей целью свержение Советской власти путем вооруженного восстания» и создание «самостоятельного пантюркистского государства буржуазного типа, под протекторатом японо-германского фашизма». Далее оказывается, что «основные кадры организации состояли из бывших валидовцев, активно участвовавших в борьбе с Советской властью еще в 1918–1919 гг. и позднее»³.

Таким образом, в 1937 г., по существу, были уничтожены физически почти все участники башкирского национального движения. Однако среди репрессированных было немало лиц, не имевших никакого отношения ни к З. Валиди, ни к башкирскому национальному движению и даже людей, в свое время активно боровшихся с «националистами» (Ш. Даутов, А. Тагиров, например).

§ 5. Белое башкирское движение в Сибири и на Дальнем востоке*

Еще в ходе первых башкирских съездов внутри башкирского движения появилось, хотя и слабое, оппозиционное к нему, по сути, монархическое крыло, возглавляемое отцом и сыновьями

¹ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 50. Л. 55,56.

² Там же. Л. 56.

³ Там же. Л. 55.

* В архиве З. Валиди в Стамбуле философом А. М. Юлдашбаевым был найден любопытный для нашей истории в целом, а также для изучения истории башкирского национального движения труд под названием «Башкиры в Забайкалье», автором которого является видный участник башкирского движения, один из командиров полков Башкирской белой армии Галимьян Таган. В нем опубликованы интересные документы о походе многих тысяч башкир, и не только богатых, вместе с белой армией в глубь Сибири и на Дальний Восток. Башкирские белые отряды, возглавляемые Г. Таганом и Мухаметгабдулхаем Г. Курбангалеевым, продолжали там белое башкирское движение, основной целью которого было сохранение Башкирской буржуазно-демократической автономной республики в составе «антибольшевистской России». Данный параграф написан, главным образом, на основе документов и записей Г. Тагана.

Курбангалеевыми. Отец Габидулла Курбангалеев, ишан, имел своих послушников-мюридов, был крупным землевладельцем. Его сыновья: Мухаметгабдулхай, Габдулвалей, Мухаметхарун и Габдулаваль – активно участвовали в национальном движении. Наибольшую политическую активность из Курбангалеевых развил Мухаметгабдулхай, тоже ишан, противник З. Валиди, отказавшийся в феврале 1919 г. перейти на сторону Красной Армии и советской власти. По-разному сложились судьбы отца и братьев Курбангалеевых. За исключением М-Г. Г. Курбангалеева, все они погибли при различных обстоятельствах в 1918–1920 гг.*

Курбангалеевы первоначально занимали особую позицию по земельному и религиозным вопросам, по вопросу самоопределения башкирского народа. Они считали, что выделение башкирского населения в автономную часть Российской республики не должно состояться. При этом они ссылались на ареал расселения зауральских башкир, не имевших, по их мнению, территориальной целостности, и после провозглашения автономии Башкортостана им пришлось бы жить в отрыве от центра автономного государства. Одной из основных задач башкирского национального движения они считали быстрейшее решение религиозных вопросов – создание автономного духовного управления, позволяющего выйти из подчинения татарскому магометанскому управлению, так как это было, по их мнению, «одним из источников татарского засилья над башки-

* Мухаметхарун Курбангалеев, как пишет З. Валиди, «верой и правдой служил» в башкирских белых частях и погиб в одном из сражений в 1918 г. (*Таган З. Валиди. Воспоминания. Кн. 1. Уфа, 1994. С. 258*). Габидулла Курбангалеев и его сын Габдулвалей 26 октября 1919 г. были арестованы бойцами 5-й Армии Восточного фронта и переданы в распоряжение Башревкома по их просьбе. 24 ноября, после следствия, их дело было передано на рассмотрение Ревтрибунала БАССР, который приговорил отца и сына Курбангалеевых к высшей мере наказания за «контрреволюционную деятельность, шпионаж, расстрел советских работников». Приговор был приведен в исполнение 7 декабря 1919 г. (ЦГИА РБ. Ф. Р-321, Оп. 1. Д. 3. Л. 3, 7. Д. 4. Л. 1 об., 2.). Габдулаваль Курбангалеев вместе с братом Мухаметгабдулхаем бежал в Забайкалье и погиб в одном из сражений с красными партизанами под Читой 8 апреля 1920 г. (См.: *Таган Г. Башкиры в Забайкалье // Ватандаш. 1997. № 8. С. 123*). Судьба Мухаметгабдулхая Курбангалеева была менее трагичной. Осенью 1919 г. он присоединился к белым частям, отступающим в Сибирь. Сотрудничал с атаманом Семеновым. После разгрома белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке бежал в Японию. В 1945 г. находился в г. Дайрене (Маньчжурия), где был арестован чекистами и отправлен в Москву. До 1955 г. сидел во Владимирской тюрьме. После освобождения обосновался в Челябинской области, исполнял обязанности муллы. Умер в 1972 г. (См.: *Юнусова А. Б. Ислам в Башкирии (1917–1994 гг.). Уфа, 1994. С. 24–25; Чекисты Башкирии. Очерки, статьи, воспоминания. Уфа, 1967. С. 27–29. «Башкортостан». Кр. энциклопедия. Уфа, 1996. С. 358.*

рами»¹. Также им были близки монархические устремления белого движения, в том числе «верховного правителя» Колчака. Курбангалеевы встретили в штыки переход башкирского национального движения на сторону советской власти, поскольку их устраивал колчаковский унитаризм. Пользуясь своим влиянием и авторитетом среди аргаяшских башкир, они увлекли за собой определенную их часть, которая составила в дальнейшем костяк белого башкирского движения в Сибири и на Дальнем Востоке. М. Г. Курбангалеев со своими единомышленниками И. Гадельшиным, С. Ахмеджановым и Ш. Фахрисламовым, узнав о настроениях Башкирского правительства и самого З. Валиди, еще 9 января 1919 г. прибыли в Омск для встречи с членами Сибирского правительства. Объясняя причины своего неприятия образования самостоятельного советского «Башкурдистана», Курбангалеев и его сторонники выдвинули следующие доводы: «1) возможность проникновения большевистской заразы в Башкирию; 2) возможность социализации башкирских земель; 3) возможность татарского ига, в случае создания Общесульманского Правительства, путем захвата власти со стороны татар». В своем прошении, поданном «верховному правителю», осудив действия З. Валиди, они сообщили, что башкиры Давлетбаевской волости постановили «оторваться от Башкурдистана, стремясь территориально присоединиться к Сибири, так как всякие социалистические болтовни нам, беспартийным, чужды». Далее курбангалеевцы писали о невозможности пока созвать предполагаемый съезд башкир «в виду неопределенности положения»². Таким образом, М. Г. Курбангалеев и его сторонники заявили не только о своем неприятии большевистских идей, но и об отрицательном отношении к созданию Башкирской советской автономии, и были готовы пойти на территориальное раздробление Башкортостана.

После перехода Башкирского правительства и войск на сторону советской власти М. Г. Курбангалеев окончательно порвал с З. Валиди и стал одним из руководителей белого башкирского движения. Недаром в феврале 1919 г. М. Г. Курбангалеев был приглашен для встречи в г. Челябинске «верховного правителя» и заверил белых генералов в том, что «башкиры готовы до последней капли крови рука об руку с казаками сражаться против Советской власти»³.

¹ Юнусова А. Б. Указ. соч. С. 23, 24. Однако в дальнейшем, находясь в Забайкалье, Курбангалеев стал поддерживать идею территориальной автономии Башкортостана. Возможно, под влиянием своего окружения, особенно – близкого друга З. Валиди Г. Тагана.

² Юнусова А. Б. Указ. соч. С. 24, 25.

³ Салихов Р. Конец «косолапого ишана» // Чекисты Башкирии. Уфа, 1967. С. 26.

Другим видным лидером башкирского белого движения в 1919–1920 гг. был Галимьян Таган, который командовал в башкирском войске 3-м полком, затем 2-й дивизией, ближайший друг З. Валиди в отличие от М. Г. Курбангалеева. Однако Г. Таган, человек, придерживающийся более консервативных взглядов, чем З. Валиди, отрицательно отнесся к переходу башкирских войск на сторону Красной Армии и остался на стороне белого движения*. Свой шаг он объясняет тем, что «к этому времени (имеется в виду время перехода Башкирского правительства на сторону советской власти. – М. К.) в Челябинске организовалось более умеренное башкирское течение, которое, открыто признавая невозможность полной самостоятельности, хотело обеспечить башкир самоуправлением – «на государственных началах». Далее Г. Таган ссылается на обещание Колчака разрешить башкирам организовать «свое войсковое правительство» и таким путем обеспечить себя самоуправлением, отнятым у башкир в 1862 г. (имеется в виду отмена кантонной системы управления и перевод башкир из военного в гражданское состояние в 1863 г. – М. К.)¹. Очевидно, речь идет об организованном Курбангалеевыми движении, к которому примкнул Г. Таган. По его мнению, «это движение тоже немало встретило сочувствия среди башкир».

М. Курбангалеевым было предложено созвать 25 июля съезд в Челябинске, но 24 июля город был занят большевиками². Организаторы белого башкирского движения вместе с колчаковцами были вынуждены отступить в г. Омск.

Белое движение также пополнялось за счет башкир, бежавших от террора и насилия со стороны частей 1-й армии Восточного фронта. По сообщению Г. Тагана, в киргизских (казахских) степях к весне 1919 г. собралось «на одних только лошадях 2500 семей и 10 тысяч башкир, бежавших от красного террора, притом не только состоятельные, но и бедняки, которые, оставив на родине все домашнее хозяйство, «испытывали все ужасы нужды»³. Все мужчины, способные носить оружие, пополнили белые отряды, в первую очередь, войска Южной армии, которой командовал генерал-майор Белов. В составе Южной армии генерала Белова, кстати, действовала и кавалерийская бригада М. Муртазина до августа 1919 г. По-

* После поражения белого движения на Дальнем Востоке, Г. Таган пробрался сначала в Японию, а затем эмигрировал в Европу. Обосновался в Венгрии. Там стал видным ученым-экономистом и этнографом. Умер в 1948 г.

¹ Таган Г. Башкиры в Забайкалье // Ватандаш. 1997. № 8. С. 116.

² Таган Г. Указ. соч. С. 116.

³ Там же. С. 120.

терпев поражение в боях с красными частями в районе г. Орска, отдельные полки этой армии беспорядочно отступили в направлении Кашгар-Ташкент, Гурьев и Сибирь. 2 сентября красные заняли Актюбинск и перерезали пути отступления белых частей на юг. В этих условиях башкирские солдаты были вынуждены двигаться на Восток и сосредоточились в Омске¹.

В сентябре 1919 г. в Омске, по сообщению Г. Тагана, «вокруг уполномоченного NN* сгруппировались уполномоченные разных башкирских уездов». Тогда же было налажено издание газеты «Каһарман-Башкорт» («Герой-башкир»). При помощи генерала Белова и военного министра генерала Ханжина был поднят вопрос о предоставлении башкирам казачьего самоуправления. Эту идею поддержал Предсовмина колчаковского правительства В. Пепеляев. М. Курбангалеевым и Г. Таганом была сделана попытка установить связь с Башкортостаном. Однако положение Омска к осени 1919 г. стало катастрофическим. Красная Армия подходила к столице Сибирского правительства. 10 ноября 1919 г. – почти в годовщину колчаковского переворота – Совет Министров погрузился в эшелон. 12 ноября оставил Омск сам «верховный правитель», двинувшись в направлении Иркутска².

Башкиры через министра иностранных дел Сибирского правительства И. И. Сукина обратились к представителям союзников, а именно председателю иностранного дипломатического корпуса графу Де-Мартел и комиссару Англии Чарльзу Дж. Эллиоту с просьбой оказать помощь в эвакуации башкир-беженцев. Они обещали сообщить своим правительствам о тяжелом положении башкирского народа³.

После падения Омска часть беженцев-башкир поступила в ряды белых войск и вместе с ними отступила в Забайкалье, совершив, по определению Г. Тагана, «ледяной поход воинов башкир»⁴. В декабре 1919 г. уполномоченный от башкир обратился к генералу В. О. Каппелю с просьбой об объединении башкирских солдат в одну дивизию. Генерал Каппель обещал помочь башкирам. Вообще

¹ Таган Г. Указ. соч. С. 119–120.

* В работе Г. Тагана имена участников белого движения не названы, они даны под шифром. Вероятно, многие из них вернулись домой, поэтому Г. Таган, вполне закономерно, опасался репрессивных действий чекистов по отношению к ним. Ведь книга была написана по свежим следам еще в 1920 г. и могла попасть в руки ВЧК. Но ясно одно, что «уполномоченные» сгруппировались вокруг М. Г. Курбангалеева и Г. Тагана, которые руководили белым башкирским движением.

² Иоффе Г. Э. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. С. 232, 233.

³ Таган Г. Указ. соч. С. 118.

⁴ Там же.

башкирские солдаты-беженцы, по замыслу М. Курбангалеева и Г. Тагана, должны были присоединиться «к войскам атамана Г. С. Семенова, которому, по слухам, покровительствуют японцы». Башкирам – беженцам импонировало и то, что атаман Г. Семенов в свое время не признал власти адмирала Колчака и угрожал ему объявлением автономии Восточной Сибири: носился с идеей создания, с помощью бурятского национального движения, «Великой Монголии», куда должны были войти не только Внешняя и Внутренняя Монголия, но и часть Забайкалья¹.

Башкирские солдаты стремились в связаться с Семеновым. Еще до их прибытия в Забайкалье, по сообщениям омских газет, они узнали о том, что «около атамана Семенова группируются мусульмане, у него есть представитель Аравийского королевства, он получил Мусульманский орден». Эти слухи «поддерживали настроение воинов-башкир и вообще мусульман в тайге» – пишет по этому поводу Г. Таган². Некоторые бывшие командиры башкирских отрядов еще до присоединения к атаману Семенову стали сами формировать национальные эскадроны под национальным флагом³. Башкирские солдаты, прибывшие в Забайкалье, участвовали в боях под Читой. Так, 8 апреля 1920 г. в кровопролитном сражении погиб командир башкирского отряда капитан Габдулаваль Курбангалеев, умышленно оставленный генерал-майором Круглевским, командиром Уральского полка для пешего следования в Читу. Капитан Курбангалеев был братом М. Г. Курбангалеева⁴.

К марту 1920 г. башкирские отряды сосредоточились в г. Чите, где находились японская военная миссия и атаман Семенов. 14 марта в доме атамана состоялась первая деловая встреча с атаманом, на которой последний выразил готовность, как главнокомандующий, пойти навстречу пожеланиям башкир и приступить

¹ Шерешевский Б. М. Разгром семеновщины (апрель–ноябрь 1920 г.). Новосибирск, 1966. С. 65: 66. Идею создания буферного государства в Забайкалье взяли в свои руки большевики, образовав 6 апреля 1920 г. Дальневосточную республику. 14 мая 1920 г. РСФСР поспешила признать эту «республику».

² Таган Г. Указ. соч., С. 118. Действительно, при штабе Семенова находился представитель Аравийского королевства некий подполковник Асланов, весьма авантюрная личность.

³ Таган Г. Башкиры в Забайкалье // Ватандаш. 1997. № 8. С. 118. Башкирский национальный флаг был принят Башкирским правительством еще в 1918 г. и представлял полотнище из трех цветов: зеленого, синего и белого. Действительно, атаману Семенову помогали японцы. А. В. Колчак по этому поводу во время допроса говорил: «Средства Семенов получал главным образом от японской миссии в смысле вооружения, денег, снабжения...» (См.: Арестант пятой камеры. М., 1990. С. 352).

⁴ Таган Г. Указ. соч. С. 122, 123.

к объединению воинов-башкир в особую боевую единицу. 17 марта М. Курбангалеев подал атаману Семенову прошение, где говорилось о желании башкир продолжать борьбу «против большевизма», для чего следовало:

1. «Формировать» из стрелков башкир Российской армии и Туземной дивизии Отдельную башкирскую кавалерийскую бригаду с непосредственным подчинением Вашему Высокопревосходительству.

2. Сейчас же приступить к формированию 1-го Башкирского кавалерийского полка.

3. Основной частью этого полка назначить башкирский эскадрон Уральского отряда¹.

Однако военное совещание всех начальников дивизий, состоявшееся под председательством так называемого Главвосточка генерала Войцеховского, решило отклонить просьбу башкир о формировании национальной воинской части, под предлогом не допущения «национализации армии»². В то же время начальник штаба армии генерал Шипихин мотивировал этот отказ тем, что «башкиры, благодаря своей устойчивости и храбрости, находясь по разным частям, являются элементами, поддерживающими общий дух и сплоченность армии и выделение их в особую часть означало бы ослабление армии»³. Что касается Г. Тагана, то он подобную позицию белых генералов объясняет закулисной борьбой за власть и за первенство между Каппелевским и Семеновским командными составами, между двумя «главнокомандующими – Войцеховским и Семеновым, каждый из которых пытался заманить башкир «всевозможными обещаниями вплоть до преобразования своей дивизии в башкирскую»⁴. Но основной причиной отказа башкирам в национальном формировании была «боязнь их сплоченности», возможности выхода из подчинения интригующего командного состава армии»⁵.

В этой обстановке башкиры решили непосредственно войти в связь с японской военной миссией. В конце апреля 1920 г. делегация башкир посетила начальника японской военной миссии, изложила ему подробности положения о формировании башкирских частей и просила довести их до сведения Главнокомандующего японскими экспедиционными войсками в Сибири. Также в Чите

¹ Таган Г. Указ. соч. С. 122.

² Там же. С. 122.

³ Там же. С. 122, 123.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

она вела переговоры с начальником штаба барона Унгерна полковником Клуге и его старшим адъютантом капитаном Сотниковым. По приглашению барона Унгерна с целью ознакомления с его азиатской дивизией, 16 апреля М. Курбангалеев и Г. Таган выехали в Даурию, где осмотрели 1-й и 2-й Татарские полки, в составе которых были башкирские сотни. Затем отправились в Харбин, где будто бы созывался съезд мусульман с целью их объединения для борьбы с большевиками на Туркестанском фронте по инициативе бывшего омского муллы ахуна Гимуша и известного уфимского богослова Закира аль Кадыри. Как пишет Г. Таган, в Харбине «ничего основательного... не оказалось и впоследствии указанные лица отбыли в Туркестан». Курбангалеев и Таган, вернувшись в Читу, 12 мая обратились к атаману Семенову с целым рядом предложений: перевести башкирский эскадрон из Уральского конного дивизиона в конвой Главного командующего; выделить башкир в особые эскадроны в дивизиях Дальневосточной армии; XII Уральский полк второй Уфимской дивизии переименовать в 1-й Башкирский полк, куда перевести всех башкир из частей этой дивизии; Уполномоченного от башкир М. Г. Курбангалеева считать в непосредственном распоряжении Семенова в качестве военно-политического представителя башкир с утверждением функции и штатов этого представительства. Главнокомандующий согласился с этими требованиями, но отложил на будущее вопрос о формировании национальных частей. Приказ Семенова о переводе башкирского эскадрона в конвой Главкома вызвал недовольство среди белых генералов, которые не исполняя давший приказ, увели эскадрон, где служили башкиры, на фронт. 27 мая был издан приказ Главнокомандующего о зачислении М. Курбангалеева в его штат, как избранного представителя башкирского народа¹. Но поскольку вопрос о выделении башкирских солдат в самостоятельное воинское формирование не решался, руководители башкирского белого движения пришли к заключению о необходимости организации войскового управления башкир в Российской восточной окраине на правах войсковых правительств казачьих войск и объявлении башкирского войска на казачьем положении по типу Оренбургского казачьего войска. Это дало бы, по их мнению, возможность исполнить требование башкир «на законном основании» и не так раздражало бы реакционные круги, как продолжение революционной деятельности Башкирского правительства.

¹ Таган Г. Указ. соч. С. 125.

Так называемая «национальная группа башкир», сражаясь на стороне белых, своей основной целью считала «сохранение Башкирии за башкирами при антибольшевистском строе в России», т. е. она питала надежду на крушение советской власти. В программе «группы» так определялись ее задачи: «1) чтобы Россия была великая, единая, могущественная, но устроенная на федеративных началах; 2) чтобы принцип федерации был национально-географическим; 3) штаты и границы их были бы установлены путем совершенно свободного волеизъявления большинства населения этого штата; 4) чтобы Башкирия, в границах установленных на Учредительном съезде Башкирии в декабре 1917 года, составляла из себя территориально-автономную часть Российского федеративного государства, оставляя войска в ведении общегосударственной власти с тем, чтобы башкиры имели свои национальные части»¹.

Итак, «национальная группа башкир» за основу своей программы действий положила решения Всебашкирского учредительного съезда о территориальной автономии с сохранением национальных вооруженных сил. В программе белого башкирского движения, как видно, отсутствует положение о культурно-национальной автономии. Из всего этого можно сделать вывод о том, что М. Курбангалеев отнюдь не был сторонником культурно-национальной автономии, о чем писал Б. Х. Юлдашбаев².

«Национальная группа башкир» представляла установление антибольшевистского режима в России следующим образом: 1) Путем признания антибольшевистскими существующие в России республики, в том числе Башкортостана, с «добровольным изменением в них существующего строя; 2) Свержения «насильственной большевистской власти путем вооруженной борьбы, оставляя за каждым народом, имеющим свои территории, право на самоопределение...».

Активно участвуя в белом движении, «национальная группа башкир», как указывалось в программе, прежде всего стремится обеспечить национально-политические и территориальные интересы башкир, для чего необходимы национальные вооруженные силы³.

¹ Таган Г. Указ. соч. С. 121.

² Юлдашбаев Б. Х. Новейшая история Башкортостана. Уфа, 1995. С. 79, 96. Обращение Курбангалеева к Сибирскому правительству «о самоопределении башкир лишь по национально-культурным и религиозным вопросам» было связано с его резко отрицательным отношением к З. Валиди, добивающегося во что бы то ни стало создания территориальной автономии башкирского народа. На Дальнем Востоке он отказался от идеи национально-культурной автономии.

³ Таган Г. Башкиры в Забайкалье // Ватандаш. 1997. № 8. С. 121.

Курбангалеев и его единомышленники считали, что поддержка советов мусульманами – «явление временное, вызванное притеснениями небольшевиков* и поэтому они рассчитывали на объединения мусульман на национально-государственных началах»¹.

Для рассмотрения проблем формирования башкирских казачьих войск и вообще программы действий, лидеры башкирского белого движения решили созвать в июне 1920 г. военное совещание. И в мае развернулись подготовительные работы. На этом совещании намечалось рассмотрение следующих вопросов:

«1) О братстве мусульман: прочтение и обсуждение устава его;

2) Об объявлении башкир Дальневосточной армии и Российской Восточной окраины на казачьем положении;

3) Выборы членов Управления братства и совета его и председателя военно-национального управления башкир Рос. Вост. Окраины, объявленных на казачьем положении».

В работе «военного совещания» изъявил желание участвовать Собрание национального управления татар г. Читы с включением в повестку дня вопроса о национально-культурной автономии мусульман внутренней России и Сибири. Проведение совещания, его повестка дня согласовывались с атаманом Семеновым и его генералами, которые не возражали против этого мероприятия. Военное совещание башкир состоялось 14 июня 1920 г. в г. Чите. В работе совещания участвовали представитель атамана Семенова генерал-майор Мунгалов, главный мулла Дальневосточной армии Салимгареев, представитель Аравийского королевства мулла Султанов, секретарь управления главного муллы Шафигуллин, чиновник особых поручений при главнокомандующем З. Ишмухаметов и 20 представителей восьми уездов Башкортостана. Совещание обсудило проект Устава мусульманского братства и приняло его с некоторыми поправками. По второму вопросу выступил правая рука Курбангалеева Г. Таган и обосновал необходимость объявления башкир-беженцев на казачьем положении. По его докладу была принята развернутая резолюция с историческим экскурсом в историю боевых традиций башкирского народа. В констатирующей части резолюции было записано: «Мы, башкиры, очутившиеся на территории Рос. Вост. Окр., рука об руку со своими соотечественниками, с оружием в руках будем продвигаться на запад с целью очищения Великой России от большевистского произвола и вос-

* Здесь имеются в виду реакционные белые генералы, выступающие против самоопределения народов, А. В. Колчак, А. И. Дутов и другие.

¹ Таган Г. Указ. соч. С. 121.

становления в дорогой нам родине, в частности Башкирии, права законности и оскорбленной чести народа с обеспечением на государственных началах народного самоуправления». Далее говорилось «о даровании прав башкирскому народу присвоенных казачеству». В постановляющей части, в пункте первом, речь шла об объявлении башкир Дальневосточной армии на казачьем положении, а разработку положения о Башкирском казачьем войске предусматривалось предоставить всебашкирскому съезду «после очищения Башкурдистана». Для внутреннего управления башкирами Рос. Вост. Окр., объявляемых на казачьем положении, намечалось учреждение Военно-национального управления башкир. Далее, атаману Семенову предлагалось взять под свое покровительство Башкирское войско и объявить себя походным атаманом. И, наконец, была объявлена «глубокая благодарность и искреннее сочувствие доблестной Императорской японской армии за дружественную помощь и пожелание блестящего успеха в деле восстановления права и порядка в России, в том числе Башкирии»¹. Собрание единогласно избрало председателем центрального управления Мусульманского братства главного муллу Дальневосточной армии Салимгареева, товарищем его – поручика Г. Тагана, секретарем – штабс-ротмистра Шафигуллина, казначеем – горнизонного муллу Сабирхузина. Членами Совета стали муллы Шагулов, Ишмухаметов, Гилязетдинов, и подполковник Асланов. Председателем Военно-национального управления башкир Рос. Вост. Окр. был избран М. Г. Курбангалеев. Атаман Семенов и командующий Дальневосточной армией генерал-лейтенант Лохвицкий были избраны почетными членами мусульманского братства. Также, по предложению М. Курбангалеева, в список почетных казаков (иль-джигитов) Башкирского войска были включены генерал-лейтенант Хрещетицкий, генерал-майор генштаба Зубковский, генерал-майор Жуковский, генерал-лейтенант Дитерихс, генерал-лейтенант Лохвицкий, генерал-лейтенант Молчанов, генерал-майор барон Унгрен, генерал-лейтенант японской имперской службы Судзуки, начальник японской военной миссии полковник Курасава, капитан японской имперской службы Хираса. Атаман Семенов также был избран почетным аксакалом (иль-агасы) башкирского войска. На совещании был заслушан доклад председателя Национального управления татар Низаметдинова о национально-культурной автономии мусульман внутренней России и Сибири. Но резолюция по этому вопросу в связи с протестом начальника штаба генерала Хрещетицкого не

¹ Таган Г. Указ. соч. С. 128.

была принята. Свое возражение против принятия резолюции по этому вопросу генерал обосновал тем, что эта проблема – являясь чисто гражданской и являясь всероссийской, нуждается во всесторонней подготовке¹.

Для передачи постановлений военного совещания атаману Семенову Г. М. была избрана делегация из 12 человек, куда вошли М. Курбангалеев, представитель при штабе походного атамана полковник С. Бикмеев и другие. Главнокомандующий благосклонно отнесся к резолюции совещания и подписал так называемую грамоту, которая была оглашена в день Ураза-байрама – 17 июня 1920 г., генералом Хрещатицким в присутствии атамана Семенова. Она гласила, что башкир, находящихся на территории Российской восточной окраины (РВО), полагать на основаниях, установленных для казаков, воюющих против большевизма, присвоив им права и обязанности, традиционно существующие в рядах Оренбургского казачьего войска. Было поручено Военно-национальному управлению башкир разработать с учетом особенностей Башкортостана Положение о башкирском войске и представить атаману Семенову на утверждение. Окончательное решение вопроса о казачьих правах башкир должен был рассмотреть Всебашкирский съезд, созыв которого обуславливался освобождением от большевиков «2/3 территории Башкортостана». Главнокомандующий по этой грамоте брал на себя покровительство над башкирами, «включив Башкирское войско в число казачьих и инородческих войск, возглавляемых им, как походный атаман и через штаб походного атамана. В конце грамоты выражалась надежда на создание здорового и крепкого духом оплота «для дальнейшей борьбы за восстановление... общей родины – России»². В своей речи М. Курбангалеев искренне благодарил Семенова за внимание к башкирам, и сказал об ошибках, «сделанных прежними руководителями», подразумевая нежелание Колчака и других белых генералов признать в свое время Башкирскую автономию. «Мы здесь бедны, раздеты и без лошадей, – продолжал он, – но мы двигались сюда не за роскошью. В данный момент наша заветная мечта исполнилась и наше продвижение в Башкирию дает нам все». Он также благодарил японцев за оказанную башкирам помощь. Начальник штаба японских войск Судзуки в краткой ответной речи выразил сочувствие и свое благожелательное отношение к башкирам и обещал сообщить японскому императору о постановлении совещания.

¹ Таган Г. Указ. соч. С. 129.

² Там же. С. 147, 148.

Поздравительную телеграмму Курбангалееву прислал генерал-лейтенант Дитерихс. З. Ишмухаметов от имени Национального управления татар поблагодарил Семенова за внимание к единоверцам – башкирам, поздравил башкир «с вооруженной казачьей автономией». По окончании торжества в зале Читинского гарнизонного войскового собрания был устроен довольно пышный завтрак-банкет с участием атамана Семенова, его генералов, приглашенных гостей, в том числе представителя Арабского хиджазского эмира Асланова, беженцев-татар – Ишмухаметова и других¹.

В конце июня 1920 г. были предприняты некоторые шаги по претворению в жизнь основных положений «Грамоты» Семенова о башкирском казачьем войске. 22 июня появился приказ Главнокомандующего об учреждении военно-национального управления башкир, которому поручалась выработка временного положения о башкирском войске, формирование его штата. Председатель Военно-национального управления (ВНУ) башкир РВО М. Курбангалеев и начальник штаба Управления Г. Таган, произведенный в подполковники, разработали временный штат ВНУ в соответствии с положением о казачьих войсках, составленным еще в 1917 г. применительно к Забайкальскому казачьему войску². Приказом Главнокомандующего от 11 августа 1920 г. была установлена форма одежды башкирского войска с применением национальных цветов башкир – зеленого и синего. Также Семенов отдал приказ о необходимости регистрации всех воинов башкир в ВНУ башкир РВО для дальнейшего их отправления для прохождения службы в башкирские полки.

Поскольку М. Курбангалеев занял пост председателя ВНУ, представителем последнего при штабе Главнокомандующего был назначен полковник Бикмеев, в свое время служивший в войске З. Валиди. Им должны были решаться все башкирские дела.

По сведениям ВНУ в различных частях войск Забайкалья насчитывалось 1552 солдата из башкир, 695 – татарских солдат и 25 офицеров – всего 2272 военнослужащих. Кроме того, в Азиатской конной дивизии барона Унгерна служило около 800 мусульман – башкир и татар. Таким образом, в Забайкалье в 1920 г. находилось около 2 тыс. башкир и 1172 татарина. Вообще мусульман-военнослужащих в войсках атамана Семенова и барона Унгерна

¹ Таган Г. Указ. соч. С. 148, 149.

² Там же. С. 153, 154.

насчитывалось более 3 тыс.¹ Больше всего башкир-воинов служило в Уфимской дивизии – 800 человек, отдельной Добровольческой бригаде – 275, в I Сводной дивизии – 147 и Волжской бригаде – 135 человек. Остальные были разбросаны по 60–70 человек по другим корпусам и дивизиям войск атамана Семенова². Все эти данные были собраны в ходе регистрации башкир-солдат специально направленными для этой цели переписчиками. Как видно из рапорта Тагана Семенову, многие командиры частей всячески препятствовали проведению регистрации солдат из башкир. Дело доходило до арестов переписчиков и даже издевательств над ними³. Это свидетельствует о том, что отношение между башкирами и командирами белых частей атамана Семенова были довольно натянутыми. Некоторые белые генералы опасались повторения истории Валиди – перехода башкирских частей на сторону красных и всячески противодействовали созданию автономной боевой единицы. Так, башкирские солдаты, находящиеся в частях первой сводной дивизии, крайне были недовольны притеснениями командного состава и возбудили ходатайство о переводе их в другую часть⁴. Или, например, башкирский воин из 8-го Камского полка Уфимской дивизии был расстрелян командиром роты лишь за просьбу освободить его от несения караульной службы в день Курбан-Байрама⁵. Все это происходило в условиях усилившегося разложения Семеновской армии. В некоторых войсковых частях началось массовое дезертирство. Во второй половине августа большая группа перебежчиков ушла из отряда Унгерна. На сторону Народно-революционной армии (НРА) перешел также татарский конный полк, что, естественно, усиливало недоверие белых генералов и к башкирам⁶.

После длительных переписок с командующим в начале сентября 1920 г. популярный среди мусульман генерал-лейтенант Кислицын, бывший командующий Маньчжурской дивизии, был зачислен в башкирское войско в качестве его координатора и покровителя. Между тем положение семеновцев в Чите стало весьма шатким: в октябре 1920 г. началось массированное наступление частей НРА

¹ Таган Г. Указ. соч. С. 46, 47. Общая численность войск Семенова составляла 17424 солдата и 2337 офицеров, т. е. около 20 тысяч воинов. См. Шерешевский Б. М. Разгром семеновщины. Новосибирск, 1966. С. 96.

² Таган Г. Указ. соч. С. 47.

³ Там же. С. 48, 49, 50.

⁴ Там же. С. 55. Этой частью командовал генерал-майор Круглевский.

⁵ Там же. С. 58.

⁶ Шерешевский Б. М. Указ. соч. С. 186.

на Читу. 22 октября белогвардейцы были вынуждены оставить город и отступить на восток¹. С ними отступили и башкирские солдаты, которые обосновались сначала в ст. Борзя, расположенной на линии КВЖД. Но уже 24 октября красные части выбили семеновцев и из этой станции². Семеновцы, в том числе и башкиры-беженцы, откатывались дальше и к ноябрю оказались в г. Маньчжурия, т. е. за пределами России. Это было последним пунктом пребывания ВНУ башкир.

7 ноября председатель ВНУ башкир РВО обнародовал обращение к командному составу белой Забайкальской армии, в котором были поставлены следующие вопросы:

«1. Намерены ли Вы свести башкир в корпусах и дивизиях в подтверждение того, что Вы не противники национального объединения и доверяетесь воинам- башкирам?

2. Если да, то намерены ли Вы сделать это, не дожидаясь занятия Башкирской республики?

3. Известно ли Вам об издевательствах командного состава над башкирами вплоть до расстрелов без суда и следствия и какие меры принимаются Вами против этого?

В зависимости от этого я ставлю под сомнение существование ВНУ башкир РВО и в случае продолжения Ваших старых взглядов и отношений не замедлю прекратить всякую связь с Вами и объявить башкирам о тяжелых последствиях нашего перехода»³.

10 ноября 1920 г. председателем ВНУ башкир Курбангалеевым был дан приказ о прекращении действия ВНУ, о немедленной подготовке всех дел к сдаче по принадлежности и принятии срочных мер к переходу служащих башкир к частному труду. 14 ноября Курбангалеев сообщил о своем срочном отъезде по делам в Японию и оставлял временно исполняющим обязанности председателя Г. Тагана⁴. Тогда же было официально объявлено о роспуске башкирских солдат, о неудаче попыток объединения башкир в самостоятельную боевую единицу⁵. В это время красные части усилили свои наступательные операции. Таким образом, башкирское движение в Забайкалье перестало существовать. М. Курбангалеев бежал в Японию, Г. Таган тоже оказался в Японии и оттуда перебрался в Западную Европу, позже

¹ Шерешевский Б. М. Указ. соч. С. 233.

² Там же. С. 225.

³ Таган Г. Указ. соч. С. 71.

⁴ Там же. С. 75.

⁵ Там же. С. 77.

обосновавшись в Венгрии. Что касается рядовых башкир, то их судьба была довольно трагической и тяжелой. Многие из них остались в Маньчжурии, некоторые перебрались отсюда в Японию, Турцию и другие страны*. Можно предположить, что многие погибли в боях с красными или стали, после возвращения в Башкортостан, жертвами сталинских репрессий.

М. Курбангалееву и Г. Тагану по существу не удалось создать в Забайкалье отдельное национальное воинское формирование, что было результатом шовинистического отношения белых генералов к башкирам, отрицания ими идеи их самоопределения. Башкирское движение в Забайкалье не пошло дальше образования некоторых руководящих органов в лице Военно-национального управления башкир в РВО, которое немало сделало для защиты интересов башкир-беженцев. Интересно то, что М. Курбангалеев и Г. Таган до конца верили в возможность победы над большевиками и возвращения к себе на родину для восстановления территориальной автономии в составе демократической буржуазной России. Но все оказалось иллюзией. Белые генералы, раздираемые междоусобной борьбой за власть и влияние в белых войсках, не смогли противостоять натиску красных частей. Но несмотря ни на что М. Курбангалеев, Г. Таган и другие пытались защитить башкир-беженцев, думали о судьбе Башкортостана, представляя его будущее устройство в форме казачьей автономии.

Тема башкирского движения в Сибири и на Дальнем Востоке еще ждет своего всестороннего исследования. В данном случае, следует считать, что положено лишь начало изучения этой сложнейшей проблемы. Необходимо также выяснение дальнейшей судьбы башкир-беженцев.

Итак, события, развернувшиеся в Башкирской республике в 1920–1921 гг., наглядно продемонстрировали, что Центр не был склонен и дальше сотрудничать с Башревкомом и предоставить башкирскому народу право самим управлять своей автономией. Январский конфликт, майский декрет 1920 г. убедили З. Валиди и его единомышленников в том, что центральные власти не намерены соблюдать основные положения «Соглашения». Разочарование башкирского народа в национальной политике коммунистов, его тяжелое социально-экономическое положение, обусловленное страшной разрухой,

* Интересно отметить, что в работе Всемирного курултая башкир, состоявшегося в начале июня 1995 г., участвовал профессор Искандаров из Гонконга, отец которого в свое время был одним из рядовых солдат в войсках атамана Семенова. По его сообщению, внуки и правнуки башкир-беженцев проживают сейчас в Японии, США, даже в Австралии.

голодом, бесчинствами карательных продотрядов, привели к возникновению в республике стихийного повстанческого брожения. В то же время в Забайкалье нашло свое продолжение белое башкирское движение. Вооруженные выступления народа, обреченного на повальную голодную смерть, заставили ЦК партии внести некоторые коррективы в свою политику в Башкортостане с целью ее смягчения. В целом к 1921 г. перестало существовать целостное и единое башкирское национальное движение. Стихийные выступления обескровленного народа потерпели поражение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Становление и развитие башкирского национального движения были связаны с многовековой борьбой народа против национально-колониального гнета, за сохранение своих земель, культуры и обычаев и, наконец, себя как этноса, а также бурными событиями, охватившими самодержавную Российскую империю в 1917 г. — прежде всего Февральской революцией, покончившей с самодержавием и открывшей дорогу демократизации страны. Именно после Февральской революции башкирское движение приобрело самостоятельный характер, выделившись из общемусульманского движения, программные положения которого не совсем отвечали интересам башкирского народа. В итоге Башкортостан стал исторической ареной первого опыта советской национальной политики на тюркоязычно-мусульманском Российском Востоке. Эта политика носила чрезвычайно сложный и противоречивый оттенок в силу своей узкоклассовой направленности с проявлениями великодержавного шовинизма и нетерпимого отношения к демократическим принципам и любому инакомыслию.

Для башкирского национального движения характерны весьма своеобразные условия, связанные с исторически сложившимися особенностями края — его многонациональностью, довольно сложным характером взаимоотношений между башкирами и татарами, ибо определенные круги последних проповедовали идею единой тюрко-татарской нации, отсюда, негативно относились к стремлению башкирского народа к самоопределению путем строительства территориальной автономии.

Башкирское движение возникло из стремления масс к национальной свободе и самоопределению и выражало интересы самых широких слоев башкирского населения. Оно имело глубокие исторические традиции и было связано своими корнями с башкирскими восстаниями XVII–XVIII вв. Однако в условиях диктатуры пролетариата, когда пришедшая к власти партия большевиков крайне отрицательно относилась ко всем организациям и учреждениям,

созданным вне его влияния и участия, руководящим органам башкирского движения пришлось вести труднейшую борьбу не только за автономию, но и за свое выживание. Значительно затрудняла решение задач самоопределения башкирского народа и позиция большевиков, сводившаяся к навязыванию угнетенному народу идеи классовой борьбы, попытке его раскола на этой основе. В итоге башкирское движение оказалось в лагере противников советской власти, надеясь на признание белым движением автономного Башкортостана. Однако белые генералы и слышать не хотели о Башкирской автономии, выступая за сохранение «единой и неделимой, унитарной России».

В условиях противоборства двух сил, одинаково нетерпимо относящихся к башкирскому национальному движению, З. Валиди и его окружению приходилось лавировать и искать все возможности и пути для достижения своей главной цели – образования автономной республики. Но добившись признания Советской властью автономии Башкортостана, они не сумели отстоять действительную самостоятельность автономии, что было связано с невиданной централизацией всех сфер жизни в Советской республике. Более того, как представители широкого демократического движения и из-за постоянных метаний между белыми и красными, они не сумели найти общий язык с Центром, поэтому созданные ими органы управления автономной республикой были ликвидированы, а сами руководители движения, люди, добившиеся признания права башкир на самоопределение, были вынуждены бежать за пределы Башкортостана, многие из которых затем подверглись репрессиям.

В автономной республике к 1920 г., особенно после майского декрета 1920 года о государственном устройстве БАССР, взяли верх силы, активно выступающие против строительства национальной государственности башкир. Притом противники автономии пользовались поддержкой центральной советской власти, которая с недоверием относилась к Башревкому, созданному башкирскими деятелями во главе с Валиди после их перехода из лагеря белых на сторону Красной Армии. В этом и заключается уникальность ситуации, возникшей в послеоктябрьский период в Башкортостане.

История башкирского национального движения также свидетельствует о несостоятельности негативных оценок деятельности З. Валиди – лидера Башкирской автономии. Несмотря на наличие и отрицательных моментов в работе Башкирского шура, правительства, затем Башревкома, эти органы в целом проводили политику, направленную на достижение подлинной автономии, и этому бла-

городному делу освобождения угнетенного народа посвятили себя З. Валиди, другие руководители башкирского национального движения.

История башкирского национального движения примечательна и в том плане, что она наглядно показывает, как центральные власти сразу же после Октябрьской революции приступили к формированию административно-командной системы, которая в силу своей природы нетерпимо относилась к проявлению элементарной самостоятельности на местах и тем самым закладывала основы для дальнейших нарушений в области национальной политики. А людей, понявших суть политики центральных властей, в том числе З. Валиди, ждала трагическая судьба, ибо их деятельность шла вразрез с замыслами партийных и советских бюрократов, установивших в стране свое безраздельное господство, прибегая к насилию и идеологической «обработке» населения. Тем самым уже в первые годы советской власти была заложена мина замедленного действия под Союз Советских Социалистических Республик, который являлся объединением бесправных – союзных и автономных – республик. В условиях демократизации общества Союз развалился, и бывшие союзные республики объявили себя суверенными государствами.

После развала Союза ССР в сложной ситуации оказались бывшие автономии Российской Федерации. В них, в том числе в Башкортостане, возникли массовые движения за суверенитет, за отказ от статуса бесправных автономий, и большинство республик приняло Декларацию о государственном суверенитете.

История национального движения в Башкортостане в первые послереволюционные годы свидетельствует, что игнорирование права народов на самоопределение, навязывание им сверху тоталитарных порядков, могут привести к печальному концу. Но есть надежда, что в национальной политике властей Российской Федерации восторжествуют благоразумие и верность демократическим ценностям.

Итак, исследование проблем башкирского национального движения в 1917–1921 гг. позволяет сделать следующие выводы:

- К переломному 1917 году численность башкир доходила до 1,5 млн. человек. В дальнейшем башкиры испытали серьезные демографические потрясения, связанные не столько с «разрушением прежних традиций в хозяйстве», сколько с репрессивными действиями красных и белых частей в годы гражданской войны, кара-

тельными акциями отрядов ЧК в 1920–1921 гг., страшным голодом 1921 г.

- Башкиры в начале XX в., не являясь сверхотсталыми кочевниками и полукочевниками, в основной своей массе вели оседлый образ жизни и были вполне зрелой историко-этнической общностью с богатыми традициями антиколониальной, национально-освободительной борьбы, с пробудившимся национальным самосознанием.

- Становление и развитие башкирского национального движения было связано с Февральской революцией, демократизацией общественно-политической жизни страны. Именно в послереволюционный период оно приобрело самостоятельный характер, отделившись от общемусульманского движения в России. Толчком к возникновению самостоятельного башкирского национального движения послужили решения Всероссийского мусульманского съезда (Москва, май 1917 г.), не совсем отвечающие интересам башкирского народа.

- Башкирские съезды и их решения носили в целом демократический характер, несмотря на наличие в некоторых резолюциях, особенно по земельному вопросу, определенных признаков национальной ограниченности.

- Башкирское национальное движение возглавили прежде всего выходцы из среды башкирской интеллигенции и джадидствующего духовенства, которых поддерживало большинство башкирского населения, что особенно ярко проявилось в ходе формирования башкирских национальных полков и дивизий.

- Башкирское национальное движение выступало за территориальную автономию при федеративном устройстве Российской республики и считало, что будущая автономия должна обладать реальной политической и экономической самостоятельностью вплоть до создания своих воинских формирований. Руководители башкирского движения считали, что «Башкирская республика без вооруженной силы – есть фикция».

- Башкирская автономия была провозглашена еще в ноябре 1917 г. Она явила собой пример для других тюркоязычных мусульман российского Востока.

- Территориальная автономия Башкортостана, хотя в свое время и не была признана центральными властями и правительством Колчака, фактически функционировала с некоторыми перерывами на протяжении всего 1918 и начале 1919 гг.

- Башкирское национальное движение, оказавшись в лагере противников советской власти, не потеряло своих связей с народными массами, что проявилось в высокой боеспособности национальных частей, наличие которых вынудило большевиков пойти на переговоры с ним.

- Переход Башкирского правительства и башкирских частей на сторону советской власти и Красной Армии был продиктован прежде всего отказом белых генералов, придерживающихся великодержавных позиций, признать автономию Башкортостана.

- Большевистское правительство, хотя и пошло на подписание «Соглашения» о советской автономии Башкортостана, с самого начала считало башкирское национальное движение мелкобуржуазным, контрреволюционным, поэтому стало проводить политику постепенного вытеснения с исторической арены руководителей движения и органов управления, ими созданных.

- Строительство национальной государственности в Башкортостане происходило в неимоверно тяжелых условиях острой конфронтации как с партийно-советскими учреждениями соседних губерний (Уфимской и Оренбургской), так и со сторонниками создания единой Татаро-Башкирской республики.

- Майский декрет 1920 г. о государственном устройстве Башкирской АССР значительно ограничил политические и экономические права автономии и, в конечном счете, привел к ликвидации Башревкома. Он заложил основы чрезмерной централизации и диктата Центра.

- Решения I Всебашкирского съезда советов показывают, что в Башкирской АССР тогда одержали верх противники не только валдовского Башревкома, но и самоопределения башкирского народа. Все это привело к появлению в Башкортостане повстанческого движения 1920–1921 гг.

- Еще в феврале 1919 г. от башкирского национального движения отпочковалось крыло правого толка, не приемлющее большевистские порядки, и оно, оказавшись в Забайкалье, продолжало борьбу против советской власти, вынашивая идею создания автономного Башкортостана на случай победы белого движения.

- В башкирском национальном движении можно выделить ряд этапов (или периодов):

1. Демократический – с мая 1917 г. по февраль 1918 г.
2. Антибольшевистский – с февраля 1918 г. по февраль 1919 г.

3. Советский – с марта 1919 г. по май 1920 г.

4. Повстанческий – вторая половина 1920 г. и начало 1921 г.

- Изучение истории башкирского национального движения имеет не только научно-познавательное, но и огромное практическое значение в условиях возникновения нового национального движения с конца 80-х гг. XX в., становления и развития Республики Башкортостан, принявшей 11 октября 1990 года «Декларацию о государственном суверенитете».

- Богатейшая история башкирского национального движения изучаемого периода дает поучительный материал федеральным властям для проведения научно-обоснованной национальной политики.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

а) неопубликованные

Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ)

- Ф. Р-3 – Уфимский губернский комитет общественных организаций.
- Ф. Р-78 – Башкирское войсковое управление.
- Ф. Р-166 – Стерлитамакский кантисполком.
- Ф. Р-321 – Башревтрибунал.
- Ф. Р-323 – Наркомат юстиции БАССР.
- Ф. Р-393 – Совет уполномоченных Башревкома.
- Ф. Р-394 – БашЦИК – Президиум Верховного Совета БАССР.
- Ф. Р-465 – Уфимский мусульманский совет.
- Ф. Р-629 – Башпредставительство при ВЦИК.
- Ф. Р-928 – БашТА.
- Ф. Р-933 – Совнарком БАССР.
- Ф. Р-1107 – Башревком.
- Ф. Р-1201 – Башкирский военный совет.
- Ф. Р-1238 – Бурзян-Тангауровский кантисполком.
- Ф. Р-1713 – Коллекция документов деятелей государственной власти.
- Ф. Р-1780 – Башвоенкомат.

Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГА ОО РБ)

- Ф. 1 – Уфимский губком РКП(б).
- Ф. 22 – Обком РКП(б) Малой Башкирии.
- Ф. 122 – Башкирский обком КПСС.
- Ф. 1832 – Ист. парт.
- Ф. 9776 – Архив партархива.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

- Ф. Р-1235 – ВЦИК
- Ф. Р-1318 – Наркомнац.

Архив печати

(Государственная республиканская книжная палата РБ)

Справочный отдел № 1. 1741–1942 гг.

Справочный отдел № 1 (Советский период).

б) опубликованные

Арестант пятой камеры. Допрос Колчака. М., 1990.

Артем (Ф. А. Сергеев). Статьи, речи, письма. М., 1983.

Башкирская организация ВКП(б) в ее съездах и конференциях (1917–1922). Уфа, 1933.

Башкирский краеведческий сборник. 1926, № 2.

Башкирский край. 1924, № 1.

Башкирское национальное движение (1917–1920 гг.). Уфа, 1926.

Башкортостан. Краткая энциклопедия. Уфа, 1996.

18 февраля 1919 г. Материалы по истории перехода Башкирии на сторону Советской власти. Уфа, 1923.

В. И. Ленин и Башкирия. Документы, материалы, воспоминания. Уфа, 1974.

В. И. Ленин, КПСС о борьбе с национализмом. М., 1974.

Воспоминания о Ш. Бабиче. Уфа, 1994. На башк. яз.

Гражданская война в Башкирии. Воспоминания участников. Уфа, 1932.

Гражданская война в Оренбурге(1917–1919 гг.). Документы и материалы. Оренбург, 1958.

За власть Советов. Сборник воспоминаний участников Октябрьской революции и гражданской войны в Башкирии. Уфа, 1961.

История Башкортостана в зарубежных исследованиях. Библиографический указатель. Уфа, 1996.

История советской Конституции. Сборник документов. 1917–1957. М., 1957.

Камалов Г. Х. Отдельная башкирская кавалерийская бригада на фронтах гражданской войны. Уфа, 1972.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1974.

Кулацкие восстания в Башкирии в 1918 г. Воспоминания. Уфа, 1933.

Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. Сборник документов и материалов. Уфа, 1959.

Образование и государственно-правовое положение Татарской АССР. Сборник документов и материалов. Ч. 1. 1917–1926 гг. Казань, 1960.

Октябрь в Башкирии. Сборник документов и материалов. Уфа, 1987.

- Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897. Уфимская губерния. Т. 2. Оренбургская губерния. Т. 28. СПб., 1904.
- Первая Советская Конституция (Конституция РСФСР 1918 г.). Сборник документов. М., 1938.
- Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии (февраль 1917 – июнь 1918 гг.). Сборник документов и материалов. Уфа, 1957.
- Политика советской власти по национальным делам за три года. 1917–1920. Тула, 1920.
- Пройденный путь. Сборник воспоминаний. Уфа, 1927. Вып. 1.
- Против султангалиевщины и великодержавности. Сборник документов. Казань, 1929.
- Протоколы Всероссийского мусульманского съезда, проходившего в г. Москве с 1 по 11 мая 1917 г. Пг., 1917. (На татарск. яз.).
- Революция и Башкирия. (Сборник статей и воспоминаний). Уфа, 1927.
- Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис. М., 1961.
- Революция и национальный вопрос. Документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX в. Т. 3. М., 1930.
- ✓ Резолюции областных конференций Башкирской партийной организации и пленумов обкома КПСС (1917–1940 гг.). Уфа, 1959.
- Сведения о национальном составе Белебеевского, Бирского и Уфимского кантонов Башкирской АССР по результатам переписи 1920 г. Уфа, 1926.
- Советская политика за 10 лет по национальному вопросу в СССР. (Сборник существующих актов правительства Союза ССР и РСФСР. Октябрь 1917 – ноябрь 1927). М.; Л., 1928.
- Султангалиев М.* Статьи. Выступления. Документы. Казань, 1992.
- Таган Г.* Башкиры в Забайкалье // Ватандаш, 1997. № 8, 9, 10.
- Тайны национальной политики ЦК РКП. Стенографический отчет секретного IV совещания ЦК РКП(б), 1923 г. М., 1992.
- Татары и Татарстан. Справочник. Казань, 1993.
- ✓ *Тоган З. В.* Воспоминания. Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрок за национальное бытие и сохранение культуры. Кн. 1. Уфа, 1994.
- Тоган З. В.* Воспоминания... Уфа, 1996. На башк. яз.
- Тоган З. В.* Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. Перевод с турецкого. М., 1997.
- ✓ У истоков борьбы за суверенитет Башкортостана. 1917–1925 гг. Документы и материалы. Составитель Ф. Х. Гумеров. Уфа, 1997.

- Фиельструп Ф. А.* Этнический состав населения Приуралья. Статистические материалы. Л., 1926.
- Худайбердин Ш.* На ветрах революции. Публицистика. Воспоминания. Художественные произведения. Уфа, 1986.
- Чекисты Башкирии. Очерки, статьи, воспоминания. Уфа, 1967.
- Шесть лет национальной политики советской власти и Наркомнац (вместо отчета). М., 1924.
- Этнополитическая мозаика Башкортостана. Очерки, документы, хроника. Т. I. Контуры экономической ситуации в очерках и законодательных актах. М., 1992; Т. II. Башкирское национальное движение. М., 1992; Т. III. Векторы этнополитической ситуации в документах и материалах. М., 1992. Сост. и отв. редактор М. Н. Губогло.
- Юлдашбаев Б. Х.* Учредительный курултай автономного Башкортостана (декабрь 1917 года). Документальные материалы с приложением. Уфа, 1997.

С п и с о к л и т е р а т у р ы

- Абдулатипов Р. Г., Бурмистрова Т. Ю.* Ленинская политика интернационализма в СССР. История и современность. М., 1982.
- Абдуллин М. И.* Борьба без компромиссов. Казань, 1982.
- Авторханов А.* Империя Кремля. Советский тип колониализма. Вильнюс. 1990.
- Айда А.* Садри Максуди Арсал. М., 1996.
- Александров Ф. А.* Борьба за власть Советов в Башкирии в 1917 г. Уфа, 1951.
- Алексеев В. Я.* Октябрьская революция и разрешение национального вопроса в СССР // Великий Октябрь и социалистическое строительство. Тезисы научной конференции. Уфа, 1987.
- Аминев З. А.* Из истории борьбы за создание Башкирской Автономной Советской республики // Из истории Башкирской АССР. Уфа, 1959.
- Аминев З. А.* Историография Октябрьской революции и гражданской войны в Башкирии // Научная конференция по вопросам истории Башкирии. Уфа, 1961. Тезисы.
- Аминев З. А.* Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии. Уфа, 1966.
- Аршаруни А., Габидуллин Х.* Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931.
- Асабин Е. П.* Под знаменем революции. Уфа, 1997.

- Асфандияров А. З.* Введение кантонной системы управления в Башкирии // Из истории Башкирии (дореволюционный период). Уфа, 1968.
- Атнагулов С.* Башкирия. М.; Л., 1925.
- Баграмов Э. А.* Ленинская национальная политика: достижения и перспективы. М., 1977.
- Байкара Т.* Валиди Тоган. Деятельность в 1925–1932 гг. // Ватандаш, 1996. № 1, 2, 3.
- Баимов Р.* Полет сокола. Историко-документальный роман. Уфа, 1997.
- Барсигов А. С. и др.* Русский национальный вопрос в национальной политике XX века. М., 1993.
- Батталов А. А. (Таймас А. Б.).* Казанские тюрки. История казанских татар. Казань, 1996.
- Башкирская АССР. Государственно-правовое устройство. Уфа, 1988.
- Башкирское национальное движение и З. Валиди. Зарубежные исследования. Сост. и вступ. статья И. Кучумова. Уфа, 1997.
- Башкиры и Оренбуржье. История и современность (К 150-летию Караван-Сарая). Уфа; Оренбург, 1996.
- Бенигсен А.* Мусульмане в СССР // Панорама-форум. Казань, 1995. № 3.
- Берендеев О. В.* Демократический централизм Советской Федерации. М., 1982.
- Бишев А. Г.* История башкирского народа и его борьба за свободу. Уфа, 1993. На башк. яз.
- Бишев А. Г.* Нация и национальная политика (исторический очерк). Уфа, 1995.
- Бикбаев Р.* Шайхзада Бабич. Жизнь и творчество. Уфа, 1995.
- Боффа Дж.* История Советского Союза. М., 1990.
- Брук С. И., Кабузан В. М.* Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма (конец XIX – 1917 г.) // История СССР. 1980. № 3.
- Брук С. И., Кабузан В. М.* Этнический состав населения России (1719–1917) // Советская этнография. 1980. № 6.
- Бурмистрова Т. Ю., Гусакова В. С.* Национальный вопрос в программах и тактике политических партий России. М., 1976.
- Бурмистрова Т. Ю.* Ахмет Заки Валиди Тоган: жизнь и творчество. М., 1996 (Краткий справочник).
- Валеев Д. Ж.* Национальный суверенитет и национальное возрождение. Уфа, 1994.
- Валеев Д. Ж.* Очерки истории общественной мысли Башкортостана. Уфа, 1995.

- Валеев Д. Ж., Мадъяри А., Ураксин З. Г., Юлдашбаев А. М.* Судьба и наследие башкирских ученых-эмигрантов. Уфа, 1995.
- Великий Октябрь и проблемы совершенствования межнациональных отношений. Уфа, 1990.
- Верт Н.* История советского государства. 1900–1991 гг. М., 1995.
- Возвращенные имена. Сост. Иргалин Г. Д., Асабин Е. П. Уфа, 1991.
- Востоковедение в Башкортостане: История. Культура. Уфа, 1992. Кн. 1, 2, 3, 4.
- Ганеев Р. Г.* Советы Башкирии в 1919–1920 годах (по материалам Уфимской губ.). Уфа, 1961.
- Ганеев Р. Г.* Роль В. И. Ленина в образовании Башкирской АССР // Вопросы истории Башкирии. (Советский период). Уфа, 1972. Вып. 2.
- Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991. Перевод с английского.
- Губогло М. Н.* Вместо введения. О задачах этнополитической антологии // Этнополитическая мозаика Башкортостана. М., 1992. Т. 2.
- Губогло М. Н.* От составителя // Этнополитическая мозаика Башкортостана. М., 1992. Т. 2.
- Гужвенко Г. И.* Башкирия в борьбе за Октябрь. Краткий исторический очерк. Уфа, 1941.
- Гумеров Г. Х.* Башкирия в период перехода к мирному строительству (1919–1922 гг.). Уфа, 1958. На башк. яз.
- Гумеров Г. Х.* «Башкирпомощь» и «Башпомгол» // Октябрьская революция и рождение Советской Башкирии. Сб. статей. Уфа, 1959.
- Давлетшин Р. А.* На путях к автономии: борьба вокруг проекта Татаро-Башкирской автономии // Октябрьская революция и осуществление ленинской национальной политики в Поволжье и Приуралье (К 70-летию образования БАССР). Уфа, 1989.
- Давлетшин Р. А.* «... Предлагаем не отталкивать Халикова» // Возвращенные имена. Уфа, 1991.
- Давлетшин Р. А.* К политическому портрету А. А. Бишева // Востоковедение в Башкортостане: История. Культура. Уфа, 1992. Кн. 3.
- Давлетшин Т.* Советский Татарстан. Теория и практика ленинской национальной политики. Мюнхен, 1974. На русском языке.
- Дробышева Л. М.* Интеллигенция и национализм. Опыт постсоветского пространства // Этничность и власть в политических государствах. Материалы международной конференции 1993 г. М., 1994.
- Джунусов М. С.* Об историческом опыте строительства социализма в ранее отсталых странах. М., 1958.
- Диманштейн С. М.* Башкирия в 1918–1920 гг. (К дискуссии по этому вопросу в «Пролетарской революции») // Пролетарская революция. 1928, № 5.

- Зарипов А. Я.* Национальное движение в Башкортостане в 1917–1920 гг. и его лидеры. Х. Ю. Юмагулов // Востоковедение в Башкортостане: История. Культура. Уфа, 1992, Кн. 3.
- Зенцова С. П.* Борьба трудящихся Башкирии за разрешение национального вопроса в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции и укрепления Советской власти (октябрь 1917 – май 1918 гг.) // Ученые записки (Московский обл. пединститут). М., 1957. Т. 58. Вып. 6.
- Златопольский Д. Л.* Национально-государственное устройство СССР. М., 1981.
- Иванков В. П.* История Башкирии в трудах В. И. Ленина // Вопросы истории Башкирии. Уфа, 1972. Вып. 1 (Советский период).
- Идельгужин К.* Что дала Октябрьская революция башкирским крестьянам. Уфа, 1925. На башк. яз.
- Идельгужин К.* Башкирские движения (в 1917, 1918, 1919 гг.). Уфа, 1926. На башк. яз.
- Иоффе Г. З.* Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983.
- Иргалин Г.* Когда создавалась национальная автономия. Решения курултая 1917 г. // Ватандаш. 1996. № 2. На башк. яз.
- Иргалин Г.* Создавая национальную автономию. Решения III курултая // Ватандаш. 1996. № 3. На башк. яз.
- Иргалин Г.* Башкирские войска в 1917–1919 гг. // Ватандаш. 1997. № 4. На башк. яз.
- История Оренбуржья. Оренбург, 1996.
- История национально-государственного строительства в СССР. Т. 1. М., 1972.
- История Башкортостана. 1917–1990-е гг. Уфа, 1997.
- История политических партий России. М., 1994.
- Исхаки Г.* Идель-Урал. Набережные Челны, 1993.
- Исхаков С. М., Войнов В. М.* Валидов (Валиди) А.-З. // Политические деятели России. 1917. Библиографический словарь. М., 1993.
- Исхаков С. М.* Валидов (Валиди) А.-З. // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1993.
- Исхаков С. М.* А.-З. Валидов: Пребывание у власти // Отечественная история. М., 1997. № 6
- Исхаков С. М.* Октябрьская революция в освещении мусульманских политиков // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М., 1996.
- Исхаков С. М.* Примечания и послесловие // Тоған З. В. Воспоминания... Перевод с турецкого. М., 1997.

- Ишемгулов Н. У.* О некоторых проблемах башкирского национально-освободительного движения // Востоковедение в Башкортостане: История. Культура. Уфа, 1992. Кн. 1.
- Ишемгулов Н. У.* Национальный вопрос в Малой Башкирии // Востоковедение в Башкортостане. История. Культура. Уфа, 1992. Кн. 3.
- Ишемгулов Н. У.* Башкирское национальное движение (1917–1921). Автореферат дис... канд. ист. наук. Уфа, 1996.
- Казанчиев А. Д.* Совет управляющих ведомствами в Уфе // Политическая и социально-экономическая история Южного Урала в XVI–XX вв. Уфа, 1996.
- Казанчиев А. Д.* Вопрос об учредительном собрании на Уфимском государственном совещании 1918 года // Февральская революция и проблемы истории Башкортостана. Тезисы докладов... Уфа, 1997.
- Калмантаев Н. М.* Общественно-политическая активность башкирского народа в начале XX века // Октябрьская революция и проблема национальных отношений. Уфа, 1987.
- Калмантаев Н. М.* Некоторые проблемы советской историографии образования БАССР // Актуальные проблемы социально-политической истории советского общества: вопросы источниковедения и историографии. Уфа, 1991.
- Калмантаев Н. М.* Между белыми и красными: к вопросу о переходе башкирского корпуса на сторону большевиков // Востоковедение в Башкортостане: История. Культура. Уфа, 1992. Кн. 3.
- Карр Э.* История советской России. Большевицкая революция 1917–1923. М., 1990. Кн. 1. Т. 1, 2.
- Касимов С. Ф.* К историографии национально-государственного строительства в Башкирии // Социально-экономические проблемы развития социалистического общества. Сб. статей. Пермь, 1976.
- Касимов С. Ф.* Октябрь и первые мероприятия по национальному строительству в Башкирии // Великий Октябрь и социалистическое строительство. Сб. статей. Уфа, 1987.
- Касимов С. Ф.* Историография национально-государственного строительства в Башкирской АССР // Историография социалистического строительства на Урале и в Поволжье. Сб. статей. Уфа, 1990.
- Касимов С. Ф.* «Хатирялар» – «Воспоминания» Ахметзаки Валиди Тогана как ценнейший источник национально-государственного строительства в Башкортостане // Востоковедение в Башкортостане: История. Культура. Уфа, 1992. Кн. 2.
- Касимов С. Ф.* Образование национальной государственности башкирского народа (ноябрь 1917 – март 1919) // Проблемы конституционного развития суверенной республики. Уфа, 1992.

- Касимов С. Ф.* Башкирская республика – первая автономия мусульманского востока // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Тезисы докладов и сообщений. Уфа, 1993.
- Касимов С. Ф. А. Валидов* и образование автономного Башкортостана // Политическая и социально-экономическая история Южного Урала в XVI–XX вв. Уфа, 1996.
- Касимов С. Ф.* Автономия Башкортостана: становление национальной государственности башкирского народа (1917–1925 гг.). Уфа, 1997.
- Касымов Г.* Материалы к истории движения среди татар и башкир бывшей Уфимской губернии в дни Февраля и Октября // Пройденный путь. К истории борьбы за диктатуру пролетариата в Приуралье. Уфа, 1927.
- Касымов Г.* Пантюристская контрреволюция и ее агентура – султангалиевщина. Казань, 1931.
- Кийков А.* Южный Урал и Приуралье в годы империалистической и гражданской войны // Пройденный путь. Уфа, 1927.
- Ким Г., Кауфман А.* Ленинизм и национально-освободительное движение. М., 1969.
- Климов И. М.* Образование и развитие Татарской АССР (1920–1926). Казань, 1960.
- Критика фальсификации национальных отношений в СССР. М., 1984.
- Кузеев Р. Г.* Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI–XX вв. // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1968. Т. 3.
- Кузеев Р. Г.* Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978.
- Кузеев Р. Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992.
- Кузеев Р. Г.* О национальных движениях, суверенитете и федерализме // Этнополитическая мозаика Башкортостана. М., 1992. Т. 2.
- Кузеев Р. Г.* Из истории независимого национального движения башкирского народа в 1917 г.: Ретроспективный взгляд // Этнополитическая мозаика Башкортостана. М., 1992. Т. II.
- Кузеев Р. Г.* Об идейных предпосылках башкирского национального движения в 1917 г. // Этнополитическая мозаика Башкортостана. М., 1992. Т. II (совм. с А. Юлдашбаевым).
- Кузеев Р. Г.* Национальные движения в России в прошлом и логика их современного развития. // Россия и Восток. Проблемы взаимодействия. М., 1993. Ч. 1.
- Кузеев Р. Г., Мухамедъяров Ш. Ф.* О национальной политике России в Волго-Уральском регионе во второй половине XVI – начале XIX вв. (Постановка проблемы, пути изучения) // Россия и Восток. Проблемы взаимодействия. Уфа, 1993.
- Кузые Р. У.* Багау Нуриманов. Уфа, 1955.

- Кузыев Р. У. Временный революционный совет Башкортостана // Октябрьская революция и рождение Советской Башкирии. Уфа, 1959.
- Кузыев Р. У. Шагит Худайбердин (Большевик, герой гражданской войны, 1896–1924). Уфа, 1964.
- Кузыев Р. У. Бахтигарей Шафиев. Уфа, 1972.
- Кулешов С. В., Волобуев О. В., Пивовар Е. И. и др. Наше Отечество. Опыт политической истории. М., 1991.
- Куличенко М. И. Борьба коммунистической партии за решение национального вопроса в 1918–1920 гг. Харьков, 1963.
- Куличенко М. И. Расцвет и сближение наций в СССР. М., 1981.
- Кульшарипов М. М. В. И. Ленин и национальный вопрос в Башкирии // Ағизель. 1984. № 6. На башк. яз.
- Кульшарипов М. М. Советская Башкирия – детище Октября // Учитель Башкирии» 1987. № 3. На башк. яз.
- Кульшарипов М. М. Солдаты революции (о Б. Нуриманове, Ш. Худайбердине и Б. Шафиеве) // Учитель Башкирии. 1987. № 11. На башк. яз.
- Кульшарипов М. М. Исторический поворот // Ағизель. 1987. № 11. На башк. яз.
- Кульшарипов М. М. Этническая история и этническое самосознание // Этнографическая наука и пропаганда этнографических знаний. Всесоюзная научная конференция. Тезисы докладов. Омск, 1987.
- Кульшарипов М. М. Некоторые вопросы башкирского национального движения и образования Башкирской АССР // Октябрьская революция и осуществление ленинской национальной политики в Поволжье и Приуралье. Тезисы докладов региональной научной конференции. Уфа, 1989.
- Кульшарипов М. М. Ленинский подход к национальному вопросу: проблемы и суждения // Ленинская концепция социализма и современность. Тезисы докладов региональной научной конференции. Уфа, 1990.
- Кульшарипов М. М. Историография истории образования Башкирской АССР (1945–1989 гг.) // Историография социалистического строительства на Урале и в Поволжье. Уфа, 1990.
- Кульшарипов М. М. Восстание «Черный Орел» // Актуальные проблемы социально-политической истории советского общества: вопросы источниковедения и историографии. Уфа, 1991.
- Кульшарипов М. М. З. Валидов и образование Башкирской АССР (1917–1919 гг.) // Востоковедение в Башкортостане: История. Культура. Уфа. 1992. Кн. 1.

Кульшарипов М. М. Башкирское национальное движение. История и современность. // Востоковедение в Башкортостане: История. Культура. Уфа, 1992. Кн. 2.

Кульшарипов М. М. З. Валидов и образование Башкирской Автономной Советской Республики (1917–1920 гг.). Уфа, 1992.

Кульшарипов М. М. Башкирские войска в лагере белых (июнь 1918 – февраль 1919 гг.) // Актуальные проблемы Отечественной истории: прошлое и современность. Уфа, 1992.

Кульшарипов М. М. Общественно-политическая и социально-экономическая ситуация в Башкортостане // Этнополитическая мозаика Башкортостана. М., 1992. Т. 2.

Кульшарипов М. М. Трагическая демография // Актуальные проблемы истории и этнографии Башкортостана: прошлое и современность. Уфа, 1993.

Кульшарипов М. М. Гаяз Исхаки и его современные идейные наследники // Агизель. 1994. № 8. На башк. яз.

Кульшарипов М. М. Национальная политика центра и проблемы суверенитета республик // Укрепление взаимосвязей народов Урала и Поволжья и проблемы национальной региональной политики. Материалы межрегиональной научной конференции. Оренбург, 1994.

Кульшарипов М. М. История не терпит лжи (Научно-популярная брошюра). Уфа, 1995.

Кульшарипов М. М. Этнос и национальное самосознание // Без языка нет родины. Уфа, 1995. На башк. яз.

Кульшарипов М. М. Оренбург – центр политической жизни башкирского народа в 1917–1918 гг. // Башкиры и Оренбуржье. История и современность. Уфа-Оренбург, 1996.

Кульшарипов М. М. Жертва революции (К 100-летию со дня рождения башкирского революционера Ш. Худайбердина) // Агизель, 1996. № 10.

Кульшарипов М. М. Отражение башкирской истории в творчестве Ш. Бабича // Народный поэт в памяти народной. Уфа, 1996.

Кульшарипов М. М. Национальное движение в Башкортостане и вопрос о статусе башкирского языка // Ватандаш, 1997. № 4.

Кульшарипов М. М. Идея культурно-национальной автономии в современной национальной политике // Ресурсы мобилизованной этничности. М., 1997. – Уфа.

Кульшарипов М. М. История Башкортостана 1917–90-е гг. Учебное пособие для вузов. Уфа, 1997. (Главы, посвященные Октябрьской революции, гражданской войне и образованию Башкирской АССР).

Кульшаринов М. М. Февральская революция и башкирское национальное движение // Февральская революция и проблемы истории Башкортостана. Тезисы докладов научно-практической конференции. Уфа, 1997.

Кульшаринов М. М. У истоков суверенной республики (К 80-летию объявления автономного Башкортостана). Уфа, 1997.

Кульчик Ю. Г. Этнополитические процессы в Башкортостане (Информационно-аналитический обзор). М., 1992.

Кутушев Р. Р. Промышленность и рабочий класс Башкирии накануне Октябрьской революции // Из истории социально-экономического развития Советской Башкирии. Уфа, 1988.

Ленин В. И. О национальном и национально-колониальном вопросе. М., 1959.

Ленин В. И. Вопросы национальной политики и пролетарского интернационализма. М., 1965.

Ленин В. И. Тезисы по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 23.

Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 24.

Ленин В. И. О праве наций на самоопределение. К вопросу о национальной политике // Полн. собр. соч. Т. 25.

Ленин В. И. О национальной гордости великороссов // Полн. собр. соч. Т. 26.

Ленин В. И. Революционный пролетариат и право наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Т. 27.

Ленин В. И. Доклад об отношении пролетариата к мелкобуржуазной демократии // Полн. собр. соч. Т. 28.

Ленин В. И. Итоги дискуссии о самоопределении. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме»; Доклад о революции 1905 г. // Полн. собр. соч. Т. 30.

Ленин В. И. Доклад о партийной программе 19 марта; Заключительное слово по докладу о партийной программе; Даты жизни и деятельности В. И. Ленина // Полн. собр. соч. Т. 38.

Ленин В. И. Речь на I Всероссийском учредительном съезде горнорабочих // Полн. собр. соч. Т. 40.

Ленин В. И. Телеграмма Б. Н. Нимвицкому; Телеграмма С. И. Гусеву. // Полн. собр. соч. Т. 50.

Ленин В. И. К статье «Революционный пролетариат и право наций на самоопределение» // Полн. собр. соч. Т. 54.

Лепешкин А. И. Советский федерализм (Теория и практика). М., 1977.

- Любимов В., Юлдашбаев Б.* Ленин и самоопределение наций (На примере народов среднего Поволжья и Приуралья). Чебоксары, 1967.
- Майский И. М.* Демократическая контрреволюция. М.; Л.; 1923.
- Маликов М. К.* Крушение империи. Сб. статей российских публицистов, политологов и экономистов. Уфа, 1993.
- Макагон С. Е.* Вопросы теории и практики национально-государственного строительства в СССР. Киев, 1976.
- Макаревич Г. П.* Осуществление ленинской национальной политики в первые годы Советской власти (1917–1920 гг.). М., 1969.
- Мардамшин Р. Р.* История БашЧК. Автореферат дисс... канд. ист. наук. Уфа, 1995.
- Мардамшин Р. Р.* Образование органов ЧК на территории Башкирии // Востоковедение в Башкортостане. История. Культура. Уфа, 1992. Кн. 3.
- Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995.
- Михайлова С. М.* Советский опыт и национальный вопрос: тюрко-татарская линия эмигрантской литературы в 20–30-х гг. // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М., 1996.
- Мкртчян К. М.* Победа Великой Октябрьской социалистической революции и борьба за создание Башкирской Автономной Советской Республики (октябрь 1917 – март 1919 г.) // Труды Уральского политехнического института им. С. М. Кирова. Свердловск, 1957. Сб. 84.
- Мостовенко П.* О больших ошибках в «Малой Башкирии» // Пролетарская революция. 1928, № 5.
- Мурзабулатов М. В.* Скотоводческое хозяйство зауральских башкир в XIX и начале XX вв. // Хозяйство и культура башкир в XIX – начале XX в. М., 1979.
- Муртазин М. Л.* Башкирия и башкирские войска в гражданскую войну. М.; Л.; 1927.
- Мухарямов. М. К.* Октябрь и национальный вопрос в Татарии (октябрь 1917 – июль 1918). Казань, 1958.
- Насыров Р.* Ярость порождает бурю // Ватандаш. 1996. № 2. На башк. яз.
- Насыров Р.* Ищу человека. Уфа, 1997. На башк. яз.
- Насыров Р.* «От имени башкир...» // Ватандаш. 1998. № 1.
- Нафигов Р. И.* Деятельность Центрального мусульманского комиссариата при Народном комиссариате по делам национальностей в 1918 году // Советское востоковедение. 1958. № 5.
- Октябрьская революция и рождение Советской Башкирии. Сб. статей. Уфа, 1959.

Октябрьская революция и осуществление ленинской национальной политики в Поволжье и Приуралье (к 70-летию образования БАССР). Тезисы докладов. Уфа, 1989.

Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1959. Т. 1. Ч. 2.

Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1966. Т. II.

Очерки истории Башкирской организации КПСС. Уфа, 1973.

Павлов Я. К. Великая Октябрьская социалистическая революция и разрешение национального вопроса в Чувашии (1917–1925 гг.). Чебоксары, 1957.

Пайнс Р. Первый опыт в советской национальной политике. Башкирская республика в 1917–1920 гг. // Йэшлек, 1996. 23, 25 января.

Поляков Ю. А. Историческая наука: время крутых поворотов // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М., 1996.

Раишмов Р. М. Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. М., 1952.

Роднов М. И. Социальная структура крестьянства Уфимской губернии накануне Октября // Из истории социально-экономического развития Советской Башкирии. Уфа, 1988.

Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М., 1996.

Рошаль М. Г. О первых шагах национального самоопределения татар // Исторический архив. М. 1961. № 2.

Сагадиев А. В. Мирсаит Султангалиев и идеология национально-освободительного движения. Научно-аналитический обзор. М., 1990.

Сайранов Х. С. Дружба рождалась в борьбе. М., 1959.

Сайфуллин С. Временный Революционный совет Башкортостана и А. Давлетшин // Ватандаш. 1997. № 8.

Салехов Н. И., Горелкин Я. М. Торжество ленинской национальной политики в СССР. М., 1962.

Саяхов Ф. Л. Октябрьская революция и разрешение национального вопроса в СССР // Из истории Башкирской АССР. Сб. статей. Уфа, 1959.

Саяхов Ф. Л. К вопросу о переходе башкирского народа к социализму, минуя капитализм. // Вопросы истории КПСС. 1964, № 6.

Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Учебное пособие для вузов. Брянск, 1995.

Сираев З. И. Башкирские национальные части Красной Армии в гражданскую войну // Октябрьская революция и рождение Советской Башкирии. Сб. статей. Уфа, 1959.

- Сираев З. И.* Продовольственная помощь трудящихся Башкирии фронту и пролетарским центрам Советской России в 1918–1920 гг. // Из истории Башкирской АССР. Сб. статей. Уфа, 1959.
- Сираев З. И.* Изучение военной интервенции и гражданской войны в Башкирии // Очерки советской историографии Башкирской АССР. Уфа, 1975.
- Сталин И. В.* Выступления на III Всероссийском съезде Советов РС и КД 10–18 января 1918 г. // Соч. Т. 4.
- Сталин И. В.* Национальный вопрос и ленинизм // Соч. Т. 11.
- Сталин И. В.* Вопросы ленинизма. М., 1939.
- Султанбеков Б.* Башкирский самородок // Татарстан, 1993, № 5
- Султанбеков Б. Ф.* Сталин и «татарский след» (Научно-популярный очерк). Казань, 1995.
- Султанбеков Б. Ф., Малышева С. Ю.* Трагические судьбы (Научно-популярные очерки). Казань, 1996.
- Султанбеков Б. Ф.* История в лицах (Историко-документальные очерки). Казань, 1997.
- Султанов З.* Сулейман Мурзабулатов. Эпоха и борьба // Агизель. 1995. № 1–3. На башк. яз.
- Тагиров И. Р.* Революционная борьба и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале. (февраль-июль 1917 г.). Казань, 1977.
- Тагиров И. Р.* Дорогой свободы и братства. Казань, 1987.
- Тагиров И. Р.* Проблема национальной государственности в Поволжье и Приуралье в период борьбы за власть Советов // Великий Октябрь и проблемы совершенствования межнациональных отношений. Уфа, 1990.
- Тагиров И. Р., Валеев Р. К.* Общественно-политическая жизнь в первой четверти XX века // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995.
- Тадевосян Э. В.* Советская национальная государственность. М., 1972.
- Таняев А.* Колчаковщина на Урале (1918–1919 гг.). Свердловск, 1930.
- Тимербаев Ф. Г.* О Башревкоме и некоторых особенностях становления Башкирской АССР // Научные труды Свердловского юридического института. Свердловск, 1975. Вып. 44.
- Тинеев Ш.* Великий Октябрь и башкирская контрреволюция. Уфа, 1927. На башк. яз.
- Тинеев Ш.* Основные этапы в истории национального движения и Советской Башкирии. Уфа, 1929.
- Тинеев Ш.* Очерки по истории Башкирии. Уфа, 1930.

- Тоган А. В.* История башкир. История тюрков и татар. Уфа, 1994. На башк. яз.
- Тоган А. В.* Сочинения. Произведения, написанные до 1917 г. Уфа, 1996. На башк. яз.
- Трукан Г. А.* Путь к тоталитаризму. 1917–1929 гг. М., 1994.
- Усманов Х. Ф.* Столыпинская аграрная реформа в Башкирии. Уфа, 1958.
- Усманов Х. Ф.* Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пре-реформенный период. М., 1981.
- Фаизов Г. Б.* Государственно-исламские отношения в Поволжье и Приуралье. Уфа, 1995.
- Февральская революция и проблемы истории Башкортостана. Тезисы докладов научно-практической конференции (26–27 февраля 1997 г.). Уфа, 1997.
- Хайрутдинов Р. Г.* На путях к советской автономии. Казань: КГУ, 1972.
- Хайрутдинов Р. Г.* Некоторые проблемы развития межнациональных отношений в Среднем Поволжье и Приуралье в период Октябрьской революции и упрочения Советской власти // Великий Октябрь и проблемы совершенствования межнациональных отношений. Уфа, 1990.
- Хакимов С. Х.* Численность, состав и положение рабочих Башкирии накануне первой русской революции // Башкирия в революции 1905–1907 гг. Уфа, 1987.
- Харисов А. И.* Литературное наследие башкирского народа. (XVIII–XIX века). Уфа, 1973.
- Хасанов Х. В.* От вымирающей нации к цветущей социалистической республике. 15 лет Советской Башкирии. Уфа, 1934.
- Хафизов Ш.* Образование Татарской АССР (1920–1926 гг.). Казань, 1960.
- Хоскинг Дж.* История Советского Союза (1917–1991 гг.). М., 1994.
- Хусаинова Г. Т.* Баракатулла и А.-З. Валиди // Ядкяр. Вестник гуманитарных наук. Уфа, 1995. № 1.
- Цамерян И. П.* Теоретические проблемы образования и развития Советского многонационального государства. М., 1973.
- Чемерис В. П.* Установление Советской власти в Башкирии // Октябрьская революция и рождение Советской Башкирии. Сб. статей. Уфа, 1959.
- Червоная С. М.* Ахметзаки Валиди и Джафер Сейдамет: две концепции национальной автономии // Востоковедение в Башкортостане. История. Культура. Уфа, 1992. Кн. 2.
- Чистяков О. И.* Национально-государственное строительство в РСФСР в годы гражданской войны (1918–1920 гг.). Изд. МГУ, 1964.

- Чугаев Д. А. Коммунистическая партия – организатор Советского многонационального государства. М., 1954.
- Шафир М. А. Административно-территориальное устройство Советского государства (Конституционные основы). М., 1983.
- Шафииков Г. И совесть, и жертвы эпохи. Их память народа хранит. Портреты. Уфа, 1991.
- Шафииков Г. Крючья под ребро. Эссе, мысли, стихи. Уфа, 1993.
- Шафииков Г. Дыхание жгучее истории. Уфа, 1998.
- Шерешевский Б. М. Разгром семеновщины (апрель–ноябрь 1920 гг.). Новосибирск, 1966.
- Энгельс Ф. Демократический панславизм // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 6.
- Энгельс Ф. О взаимоотношениях между ирландскими секциями и Британским Федеральным Советом (речь 14 мая 1972 г.) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18.
- Энгельс Ф. Энгельс – Карлу Каутскому. Лондон. 7 февраля 1882 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35.
- Юлдашбаев А. М. Социально-экономическое расслоение многонационального крестьянства Башкирии при капитализме // Вопросы истории. 1984. № 5.
- Юлдашбаев А. М. Профессор А. З. Валиди Тоган. Уфа, 1991 (научно-популярная брошюра).
- Юлдашбаев А. М. Ахметзаки Валиди Тоган // Судьба и наследие башкирских ученых-эмигрантов. Уфа, 1995.
- Юлдашбаев А. М. Экономическое положение многонационального крестьянства Башкортостана в начале XX века // Ватандаш. 1997. № 4, 5.
- Юлдашбаев Б. Х. Образование Башкирской АССР. Исторический очерк. Уфа, 1958.
- Юлдашбаев Б. Х. Проект Татаро-Башкирской республики и его отмена (1918–1920 гг.) // Октябрьская революция и рождение Советской Башкирии. Сб. статей. Уфа, 1959.
- Юлдашбаев Б. Х. Соглашение Центральной Советской власти с Башкирским правительством о советской автономии Башкирии // Октябрьская революция и рождение Советской Башкирии. Сб. статей. Уфа, 1959.
- Юлдашбаев Б. Х. Роль В. И. Ленина в создании башкирской советской автономии. Уфа, 1960. Научно-популярная брошюра.
- Юлдашбаев Б. Х. История формирования башкирской нации (дооктябрьский период). Уфа, 1972.
- Юлдашбаев Б. Х. Национальный вопрос в Башкирии накануне и в период Октябрьской революции. Уфа, 1984.

- Юлдашбаев Б. Х.* Национальный вопрос в Башкирии на первом этапе советского национально-государственного строительства // Исторические записки. М., 1987. Т. 115.
- Юлдашбаев Б. Х.* Новейшая история Башкортостана. Уфа, 1995.
- Юлдашбаев Б. Х.* Если по новому взглянуть на национализм, а национал-территориализм дополнить экстерриториализмом... // Ресурсы мобилизованной этничности. М., 1997. Уфа.
- Юмагулов Х.* Об одном неудачном опыте изучения национальной политики в Башкирии в 1918–1920 гг. // Пролетарская революция. 1928, № 3.
- Юнусова А. Б.* Ислам в Башкирии 1917–1994 гг. Уфа, 1994.
- Яльчин А.* Национальное пробуждение тюркских народов // Панорама-форум. Казань, 1997. № 1.
- Янгузин Р. З.* Хозяйство башкир дореволюционной России. Уфа, 1989.
- Янгузин Р. З.* Административное деление и численность населения Уфимской губернии в 1912–1913 гг. // Актуальные проблемы отечественной истории: прошлое и современность. Уфа, 1992.
- Янгузин Р. З.* Социальная структура башкирского народа в середине XIX – начале XX вв. // Актуальные проблемы истории и этнографии Башкортостана: прошлое и современность. Уфа, 1993.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. БАШКИРСКИЙ НАРОД НАКАНУНЕ ПЕРЕЛОМНОГО 1917 г.	
§ 1. Этнодемография башкирского народа в начале XX в.	58
§ 2. Социально-экономическое и общественно-политическое положение башкирского народа к 1917 г.	65
ГЛАВА II. ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ БАШКИРСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ	
§ 1. Мусульманское движение после Февраля и участие в нем башкирского народа	84
§ 2. Формирование башкирского национального движения. Первые башкирские съезды и их решения	95
ГЛАВА III. ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И БАШКИРСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ (ОКТЯБРЬ 1917 – ФЕВРАЛЬ 1919 г.)	
§ 1. Провозглашение 15 ноября (29 ноября по новому стилю) Башкирской автономии. Всебашкирский учредительный (III) съезд и его решения	115
§ 2. Конфликт Башкирского центрального шура и правительства с местными органами советской власти	139
§ 3. Первые попытки самоопределения башкирского народа на основе советской платформы	148
§ 4. Башкирское национальное движение в лагере белых	156
ГЛАВА IV. СОГЛАШЕНИЕ 20 МАРТА 1919 ГОДА О СОВЕТСКОЙ АВТОНОМИИ БАШКОРТОСТАНА И БОРЬБА ЗА ЕГО ПРЕТВОРЕНИЕ В ЖИЗНЬ	
§ 1. Переход башкирских войск и правительства на сторону советской власти и Красной Армии	202
§ 2. Подписание «Соглашения Центральной Советской власти с Башкирским правительством о Советской Автономной Башкирии» и трудности его реализации	213

**ГЛАВА V. НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО
И ПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В БАШКОРТОСТАНЕ
В 1920–1921 гг.**

§ 1. Январский (1920 г.) конфликт и его последствия	249
§ 2. Майский (1920 г.) декрет о государственном устройстве Башкир- ской АССР и ликвидация Башревкома	269
§ 3. I Всебашкирский съезд Советов и его решения	290
§ 4. Повстанческое движение в Башкортостане в 1920–1921 гг.	302
§ 5. Белое башкирское движение в Сибири и на Дальнем востоке	322
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	339
Библиография	345

Общественно-политическое издание

Кульшарипов Марат Махмутович

**БАШКИРСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ
(1917–1921 гг.)**

Зав. редакцией *З. К. Ханова*

Редакторы *Л. О. Хаирова, Л. А. Виленчик*

Художественное оформление *И. С. Файрушин*

Художественный редактор *А. Р. Мухтаруллин*

Технический редактор *В. Р. Абдрахманова*

Корректоры *О. И. Каюмова, Л. И. Семенова*

Компьютерная обработка *Ю. М. Абсалямов*

Изд. лиц. 0168 от 10.04.96. Подписано к печати 05.08.2000.
Формат бумаги 84х108/32. Бумага офсет.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл.-печ. л 19,32. Усл.кр.-отт. 19,74. Учетно-изд.л. 23,63.
Тираж 2000. экз. Заказ 335.

Башкирское издательство «КИТАП». 450001, г. Уфа, ул. Левченко, 4а.
Отпечатано с предоставленных диапозитивов
на Уфимском полиграфкомбинате. 450001, Уфа, проспект Октября, 2.

Кульшарипов Марат Махмутович родился 7 января 1941 г. в деревне Зерикла Кугарчинского района РБ. Доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Башкирского государственного университета. М. М. Кульшарипов занимается исследованием различных проблем истории Башкортостана и им опубликованы: «А. З. Валидов и образование Башкирской автономной советской республики». Уфа, 1992; «У истоков суверенной республики». Уфа, 1997; «История Башкирского государственного университета». Уфа, 1997; «История Башкортостана (1917 – 1990-е гг.)». Вузовский учебник (в соавторстве). Он же является автором более ста работ по актуальным вопросам истории Башкортостана. Им разработаны и изданы учебные пособия и программы для общеобразовательных школ республики.